
Министерство образования и науки
Российской Федерации
Омский государственный педагогический
университет

**Вестник
Омского государственного
педагогического
университета**

ГУМАНИТАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

**Научный журнал
2013 • № 1**

Омск
Издательство ОмГПУ
2013

Ministry of Education and Science
of the Russian Federation
Omsk State Pedagogical University

**Newsletter
of Omsk State
Pedagogical
University**

HUMANITARIAN RESEARCH

**Scientific journal
2013 • № 1**

Omsk
Publishing house OmSPU
2013

ISSN 2309-9380

**ВЕСТНИК
ОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ПЕДАГОГИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
ГУМАНИТАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ**

**Научный журнал
2013. № 1**

Редакционный совет

Волох О. В., доктор политических наук, профессор
(председатель редакционного совета)
Федяев Д. М., доктор философских наук, профессор
Чекалёва Н. В., доктор педагогических наук, профессор
Шаров А. С., доктор психологических наук, профессор

Редколлегия журнала

Федяев Д. М., доктор философских наук, профессор
(главный редактор)
Горнова Г. В., доктор философских наук, доцент
(заместитель главного редактора)
Федяева Н. Д., доктор филологических наук, доцент
(заместитель главного редактора)

Антилогова Л. Н., доктор психологических наук, профессор
Буренкова С. В., доктор филологических наук, доцент
Коптева Э. И., кандидат филологических наук, доцент
Красноярова Н. В., кандидат философских наук, доцент
Кротт И. И., кандидат исторических наук, доцент
Пекарская И. В., доктор филологических наук, профессор
Пивоваров Д. В., доктор философских наук, профессор
Рагулина М. И., доктор педагогических наук, профессор
Родигина Н. Н., доктор исторических наук, профессор
Филатова А. Ф., доктор психологических наук, доцент
Чернявская Е. А., кандидат психологических наук
Чуркин М. К., доктор исторических наук, профессор
Чуркина Н. И., доктор педагогических наук, доцент
Шипилина Л. А., доктор педагогических наук, профессор
Штерн М. С., доктор филологических наук, профессор

Адрес редакции:

644099, Омск-99, Набережная Тухачевского, 14, ОмГПУ
ФГБОУ ВПО «ОмГПУ»: 644099, Омск-99, Набережная
Тухачевского, 14
Омск, Издательство ОмГПУ, 2013

© Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Омский государственный педагогический университет», 2013

СОДЕРЖАНИЕ

Волох О. В.

Научный журнал Омского государственного педагогического университета – новые горизонты в науке и образовании 6

ФИЛОСОФИЯ

Бельгибаева А. М.

От мифа алхимии к ньютоновской науке 8

Берсенева Т. П.

Антиномичность русской культуры как проявление синергического взаимодействия 11

Варова Н. Л.

Образы мысли и мышления в философствовании М. Хайдеггера 15

Гидлевский А. В., Здриковская Т. А., Зотов Р. А.

Необходимость альтруизма 18

Горнова Г. В.

Понятие «город» в аспекте философии культуры 21

Денисов С. Ф., Денисова Л. В.

Типы отношения ученых к околонаучному знанию 25

Жилина У. В.

Смирение и протест в христианстве 28

Зенец Н. Г.

Субъект философствования: проблема самоопределения в условиях современности 30

Красноярова Н. Г.

Философия культуры как методология: историко-философский потенциал 32

Максименко Л. А.

Архетипы в науке: космологемы досократиков... 36

Мироненко Т. В.

Апология другого 40

Нефёдова Л. К., Новикова Е. Б.

Детскость и импровизационность как качества субъекта культуры..... 42

Николина О. И.

«Эротизм» как превращенная форма антропного феномена любви (в философии Ж. Батай) 45

Федяев Д. М., Навойчик Е. Ю.

Дух и духовность в контексте времени 49

ФИЛОЛОГИЯ

Алексеева А. В.

Реализация жанрового канона
официально-деловой речи (на примере
обращений граждан в официальные
инстанции) 56

Баранцева Т. В.

Тематическая группа «пчеловодство»
в древнерусском языке. Специфика системных
отношений 60

Борейко Т. С., Шпак Е. А.

Неофициальная топонимика
современного города (на примере Омска) 62

Ваганова К. Р.

Текстовые категории делового эпистолярного
письма в розыскных письмах-предписаниях 1820-х гг. 64

Глотова Е. А., Примак Е. А.

Представления о смерти
в русской фразеологии и паремииологии 68

Гордеева З. А.

Методика исследования зоонимов
при моделировании русской языковой картины
мира (на примере зоонима кошка) 71

Елисеєва Е. П., Прихна Л. С.

К вопросу о функциональной дифференциации
лексики медицинского подязыка 73

Есауленко Л. А.

Утопическое и антиутопическое в романе
Мишеля Уэльбека «Элементарные частицы» 75

Ефанова Л. Г.

Норма количества статического или
динамического признака лица как фрагмент
функционально-семантического поля нормы 79

Крылов Ю. В.

Англицизмы в рекламной номинации 83

Малышкин К. Ю.

К вопросу о взаимосвязи
вежливости и категоричности 85

Никонова М. Н.

Детерминация техницизма
в современном русском языке 87

Палий А. А.

Рассказ «Аванпост прогресса» как программное
произведение Джозефа Конрада 90

Салимьянова И. В.

Междисциплинарный аспект исследования
образа пожилого человека в русской языковой
картине мира 92

Устинова Т. В.

Предпосылки лингвистического исследования
американской «Языковой поэзии» в аспекте
проблемы лингвокреативности 95

Штехман Е. А.

Проявление особенностей языкового
сознания в диалектном тексте 99

ИСТОРИЯ

Маковский Ю. В.

Символика нацистского движения
в Германии в 1920–1940-е гг. 104

Михеев А. П.

Пенитенциарная преступность в Тобольской
каторге в начале XX века: проблемы тюремного
надзора 106

Чуркин М. К.

Иван Грозный в научном творчестве
Сигурда Шмидта: случай одного прорыва
в историографии 109

СОЦИОЛОГИЯ

Валевич Е. С.

Аномия как форма противопоставления
массы и элиты 112

Кениспаев Ж. К.

Гражданское общество как мем современной
культуры 114

КОНФЛИКТОЛОГИЯ

Гребенникова О. М.

Конфликт индивидуального и социального
в структуре личности 118

Нефёдова Л. К.

Дискурсивно-нарративная процедура
фиксации культурного конфликта в драме
эпохи Возрождения 120

Овчинникова Т. М.

Ситуационные основания рефлексивной
модели конфликта 124

РЕЦЕНЗИИ

Никитина Л. Б.

«Народные мемуары»: продолжение
следует 128

СТРАНИЦЫ ПАМЯТИ

Памяти Д. Я. Воробьевой 130

Памяти С. И. Орехова 136

Сведения об авторах 140

ISSN 2309-9380

**NEWSLETTER OF OMSK STATE
PEDAGOGICAL UNIVERSITY
HUMANITARIAN RESEARCH**

**Scientific journal
2013. № 1**

Editorial Board

Volokh O. V., Doctor of Political Sciences, Professor
(Editorial Board Chairman)
Fedyayev D. M., Doctor of Philosophical Sciences, Professor
Chekaleva N. V., Doctor of Pedagogical Sciences, Professor
Sharov A. S., Doctor of Psychological Sciences, Professor

Editorial Staff

Fedyayev D. M., Doctor of Philosophical Sciences, Professor
(Editor-in-chief)
Gornova G. V., Doctor of Philosophical Sciences, Associate
Professor (Deputy Chief Editor)
Fedyayeva N. D., Doctor of Philological Sciences
(Deputy Chief Editor)

Antilogova L. N., Doctor of Psychological Sciences, Professor
Burenkova S. V., Doctor of Philological Sciences, Associate
Professor
Kopteva E. I., PhD in Philology, Associate Professor
Krasnoyarskaya N. V., PhD in Philosophy, Associate Professor
Krott I. I., PhD in History, Associate Professor
Pekarskaya I. V., Doctor of Philological Sciences, Professor
Pivovarov D. V., Doctor of Philosophical Sciences, Professor
Ragulina M. I., Doctor of Pedagogical Sciences, Professor
Rodigina N. N., Doctor of Historical Sciences, Professor
Filatova A. F., Doctor of Psychological Sciences, Associate
Professor
Chernyavskaya E. A., PhD in Psychology
Churkin M. K., Doctor of Historical Sciences, Professor
Churkina N. I., Doctor of Pedagogical Sciences, Associate
Professor
Shipilina L. A., Doctor of Pedagogical Sciences, Professor
Shtern M. S., Doctor of Philological Sciences, Professor

Editorial office address:

OSPU, 14, Naberezhnaya Tukhachevskogo,
644099, Omsk-99
FSBEI HPE «OSPU»:
14, Naberezhnaya Tukhachevskogo,
644099, Omsk-99
OSPU Press Omsk, 2013

© Federal State Budget Educational Institution of Higher Professional
Education «Omsk State Pedagogical University», 2013

CONTENTS

Welcome speech of Volokh O. V, Editorial Board
Chairman, Rector of FSBEI HPE «OSPU». "Omsk
State Pedagogical University Scientific Journal –
New Perspectives In Science And Education" 6

PHILOSOPHY

Belgibaeva A. M.
From the Myth of Alchemy to the Newtonian
Science 8

Berseneva T. P.
Antinomial Character of the Russian Culture as a
Manifestation of Synergetic Interaction..... 11

Varova N. L.
Modes of Thought and Thinking in Philosophizing
of M. Heidegger 15

Gidlevsky A. V., Zdrikovskaya T. A., Zotov R. A.
The Necessity Of Altruism..... 18

Gornova G. V.
The Concept "City" in the Aspect of the Culture
Philosophy 21

Denisov S. F., Denisova L. V.
Types of Attitude of the Scientists to the Would-be
Scientific Knowledge..... 25

Zhilina U. V.
Humility and Protest in Christianity 28

Zenec N. G.
The Subject of Philosophizing: Self-determination
in Modern Conditions 30

Krasnoyarskaya N. G.
Culture Philosophy of as Methodology: Historical-
Philosophical Potential 32

Maksimenko L. A.
Archetypes in Science: Cosmologemes
of Presocratics 36

Mironenko T. V.
Apologia of Another 40

Nefiodova L. K., Novikova E. B.
Childishness and Improvisation as the Characteristics
of the Subject of Culture 42

Nikolina O. I.
«Eroticism» as a Transformed Form of the
Anthropic Phenomenon of Love (in the Philosophy
of G. Bataille) 45

Fedyayev D. M., Navoychik E. Y.
Spirit and Spirituality in the Context of Time..... 49

PHILOLOGY

Alekseeva A. V.

The Genre Canon in Formal Business Speech
(the Case of Citizens' Appeals to Competent
Authorities) 56

Barantseva T. V.

Thematic Group "Beekeeping" in the Old Russian
Language. Specificity of the Systemic Relations.....60

Boreiko T. S., Shpak E. A.

Informal Toponymy of the Modern City
(on the Example of Omsk).....62

Vaganova K. R.

The Text Categories of Business Epistolary
in the Letters-Prescription of 1820s. 64

Glotova E. A., Primak E. A.

Concept of Death in Russian Phraseology
and Paramiology 68

Gordeeva Z. A.

Methodology of Studying the Words Which Name
Animals In Modelling Russian Language Picture of the
World (by Way of Example of the Word 'Cat') 71

Eliseeva E. P., Prikhna L. S.

Revisiting Functional Differentiation of Medical
Sublanguage Lexis.....73

Esaulenko L. A.

Utopian and Dystopian Elements in the
Novel "The Elementary Particles" by Michel
Houellebecq 75

Efanova L. G.

The Norm of Quantity of Static or Dynamic
Characteristic of the Person as a Fragment
of Functional-Semantic Norm Field 79

Krylov Y. V.

Anglicisms in the Advertising Category 83

Malyshkin K. U.

On Relation of Politeness and Categoricalness 85

Nikonova M. N.

Determinologization of Technical Words
in the Modern Russian Language.....87

Paley A. A.

"An Outpost of Progress" as a Manifestation
of Joseph Conrad's Outlook 90

Salimyanova I. V.

Interdisciplinary Aspect of Elderly Man
Image Study in Russian Language Picture
of the World.....92

Ustinova T. V.

The Linguistic Study of American 'Language
Poetry' in the Aspect of the Linguistic Creativity
Problem 95

Shtekhman E. A.

Manifestation of the Peculiarities of the
Language Consciousness in Dialect Text 99

HISTORY

Makovski Y. V.

Symbolism of the Nazi Movement
in Germany in the 1920s–1940s 104

Micheev A. P.

Penitentiary Crime in Tobolsk Penal Colony
at the Beginning of the 20th Century: Problems
of Prison Supervision 106

Churkin M. K.

Ivan the Terrible in the Scientific Work
of Sigurd Schmidt: the Case of a Single
Breakthrough in Historiography.....109

SOCIOLOGY

Valevich E. S.

Anomie as a Form of Opposition of the
Masses and the Elite 112

Kenispaev G. K.

Civil Society as a Meme of Modern Culture 114

CONFLICTOLOGY

Grebennikova O. M.

The Conflict of Individual and Social in the
Personality Structure 118

Nefiodova L. K.

The Narrative-Discursive Form of the Cultural
Conflict Fixing in Renaissance Drama.....120

Ovchinnikova T. M.

Situational Basis of Reflexive Model of Conflict 124

REVIEWS

Nikitina L. B.

"National Memoirs": To Be Continued.....128

MEMORY PAGES

In memory of D. Y. Vorobyeva 130

In memory of S. I. Orekhov.....136

Information About the Authors 140

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ ОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА – НОВЫЕ ГОРИЗОНТЫ В НАУКЕ И ОБРАЗОВАНИИ

Уважаемые коллеги, вы держите в руках первый номер журнала «Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования», который мы основали в середине 2013 года. Наш научный журнал – результат более чем полугодовой работы творческого научного коллектива ведущих ученых, преподавателей одного из крупнейших государственных вузов Западной Сибири, а также их коллег из вузов России и стран ближнего зарубежья. «Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования» – это не только место публикации результатов научных исследований, это и площадка для научной дискуссии.

Редакционной коллегией определены следующие разделы журнала, соответствующие основным направлениям гуманитарных исследований.

Показателем научного уровня журнала является присвоение ему международного сериального номера – ISSN. В планах редакции – включение журнала в ресурсы ведущих информационно-поисковых систем, научных электронных библиотек, а также в систему научного цитирования.

Научная работа профессорско-преподавательского состава, сотрудников и студентов Омского государственного педагогического университета составляет неотъемлемую часть подготовки педагогических кадров на уровне высшего профессионального и послевузовского профессионального образования. Практически с начала создания университета его преподаватели выполняли научные работы, результаты которых докладывались на международных, всероссийских и межвузовских научных конференциях, симпозиумах и семинарах.

Ежегодно десятки студентов ОмГПУ и других учебных заведений высшего и среднего профессионального образования становятся участниками форума студенческой науки – Межвузовских студенческих чтений, которые ежегодно проводятся в университете. Конференции Омского государственного педагогического университета традиционно имеют международный статус, так как их активными участниками являются преподаватели и студенты вузов США, Германии, Казахстана, Azerbaijan, Киргизии, Белоруссии и других стран ближнего зарубежья. Участие в научной конференции – это и сообщение о собственных научных разработках и первый шаг в науке, который позже становится ступенью в сферу послевузовского образования.

Особенность научных конференций ОмГПУ – их многогранность. Так, педагогическая тематика секций отражает такие ветви педагогической науки, как общая педагогика, история педагогики и образования, теория и методика обучения и воспитания, коррекционная педагогика, теория и методика профессионального образования. Активно обсуждается современная проблематика: качество образования, внедрение системы менеджмента качества, инноватика в экономике и образовании.

ОмГПУ – активный организатор научных мероприятий и издатель научных трудов, ежегодно в университете выпускается ряд монографий, сборников научных статей, отражающих последние научные разработки ученых нашего университета и других вузов.

Журнал будет издаваться в целях улучшения научной и инновационной деятельности вуза и должен служить целям информирования о научных и инновационных достижениях в области фундаментальных и прикладных исследований вузов нашего региона.

*О. В. Волох,
председатель редакционного совета,
ректора ФГБОУ ВПО «ОмГПУ», профессор*

ФИЛОСОФИЯ

Бельгибаева А. М.

От мифа алхимии к ньютоновской науке

Берсенева Т. П.

Антиномичность русской культуры как проявление синергийного взаимодействия

Варова Н. Л.

Образы мысли и мышления в философствовании М. Хайдеггера

Гидлевский А. В., Здриковская Т. А., Зотов Р. А.

Необходимость альтруизма

Горнова Г. В.

Понятие «город» в аспекте философии культуры

Денисов С. Ф., Денисова Л. В.

Типы отношения ученых к околонучному знанию

Жилина У. В.

Смирение и протест в христианстве

Зенец Н. Г.

Субъект философствования: проблема самоопределения в условиях современности

Красноярова Н. Г.

Философия культуры как методология: историко-философский потенциал

Максименко Л. А.

Архетипы в науке: космологемы досократиков

Мироненко Т. В.

Апология другого

Нефёдова Л. К., Новикова Е. Б.

Детскость и импровизационность как качества субъекта культуры

Николина О. И.

«Эротизм» как превращенная форма антропного феномена любви (в философии Ж. Батая)

Федяев Д. М., Навойчик Е. Ю.

Дух и духовность в контексте времени

ОТ МИФА АЛХИМИИ К НЬЮТОНОВСКОЙ НАУКЕ

Статья посвящена истории развития феномена алхимии, трансформации алхимических знаний в научные открытия И. Ньютона. В тексте дается характеристика основных типов алхимии, приводятся доказательства причастности И. Ньютона к оккультной науке. Целью исследования является рассмотрение влияния философской концепции алхимии на развитие оснований и принципов ньютоновской науки.

Ключевые слова: алхимия, трансмутация, И. Ньютон, ньютоновская наука.

Традиционно алхимия считается оккультной наукой, полной мистики и тайн, не слишком почитаемой ни религией, ни наукой. Алхимики искали одного и того же: счастья, вечной молодости или сказочного богатства. Так, например, в период алхимии осуществлялся поиск эликсира долголетия, универсального растворителя, философского камня, необходимого для осуществления трансмутации металлов в золото и серебро.

Период алхимии длился более тысячи лет, за это время было накоплено богатое наследие алхимических трактатов и рукописей. Дошедшие до наших дней источники представляют интерес не только для историков, ведь алхимия играет весьма значительную роль в процессе становления рационального познания, современных наук, формирования научного знания. Анализ феномена алхимии позволяет проиллюстрировать эволюцию человеческого мышления в период перелома, коренных изменений в философии, естествознании, культуре. Кроме того, это период становления науки Нового времени, период «научной революции» [10].

Наивысшего развития алхимия достигла в трех основных своих типах: в греко-египетском, арабском и западноевропейском. Выделение этих типов в структуре алхимических исследований обусловлено прежде всего особым пониманием целей и предмета в каждом из них [5, с. 31–45].

Родиной алхимии был Египет. В Египет, в частности в Александрийскую школу, греки передали свою натурфилософию, прежде всего учение Платона и Аристотеля. В самой колыбели алхимии имелась высокоразвитая ремесленная химия, сосредоточенная вокруг храмов. Все рецепты и технологические процессы тщательно записывались, сохранялись и оберегались от непосвященных, они тесно связывались с астрологией и магическими обрядами. Именно в Александрийской академии произошло соединение теории (античной натурфилософии) и практических знаний о веществах, их свойствах и превращениях; это соединение породило новую науку – *khemeia* [8, с. 20–23].

Основными объектами изучения александрийской алхимии являлись металлы. Именно в них сформировалась традиционная металлопланетная символика алхимии, в которой каждому из семи известных тогда металлов соответ-

FROM THE MYTH OF ALCHEMY TO THE NEWTON SCIENCE

The article is devoted to the development history of the phenomenon of alchemy and to the transformation of the alchemical knowledge into the scientific discoveries of Isaac Newton. The text characterizes the main types of alchemy, provides evidence that links I. Newton to the occult science. The objective of the research is to consider the influence of the philosophical concept of alchemy on the development of the bases and principles of the Newtonian science.

Key words: alchemy, transmutation, Newton, Newtonian science.

ствовала определенная планета и день недели. Египетскими алхимиками было открыто явление амальгирования металлов, усовершенствован способ извлечения металлов из руд [5, с. 33–37; 8, с. 22].

Необходимо также отметить, что в системе знания александрийской эпохи алхимия в качестве особой деятельности обособляется как герметическое искусство – от имени Гермеса Трисмегиста [10].

Целью арабской алхимии была великая трансформация, великое открытие, великое превращение, но, несмотря на поставленные грандиозные задачи, труды арабских алхимиков носили практический характер, обогащали экспериментальное знание о простых веществах, их трансформациях и смесях. Именно во время арабского этапа были созданы основные теории алхимии, разработан понятийный аппарат, лабораторная техника и методика эксперимента. Арабские алхимики добились несомненных практических успехов: ими выделены сурьма, мышьяк, фосфор, получены уксусная кислота и растворы сильных минеральных кислот. Арабская алхимия, в отличие от александрийской, была вполне рациональна; мистические элементы в ней представляли собой скорее дань традиции. Важнейшей заслугой арабских алхимиков стало создание рациональной фармации, развившей традиции античной медицины. После XII в. по ряду причин (как внутренних, так и внешних) арабская алхимия начала приходить в упадок. Центр научной мысли переместился в Европу [8, с. 23–27; 9].

В Западной Европе возрождение алхимии началось в XI в., в эпоху Крестовых походов. Следует отметить, что между арабской и европейской алхимией имели место весьма существенные отличия. Европейская алхимия развивалась в обществе, где христианская (католическая) церковь активно вмешивалась во все светские дела; изложение идей, противоречащих христианским догматам, было делом весьма небезопасным. Алхимия в Европе с момента своего зарождения находилась в полуподпольном положении. Мистические течения в европейской алхимии занимали значительное место, особенно мистическая связь алхимии с астрологией. Зачастую даже факты не признавались, если они противоречили идеям мистической природы. Ал-

химики-мистики сформулировали дополнительные задачи своей науки. Общее число задач было равно семи:

1. Приготовление Эликсира или Философского Камня (Lapis Philosophorum).
2. Создание гомункула.
3. Приготовление алкагеста – универсального растворителя.
4. Палигенез или восстановление растений из пепла.
5. Приготовление мирового духа (spiritus mundi) – магической субстанции, одно из свойств которой – способность растворять золото.
6. Извлечение квинтэссенции.
7. Приготовление жидкого золота (aurum potabile), совершенного средства для излечения [8, с. 27–31].

Главным результатом алхимического периода, помимо накопления значительного запаса знаний о веществе, стало становление эмпирического (опытного) подхода к изучению свойств вещества. По мнению М. Джуа, в этот период происходит зарождение экспериментальной химии, фундамент которой был заложен алхимиками в поисках философского камня [5, с. 31].

Одним из сторонников «алхимической философии» был великий английский физик и математик, создавший теоретические основы механики и астрономии, открывший закон всемирного тяготения, автор важнейших экспериментальных работ по оптике Исаак Ньютон. Известен тот факт, что ученый жил почти тайной жизнью, о которой мало что известно. И. Ньютон занимался алхимией и посвятил этому занятию 30 лет жизни, хотя и не оставил после себя химических трудов [3, с. 143–148].

Единственным видимым результатом этого многолетнего увлечения стало серьёзное отравление Ньютона в 1691 году. При эксгумации тела Ньютона в его организме было обнаружено опасное для здоровья содержание ртути. О причастности ученого к оккультной науке свидетельствует его частная библиотека с каталогом, насчитывающим 1896 томов, среди которых около сотни книг по химии и алхимии. До наших дней сохранены некоторые черновые рукописи Ньютона. Основная часть рукописей представляет собой алхимические заметки [3, с. 143–146].

Точная дата начала проявления у Ньютона интереса к алхимии неизвестна. Но советский физик, интересовавшийся научной деятельностью И. Ньютона, С. И. Вавилов пишет: «Склонность к занятиям химией и алхимией, которым Ньютон посвящал впоследствии очень много времени, могла зародиться в обстановке жизни у аптекаря Клэрка в Грэнтэме. От аптеки XVII в. до алхимической лаборатории расстояние было небольшое» [3, с. 143].

Рассматривая сохранившиеся рукописи Ньютона, можно утверждать, что вторая половина 60-х гг. XVII в. стала тем временем, когда он приступил к изучению трудов алхимиков древности. У Ньютона есть рукопись, которую исследователи относят к 1667 г., в ней он делится своими взглядами на материю и химические превращения, составляет химический словарь, включающий порядка 7000 слов. Она еще не содержит в себе никаких алхимических данных. Однако вторая рукопись, датированная 1669 г., содержит первые попытки Ньютона упорядочить разрозненные и отрывочные сведения, взятые из алхимических работ. В письмах Локку, а также в «Оптике» и в мемуаре «О природе кислот» ученый уже использует химическую терминологию. Но данные факты до сих пор не позволяют в полной мере судить о Ньютоне как об алхимике, создается лишь впечатление о сугубо эмпирической работе. С. И. Вавилов предполагает, если признать, что основная идея алхимии – мысль о многообразии превращений вещества, о возможности трансмутаций металлов и элементов вообще, то можно смело говорить о Ньютоне-алхимике, так как с этой идеей у него мы встречаемся всюду, в частности, и трансмутация металлов не казалась для него принципиально исключенной. Но нельзя говорить о Ньютоне как о человеке, применяющем магические заклинания к химическим операциям, опирающемся только на традицию старых книг, рукописей и легенд и лишенного критической мысли и чутья естествоиспытателя [3, с. 145].

Всё же научная революция породила современных ученых-экспериментаторов, сила которых – в эксперименте, становящемся все более строгим благодаря новым измерительным приборам, все более и более точным [2, с. 152].

В записях Ньютона описаны такие опыты, как извлечения металлической ртути из различных соединений, рецепты сурьмяных сплавов, сведения о низкотемпературных сплавах. Записаны опыты с действием сулемы на сурьму и серебро, отмечается выделение тепла при смешении купоросного масла с водой или спиртом, приводится рецепт легкоплавкого металла, который должен плавиться на солнце. Много записей содержат сведения об экспериментах с сурьмяными сплавами.

Ньютон верил в трансмутацию, т. е. в возможность превращения одного металла в другой. В связи с этим примечательны его «размышления» о золоте и ртути.

Золото состоит из взаимно притягивающихся частиц, сумму их назовем первым соединением, а сумму этих сумм вторым и т. д. Ртуть и царская водка могут проходить через поры между частицами последнего соединения, но не через иные. Если бы растворитель мог проходить через другие соединения, иначе, если бы можно было разделить частицы золота первого и второго соединений, то золото сделалось бы жидким и текучим. Если бы золото могло бродить, то оно могло бы быть превращено в какое-нибудь другое тело (цит. по: [3, с. 150]).

Мысль Ньютона на современный язык можно перевести так: для разрушения атомов золота надо найти способ разделения наиболее тесно сближенных частиц, из которых атом составлен. Эта мысль вполне правильна. Современный физик знает, что для разрушения атома золота надо разрушить его ядро, т. е. то, что Ньютон называет «первым соединением» [3, с. 151].

В течение трёх десятилетий ученый занимался алхимическими исследованиями и изучал алхимические труды Средневековья и древности, но сам он ни одной печатной строкой не обмолвился о своих алхимических занятиях; все сведения почерпнуты из рукописей и писем.

Влияние философской концепции алхимии не могло не повлиять на развитие ньютоновской науки. Почти во всех исследованиях, посвященных философии науки, утверж-

дается, что европейская научная рациональность появилась на свет в трудах Галилея и нашла свое развитие в так называемой ньютоно-картезианской парадигме. До недавнего времени считалось, что именно в трудах Галилея, Декарта, Ньютона, Лейбница была предложена рациональная концепция мира, абсолютно противоположная предшествующему средневековому христианско-теологическому мышлению. В эту эпоху был создан новый образ Вселенной, в которой частицы движутся в соответствии с вечными и неизменными законами, а события и процессы в материальном мире являют собой цепь взаимосвязанных причин и следствий. В таком мире уже нет места Богу, который однажды запустил механизм, и теперь тот не нуждается в его вмешательстве. Эти идеи прослеживались и в философии Декарта, но для Ньютона такой подход казался абсолютно неприемлемым [7, с. 19–24, 182–185]. В своем диссертационном исследовании С. И. Жаринов предполагает, что основной причиной отказа Ньютона от такой модели явилось не столько теологические идеи ученого, сколько волновавшая его проблема возникновения жизни. Несомненно, Ньютон был человеком выдающимся и не мог ограничиться лишь теми проблемами, которые в рамках современной науки традиционно подчеркивают его роль как творца классической механики и оптики; для него необходимо было найти такой язык или метод, который охватил бы всю совокупность явлений существующего мира. Ньютон, в отличие от Декарта, предположил, что пассивные материальные частицы не способны так себя организовать, чтобы создать некие жизненные формы. Этими частицами, по Ньютону, управлял некий божественный промысел, некий скрытый дух, присутствующий во всех элементах. Этот дух Ньютон еще называл «витальным посредником» (Vital agent), или «вегетативным духом». Это был тайный дух жизни, суть которого и собирался познать Ньютон через алхимию [6, с. 232].

Эти знания повлияли на научные воззрения ученого.

Рассмотрим гравитацию, природе которой Ньютон так и не смог дать удовлетворившего его объяснения. Как пишет С. Грофф, «в ньютоновской системе тяготение – довольно таинственная сущность. Оно представляется неотъемлемым атрибутом тех самых тел, на которые действует: это действие осуществляется мгновенно, независимо от расстояния» [6, с. 233]. Гегель, комментируя учение Ньютона о природе гравитации, отмечает: «Если на вопрос, почему такой-то человек идет в город, указывается как на основание, что город имеет притягательную силу, влекущую его туда, то такого рода ответ, санкционированный в науках, считается вздорным. – Лейбниц упрекал ньютонову силу притяжения в том, что она такое же скрытое качество, каким пользовались для объяснения схоластики» [4, с. 58].

Некоторые из современных историков науки пошли еще дальше: они утверждают, что закон всемирного тяготения – это в большей мере достижение химика или даже алхимика. По этому поводу С. Е. Жаринов приводит высказывание И. Пригожина и И. Стенгерса: «Ньютоновское всемирное тяготение «анимировало» материю, становилось своего рода активным началом, и, в более строгом смысле, пре-

вращало всю деятельность природы в наследницу тех самых сил, которые алхимик Ньютон наблюдал и использовал в своей лаборатории, – сил “трансмутации”, “сродства”, способствующих или препятствующих образованию каждой новой комбинации материи» [6, 233–234].

Еще одно из доказательств влияния алхимии на ньютоновскую науку это присущий концепции Ньютона витализм. На основе принципа витализма и осуществляется непрерывная трансмутация всех элементов материального мира. Но витализм, трансмутация, медиатор – все эти термины пришли к нам из алхимии. Однако не только алхимическая традиция прослеживается в общей научной концепции мира Исаака Ньютона. Ньютон стремился к философскому и теологическому осмыслению оснований и принципов механики. Как справедливо отмечает А. Койре, именно понятия абсолютных времени и пространства у Ньютона имеют философско-теологическую подоплеку [7, с. 19–21].

Ньютоновский подход к объяснению природы явлений прослеживается в работах ученых последующих поколений. Так, например, Ампер критично комментирует объяснение электромагнитных явлений Эрстедом, для которого характерен декартовский идеал научности. Ампер считает излишним привлечение натурфилософских представлений при объяснении опытных данных. По его мнению, необходимо говорить о стиле и методе исследования, а не о каком-либо конкретном явлении. Согласно Амперу, необходимо «начать с наблюдения фактов, изменять по возможности сопутствующие им условия, сопровождая эту первоначальную работу точными измерениями, чтобы вывести общие законы, основанные всецело на опыте, и, в свою очередь, вывести их этих законов, независимо от каких-либо предположений о природе сил, вызывающих эти явления, математическое выражение этих сил, т. е. вывести представляющую их формулу, – вот путь, которым следовал Ньютон» [1, с. 10].

Личности, подобные Ньютону, всегда стремились к обобщению, к целостному видению мира, и в этом стремлении Ньютона алхимия и теология стали той опорой, которая позволяла расширить круг научных интересов и придавала смелость в постановке научных проблем.

Развитие алхимии прослеживается в различных странах, так, например, в Египте, в странах, завоеванных арабами, в Испании, Италии, Франции, Германии, Англии алхимия оказала непосредственное влияние на формирование науки. Алхимики в поисках философского камня, эликсира долголетия, универсального растворителя стремились к достижению богатства и счастья. В процессе проводимых исследований они решали многие практические задачи, тем самым развивая естественные науки и закладывая фундамент для создания химии. Период алхимии, длившийся с III по XVI в., не мог не оказать влияние на научную деятельность Ньютона и его последователей. Это касается не только целенаправленного экспериментального метода естественно-научных исследований, предложенного Ньютоном и используемого до настоящего времени, но и ряда теоретических положений ньютоновской науки. В целом алхимический период явился совершенно необходимым переходным этапом между натурфилософией и экспериментальным естествознанием.

1. Ампер А.-М. Электродинамика. СПб.: Изд-во Академии наук СССР, 1954. 492 с.
2. Антисери Д., Реале Дж. Западная философия от истоков до наших дней. От Возрождения до Канта / в пер. и под ред. С. А. Мальцевой. СПб.: Пневма, 2002. 880 с.
3. Вавилов С.И. Исаак Ньютон. М.: Наука, 1989. 272 с.
4. Гегель Г.В.Ф. Наука логики: в 3 т. М.: Мысль, 1971. Т. 2. 248 с.
5. Джуа М. История химии. М.: Мир, 1975. 477 с.
6. Жаринов С.Е. Влияние герметической традиции на научные взгляды И. Ньютона // Знание. Понимание. Умение. 2009. № 2. С. 231–234.

7. Койре А. Очерки истории философской мысли. Влияние философских концепций на развитие научных теорий / пер. с фр. Я.А. Ляткера. М.: Прогресс, 1985. 281 с.
8. Левченков С.И. Краткий очерк истории химии. Ростов н/Д.: Изд-во Рост. ун-та, 2006. 112 с.
9. Родиченков Ю.Ф. Эпистемологический анализ феномена поздней алхимии: автореф. ... дис. канд. филос. наук. М., 2009. 14 с.
10. Гусман Д. С. Алхимия // Электронный журнал «Человек без границ». URL: http://www.manwb.ru/articles/science/old_science/alhimia (дата обращения: декабрь 2012).

© Бельгибаева А. М., 2013

УДК 130.02
U.D.C. 130.02

Т. П. Берсенева
T. P. Berseneva

АНТИНОМИЧНОСТЬ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ КАК ПРОЯВЛЕНИЕ СИНЕРГИЙНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Статья посвящена рассмотрению одной из проблем русской культуры, а именно ее противоречивости и антиномичности. Признавая, что на сегодняшний день существует множество теорий, по-разному раскрывающих характеристики и закономерности развития русской культуры, автор предлагает исследовать бинарную структуру русской культуры путем введения концепта синергии, одним из главных признаков которой является наличие согласованного взаимодействия противоположностей. Задачей статьи было обнаружение признаков синергийного взаимодействия в русской культуре. В статье проводится мысль, что практически все антиномии русской культуры являются следствием противоречивого влияния Запада и Востока, возникшего вследствие пограничного геополитического положения Руси-России. Это противоречия между христианством и язычеством, оседлым образом жизни и кочевым, культурой светской и духовной и др. Введение категории синергийного взаимодействия позволило взглянуть на противоречивость русской культуры как на закономерное явление, определяющее ее специфику и неповторимость.

Ключевые слова: антиномичность, синергия, синергийное взаимодействие, русская культура, противоречие, Запад – Восток.

ANTINOMICAL CHARACTER OF THE RUSSIAN CULTURE AS A MANIFESTATION OF SYNERGETIC INTERACTION

The article is devoted to one of the problems of the Russian culture, namely, its contradictory and antinomical character. Admitting that today there are many theories, differently revealing the characteristics and regularities of the evolution of the Russian culture, the author proposes to examine the binary structure of the Russian culture by introducing the concept of synergy, one of the main characteristics of which is the coherent interaction of contrasts. Accordingly, the objective of this paper was to reveal the signs of the synergetic interaction in the Russian culture. In the article the idea is set that almost all of the antinomies of the Russian culture are the result of the contradictory influence of the West and the East, arisen as a result of the borderline geopolitical position of Russia. These are the contradictions between Christianity and paganism, sedentary and roving life, secular and spiritual culture, and others. The introduction of the category of synergetic interaction allowed to look at the inconsistency of the Russian culture as a natural phenomenon that determines its specificity and uniqueness.

Key words: antinomy, synergy, synergetic interaction, the Russian culture, contradiction, West – East.

Сегодня ни у кого не вызывает сомнения, что изучение истории отечественной культуры, усилия, направленные на ее постижение, могут дать современному человеку надежный ориентир для самореализации, для самоопределения. Особенно актуальным становится обращение к истории русской культуры, ее осмысление и переосмысление в связи с противоречивыми общественными процессами конца XX – начала XXI вв., многовекторным духовным развитием современной цивилизации. Поэтому проблемы,

связанные с возникновением, существованием и развитием русской культуры, находятся в центре внимания современной философии.

Существует множество теорий, в которых по-разному раскрываются фундаментальные характеристики и закономерности развития русской культуры. Но, несмотря на разнообразие концепций, почти все ученые сходятся в одном, признавая дискретный и катастрофичный характер развития русской культуры, загадочность и двойственность Рос-

сии и русской души. Не случайно Н. А. Бердяев писал об «антиномичности России», о «жуткой ее противоречивости» [1, с. 10], признавая противоречивым и антиномичным не только бытие России, но и ее душу, русское самосознание. Позволим себе предположить, что антиномичность, противоречивость, бинарность отечественной культуры целесообразно рассматривать, используя категорию синергии, которая в значении сотрудничества, совместного действия стала часто использоваться в публикациях различного рода.

Как известно, первичную концептуализацию понятие синергии получило в православии, точнее в мистико-аскетической традиции исихазма. Философский словарь толкует синергию как «сорботничество» человека и Бога в реализации Божия замысла о спасении мира и человека, взаимодействие божественной благодати и человеческой свободы» [14]. В своих работах, рассмотрев возникновение и развитие этой категории в теологии [3], проследив связь синергии с синергетикой [4], представив ее как вид диалектического противоречия, акцент в котором смещен с момента борьбы на момент единства, кооперации и сотрудничества [5], мы предложили следующее определение синергии. Синергия – совместное действие, взаимодействие противоположных потенциалов или энергий, имеющее общую направленность к идеалу, с одновременным достижением синергического эффекта. Исходя из данного определения, основным условием осуществления синергии является согласованное взаимодействие противоположностей. Задачей статьи является обнаружение признаков синергического взаимодействия в русской культуре.

Как уже было отмечено, попытка представить русскую культуру в виде целостного, непрерывно развивающегося явления наталкивается на большие внутренние сложности и противоречия. Каждый раз оказывается, что на любом этапе своего становления и исторического развития русская культура как бы двоится, представляя собой одновременно два различных лица. У Н. А. Бердяева характеристика России представлена как тезис и антитезис, принципиальное свойство российского бытия, по Бердяеву, – это отсутствие середины: или – или. «И в других странах можно найти все противоположности, но только в России тезис оборачивается антитезисом, бюрократическая государственность рождается из анархизма, рабство рождается из свободы, крайний национализм из сверхнационализма» [1, с. 21].

Исследователь «национальных образов мира» Г. Д. Гачев также раскрывал многочисленные неразрешимые противоречия русской жизни, отразившиеся в русской культуре: потенциалы ренессансно-титанической личности и прозаическая судьба «маленького человека»; «конечность официального целого и бесконечность народного целого»; личность, никогда не достигающая в России самоопределения, и торжество «великой, сверхличной идеи, идеала общественного устройства»; невыразимость явлений русской жизни и движений русской души «в формах рационалистической формальной логики», «средством ума», отвлеченно-теоретической мысли и возможность ее освоения «средствами сердца, души», не исключаяющими ни

христианско-религиозную идею, ни «языческое, полупетишистское одушевление природы и всех вещей, суеверие и веру в приметы», – вплоть до иррационального и мистического [6, с. 64–69].

Русский мыслитель Г. П. Федотов по отношению к России применил образ кентавра, олицетворяющий амбивалентность дикости и культурности, зла и добра, стихии и гармонии. Характеризуя творчество А. Блока в статье «На поле Куликовом», Федотов сделал вывод, что из-за извечного русского «раскола» «образ России двоится» не только в сердце поэта: «единой России нет» вообще. Сравнивая текстуально лирический цикл Блока «На поле Куликовом» и написанных позже «Скифов», Г. П. Федотов обнаружил и в том, и в другом произведении явную «двуличность», «эклектический образ евразийского смысла», «почти мифологический (сродни кентаврам) образ» [11, с. 122].

«Кентавр» – символ «раздвоения лица России»: с одной стороны, «белый образ Руси, оцерковленный и вознесенный в непосредственную близость «Небесной Жены»; с другой – «кровавый образ грядущей революции, начало высоких и мятежных дней». Один полюс – это «мирная лира», созывающая на «братский пир»; противоположный – «страсть разрушения», «начало хаоса, распада», «подземный гул», предвещающий «обвал ненавистного мира» и «крушение гуманизма». Российский «кентавр» – это прежде всего борьба Запада и Востока, европейского начала («славянское лицо», «певец во стане русских воинов», «святая Русь» и т. д.) и азиатского («азиатская рожа», «с раскосыми и жадными очами», «дикая монгольская стихия», «ущербная луна», «ханское кочевье», «татарская орда») [11, с. 116–123]. Такое представление о России, несомненно, отвечает условиям синергического взаимодействия, поскольку для его осуществления требуется наличие противоречий.

Конечно, можно возразить, что большинство противоречий русской культуры также свойственны и любой другой культуре. Наглядно это проявляется уже в названиях литературных произведений русской и мировой классики: «Принц и нищий» М. Твена, «Блеск и нищета куртизанок» О. де Бальзака, «Богач, бедняк» И. Шоу, «Отцы и дети» И. С. Тургенева, «Поэт и толпа» А. С. Пушкина, «Поэт и гражданин» Н. А. Некрасова, «Преступление и наказание» Ф. М. Достоевского, «Война и мир» Л. Н. Толстого. Это противоречия между индивидуализмом и коллективизмом, смирением и бунтом, самоотверженностью и эгоизмом, природной стихийностью и монашеским аскетизмом, элитарностью и народностью. Но в русской культуре, наряду с этими, постоянно проявляются и возобновляются некие устойчивые противоречия. Европейское и азиатское, оседлое и кочевое, христианское и языческое, светское и духовное – эти и подобные пары противоположностей свойственны русской культуре с древнейших времен и сохраняются фактически до настоящего времени. Двоеверие, двоемыслие, двоевластие, раскол – это лишь немногие из значимых для понимания истории русской культуры понятий, выявляемых уже на этапе древнерусской культуры. Подобная стабильная противоречивость русской культуры, порожда-

ющая, с одной стороны, повышенный динамизм ее саморазвития, с другой – периодически обостряющуюся конфликтность, составляет ее органическое своеобразие, типологическую особенность, называемую исследователями антиномичностью.

Антиномичность в строении русской культуры обычно объясняется как результат пограничного геополитического положения Руси-России между Востоком и Западом, столкновения и взаимопроникновения в течение многих веков черт той и другой цивилизации. Здесь необходимо отметить, что в принципе оппозиция «Запад – Восток» – это условная смысловая конструкция, выработанная культурологами для типизации мировой культуры и действующая как парная категория, которая выражает дихотомию поляризованного целого всемирной культуры. Сопоставление учеными и писателями, путешественниками и завоевателями культур Запада и Востока выявило ряд антиномий между ними: демократия – деспотизм; научные знания, рациональность – интуиция, вживание в мир; динамизм, развитие – неподвижность, стабильность; модернизация – традиционность; личность – коллектив; активное преобразование мира – достижение гармонии с естественной средой обитания и т. д. По мнению большинства современных ученых, Запад и Восток – это различные социокультурные и цивилизационные парадигмы, на протяжении веков и даже тысячелетий сосуществующие и борющиеся друг с другом, взаимодействующие и влияющие одна на другую [8].

Как отмечал В. О. Ключевский, «встречей и борьбой этих двух влияний (Запада и Востока – Т. Б.) порождены два направления в умственной жизни русского общества, два взгляда на культурное положение нашего народа» [7, с. 358]. Действительно, для русской культуры проблема «Запад – Восток» является одной из центральных, так как связана с выбором пути не только культурного, но и цивилизационного движения в целом. Нахождение Древней Руси между Западом и Востоком способствовало постоянному перекрестному влиянию различных цивилизаций, оказавшемуся плодотворным для духовной жизни и культуры русского народа. Поэтому, как совершенно справедливо отмечал И. Мейендорф, в исследования, посвященные русской культуре, «неизбежно включался пункт о «влияниях» – византийском, западноевропейском или татарском» [9, с. 311].

Условно можно выделить три взгляда на взаимодействие восточного и западного начал в русской культуре. В. О. Ключевский, рассуждая о западном и восточном влиянии на русскую культуру, отмечал, что «оба направления проходят двумя параллельными струями в нашей истории» [7, с. 358]. Г. В. Плеханов констатировал, что во время Петровской реформы осуществлялись «два процесса, параллельных один другому, но направленных в обратные стороны» – на Запад (европеизированная дворянская культура) и на Восток (традиционная культура русского крестьянства) [10]. Н. А. Бердяев, объясняя антиномичность России и ее культуры, противоречивость и сложность русской души, писал, что «в России сталкиваются и приходят во взаимодействие два потока мировой истории – Восток и Запад. Русский народ есть не чисто европейский

и не чисто азиатский народ. Россия есть целая часть света, огромный Востоко-Запад, она соединяет два мира. И всегда в русской душе боролись два начала, восточное и западное» [2, с. 14]. Однако представляется, что все три точки зрения при всей своей видимой противоположности не исключают друг друга: культурно-исторические процессы западного и восточного происхождения и сталкиваются между собой, и идут параллельно, и отталкиваются друг от друга. Невозможно выстроить какую-то четкую единую линию их взаимоотношений.

Практически каждая тенденция в развитии русской культуры в западном или восточном направлении порождала противодействие. Крещение Руси вылилось в неоднозначный противоречивый процесс с ярко обозначившимися противоположными полюсами культурных явлений: язычество и христианство. Не случайно Г. Флоровский в работе «Пути русского богословия» писал, что с принятием христианства на Руси, по сути дела, сложились две культуры: «дневная и ночная» [13]. Первая была принадлежностью образованного меньшинства, вторая жила в глубинных проявлениях народного духа. Но особенно ярко, как представляется, противоречивость Запада и Востока проявилась в петровских преобразованиях, которые способствовали расчленению русской культуры на две культуры: светскую (секулярную), связанную с западным влиянием, и религиозную (духовную), связанную с восточно-православным влиянием. В. О. Ключевский писал, что восточное влияние было принесено и проводилось церковью и направлялось к религиозно-нравственным целям, мало затрагивая гражданское право и государственное устройство. Но, «не захватывая всего человека, не лишая его туземных национальных особенностей, его самобытности, оно зато в своей сфере захватывало все общество сверху донизу, проникало с одинаковой силой во все его классы; оно и сообщало такую духовную целостность древнерусскому обществу» [7, с. 358].

Западное влияние, наоборот, проводилось государством и призвано было для удовлетворения его нужд. Проникая во все сферы жизни, западное влияние изменяло понятия, отношения, государственный порядок, вносило новые политические идеи, гражданские требования, формы общежития, новые области знания, переделывало костюм, нравы, привычки и верования, «перелицовывая наружный вид и перестраивая духовный склад русского человека» [7, с. 358]. Но западное влияние не захватило всего общества. «Оно подействовало лишь на тонкий, вечно подвижный и тревожный слой, который лежит на поверхности нашего общества. Итак, греческое влияние было церковное, западное – государственное» [7, с. 358].

Таким образом, практически за каждой антиномией в истории русской культуры встает в явной или скрытой форме культурная дихотомия Запада и Востока, которая в то же время символизирует причастность России и Западу, и Востоку, обеспечивая диалогические отношения этих двух влияний. Поэтому в характеристике русской культуры акцент необходимо сделать не на борьбе западного и восточного влияний, а на их сотрудничестве, *синергичном взаимодействии*, в результате которого образуется

своеобразный «Востоко-Запад», по Н. А. Бердяеву, «третья сила», по В. С. Соловьеву, «всемирная отзывчивость», по Ф. М. Достоевскому.

Исходя из этого процесс крещения Руси представлял собой не просто наличие двух противоположных культурных полюсов Запада и Востока, а их синергичное взаимодействие. Для иллюстрации этой мысли можно привести слова Г. П. Федотова о том, что «...и религия, и эта традиция (греко-римская. – Т. Б.) роднили Русь с христианским Западом даже тогда, когда она не хотела и слышать об этом родстве» [12]. Деление культуры Г. Флоровским на «ночную» и «дневную» также не является абсолютным. Культура Древней Руси характеризовалась все-таки внутренним синергичным взаимодействием язычества и христианства. Некоторые исследователи даже считают, что древнерусское христианство можно определить как охристианенное язычество. Г. П. Федотов также отмечал, что в России XVIII в. «сожительствовавали» две культуры: «одна представляла варваризированный пережиток Византии, другая – ученическое усвоение европеизма» [12]. Кроме этого, источник и корни, казалось бы, чисто русского течения славянофилов Г. П. Федотов также усматривал в Германии. А молодая русская интеллигенция 1860-х гг., искавшая «русские корни в далеком, замосковском прошлом», по мнению Г. П. Федотова, «предпочла усвоить московскую историческую традицию митрополита Макария и Степенной Книги, пропущенную сквозь Гегеля» [12].

С точки зрения синергичного взаимодействия, без сомнения, целесообразно рассматривать культуру серебряного века, с борьбой и единством светского и духовного начал, рационального и мистического познания, «солнечного» и «лунного» восприятия мира. Здесь же можно говорить и о феномене русского зарубежья, явившегося логическим результатом специфически преломленного и практически интерпретированного в XX в. западно-восточного единства.

Можно приводить еще множество примеров синергичного взаимодействия противоположностей в русской культуре, доказывающих, что конфронтационный и конфликтный характер взаимоотношений Запада и Востока обычно складывается лишь в некоторых случаях: колониальные завоевания, освободительные движения, войны. Для пограничных же культур больше свойственно совмещение поляризованных смыслов и ценностей Запада и Востока. Пограничные культуры, к которым относится и русская культура, включают в себя как западный, так и восточный дискурсы, которые вместе составляют систему. В самосознании русской культуры Запад и Восток часто существуют отдельно друг от друга как различные смысловые пространства. Однако, скорее всего, антиномию «Запад – Восток» следует использовать как воплощение единства противоположностей и синергичного взаимодействия: Россия внешне противостоит и Западу, и Востоку, внутренне же она является одновременно и Западом, и Востоком, то

разделяя собой эти цивилизации, то соединяя их собою в единое целое.

Таким образом, в статье сделана попытка объяснить антиномичность и противоречивость русской культуры наличием в ней процессов синергичного взаимодействия, т. е. согласованного, когерентного, диалогического взаимодействия противоположностей. Для русской культуры это прежде всего противоположность Западного и Восточного влияний. Введение же концепта синергии предоставляет философу и культурологу большие возможности в исследованиях, посвященных русской культуре.

1. Бердяев Н. А. Судьба России. М.: Советский писатель, 1990. 346 с.

2. Бердяев Н. А. Самопознание: сочинения. М.: Эксмо, 2005. 640 с.

3. Берсенева Т. П. Категория синергии в теологической традиции // Омский научный вестник. Серия: Общество. История. Современность. Омск: Изд-во ОмГТУ, 2012. № 4 (111). С. 116–120.

4. Берсенева Т. П. Синергия и синергетика: категория исихазма и современная наука // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 369. С. 41–47.

5. Берсенева Т. П. Синергия и диалектическое противоречие // Вестник Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 2012. № 3 (27). С. 102–108.

6. Гачев Г. Д. Образ в русской художественной культуре. М.: Искусство, 1981. 248 с.

7. Ключевский В. О. Русская история. Полный курс лекций: в 3 кн. М.: Мысль, 1993. Кн. 2. 584 с.

8. Кондаков И. В. Введение в историю русской культуры (теоретический очерк): учебник. М.: Наука, 1994. 378 с.

9. Мейендорф И. Византизм и Московская Русь. Paris: YMCA-PRESS, 1990. 440 с.

10. Плеханов Г. В. История русской общественной мысли // Электронная библиотека Института философии РАН. URL: http://www.iph.ras.ru/elib/Plekhanov_Hist.html (дата обращения 15.07.2013).

11. Федотов Г. П. Судьба и грехи России: Избр. статьи по философии русской истории и культуры: в 2 т. СПб.: София, 1991. Т. 1. 352 с.

12. Федотов Г. П. Россия и свобода // Электронная библиотека «Вехи». URL: <http://www.vehi.net/fedotov/svoboda.html> (дата обращения 15.07.2013).

13. Флоровский Г. Пути русского богословия // Электронная библиотека «Вехи». URL: <http://www.vehi.net/florovsky/puti/> (дата обращения 15.07.2013).

14. Философский словарь. URL: http://www.mirslavarej.com/content_fil/sinergija-5058.html#ixzz2PsOdOF70 (дата обращения 15.07.2013).

© Берсенева Т. П., 2013

ОБРАЗЫ МЫСЛИ И МЫШЛЕНИЯ В ФИЛОСОФСТВОВАНИИ М. ХАЙДЕГГЕРА

Статья посвящена умозрительным образам, с помощью которых Хайдеггер дает ответ на вопрос «Что называется мышлением?». Умозрительные образы отражают присутствие бытия, участие человека в раскрытии и открытости бытия, стояние человека в бытии. Человек определяет свое место в истории согласно той интерпретации, которая доминирует в его социокультурной среде. Свое место в бытии человек определяет только индивидуальным усилием посредством мысли. Поскольку мысль невозможна без данности бытия, умозрительные образы – условие мышления и понимания.

Ключевые слова: открытость бытия, стояние в бытии, задача мышления, первоначальное раскрытие бытия в мысли.

В основе большинства образов, которыми наполнено пространство сознания человека, лежат ощущения и психические переживания. Но есть еще особенные образы, которые связаны с рефлексивной деятельностью сознания и дают нам представление о порядке, т. е. взаимосвязях, существующих в мире, и отношении Я – Мир. Эти умозрительные образы даются пониманию не постепенно, а целиком открываются в мгновении мысли. Их объективация очень трудна, строго логическое, научное мышление отступает перед возможностями поэтического. Подлинное понимание объективированных образов возможно только при особом настрое – при необходимости мыслить. Что такое мысль и мышление объясняет философия, для которой они являются одновременно предметом и формой исследования. В работе М. Мамардашвили «Эстетика мышления» находим формулировку задачи философии: заниматься «изучением дела мысли во всяком деле» и определение: философия «есть мысль о мысли» [1, с. 174]. Начало мысли лежит в личном сознании. Мышление является способом расширения пространства личного сознания, оно наполняет пространство сознания определением невидимых (незнаемых) вещей [1, с. 152, 141–143].

Проблема мысли и мышления занимает значительное место в трудах Мартина Хайдеггера. Он рассматривает мышление как сущностную черту человека и при этом отказывается от поиска абстрактной универсальной модели, в которой вместо человека присутствует идеальный субъект: «трансцендентальный субъект» (И. Кант), «Я» (И. Г. Фихте), «абсолютная идея» и «абсолютный дух» (Г. В. Ф. Гегель). Хайдеггер сосредоточивает внимание на реальном человеке, который существует в мире с определенным предметным и духовным (принадлежащим сознанию человека) содержанием, что позволяет говорить о связях между идеями философа и постановкой вопросов в рамках философии жизни (Ф. Ницше, В. Дильтей) и феноменологии (Э. Гуссерль). В своей работе «Что зовется мышлением?», написанной на основе лекционного курса

IDEATIONAL FIGURES OF THOUGHT AND THINKING IN PHILOSOPHIZING OF M. HEIDEGGER

The article is devoted to the ideational figures with which Heidegger gives an answer to the question: 'What is called thinking?'. The ideational figures reflect the presence of the Being, the human involvement in the disclosure and openness of the Being, and the standing of a person in the Being. Man determines his place in history on the basis of the prevailing interpretation. Man defines his place in the Being only by an individual effort by thought. As the thought is not possible without the presence of the Being, ideational figures are a condition of the thinking and the understanding.

Key words: the openness of being, to stand in being, the task of thinking, the original disclosure of Being through think.

1951–1952 гг., М. Хайдеггер проясняет сформулированный вопрос, осуществляя философствование, в ходе которого объективирует ряд умозрительных образов. Эти образы и являются объектом нашего внимания в рамках данной статьи.

Когда Хайдеггер определяет сущность человека через мышление, он не использует стратегию отвлечения общего признака из всей совокупности предметов рассматриваемого множества, в данном случае всего человечества, поскольку очевидно, что общей чертой всех людей мышление назвать невозможно. В действительности подвиг мысли осуществляется немногими.

Хайдеггер вносит изменения в предмет и направленность осмысления по сравнению с классической традицией. Если в логике Гегеля мышление рассматривалось как процесс, развитие которого соответствует строгой форме: «тезис – антитезис – синтез», то Хайдеггер переносит внимание на мышление как событие жизни, как данность, уже «синтез». Человек – мыслящее существо. Но уже на следующем шаге понимания, в соответствии с действительностью, происходит распад «синтеза» на тезисы: существует высшее выражение возможности, реализация в действительности («тезис») и блокировка этой возможности, вместо мышления – неподлинность, повседневность («антитезис»).

Таким образом, человеческое в философствовании Хайдеггера есть целое, распадающееся на части. Можно выделить два состояния целого: статичное – это человек как существо, способное к мышлению; динамичное – человек как мыслящее существо. Но целое существует только в нашем сознании в начале размышления о человеке, когда наше сознание выдает нам то, что мы знаем о человеке: люди мыслят. В действительности большинство людей далеки от состояния мышления, но тот, кто мыслит, т. е. чувствует тягу к сущности, становится знаковой фигурой человеческого. Мышление возможно только в состоянии слышания того, чему послушно мое существо, чему принадлежит мое существо. На существование этого в моей сущности,

таким образом, указывает только акт моего мышления, который становится знаком. Знаком, за которым не стоит никакого конкретного объема и определенного содержания, но есть само мышление.

Нечто, присущее нашей сущности (нас интересует мышление), может быть проявленным в действительности в разной степени. Переживание отсутствия чего-то есть знак того, что это нам присуще. Хайдеггер говорит, что скатывание в неспособность к мышлению это и есть главный симптом наличия этой способности. Разрыв между сущностью и проявлением в действительности создает условие для рождения мышления, поскольку основанием мышления является тяг, который возникает между моей способной к мышлению, но не мыслящей сущностью и тем началом, что призывает мыслить, что задает сознание полной формы моего индивидуального бытия. Мое мышление, реализация моей сущностной способности и есть форма моего самоутверждения в мире. Рецепта, одинаковых для всех правил – общих законов логики, проторенных путей – в мышлении нет. Мышление – это всегда ступание в неизвестное, в пропасть, через которую нет мостов, ее можно только перепрыгнуть.

Хайдеггер характеризует как подлинных мыслителей западной культуры Сократа, который полностью отдал себя тягу к сущности и состоялся как знаковая фигура мышления, Платона – удивительное проявление сущности, доведенное до высшей формы реализации, Ницше, который, совершая свой путь мышления, обозначил ориентиры для современного человека. Сократ был первым учителем мышления. Немецкий мыслитель подчеркивает, что учитель – это не тот, кто знает технологию мышления и может ее рассказать, а тот, кто мыслит, и притом мыслит с абсолютной необходимостью для себя. В отличие от учителя, у ученика могут быть внешние цели, подвигшие его к учению. Учитель же настроен на зов того начала, что призывает к мышлению. Без чувства сопричастности к этому сущему невозможно двинуться к полноте собственного бытия. Далее, в акте мысли, возникает удивительная метафизическая потребность «дара». Собственное творение мышления невозможно отдать другому, но если мы будем приписывать ему и результатам мысли исключительно эзотерический статус, то почувствуем себя заключенными в определенных достигнутых границах, за которыми нас нет. Если же учитель будет мыслить вслух, то это будет ситуация дарения, когда дарящий демонстрирует свою власть над даром, показывая возможность отказаться от него. Таким образом, мышление вслух, мышление, вовлекающее других в процесс мышления, – это усиление своей способности мыслить, развитие собственной мысли здесь и сейчас.

Хайдеггер рассматривает мышление в традиции западной культуры и рассуждает о его начале: «...история западного мышления начинается не с того, что оно мыслит о призывающем мыслить, а тем, что оно оставляет его в забвении» [2, с. 167]. Таким образом, западное мышление начинается с отказа, но очень важно понимать, что забвение это не уничтожение. Хайдеггер подчеркивает, что есть начало начал, начало всего, начало в исходном смысле – *Anfang* и начало западного мышления, почин, – *Beginn*. Начало-*Beginn* заслоняет, скрывает в забвение начало-*Anfang*. На-

чало как почин, будучи арифметически первым в истории западной культуры не способно уничтожить начало как начальствующее направление, а посредством мышления способно возвращаться к нему, *Anfang* есть то, что призывает мыслить. Когда в сознании человека вспоминается начало начал, осознается разрыв между двумя началами, тогда человеком осознается своя ущербность и возникает потребность мысли как способ ее удовлетворения.

В акте мышление открывается нечто, что принадлежит нашему существу, становится данным для мысли. Но как осмысленное оно принадлежит только мне, конкретному человеку, как совершившему акт мысли. То, что мной наиболее осмысленно, может быть передано другим только с помощью речи. А любая форма объективации чревата потерей смысла. То, что было криком мыслящего, распространяясь в обществе, трансформируется в пустую болтовню. «Наиболее осмысленное сегодня и тем более завтра, ночь спустя становится лишь оборотом речи и в форме этого речевого оборота распространяется и входит в обиход» [2, с. 60]. Чем больше описаний современного состояния мира, тем более часто применяется оборот речи. Но речевой знак не есть элемент тяги, вызывающей состояние мышления, а всего лишь запись определенной информации.

Хайдеггер обращается к произведению «Так говорил Заратустра» Ницше, опыт философствования которого, очищенный от искажающих оценок и интерпретаций, дает возможность «увидеть» мысль. Ницше говорит о необходимости перехода для обретения человеком самого себя, перехода от состояния современного – «последнего человека» – к состоянию «сверхчеловека», который переходит через прежнего человека и тем самым от него уходит. Для последнего человека актуально количественное наращивание прогресса. Сверхчеловек качественно другой. «Сверхчеловек беднее, проще, нежнее и жестче, спокойнее и жертвеннее, медлительнее в своих решениях и экономнее в своих речах. Сверхчеловек выступает не массами и не когда угодно, а лишь тогда, когда осуществлена иерархия рангов» [2, с. 124]. «Последний человек» это форма человека, которая непосредственно предшествует сверхчеловеку, и явной становится лишь из образа сверхчеловека. Мы можем констатировать, что сверхчеловек и последний человек проявляются одновременно, обнаруживаясь только в тишине мысли.

Ницше сам как «впереди идущий переход, указывающий вперед и назад и потому всюду двусмысленный, и даже в способе и смысле перехода» [2, с. 62]. Отсюда – сложность понимания сказанного Ницше, специфику которой проясняет Хайдеггер: «Мыслимое его мышления является предельно однозначным; но однозначное многомерно в пространствах, которые входят одно в другое. <...> мышлению Ницше, которое является переходом, может соответствовать только разговор, собственный путь которого подготавливает переход» [2, с. 62]. Идя собственным путем, но вглядываясь в переход Ницше, мы воспринимаем себя и Ницше на одной стороне и сознаем направленность движения на другую сторону.

От того, что мы поняли образ Ницше и то, что с ним произошло: установление в точке начала перехода – приня-

тие сущности, затем мышление как ответ на зов сущности, и приход – осознание прыжка через бездну, когда осознается истина, – не следует, что мы сделали этот прыжок вместе с ним. Событие Ницше – это магнит, создающий тягу, вступить в которую может каждый только сам и только единолично, не оглядываясь ни на какой образец, забыв, «потеряв» самого Ницше.

Произведение как объективация мышления Ницше, происшедшего в реальном жизненном времени, дает возможность усмотреть ход мышления. Мыслящий Ницше в тяге к самооттягивающейся сущности превращается в знак. Определенного, понятного всем и каждому значения в знаке нет. Но конфигурация знака может быть усмотрена благодаря словам, обозначающим ход мышления. Ход мышления улавливается как движение туда и обратно, а значит, должны быть зафиксированы точки смены направления движения, начало и конец, ни одна из которых не является абсолютным началом и абсолютным концом. Понятие абсолюта соответствует сущности, которая хранит способность мысли, а «начало» и «конец» – понятия, относящиеся к конкретному акту мысли. С точки зрения онтологии акт мысли – это переход между последним человеком и сверхчеловеком. Последний человек – тот, кто обрел сущность, тот, кто вышел на мышление. Сверхчеловек – тот, кто мыслит мысль как свою сущность, т. е. находится в пространстве смысла, создаваемого я. Условием свободного мышления является не борьба с тем, что было, а вечное возвращение к тому, что сущность.

Мышление требует строгого подхода, но ни в коем случае не однозначности, не одноколейности. Никакой общей, механически прилагаемой схемы для интерпретации трудов мыслителей, даже для одного и того же произведения мыслителя, не существует. Изложенное, например разговор о прекрасном в диалоге Платона «Федр», можно истолковывать в самых различных областях и аспектах, значениях и проблематизациях. «...Все истинно мыслимое существенного мышления остается – а именно из сущностных оснований – многозначным» [2, с. 126]. Эту многозначность совершенно неправильно оценивать как недостаток, свидетельствующий о еще непройденном пути, еще не достигнутой формально-логической однозначности. «Многозначность, напротив, это стихия, в которой должно вращаться мышление, чтобы быть строгим» [2, с. 126]. Многозначность, в определении Хайдеггера, – это и условие начала мышления, и стихия мышления; без стихии многозначности и мышление, и мыслимое останутся скрытыми. Многозначность – это условие неисчерпаемости смысла, это характеристика текста как производящей конструкции.

Поиск сверхчеловека вокруг себя, в среде обыденности, ничего не даст. Хайдеггер констатирует, что мы не найдем сверхчеловека «на площадях управляемого на состоянии публичного мнения и на рынках культурного производства, где повсюду лишь последний человек обслуживает машины» [2, с. 128]. Сверхчеловек не появляется в «шумных шествиях якобы власть имущих», на подготовленных встречах государственных мужей, в СМИ. Репортеры теле- и радиопрограмм, представляя публике происшествия, всегда по-ставляют, пред-ставляют происшествия, которые еще не произошли. Событийное пространство ока-

зывается за-ставленным сделанными представлениями, механизм создания которых все более утончается и форма совершенствуется. Сделанные события за-ставляют, вытесняют то, что, собственно, *есть*.

Хайдеггер на протяжении всего текста решительным образом различает обыденность и особое состояние мышления. В обыденном, обычном состоянии мы и речь, и слова воспринимаем не в полноте их смысла. В обыденности мы не обращаем внимания на смысловые нюансы, дополнительные, скрытые значения. Обиходное значение слова всегда выступает на первый план и, чтобы его сдвинуть в пользу редкого значения, необходимы специальные усилия. «Язык играет с нашей речью именно таким образом, что он легко позволяет ей расходиться во множество поверхностных значений слов» [2, с. 147]. Язык легко соскальзывает в плоскость обыденности.

Если на более ранних этапах развития языка, когда слова находятся для обозначения смыслов, язык и жизнь воспринимаются как единое целое, то затем на место «собственно обжитого языка и его обжитых слов приходят слова обычные» [2, с. 147]. Обычная речь становится обиходом, т. е. распространяется повсеместно, воспринимается как общепринятое и как то, что задает меру. Если же случается попытка выйти на ранее обжитую собственную речь языка, то результат определяется как произвол, игрище, преступление против задающего меру. Сама обыденность не поддается измерению, но определяется как единственно правильная мера. Обыденное, привычное воспринимают как контролируемое естественным человеческим рассудком.

У каждого человека при звуке речи возникают представления в сознании. В первую очередь очень приблизительные. Слово вызывает смысл неуловимый и расплывчатый. Для обычного говорения в рамках общепринятого разумения этого достаточно. Разумение обыденного уровня не тратит время на смысл отдельных слов. Слова легко повторяются, тиражируются, разбазариваются и истощаются в своем смысле. В приблизительности обыденной речи скрывается определенная выгода: «При помощи таким образом притупленного языка все могут толковать обо всем» [2, с. 152].

Хайдеггер рассуждает об условии мышления, но, по сути, выводит содержание предустановленного знания, необходимого при любом типе познания: для того чтобы стал возможным акт осознания чего-то существующего, необходима уже неопределенная, но точная уверенность в том, что бытие существует или сущее бытийствует. При этом субъект мысли сам всегда существует в качестве элемента бытия, а его существование утверждается в процессе в реализации способности мысли, в состоянии мысли. То, что мыслится, уже дано, т. е. мысль не придумывается, не конструируется в голове субъекта, а дается как зов и как тяга к мышлению.

«Память» изначально означает вовсе не способность запоминать. «Это слово именует целое духа в смысле постоянной внутренней собранности в том, что сущностно обращено ко всякому чувствованию» [2, с. 160]. Память дает возможность собранного пребывания. Потеря памяти вызывает чувство потерянности в бытии, утрату собственной сущности. Обретение памяти дает уверенность собствен-

ного при-сутствия (An-wesens) в единстве прошлого, настоящего и будущего. Исходная сущность памяти – «собранность неотпускаемого мнения обо всем том, что дает присутствовать духу» [2, с. 160]. Мнение обо всем – это весь опыт чувствования духа по отношению к осуществляющемуся [2, с. 161]. «Поскольку мы в мышлении о призывающем мыслить собраны, мы обитаем в том, что собирает всякое вос-поминание» [2, с. 163]. Хайдеггер именует собранность воспоминания на данном для мысли памятью и демонстрирует тесную смысловую взаимосвязь, зафиксированную в языке (в слове Gedans) памяти, вос-поминания, мышления, благодарности.

Состояние перехода – это прыжок, который требует удержания обеих точек: «начала» и «конца». Хайдеггер несколько раз повторяет, что мысль – это не мост, по которому можно постепенно двигаться. Однако, по моему мнению, мост – очень удачный образ. Только в рассматриваемом случае мост этот не существует в качестве материальной конструкции, раз и навсегда данного пути, но каждый раз заново возводится в акте мысли. Точкой «начала» всегда является человек в окружении конкретного предметного мира, но точкой «конца» всегда является сложноорганизованный человек многомерного пространства.

С помощью образов Хайдеггер старается сделать явленным для читателя существование нечего, которое принадлежит самому существу человека. Игнорирование этого нечего угрожает великой опасностью: не дает возможности человеку реализовать полностью в своем существе,

ограничивает полноту его бытия. Убежденность каждого человека в существовании бытия, в присутствии присутствующего есть аргумент в пользу существования сущности, которая зовет человека к мышлению как способу реализации полноты своего бытия. Мысль как действие, совершаемое в реальном жизненном времени, объективируется не с помощью формализованного понятийного языка, а с помощью взаимосвязанных сложных образов, «изображающих»: условия мышления – зов со стороны некой сущности; сущность мышления – собирание духа; нахождение в состоянии мышления – стояние в сквозном ветре, тяга в самооттягивающееся; самооттягивающееся – то, что само по себе дано для мысли, призывающее мыслить, что мы еще не мыслим; направленность мышления – переход, сама мысль – прыжок в бездну и через бездну между точками начала и конца. Именно образный язык позволяет читателю в актах представления самому входить в точку начала мышления.

1. Мамардашвили М. К. Эстетика мышления. М.: Московская школа политических исследований, 2000. 416 с.

2. Хайдеггер М. Что зовется мышлением? М.: Академический Проект, 2010. 351 с.

© Варова Н. Л., 2013

УДК 17.035.1
U.D.C. 17.035.1

НЕОБХОДИМОСТЬ АЛЬТРУИЗМА

Статья посвящена изложению отдельных аспектов проблематики альтруизма. Рассматривается роль альтруизма в развитии цивилизации. Устанавливается связь альтруизма с мыслительными способностями индивида, а также с условиями становления справедливого общества. Показано, что если основания философии альтруизма внятно изложены в работах В. Соловьева, то биологическая и современная этическая точки зрения сформированы в недостаточной степени, несмотря на многочисленные попытки выстроить непротиворечивые частные модели альтруизма. Создание же релевантной общей модели альтруизма ждет своей очереди.

Ключевые слова: альтруизм, нравственность, отбор, совесть, сострадание, справедливость, этика.

А. В. Гидлевский, Т. А. Здриковская, Р. А. Зотов
A. V. Gidlevisky, T. A. Zdrivskaya, R. A. Zotov

THE NECESSITY OF ALTRUISM

The article is devoted to the problem of altruism. It considers the role of altruism in the development of the civilisation. The authors establish the connection between altruism and individual intellectual abilities as well as the conditions of establishment of the fair society. The article shows that while the grounds of altruism philosophy are clearly expounded in the works of V. Soloviev, the biological and the contemporary ethical points of view are not sufficiently formulated in spite of numerous attempts to develop particular models of altruism. Development of a relevant general model of altruism is still to be done.

Key words: altruism, morality, selection, conscience, compassion, fairness, ethics

В данной статье мы начинаем обсуждение ряда аспектов альтруистической проблематики с рассмотрения точек зрения, которые мы назвали философскими, чтобы затем перейти к поискам биологических оснований феномена альтруизма, особо выделив биологическую необходимость альтруизма, а далее – к перспективам создания справедливого общества. Оговоримся, что общество «разумного

эгоизма» мы не рассматриваем как справедливое. Мы исследуем человеческий срез альтруизма, чтобы понять, насколько возможен гуманный облик цивилизации.

Взгляд на альтруизм как на сострадание и анализ альтруистического поведения с позиций сострадания ярко выражены в работах В. С. Соловьева. «Во всяком альтруистическом поступке действительное его основание, или про-

изводящая причина (*causa efficiens*), есть восприятие или представление чужого страдания... действительное *со-страдание*, или жалость, не может иметь своекорыстных мотивов, и есть чувство *чисто-альтруистическое*» [6]. Тем самым В. С. Соловьев фактически определяет альтруизм как основу нравственности. «Чувство сожаления о чужом страдании, нравственном или физическом, тяжело для испытывающего это чувство и, следовательно, противно его эгоизму, поскольку злой и мстительный человек находит удовольствие в оскорблении и мучении своих ближних, он наслаждается их унижением, радуется причиненному им вреду» [6]. В. С. Соловьев находит непосредственную связь между жалостью, добром, правдой, справедливостью. «Общее сознание в человечестве решительно признает, что *жалость есть добро*... мыслимое содержание (идея) жалости, или сострадания... есть правда и справедливость» [6].

Для Г. Спенсера наибольшее значение имеет динамика альтруизма, превращение его из альтруизма животного в альтруизм человеческий. Не отрицая эгоистичности общества в целом, Г. Спенсер считает альтруизм основным социальным регулятором. По его мнению, необходимо «существование такого альтруизма, который не только побуждает к справедливому поведению, но побуждает также и принуждать других к справедливым поступкам» [7, с. 439]. Показной альтруизм, по мнению Г. Спенсера, способствует эгоистам в достижении их эгоистических целей [7, с. 440].

Г. Спенсер различает два вида альтруизма: справедливость и благотворительность. «Справедливость необходима для поддержания общественного равновесия и поэтому является общественным делом. А благотворительность, которая для этого не необходима, является только частным делом» [7, с. 496]. Заметим все же, что если установлена справедливость, то благотворительность ее будет только разрушать. Если В. С. Соловьев не надеется на всеобщую альтруизацию, то Г. Спенсер в этом более утопичен. На самом же деле индивид будет поступать так, чтобы в результате получить максимальное психофизиологическое подкрепление своих действий. Эгоисты будут пакостить другим, альтруисты – жертвовать собой ради других, а «нейтральные» будут поступать в зависимости от обстоятельств. Заметим, что генетических эгоистов среди хищников и приматов около 20 %, так же как и альтруистов, а «промежуточные» особи очень быстро переучиваются в эгоистов.

Если говорить о биологических основаниях альтруизма, то стоит отметить, что феномен альтруизма стал одной из самых серьезных проблем, с которыми столкнулся Ч. Дарвин. В мире, сложившемся в результате естественного отбора, сотрудничество представляется загадкой, поскольку естественный отбор по самой своей сути эгоистичен. Тем не менее Ч. Дарвин допустил, что естественный отбор может вызвать к жизни альтруистическое поведение, если оно идет на пользу членам семьи данной особи. Ч. Дарвин также высказал мысль о возможности сотрудничества между неродственными особями. Однако для того чтобы родственный отбор мог действовать, необходим какой-то способ идентификации родственников. Главный недостаток концепции родственного отбора заключается «в относительной легкости построения разного рода недоступных

проверке гипотез, которые объясняют малопонятные типы общественных взаимодействий» [4, с. 239].

Д. Дьюсбери проводит более тонкую градацию видов альтруизма. Кроме родственного отбора и совокупной приспособленности, он рассматривает примеры взаимного (реципрокного, неродственного) альтруизма [1]. Так, например, птицы и приматы подают сигналы тревоги, которые могут способствовать выживанию вообще неродственных животных. Выработка альтруистического поведения на основе реципрокного альтруизма требует, по мнению Д. Дьюсбери, жесткой системы отбора против «обманщиков» – особей, которые извлекают пользу из действий других, но в ответ при сходных обстоятельствах таких же действий не совершают. Заметим, что современное человеческое общество также нуждается в такой системе защиты. Заметим также, что альтруисты, не оглядываясь на мнения биологов, жертвуют собой в одинаковой степени безрассудно как в отношении родственников, так и в отношении других особей.

Но все же ряд исследователей в основу альтруистического поведения помещает родственный отбор [2, с. 132–133]. О. Солбриг и Д. Солбриг также определяют альтруизм как механизм отбора родичей. «Мы видим, что некоторые черты, хотя они и губительны для своего носителя, могут, тем не менее, сохраняться отбором, если они дают достаточное преимущество родственникам ему особям. Такие черты называют *альтруистическими*, а соответствующий тип отбора – *отбором родичей* (*kin selection*)» [5, с. 267]. В отличие от большинства исследователей О. и Д. Солбриг связывают реципрокный альтруизм «с развитием умственных способностей и языка, сопровождавшего эволюцию вида *Homo sapiens*» [5, с. 268]. По их мнению, реципрокный альтруизм означает, что какой-либо альтруистический акт, который может оказаться выгодным для неродственной особи, совершается в расчете на вознаграждение [5, с. 269]. Однако в действительности бывает как раз наоборот: альтруист часто жертвует в пользу неродственной особи интересами родственников.

Д. Мак-Фарленд рассматривает альтруизм с позиций индивидуальной приспособленности и расширяет классификацию видов альтруизма. «Строго говоря, эволюционное значение альтруизма можно рассматривать только в том случае, если подходить к нему с позиций индивидуальной приспособленности» [3, с. 125]. Согласно выдвинутому Д. Мак-Фарлендом «индивидуальному подходу», альтруистический акт увеличивает индивидуальную приспособленность реципиента и одновременно уменьшает индивидуальную приспособленность донора. «Естественный отбор будет благоприятствовать альтруистическому поведению при двух основных условиях: 1) если увеличение приспособленности реципиента превышает затраты донора (снижение приспособленности) на величину, большую их коэффициента родства, и 2) если затраты особи-донора на помощь особи-реципиенту невелики, и донор впоследствии сам рассчитывает на помощь реципиента» [3, с. 125].

Д. Мак-Фарленд не отрицает и концепцию группового отбора. «В данном случае утверждается, что естественный отбор благоприятствует поведению, уменьшающему приспособленность донора, если это поведение полезно

данной группе или виду в целом [3, с. 125]. По мнению Д. Мак-Фарленда, основная проблема, возникающая при объяснении альтруизма с позиций группового отбора, – это возможность мошенничества. Для того чтобы обойти эту проблему, «были предприняты различные попытки, но ни одна из них не нашла поддержки у эволюционных биологов» [3, с. 126]. Д. Мак-Фарленд, как и другие биологи, не отрицает взаимного (реципрокного) альтруизма. Однако, как и Д. Дьюсбери, он обращает внимание на возможность мошенничества при подобном взаимодействии особей. Кооперацию Д. Мак-Фарленд также связывает альтруистическим поведением [3, с. 130].

Как мы видим, у биологов отсутствует единое мнение о том, какие все же виды отбора формируют признаки альтруистического поведения.

При рассмотрении перспектив альтруизма мы обратились к статье В. Эфроимсона, которую мы считаем одной из лучших отечественных работ, раскрывающих данную проблематику [9]. В. Эфроимсон поддерживает простую и во многом верную модель. В качестве одной из причин появления альтруизма он называет заботу о потомстве. «Непрерывная охрана, непрерывное подкармливание беспомощных детей и беременных, численность которых составляла, вероятно, не меньше трети стаи, могли осуществляться только стаями в целом» [9, с. 198]. Альтруизм В. Эфроимсон связывает с групповым отбором, говоря, что «именно родственные и даже «земляческие» связи поддерживались естественным отбором, закреплялись обычаями. Истребительный обычай кровной мести, разумеется, тоже опирался на эту форму группового отбора... варварский, но относительно прогрессивный обычай, сменивший полную безнаказанность убийства и насилия» [9, с. 200].

Отличительной особенностью точки зрения на альтруизм В. Эфроимсона является понимание того факта, что мыслительные способности альтруистов должны были быть намного выше средних. Это видно из следующих его слов: «Круг инстинктов и безусловных рефлексов, необходимых для сохранения потомства, огромен. Требуется не только храбрость, но храбрость жертвенная, сильнейшее чувство товарищества, привязанность не только к своей семье, но и ко всем детенышам стаи, выработка мгновенной реакции на защиту беременных и кормящих самок. В условиях постоянных нападений хищников многие из этих рефлексов должны были срабатывать молниеносно» [9, с. 198].

Высокие мыслительные способности альтруистов, в сравнении с эгоистами, привели к появлению культуры и науки. Фактически об этом же говорит и В. Эфроимсон. «Одной из особенностей человека и человечества является любопытство и жажда знаний, обрекавшая немалое число особенно одержимых этой жаждой людей на жертвы и лишения. Эту жажду можно считать противоестественной, тем более что овладение знаниями часто не помогало, а скорее мешало их владельцам выжить и тем более оставить побольше потомства. Те, кто имел мужество идти дальше уже общепризнанного или смело думал о недозвонном, гибли во все века» [9, с. 202].

Реализация альтруистической мотивации возможна лишь при определенных условиях. Об этом говорит и В. Эфроимсон: «Выход в действие комплекса эмоций, объединя-

емых названием «совесть», да и интенсивность этих эмоций зависят от среды, воспитания, примеров. Но «такт», «приличие», «дипломатичность», «хорошие манеры», «светскость» и т. д., позволяющие, в частности, «хранить и в подлости оттенок благородства», удобны как формы ухода от требований долга» [9, с. 206]. Здесь В. Эфроимсон говорит об оружии, которое применяет эгоизм в борьбе с человечностью. Одной из главных причин общественной безнравственности является, по словам Эфроимсона, «зрелище безнаказанного, торжествующего зла в любой его форме» [9, с. 207].

В. Эфроимсон выбирает альтруизм в качестве основы для объединения человечества. «Естествознание до сих пор мало соприкасалось с проблемами этики и морали. Между тем биологические основы этики и альтруизма человека, порожденные, по-видимому, естественным отбором, и выросший на их основе целый комплекс общечеловеческих чувств и эмоций представляют собой своеобразный универсальный язык, связывающий человечество в единую семью» [9, с. 213]. Для увеличения же альтруистического потенциала общества В. Эфроимсон предлагает «уничтожение эксплуатации и порабощения человека человеком, уничтожение идеалов господства, хищничества, стяжательства, карьеризма» [9, с. 213].

Кроме альтруизма как главного «управляющего параметра» системы культуры необходимо затронуть и механизмы реализации высокого уровня развития общества. В основе эволюции систем лежит принцип сжатия информации, т. е. принцип превышения интеллектуальных возможностей более высокого уровня иерархии над любым более низким или их системой. В наиболее отчетливой форме этот принцип осуществлялся в государственном устройстве средневекового Китая, когда чиновник держал экзамен на чин, и чем выше чин, тем выше были требования к когнитивному аппарату кандидата. С другой стороны, можно привести в качестве примера несколько стран, где налицо обратная ситуация. Таким образом, прогресс культуры связан прежде всего с созданием метасистем, способных регулировать все связи в системе в направлении человеческого. Данный алгоритм организации дела делает процесс прогрессивного развития общества необратимым.

Высокий интеллект связан с нравственностью. Другими словами, совесть – это «налог» на интеллект. Сформулированный, таким образом, принцип интеллектуально-нравственного соответствия дает основания для ряда выводов. Следствием повышения интеллекта человека может явиться возможность справедливого устройства мира, чем и должен заниматься человек в силу своего предназначения. Задача общества состоит в том, чтобы создать условия для повышения интеллектуальных возможностей каждого, в результате чего стало бы возможным исполнение человеком своей главной задачи – обеспечения жизни общества на основах добра, справедливости, совести, а не лжи, подлости, лицемерия интриги и т. п. – всего того, что входит в структуру эгоизма.

Нарисованная выше перспектива разумного устройства общества едва ли может быть реализована. С точки зрения высших человеческих ценностей – добра, любви, самопожертвования, мир – это полигон зла, эгоизма природных

систем, которые постоянно пребывают в состоянии войны за ресурсы. О том, что препятствует созданию общества совести и как преодолеть эти препятствия, А. Тойнби говорит следующее: «Без наличия доброй воли в душах людей, необходимой для достижения согласия между ними, сотрудничество даже на самом низком уровне будет практически неосуществимо» [8, с. 208–209]. Однако, учитывая, что большинство членов общества – эгоисты, наличие «доброй воли», по Тойнби, представляет собой утопию.

Таким образом, проблема альтруизма, являясь камнем преткновения для биологов, психологов, философов и представителей других наук, требует своего решения, в том числе установления места понятия альтруизма в пространстве категорий этики.

1. Дьюсбери Д. Поведение животных: Сравнительные аспекты. М.: Мир, 1981. 480 с.
2. Майр Э. Популяции, виды и эволюция. М.: Мир, 1974. 460 с.

УДК 130.2
U.D.C. 130.2

ПОНЯТИЕ «ГОРОД» В АСПЕКТЕ ФИЛОСОФИИ КУЛЬТУРЫ

В статье осуществляется попытка дать определение понятия «город» в философско-культурном аспекте, для чего реализуется возможность описания города через «человеческое измерение» и поиск его координат в мире культуры.

Ключевые слова: город, культура, городская культура, антиномии.

Размышляя о городе, мы не испытываем никаких сложностей. Город предстает перед нашим внутренним взглядом как вполне понятный целостный образ. Но как только мы задаемся целью дать определение города, то эта интуитивная очевидность и ясность сразу же нарушается. Целостный образ разбивается на осколки, и мы, как Кай в чертогах Снежной королевы, безуспешно складывающий слово «вечность», будем так же безуспешно пытаться выложить слово «город». Нечто подобное испытывал Августин Блаженный, когда размышлял о времени. «...Что такое время? Пока никто меня о том не спрашивает, я понимаю, несколько не затрудняясь; но коль скоро хочу дать ответ об этом, я становлюсь совершенно в тупик» [1].

Такое несоответствие между интуитивной очевидностью феномена города и его теоретическим описанием наглядно представлено во множестве определений. Город характеризуется как

– «крупный населенный пункт; административный, торговый, промышленный и культурный центр» [4, с. 121];

3. Мак-Фарленд Д. Поведение животных: Психобиология, этология и эволюция. М.: Мир, 1988. 520 с.

4. Меннинг О. Поведение животных. Вводный курс. М.: Мир, 1982. 360 с.

5. Солбриг О., Солбриг Д. Популяционная биология и эволюция. М.: Мир, 1982. 488 с.

6. Соловьев В. Оправдание добра. Нравственная философия // PSYLIB: психологическая библиотека «Самопознание и саморазвитие». URL: <http://www.psylib.org.ua/books/solvs01/txt03.htm>. (дата обращения: 04.09.2013).

7. Спенсер Г. Синтетическая философия. К.: Ника-Центр, 1997. 512 с.

8. Тойнби А. Дж. Цивилизация перед судом истории. М.: Айрис-пресс, 2003. 592 с.

9. Эфроимсон В. Родословная альтруизма // Новый мир. 1971. № 10. С. 193–213.

© Гидлевский А. В., Здриковская Т. А., Зотов Р. А., 2013

Г. В. Горнова
G. V. Gornova

THE CONCEPT “CITY” IN THE ASPECT OF THE PHILOSOPHY OF CULTURE

This article attempts to give a definition of the concept “city” in the philosophical and cultural aspect through the realization of the possibility to describe a city through the “human dimension” and the search of its coordinates in the world of culture.

Key words: city, culture, urban culture, antinomy.

– «место, приспособленное для общежития социальной группы сложного характера, внутренне дифференцированной и получившей определенную правовую форму» [2, с. 31];

– искусственно созданная, социально преобразованная, отличная от природной среда обитания людей и др.

В разных подходах: статистическом, административно-правовом, социально-экономическом, формационном, средовом – акцент в определении делается на ведущих для этих подходов дефинициях, и по отдельности эти определения не дают возможности получить представление о целостности города, о его сущности. В своих попытках описать город через «человеческое измерение», найти его координаты в мире культуры мы тоже будем вынуждены самим материалом и логикой исследования ограничиться определением города в аспекте философии культуры.

В духовном мире человека город существует как целостный феномен во всем своем многообразии. Исследование жизни человека в городе органично включается в круг философско-антропологических проблем, объеди-

ненных стремлением к осмыслению человека в его целостности. Как бы ни расширялось и ни усложнялось знание о человеке, остаются неопровержимыми и эвристичными простые, общеизвестные идеи.

Во-первых, человек – существо активное, деятельное, склонное к целенаправленному преобразованию среды обитания. Во-вторых, человек – существо социальное. В феномене города обе эти идеи представлены в предельной форме. Город является результатом и объектом творческой деятельности человека. Более того, в нем сосредоточены практически все виды деятельности. Поскольку деятельность носит совместный характер, является со-деятельностью, город выступает квинтэссенцией социальности. Поскольку же любой реальный город является не только объектом приложения сил его жителей, но и овеществленным результатом деятельности прошлых поколений, он обладает способностью воздействовать на человека, причем не всегда позитивно. Поэтому в городе реализуется в полном объеме еще одна общеизвестная идея: человек – существо не только активное, но и страдающее. Город дает человеку свободу, но и ограничивает ее, диктует человеку, как следует жить.

Прежде чем переходить к философско-культурному и философско-антропологическому анализу города, надо хотя бы пунктирно обозначить важнейшие онтологические аспекты города. Для этого укажем на основные факторы, влияющие на жизнь человека в городе, которые являются практически хрестоматийными в урбанистическом дискурсе, т. е. обратимся к «азбуке урбанистики».

Известный тезис К. Маркса «бытие определяет сознание» задаст направление нашим размышлениям о том, как реальность города влияет на живущего в нем человека. Объективная реальность города в ее существенных формах и проявлениях противопоставлена человеку в его деятельности и познании и служит предметом духовного освоения.

Для человека город – прежде всего среда обитания, созданная его творческой деятельностью и, одновременно, оказывающая на него влияние. Эти стороны отношений человека и города фиксирует средовой подход. Средовой подход зародился в 1970-х гг. в профессиональном сообществе архитекторов, которые разрабатывали новые концепции архитектурного и градостроительного проектирования, затем был востребован социологией. Методологической базой этого подхода является философия жизни, которая, в свою очередь, опирается на биологию и антропологию. Городская среда – центральная категория средового подхода, именно в соотношении с ней рассматриваются все процессы, протекающие в городе. Научный статус понятия «городская среда» был обоснован В. Л. Глазычевым.

Городская среда представляет собой сложное комплексное образование, сформированное взаимодействиями и взаимовлияниями природной, техногенной и социальной среды. Ее основные черты – максимальная насыщенность, разнообразие вещно-предметного мира, концентрированность и интенсификация социальных процессов.

Город как сфера проявления активности человека противостоит ему в двух основных формах: как совокупность других людей и как совокупность вещных объектов. Для каждого отдельного человека, живущего в городе, понятия «социальная среда», «население города», непосредственно отнесенные лично к нему, безусловно, воспринимаются как абстракция. Человек не включает себя и своих близких в эти безликие понятия, для него «городское население» – это всегда «кто-то другой», причем «другой незнакомый». Понятие «социальная среда» описывает совокупность воздействий, взаимодействий и отношений, как правило, в направлении от социума к индивиду.

Чтобы рассмотреть обратную совокупность воздействий от индивида к социуму, введем рабочее понятие «гуманитарная среда города». Гуманитарную среду можно схематично представить в виде ряда концентрических окружностей, в центре которых находится горожанин, «Я». Ближайшие круги составляют «значимые другие», в отношениях с которыми он может существовать как неповторимое «Я»: его семья, друзья. Затем следует круг его коллег из трудового, учебного или иного коллектива и лишь потом – соседи: в городе соседские связи и отношения становятся менее значимыми, чем в сельской местности. Последнюю, анонимную окружность составляют прохожие, абстрактное «население города».

Именно такая последовательность приоритетов проявляется и в общении горожанина. Высокая плотность городского населения обуславливает интенсификацию различных форм социального общения. Современный человек является членом многих общностей: семьи, трудового коллектива, профессионального сообщества, национальной, религиозной группы, неформальных объединений. Система ценностей, норм поведения и форм общения в этих общностях различна.

С одной стороны, требуется быстрая переключаемость с норм, принятых при одних формах общения, на другие. С другой стороны, наблюдается когнитивная перегрузка: интенсивность физического («городская толчея») и эмоционального общения, свойственная городской среде, порождает усталость и приводит к некоторому истощению нервной энергии. Поэтому для горожан характерны следующие «энергосберегающие технологии» в общении: повышение удельного веса функционально-ролевого общения, высокая избирательность интимно-личностного общения, сокращение числа и интенсивности соседских контактов (человек их ограничивает, чтобы компенсировать общую перенасыщенность контактами городской жизни). Социологические исследования показывают, что свою квартиру горожане воспринимают как место ограничения контактов. Наибольшую активность жители крупных городов проявляют прежде всего в общении с друзьями и знакомыми, затем с родственниками, после с сослуживцами, а самая меньшая активность в общении приходится на соседские связи.

В повседневной жизни людей в городе органично и естественно осуществляется связь конкретного и абстрактного в восприятии другого: членов семьи, друзей, коллег, знакомых и незнакомых. Деревенские жители воспринимают соседей во всей чувственной конкретике, так

как пространство поселения совпадает с пространством знакомств. Численность населения города, естественно, делает это невозможным. Поэтому собственно городская «гуманитарная среда» начинается с соседей и прохожих. Жители современного города, с которыми горожанин сталкивается на улице, в транспорте, в общественных учреждениях, вполне конкретны, но при этом сохраняют «абстрактность», поскольку они анонимны и знакомства не предполагается. Тем не менее в этом анонимном общении происходит признание их существования, их наличия, их прав.

При этом благодаря формальности, функциональности, анонимности данного вида вербального и невербального взаимодействия сохраняется баланс между признанием других и сохранением собственной идентичности. И в результате предельная абстракция «населения» отчасти конкретизируется и оживляется, этим отличаясь от абстракций другого порядка: «народа», «нации», максимальных удаленных от чувственной конкретики.

Вещная среда города содержит в себе совокупность вещных объектов, их связи и взаимодействия. При предельно широком подходе к ней можно отнести «первозлементы», составляющие «городскую материю», ее всеобщие формы бытия: «городское пространство и время», полевые образования города. Город как «вторая природа» представляет собой антропогенный ландшафт, измененную специфически человеческой активностью природную среду. Город принципиально искусствен. Образно можно говорить о том, что преобразены даже первозлементы «городской» материи: земля, вода, огонь и воздух претерпевают определенные метаморфозы и приобретают дополнительные смыслы и значения.

Исследователи иногда совершенно неожиданно предлагают новое видение города. Например, Г. З. Каганов, анализируя телесные образы города, соотносит полевые структуры и телесность города и выделяет звуковое тело города, световое тело, воздушное тело запахов, вибрационное тело, гравитационное тело, электростатическое, магнитное, радиационное, биорезонансное и др. [3, с. 96]. Это единственная в своем роде попытка описания волновых феноменов как телесных. Что дает такое неожиданное соотношение телесности и полевых структур? Наверное, одну из возможностей «схватить» в анализе целостность города. Традиционно к «городскому телу» относят вещно-предметный компонент пространственной структуры города. А в философии понятие телесности фиксирует прежде всего изначальную целостность особого рода, взятую в единстве своего опыта, не сводимую к сумме частей. В русской философии исследование города как тела берет начало в трудах Н. П. Анциферова. Вещно-предметная, телесная среда города содержит в себе стабильные и мобильные компоненты, универсальные элементы, организующие пространство города, делится на вертикальные и горизонтальные зоны.

Исследование города в рамках культурфилософской рефлексии погружает нас в проблемное поле антиномического подхода, поскольку противоречивость – сущностное свойство городской культуры. В своем непрерывном развитии город преодолевает одни противоречия, создает дру-

гие, а часть противоречий так и остаются неразрешимыми. Актуальная и потенциальная антиномичность города является одним из механизмов развития городской культуры, показателем динамичности ее развития.

Антиномии города с этой точки зрения вполне правомерно могут рассматриваться как частный случай антиномий культуры. Антиномии культуры – это противоречия развития, которые меняют форму и содержание, но остаются неразрешенными до тех пор, пока существует развивающийся объект. Если пытаться преодолевать антиномии культуры, выбирая одну из сторон антиномии в качестве единственно истинной и отрицая другую, то такое упрощение реальной проблематичности бытия будет приводить к формированию репрессивных типов культуры.

Антиномичность связана со свободой, свобода многогранна и неразрывно соединена с феноменом города: широкий спектр возможностей, которые открывает город перед человеком, может быть реализован в свободе мышления, выбора, воли, деятельности, поступка, передвижения, творчества и в осознании обреченности на свободу.

Антиномическая рефлексия – характерная черта русской религиозной философии. П. А. Флоренский высказывал идею о связи антиномии и свободы. Он писал, что мир рассыпается в противоречиях и антиномии раскалывают целостность человека, но вера помогает человеку преодолеть антиномии действительности. Парадокс в том, что вера не стесняет свободы, так как никого нельзя заставить верить и никого нельзя заставить не верить [6, с. 489].

Почему оказываются связанными свобода и антиномичность? Возможно, потому что антиномия указывает на полярности бытия, содержит равно обоснованные противоположности, оцениваемые как относительно истинные, и предоставляет нам возможность как выбора жизни, так и рефлексии над жизнью, возможность поиска скрытого единства, взаимосвязи между противоположностями, возможность диалоговых отношений между разными гранями культуры, так как диалог возможен только при осознании различий.

Однако И. Кант отмечал следующую закономерность: когда человеку приходится делать выбор между тезисом и антитезисом антиномии, исходя не из необходимости найти логический критерий истины, а из своих практических интересов, то всякий здравомыслящий человек склоняется к выбору тезиса. Утверждения, что мир имеет свое начало, что душа бессмертна, что человеческая воля свободна и стоит выше принуждения законов природы, что в основе мира лежит некая первосущность, поддерживают уверенность человека в стабильности бытия, что очень важно для его практической, повседневной жизни. Антитезис же лишает его этих опор или человеку только кажется, что лишает.

Свобода сама по себе также антиномична: самые известные оппозиции – это свобода позитивная и негативная, «свобода от...» и «свобода для...», свобода внешняя и внутренняя. Понимание и принятие антиномичности бытия, а не ее отрицание, являются условиями свободного выбора, который способствует реализации личностных начал в культуре.

Среди множества дефиниций культуры существуют два полюса, к одному из них тяготеют такие подходы, в которых культура понимается как все созданное человеком, в отличие от созданного Богом или природой. Именно в таких подходах ведущей является антиномия «культура – натура», или же ее кантовская интерпретация «свобода – природа».

Поскольку культура включает в себя все созданное человеком, то имеется в виду родовой человек, который соотносится с культурой в целом. Родовой человек творит культуру в процессе разделения труда, отдельный индивид принципиально не способен охватить культуру в целом, но может быть, во-первых, творцом произведений искусства, которые впоследствии станут эталонными и повлияют на изменение культуры; во-вторых, индивид в процессе развития способен интериоризовывать универсальные установки культуры.

Ко второму полюсу относятся подходы, в которых трактовка культуры восходит к значению самого термина (от лат. *cultura* – возделывание, воспитание, образование, развитие, почитание). В этом случае культура определяется как идеалообразующая сторона жизни людей, основу культуры составляет система идеалов, а идеал выступает эталоном, с которым соотносится повседневность и посредством которого люди осваивают как социально-обусловленные нормы поведения, так и трансцендентные смыслы [5, с. 63].

Городская культура занимает срединное положение между этими подходами, город представляет собой меру развития сущностных сил человека, так как именно в городе активность, социальность, субъектность, рациональность человека представлены наиболее полно, так как город является результатом и объектом творческой деятельности человека. По своей природе деятельность представляет собой максимально активное отношение человека к окружающей его реальности, которую он преобразовывает, при этом предельно проявляя свою субъектность. Деятельность носит совместный характер, поэтому город выступает квинтэссенцией социальности.

Определение города в философско-культурном аспекте будет отличаться от его определений в административно-правовом, социально-экономическом, статистическом, средовом и других аспектах. Чтобы дать такое определение, важно выяснить, чем в культурном аспекте город отличается от не-города.

Во-первых, с появлением города стало возможным противопоставление городских и негородских основных форм поселений, сравнение их сущностных особенностей; возникло основание для теоретической рефлексии как города, так и деревни. Если в этой теоретической рефлексии город полагался как нечто, как самотождественность в-себе-бытия, то деревня представала «иным» города, для-себя-бытием; отчужденной формой, в которой не происходит познание и самопознание. Город же познает себя

посредством самоотчуждения в не-городе, возвращаясь из этого инобытия, становится в познании в-себе-и-для-себя-бытием.

Во-вторых, в лекциях по философии истории Г. Гегель высказывает мысль о том, что история есть у тех народов, которые создали государство, т. е. история как осознанный интерес к изучению прошлого возникает на определенном этапе развития общества. Мы можем продолжить эту аналогию по отношению к культуре: если культура как совокупность надбиологических программ деятельности, поведения и общения, способствующих воспроизводству и развитию человека и общества, появилась уже в первобытную эпоху, то в период развития городской цивилизации она стала осознавать себя. Непосредственно связанный с городом процесс разделения труда повлиял на возникновение самой теоретической деятельности, в рамках которой стало возможным осмысление культуры. Город – это форма культуры, сознающей себя.

В-третьих, при понимании культуры как идеалообразующей стороны жизни людей ведущей категорией становится категория идеального, которая обозначает некий предмет как объективное совершенство. Совершенный предмет воплощает в себе итог объективного развития рода вещей, служит репрезентантом рода. При взаимодействии с совершенным предметом субъект способен постигать весь класс вещей, стоящий за данным эталоном. В аспекте исследуемой нами проблематики город представляет таким итогом объективного развития культуры, совершенным предметом. Город – это наиболее совершенная форма бытия культуры.

Таким образом, в культурфилософском аспекте город – это форма сознающей себя культуры и наиболее совершенная форма бытия культуры. Соответственно, сущностной особенностью бытия городской культуры становится ее самоосознавание, и поэтому городская культура – это осознающая себя культура.

1. Августин Блаженный. Исповедь. Кн. 11, гл. 14. URL: <http://wco.ru/lillio/books/ispowed/main.htm>

2. Анциферов Н. П. Пути изучения города как социального организма: Опыт комплексного подхода. Л.: Сеятель, 1925. 151 с.

3. Каганов Г. З. Душа и тело города // Человек. 2002. № 1. С. 88–103.

4. Ожегов С. И. Словарь русского языка. М.: Рус. яз., 1987. 797 с.

5. Пивоваров Д. В., Медведев А. В. История и философия религии. Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 2000. 408 с.

6. Флоренский П. А. Столп и утверждение истины: в 2 кн. М.: Правда, 1990. Кн. 1. 490 с.

© Горнова Г. В., 2013

ТИПЫ ОТНОШЕНИЯ УЧЕНЫХ К ОКОЛОНАУЧНОМУ ЗНАНИЮ

В статье рассматривается специфика различных отношений к околонаучному знанию, сложившаяся в науке. Выделено три типа отношений ученых к околонаучному знанию: толерантный, интолерантный и иронический. Показано, что в основе выделенных позиций лежат представления о различных степенях опасности, которую несет околонаучное знание.

Ключевые слова: околонаучное знание, пженаука, наука, опасность, толерантность, ирония.

В духовной культуре практически всех обществ, исключая разве что совсем уж архаичные, не знающие такой формы духа, как наука, наряду с научным знанием существует огромный массив вненаучного знания. К этому роду знания обычно относят религию, искусство, мифы и обыденные знания. Однако, кроме названных видов, существует довольно обширная сфера знания, похожего на науку, но в тоже время отличного от нее. Эта сфера знания, в отличие от вненаучных знаний, располагается довольно близко к науке, существует рядом с наукой, и поэтому её называют околонаучным знанием.

Околонаучное знание неоднородно. Оно включает в себя огромный массив идей, концепций, представлений, носящих наукообразный характер. К околонаучному знанию относят уфологию, идею мирового правительства, ауровидение, солнечное питание, биоэнергологию, геопатию, криптозоологию, аквалогия, астрологию, паразитическую концепцию болезней, волновую генетику, нейролингвистическое программирование, телепатию, левитацию, литотерапию, уринотерапию и множество других.

Любое отношение носит оценочный характер, поэтому и отношение ученых к околонаучному знанию раскрывает специфику коммуникационных связей между этим знанием и наукой. От того, как ученые оценивают околонаучное знание, зависит и то, как они называют это знание и его носителей (творцов и реципиентов). Оценка учеными околонаучного знания оказывает непосредственное влияние также на исследовательскую позицию ученого, что сказывается на классификации и выделении структурных особенностей околонаучного знания. В научных кругах встречаются как сугубо негативные и даже оскорбительные характеристики (лженаука, ненаука, паранаука, квазинаука, антинаука, фрическая (уродливая), макулатурная, вульгаризированная), так и осторожно-нейтральные, относящие этот феномен к определенным сферам обыденного сознания, либо подчеркивающие оппозиционность его официальной науке (народная, альтернативная, нетрадиционная, экзотическая, девиантная, идеологизированная, маргинальная наука).

Отношение ученых к околонаучному знанию порождает активную позицию, инициируя создание разнообразных об-

TYPES OF ATTITUDE OF THE SCIENTISTS TO THE WOULD-BE SCIENTIFIC KNOWLEDGE

In this article the specific character of different attitudes to the would-be scientific knowledge is considered. Three types of attitudes of scientists to the would-be scientific knowledge are distinguished. They are tolerant, intolerant and ironic. The article demonstrates that at the basis of these attitudes lies the idea of different degrees of danger presented by the would-be scientific knowledge.

Key words: science, would-be scientific knowledge, pseudoscience, danger, tolerance, irony.

ществующих организаций и движений, направленных против распространения околонаучного знания, приводит к активизации пропаганды собственно научных знаний, делает актуальной тему социальной ответственности ученого. Наша статья освещает специфику отношения ученых к околонаучному знанию и направлена на выявление основных типов названного отношения.

Первый тип отношения ученых к околонаучному знанию можно назвать толерантным. Рассмотрим аргументы, которые выдвигают сторонники толерантного отношения к околонаучному знанию. *Аргумент первый* – мы живем в эпоху утвердившихся демократических идеалов и толерантность – один из них. Толерантность – это базовая ценность современной культуры, и на нее необходимо опираться не только в сфере политики или религии, но и в науке. Сторонники этого отношения считают, что нельзя называть субъектов околонаучного знания лжеучеными, а их знание – лженаукой. Термин «лженаука», как и его синоним «псевдонаука» зачастую воспринимается как уничижительный и оскорбительный.

В современном медиа-пространстве утвердилось еще одно уничижительное наименование для людей, увлеченных идеями околонаучного знания. Их называют научными фриками (от англ. *freak* – странный человек, чудак, урод). Этот термин используется как раз для обозначения отклонения от границ науки, которое демонстрирует сообщество необразованных, невежественных людей, претендующих на звание ученого, делающего великие открытия. «Большинство лжеученых – «фрики», люди, искренне верящие в ту чепуху, которую они предлагают человечеству... и фриков, как социокультурную болезнь, следует держать под контролем» [1, с. 10].

Термин «ненаучное знание» также воспринимается негативно и по этой причине приходится заменять его термином «вненаучное знание». Думается, что такого рода максимально-осторожный подход к выбору терминологии («как бы кого не обидеть») зачастую приводит к терпимо-безразличному отношению к околонаучному знанию как знанию, не несущему в себе никакой опасности ни для человечества, ни для науки, ни для культуры в целом.

Аргумент второй – сторонники толерантного отношения к околонучному знанию исходят из положения, что наука сама не содержит абсолютных истин и не является совершенной подсистемой общества. А коль так, то и к несовершенному околонучному знанию надо относиться толерантно. Нучные знания нередко реализуются в таких технологиях, которые разрушают и загрязняют естественную среду обитания человека, оказывают опасное влияние на биосферу в целом. Современная наука становится все более дорогой, поэтому нучные исследования концентрируются в немногих странах, что углубляет и без того немалый разрыв между ними и странами развивающимися. Кроме того, наука раскалывает единую культуру на две противостоящие друг другу сферы – нучно-техническую и гуманитарную.

Нетрудно заметить, что сторонники толерантного отношения к околонучному знанию занимают антисциентистскую позицию, согласно которой наука может представлять определенную опасность. Следовательно, необходима альтернатива. Поэтому сторонники толерантного отношения к околонучному знанию предпочитают называть его «альтернативным знанием», или «альтернативной наукой». «А коль так, то и в альтернативной наличной науке нельзя усматривать лишь негативно-критический пафос или попытку поставить на место разума нечто алогичное и иррациональное. Представляется, что в современном контексте вопрос об альтернативной науке – это прежде всего вопрос о восполнении известной ограниченности нынешней науки, причем ограниченности, вытекающей из самой ее природы. Это также вопрос о преодолении отчуждения науки от жизненного мира людей, о ее совместимости с идеалами и ценностями гуманизма» [4, с. 154].

Аргумент третий – в околонучном знании содержатся какие-то крупинки истины, вследствие чего нельзя огульно игнорировать его. Между наукой и околонучным знанием должны быть установлены отношения мирного сосуществования. «Одним из аспектов этого относительно «мирного существования» науки и паранауки является преодоление радикального сциентизма. В частности, должна быть снята установка изначального неприятия по отношению к сообщениям, полученным вне рамок науки. В основе оценки данных паранауки должна лежать не «презумпция вымысла», а «презумпция естественности», т. е. наличия рационального содержания и рационального объяснения сообщений такого рода. Разумеется, это не означает их некритического принятия или даже необходимости серьезного отношения ко всем ним без исключения. Возможно, элементарная проверка отсеет 99 % данных как феномены чисто психологического происхождения, но то, что остается сверх фантазии и саморекламы, должно быть объяснено» [3, с.172–173].

Таким образом, представители толерантного отношения к околонучному знанию убеждены, что оно не представляет опасности для науки. На деле такая позиция нередко ведет к тому, что околонучное знание не только уравнивается в своих гносеологических правах с наукой, но и начинает вести себя довольно агрессивно, стараясь диктовать свои условия науке, в силу чего в науке развивается радикально непримиримое отношение к околонучному знанию.

Второй тип отношений ученых к околонучному знанию можно назвать интолерантным (нетерпимым, ра-

дикальным). Его сторонники усматривают в околонучном знании противника, несущего потенциальную и актуальную угрозу для человека и науки. Ученые, настроенные интолерантно к околонучному знанию, предпочитают называть его лженаукой. Причины радикального неприятия околонучного знания видятся в следующем.

Во-первых, околонучное знание стремится уравнивать свои права с научным знанием. Это приводит, с одной стороны, к размытию, нечеткости критериев научного знания и его методов. С другой стороны (и это самое страшное), околонучное знание начинает диктовать свои правила науке, разрушая фундамент и принципы научного доказательства. Широко распространены высказывания представителей околонучного знания о необходимости пересмотра основных методов научного исследования, в частности воспроизводимости экспериментальных результатов. Поэтому многие ученые считают, что ни о какой толерантности не может быть и речи!

Результатом неясности границ науки и околонучного знания становится проникновение последнего (часто под видом науки) в систему образования. Э. П. Кругляков приводит массу примеров подобного рода. Так, в 1994 г. Магнитогорская горно-металлургическая академия издает учебное пособие А. В. Вачаева и Н. И. Иванова «Энергетика и технология структурных переходов». В 1997 г. в Ростове-на-Дону вышла книга «Концепции современного естествознания», написанная авторским коллективом под руководством доктора социологических наук, профессора С. И. Самыгина. В этом учебном пособии наряду с научными положениями представлены и псевдонаучные идеи. В тексте встречаются такие высказывания: «Ученые предполагают, что информация о каждом предмете, об объектах живых и неживых имеется во всех точках Вселенной одновременно»; «Информационное поле содержит информацию обо всем во Вселенной и способно зарождать жизнь и направлять ее развитие» и т. д. [2, с. 14].

Другой пример: в 2000 г. И. И. Юзвшин выпускает книгу по основам информაციологии, представленной в качестве новейшего научного направления. В этой книге, например, с целью расширения научных исследований и снятия «ортодоксальных квазинаучных запретов» (которые существуют в современной науке, но, по мнению И. И. Юзвшина, мешают настоящим исследованиям) предлагается расширить шкалу температур. В итоге, помимо шкал по Цельсию и по Кельвину появляется новейшая шкала «по Юзвшину». Конечно, как замечает Э. П. Кругляков, весь этот бред выглядит смешно, но становится грустно, когда узнаешь, что эта книга – «учебник для высших и средних учебных заведений, курсов повышения квалификации и самообразования». «Не знаю, – пишет Э. П. Кругляков, – где внедрен обсуждаемый «учебник», но в Московском институте радиотехники, электроники и автоматики господин Юзвшин около десяти лет возглавляет кафедру информაციологии и читает двухсеместровый курс «Основы информაციологии». Попутно доктор технических, физико-математических, информაციологических и биологических наук Юзвшин калечил студентов Московского института информაციологии» [2, с.15]. Также в 2000 г. в Алтайском государственном техническом университете им. И. И. Ползу-

нова (г. Барнаул) вышло в свет учебное пособие «Физика и техника торсионных излучений. Торсионные технологии». Вместе с А. Акимовым и Г. Шиповым в соавторстве учебного пособия оказался профессор Г. И. Госьков. «Сегодня господин Госьков – заведующий кафедрой информационных технологий этого университета. Среди его последних «достижений» – измерение «энергоинформационных излучений», обнаружение «биоэнергии», «зарядка» воды с помощью электромагнитных волн, ультразвука, обыкновенной книги и «манипуляций руками»» [2, с. 15].

Во-вторых, представители околонуучного знания, уверенные в своем равенстве и даже превосходстве над наукой, начинают претендовать на государственное финансирование своих якобы научных исследований. Претензии такого рода иногда венчаются успехом, что наносит реальный вред государству и обществу. Особенной настойчивостью при внедрении в систему государственного финансирования обладают «разработчики» так называемой концепции торсионных, или, как их раньше называли, спинорных полей.

В-третьих, околонуучное знание пытается продемонстрировать свою практическую эффективность не только в тех сферах промышленности, которые традиционно находятся под опекой государства, но и внедриться в медицинскую практику, что наносит существенный вред здоровью людей и их финансовому благосостоянию. Как обычно бывает, разработчиков интересует не здоровье, а деньги, которые может принести реализация того или иного проекта. Так, на рынке медицинских технологий появляется прибор, излечивающий 350 болезней. В других случаях создаются клиники нетрадиционной или альтернативной медицины. Так, П. А. Попов, открывает медицинский центр под названием «Третья медицина», в которой предлагает лечить многие болезни якобы традиционными способами. В частности, геморрой лечится огурцом, простатит – свежеспеленным пеньком, а облысение – втиранием комара в голову. Зубную боль удалять вообще просто – засовыванием руки в рот. И все это представлено как альтернативное лечение.

Реакцией научного сообщества на такого рода учения и практики стало создание общественных организаций, которые ведут просветительскую работу среди населения, выпускают специальные журналы и газеты, в которых разоблачают псевдонаучные результаты и сообщения о разного рода паранормальных явлениях.

В США в настоящее время существует около 40 региональных организаций по борьбе с околонуучным знанием. Разумеется, российское научное сообщество также активно действует в этом направлении. Можно назвать наиболее крупные организации, проводящие работу в этом направлении. Это Российское гуманистическое общество (РГО), научно-просветительский проект и журнал «Скепсис», основанный в 2002 г. группой аспирантов МПГУ, Комиссия по борьбе с лженаукой и фальсификацией научных исследований. Последняя создана в 1998 г. по инициативе академика РАН, лауреата Нобелевской премии Виталия Гинзбурга. Долгое время Комиссию возглавлял академик Э. П. Кузьмаков (1934–2012), ученый-термоядерщик, заведующий кафедрой физики плазмы в Новосибирском государственном университете. С ноября 2006 г. Комиссия выпускает

буллетень под названием «В защиту науки». В Интернете имеется сайт под названием «Фрикопедия – энциклопедия лженауки», в которой представлены биографии наиболее «раскрученных» лжеученых и их основные идеи. Фрикопедия, подобно Википедии, создается рядовыми пользователями сайта и существует за счет пожертвований не безразличных к судьбе науки людей, настроенных против лженауки.

Третий тип отношения ученых к околонуучному знанию можно назвать ироническим. Его сторонники основывают свою позицию на двух аргументах.

Во-первых, околонуучное знание, хотя и представляет собой определенную угрозу для существования культуры и жизни человечества, но от него никуда не денешься. Оно всегда существовало и никакие запреты не помогут в борьбе с ним. Иногда вполне достаточно довести ситуацию до комической, чтобы люди поняли, что ничего положительного и гносеологически ценного в околонуучном знании быть не может.

Во-вторых, основными субъектами околонуучного знания являются либо больные люди, либо мошенники и шарлатаны. Больные как субъекты околонуучного знания оказываются довольно безобидными людьми, просто будто заблудились. А к заблудившимся отношение и должно быть ироническим. В мире ученых возникают сообщества, в которых превалирует ироническое отношение к околонуучному знанию. Так, в США есть организация, проводящая ежегодный конкурс на Анти-Нобелевскую премию или, как ее называют российские ученые, «Шнобелевскую премию». В интернете существует так называемая Российская академия мракобесия и лженауки (РАМИЛ). Эта академия учреждена для прижизненного увековечивания памяти и творческого наследия выдающихся шарлатанов и мракобесов России. И если академик РАМИЛ умирает, его исключают из состава академии. Вице-президентом РАМИЛ по секции лжемедицинских наук был назван Г. П. Малахов, ведущий телепрограммы «Малахов плюс», за развитие в России уринотерапии. По секции лжеистории был избран Г. П. Мулдашев, но, увы, в 2012 г. он покинул эту академию в связи с кончиной. По секции лжеестественных наук – А. Е. Акимов, по лжеобщественным наукам – П. Л. Глоба. Действительными членами этой воображаемой академии являются Г. П. Грабовой, В. Г. Меданов, М. Н. Задорнов, А. Т. Фоменко, В. Б. Резун (Суворов), В. А. Ефимов, А. М. Кашпировский, Н. В. Левашов (исключен в 2012 г.), С. Н. Лазарев, В. Н. Петрик, С. С. Коновалов, В. А. Миронов.

Таким образом, в культуре сложились три типа отношений ученых к околонуучному знанию: толерантное, интолерантное (радикально-негативное), ироническое (умеренно-негативное). В основе выделенных типов лежат те или иные представления о степенях опасности, идущих от околонуучного знания. Ученые, радикально-негативно настроенные против околонуучного знания, считают это знание опасным, угрожающим основам человеческой культуры. Ироническое отношение к околонуучному знанию складывается у тех, кто считает околонуучное знание хотя и опасным, но не угрожающим науке. Толерантно настроенные ученые не видят в околонуучном знании никакой опасности.

1. Захаров В. Е. Испытание Петриком // В защиту науки. 2012. № 11. С. 9–11.
2. Кругляков Э. П. Чем угрожает обществу лженаука? // Вестник РАН. 2004. Т. 74. № 1. С. 8–16.
3. Мартишина Н. И. Когнитивные основания паранауки. Омск: Изд-во ОмГТУ, 1996. 188 с.

4. Филатов В. П. Об идее альтернативной науки // Заблуждающийся разум?: Многообразие вненаучного знания / отв. ред. и сост. И. Т. Касавин. М.: Политиздат, 1990. С. 152–174.

© Денисов С. Ф., Денисова Л. В., 2013

УДК 141.333
U.D.C. 141.333

У. В. Жулина
U. V. Zhilina

СМИРЕНИЕ И ПРОТЕСТ В ХРИСТИАНСТВЕ

В статье рассматриваются представленные в христианстве этические проекты смирения и протеста. Обосновывается их диалектическое единство и синтез в самопожертвовании для преодоления человеком ограниченности и конечности собственного бытия, спасения души и достижения совершенства.

Ключевые слова: смирение, протест, христианство, самопожертвование.

HUMILITY AND PROTEST IN CHRISTIANITY

In this article the Christian ethical projects of humility and protest are considered. The author reveals their dialectical unity and synthesis in self-sacrifice for the man's negotiation of the limitation and finiteness of his being, the salvation of his soul and the attainment of perfectness.

Key words: humility, protest, Christianity, self-sacrifice.

Смирение и протест являются двумя универсальными формами взаимоотношения человека с окружающей средой, как природной, так и социальной. Более сильным внешним условиям окружающей среды, представленным в образе богов, государства, общественного большинства или природных сил, человек может либо подчиняться, т. е. смиряться с их волей и предписаниями, либо противостоять им. Совершение этического выбора в пользу смирения или протеста во многом определяет как судьбу отдельного человека, так и историю целых государств.

Традиционно в христианстве стратегия смирения рассматривается как добродетель, спасающая от греха, и противопоставляется протесту, который, в свою очередь, считается деструктивным, разрушающим и человека, и общество.

Но именно за проповедь ценностей смирения и несопротивления злу христианство осуждали различные философы как учение, насаждающее приспособленчество и оправдывающее угнетение человека правящими классами. Так, например, Ф. Ницше утверждал, что «в христианстве на первый план выходят инстинкты угнетенных и поработанных: в нем ищут спасения низшие сословия» [2, с. 35].

Однако если обратиться к истории возникновения и развития христианства, можно обнаружить, что само это учение зародилось в форме протеста, а Христос и его первые последователи были осуждены как преступники. В связи с этим возникает необходимость философско-антропологического осмысления смирения и протеста в христианстве.

Согласно Библии, история человечества, какой мы знаем её сейчас, началась с грехопадения Адама и Евы, которое представляет собой осознанное нарушение воли Бога, неподчинение более сильному внешнему авторитету даже под страхом наказания изгнанием и смертью. Протест против воли Бога в Библии – грех, но именно он определяет сущность человека. Способность противостоять самому Богу, пусть

и безнадежно, – истинно человеческая черта, подтверждение его свободы и личной ответственности за свой выбор.

Смирение пред Богом рассматривается как праведность. И все же грех предшествовал праведности в истории отношений человека и Бога, нарушение воли Бога было первичным к повиновению ему. В этой связи любопытно замечание Э. Фромма о том, что «человеческая история началась с акта неповиновения, и не исключено, что закончится она благодаря акту послушания» [3, с. 30].

Праведность и смирение перед Богом даются человеку нелегко и требует жертв: современники высмеивали Ноя, строившего ковчег, а Аврааму для доказательства преданности Бог повелел принести в жертву сына Исаака. Смирение перед Богом не всегда означает принятие мнения окружающих людей: «не следуй за большинством на зло, и не решай тяжбы, отступая по большинству от правды» [Исх. 23:2]. Если воля большинства людей, общества или государства не соответствует заповедям Бога, то человек должен следовать последним, чего бы это ему ни стоило в мире людей, вплоть до изгнания и смерти.

Уже в первых книгах Ветхого Завета обнаруживается диалектическое взаимодействие смирения и протеста в поведении человека. С одной стороны, от человека требуется полное послушание Богу и беспрекословное соблюдение его заповедей, с другой стороны, стремление исполнить замысел Бога предполагает отречение от многих человеческих ценностей, таких как общественное одобрение, выраженное в различных формах, здоровье и даже жизнь. Верующего человека, исполняющего волю Бога, нельзя назвать приспособленцем и конформистом, поскольку смирение перед Богом означает протест против своего несовершенства, телесной и духовной слабости, личных, мелких интересов и страхов, против своей смертности, в конечном итоге.

В Библейской традиции протест и смирение – это две основные формы отношения человека к Богу, миру и другим

людям. О господстве речи нет, человек, согласно Библии, не хозяин, а гость в этом мире, он является сотворенным, а не творцом, он вторичен по отношению к Богу и созданному им миру и относится к Богу, как «глина к горшечнику». Только единожды Бог говорит человеку «господствуй» [Быт. 4:7], и это господство относится к греху, который нужно себе подчинить. Таким образом, господствовать человек может только над самим собой и то не полностью, а лишь быть способным к свободному выбору между грехом и праведностью.

Смирение перед Богом, являющееся добродетелью в иудаизме, в христианстве становится всеобщим правилом отношения человека с миром. Не только с Богом и ближними людьми, но также и с врагами. Врагов должно любить, прощать и молиться за них. В Нагорной проповеди Иисус говорит о блаженстве кротких, и о необходимости быть готовым к гонениям, поношениям и смерти во имя Бога. Запрещается применять силу даже для сопротивления злу. Также проповедуется смирение и покорность всякой земной власти: слуги должны повиноваться господам, дети родителям, жены мужьям, должно повиноваться всякому начальнику, царю и правителю. Служить следует не только добрым господам и правителям, но и суровым, не протестуя и тем самым не умножая зло в мире.

Идея служения Богу и людям в Новом Завете становится одной из главных, подчеркивается её тесная связь с идеей господства. Высшее господство выражается в высшем служении. Невозможно человеку возвыситься над другими людьми и приблизиться к Богу, не служа. Служение в данном содержании не равнозначно прислуживанию, рабству или простому угождению. Служение носит добровольный характер и подразумевает помощь, заботу и личную ответственность за ближних. Поспорившим о первенстве и приближенности к Богу ученикам, Христос говорит: «...кто хочет между вами быть большим, да будет вам слугою; и кто хочет между вами быть первым, да будет вам рабом; так как Сын Человеческий не для того пришел, чтобы Ему служили, но чтобы послужить и отдать душу Свою для искупления многих» [Мф. 20:26–28].

Если в Ветхом Завете исполнение заповедей как отдельным человеком, так и всем народом поощряется Богом и служит основанием долголетия и благополучия, то все, что обещает Христос своим последователям – это вечная жизнь, но в ином мире, уверенность в существовании которого человеку свойственно ставить под сомнение. Христос сам называет свое царство «не от мира сего», и всем желающим попасть в это царство необходимо преодолеть в себе земное, человеческое.

Христианину предписывается не затевать тяжб, споров и судебных разбирательств, даже если он прав и закон на его стороне, лучше терпеть несправедливость, оставаться обиженным, сносить лишения. Смиряться необходимо перед любым унижением: «... вы терпите, когда кто вас порабощает, когда кто объедает, когда кто обирает, когда кто превозносится, когда кто бьет вас в лицо» [2Кор. 11:20]. Готовность христианина к полному смирению и повиновению обуславливается верой в то, что ценность всей земной жизни заключается в испытаниях, которые должен преодолеть человек для того, чтобы победить тленный и конечный мир и обрести жизнь вечную. Во множестве испытаний проявляется любовь Бога к человеку, как любовь отца к сыну, желаю-

щего подготовить его и научить подлинной жизни. Чем большее количество испытаний прошел человек, тем большую победу он одержал над миром и тем ближе приблизился он к Богу. Несопrotивление злу, смирение перед внешним злом и насилием, объясняется тем, что помимо желания не увеличивать количество зла в мире, христиане своим смирением спасают тех, перед кем они смиряются, включая своих врагов, предоставляя суд и наказание только Богу. Христианин служит людям не только для своего, но и для их спасения.

Но христианское смирение полностью пренебрегает выживанием и земными ценностями: «...никто, возложивший руку свою на плуг и озирающийся назад, не благонадежен для Царствия Божия» [Лк. 9:62]. Традиция, положенная в Ветхом Завете и продолженная в Новом, предписывает человеку постоянную борьбу с мирскими привязанностями и слабостями для вечной жизни. Мария, внимательно слушающая Христа, угодна ему более, чем Марфа, суетящаяся по дому и озабоченная бытом. Библейское смирение не тождественно приспособлению для выживания и конформизму. По словам Н. А. Бердяева, «подставить щеку обидчику есть духовный подвиг, предполагающий смирение в себе и преодоление древних родовых инстинктов...» [1, с. 332].

Да, и Христос, и апостолы говорили о смирении перед родителями, светскими властями, служении людям, вплоть до претерпевания от них оскорблений и унижений, однако Христос говорил и о том, что он принес на землю не мир, но меч, о том, что он пришел разлучить отца с сыном и мать с дочерью. Человек, последовавший за Христом, обречен на войну с миром, на страдания и гонения в этом мире, он уподобляется воину, сражающемуся за свою душу.

Смирение и протест, являясь двумя основными формами отношения человека с Богом, миром и людьми, находятся в диалектическом единстве. Сам Христос – смиренный Бог, жертвующий собой ради людей, показывающий своей смертью путь в вечную жизнь, является протестующим человеком, нарушившим священность обыденного и авторитет традиции, не ищущим оправдания в большинстве, творящим добро в субботу, разгоняющим торговцев в Иерусалимском храме, побеждающим смерть. Как Бог Иисус смиряется, а как человек протестует, побеждая в итоге ограниченность человеческой жизни.

Таким образом, смирение и протест в христианском учении находятся в диалектическом взаимодействии, а их синтез раскрывается в самопожертвовании, в готовности стойко принимать любые лишения и противостоять всему, что мешает человеку достигнуть спасения души и личного бессмертия, даже наперекор воле окружающего большинства или неблагоприятным внешним условиям, ценой собственной жизни.

1. Бердяев Н. А. Назначение человека. М.: АСТ, 2010. 478 с.

2. Ницше Ф. Антихристианин // Ф. Ницше, З. Фрейд, Э. Фромм, А. Камю, Ж. П. Сартр. М.: Политиздат, 1990. С. 17–94.

3. Фромм Э. О неповиновении и другие эссе. М.: АСТ, 2012. 217 с.

СУБЪЕКТ ФИЛОСОФСТВОВАНИЯ: ПРОБЛЕМА САМООПРЕДЕЛЕНИЯ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОСТИ

В работе рассматривается проблема самоопределения субъекта философствования в условиях современного духовного кризиса, в период, когда на смену строго определенным областям знания приходят пограничные области исследования, когда философ вынужден играть разные социальные роли, с одной стороны, демонстрируя многообразие форм проявления субъекта философствования, а с другой – рискуя потерять свое подлинное назначение.

Ключевые слова: мыслитель, философ, акт философствования, субъект философствования.

THE SUBJECT OF PHILOSOPHIZING: SELF-DETERMINATION IN MODERN CONDITIONS

The article is dedicated to the problem of the self-determination of the philosophizing subject in conditions of the modern cultural crisis. In the present period when frontiers between sciences vanish the philosopher has to play different social roles: on the one hand, these are various forms of manifestation, and, on the other hand, there is a great risk to lose his true purpose.

Key words: thinker, philosopher, act of philosophizing, subject of philosophizing.

Судьба философа – это уникальная, экзистенциальная траектория в пространстве философского мыслетворчества, но при этом философ в качестве субъекта философствования всегда встроен в культурную среду своего времени. Современное состояние культуры и общества имеет свою специфику. Часто можно услышать, что мы живем во времена перемен, трансформации всех духовных сфер, где кризис неизбежен.

На рубеже XIX–XX столетий произошли события, радикально изменившие не только духовное пространство, но и мир в целом. Развитие промышленности и науки хотя и создало невиданные возможности удовлетворения человеческих потребностей, но не сделало мир счастливее, добрее. Напротив, Первая мировая война, а за ней Вторая разрушили иллюзию о прогрессивном развитии человечества. «Несмотря на очевидные успехи научных способов постижения действительности, кризис охватил науку. Это выразилось в том, что под сомнение была поставлена сама «научность», сам способ постановки решения научных задач, глубокий кризис охватил всю духовную культуру, которая в определенном смысле была связана с наукой... Неспособность мыслителей-философов противопоставить вакханалиям мировых войн и всем иным стихиям нарастающей абсурдности бытия принципиально обновленные общечеловеческие перспективы поставили значимость (нужность) самой философии под вопрос» [3, с. 4].

В этой ситуации критика философии, переосмысление её роли, её предмета, её сути стала неизбежной.

«Со второй трети прошлого века начался процесс, степень радикальности коего участники (за редкими исключениями) вряд ли были в состоянии адекватно осмыслить. Именно в отношении «метафизической» составляющей философии он ознаменовал разрыв более глубокий, чем когда-либо ранее бывшие в истории средиземноморско-европейской философии и ознаменовавшие смену прежних исторических типов философии: от античной к средневековой христианской и от нее к новоевропейской. Отныне под сомнение поставлены цели, проблематика, прежний

предмет философствования и его главный инструмент: абстрактная мысль» [5].

Такая трансформация философии не могла не отразиться и на самом философствующем. Продолжая эту же мысль, В. Д. Губин пишет: «Нынче философия (и сама культура) становится очень интересной игрой, в которой сталкиваются разные стили, эпохи, мироощущения, виды и формы знания. При этом философ превращается в архивариуса, эколога, археолога, ученого и так далее» [1, с. 187]. Кто такой философ сегодня, в какой «форме» он обнаруживает себя в духовном пространстве человека и общества? Возможно, ответ на этот вопрос прояснит и то, как философ самоопределялся раньше.

Первые философы появились в Древней Греции, их считали мудрецами. Сам же термин «философ», приписываемый Пифагору и означающий «любящий философию», возник несколько позже. М. Хайдеггер писал, что «греческое слово *φιλοσοφία* восходит к слову *φιλοσοφος*. Это последнее изначально является именем прилагательным, как *φιλάργυρος* – сребролюбивый и *φιλότιμος* – честолюбивый. Слово *φιλοσοφ*, вероятно, было пущено в ход Гераклитом. Это означает, что для Гераклита еще не существовало *φιλοσοφία*... Гераклит и Парменид еще не были философами. Почему? Потому, что они были более великими мыслителями. «Более великими» не подразумевает отчета о проделанной работе, но указывает на иное измерение мышления. Гераклит и Парменид были «более великими» в том смысле, что они еще пребывали в согласии с *λόγος*...» [9, с. 149–150].

Можно сказать, что изначальный смысл, характеризующий «философствующего», состоял в том, что он имел иное «измерение мышления», где человек пребывает в согласии с Логосом. Поэтому, пребывать в согласии с Логосом означает пребывать в целом, мочь своей мыслью охватить целое. Это состояние в древности стали называть мудростью, а пребывающих в нем – мудрецами.

Называя первых философов мудрыми, современники в большей степени восприняли философские положения

как своеобразные познавательные и поведенческие императивы, так как первая форма, в которой обнаруживали себя философствующие, являла собой не столько способ построения системы знания, сколько образ жизни. И поэтому одной из функций философии было в то время выступать именно в качестве формы мировоззренческого наставления, оставив внутри самой себя формы его обоснования, которые большинству людей безразличны и представляются специальными. Однако это одновременно явилось основой для восприятия философии как особой системы, содержащей в себе ответы на жизненные вопросы.

В V–IV вв. до нашей эры появились платные учителя мудрости – софисты. Софисты – любители мудрости, стали любить выгоду и успех в деле «поиска мудрости», а само дело стало делом политических дискуссий, направленных не на поиск «подлинного», а на поиск «выгодного». Их мудрость скорее не «согласие с Логосом», а «гибкость ума», или, в обычном употреблении этого слова, хитрость.

Хотя многие философы-софисты отличились не столько глубокой философией, сколько искусством риторики, все же не стоит сбрасывать их со счетов. Как точно это заметил М. Хайдеггер: «Впрочем, разве не отважился один софист во времена Сократа сказать: всех вещей мера человек, – сущих, что они суть, не сущих, что они не суть? В конце концов, разве бытие сущего не понимается Платоном как созерцаемое, «идея»? И разве для Аристотеля отношение к сущему как таковому не есть $\theta\epsilon\omega\rho\acute{\iota}\alpha$, чистое видение?» [8, с. 56].

Таким образом, уже в древности субъект философствования предстает в разных формах: как «мудрец», как «любитель мудрости» и как «учитель мудрости» – «софист». Однако их объединяет то, что все они стоят «на страже» мудрости и самоопределяются в культуре как «мудрые».

Иначе говоря, первые философы взяли на себя «бремя» заботы, чтобы сохранялся «просвет бытия», откуда открывается истина, знание которой давала им мудрость.

В Средние века «философствующий больше не может выступать от имени мудрости, полнотой мудрости обладает только Бог. Исходной точкой для всякого исследования стало «Божественное откровение». Поэтому вера становится принципом, «из которого одаренная бессмертной душой тварь извлекает познание своего создателя» (А. Штекл). Возможность философствовать открывается в искусстве интерпретации священных текстов. Интерпретация всегда вторична в отношении божественного слова и не может совпадать с истиной. Философствующий оказывается социально незначимой фигурой, его удел «вечные сомнения», а истина достижима только благодаря вере. Он, как субъект философского мыслетворчества осуществляющий заботу о себе мыслящем, оказывается, в конечном счете, либо преследуемым властью, либо философствующим богословом.

Свое независимое положение философия возвращает лишь в Новое время. На протяжении XVII–XX вв. развитие философии было неразрывно связано с развитием науки, сопровождая, стимулируя и поддерживая ее, она получила от нее взамен пульс перемен. «Действительно, философия заняла совершенно новое место в жизни общества и обрела новый склад, переступив порог третьей великой эпохи в истории западного мышления... Философия Нового вре-

мени стала утверждаться как независимая сила в интеллектуальной жизни. Точнее говоря, философия начала освобождаться от пут религии, дабы вступить в новый союз с наукой» [6, с. 228–229].

По мере становления науки как особой формы человеческого познания многие философы стремились даже в изложении своих мыслей следовать принципам научности, образцом которых служили математические науки. Спиноза не только излагает «в геометрическом порядке» философию высоко чтимого им Декарта. Но в виде труда по геометрии пишет свою «Этику». Не говоря уже о том, что немало выдающихся мыслителей соединяло в себе мудрость философа с талантом ученого-исследователя (Декарт, Лейбниц, Ломоносов, Кант и т. д.). Начиная с XVII в., наука становится образцом для многих крупнейших философов. Свое краткое и популярное изложение «Критики чистого разума» Кант называет «Прологоменами ко всякой будущей метафизике, могущей появиться как наука». Философия призвана, по его убеждению, обосновать саму возможность математики и естествознания. Это же относится к областям знания, связанным с «практическим разумом»: «хранительницей науки всегда должна оставаться философия» [2, с. 331]. По Канту, философия – это «законодательница разума», способная направить разум. Для Гегеля основные разделы философии представляют собой философские науки, и сама философская система предстает как «Энциклопедия философских наук».

Философ обретает новый статус в духовном пространстве общества, он становится «законодателем разума». Он способен «самостоятельно мыслить», «применять свой разум свободно и оригинально, а не рабски подражательно» [2, с. 333]. Но в то же время, по мнению Канта, есть и «школьные философы» – «филодоксы», виртуозы ума, «стремящиеся к спекулятивному знанию, не обращая внимания насколько оно содействует последним целям человеческого разума» [2, с. 332]. Теперь философ обнаруживает себя в качестве субъекта либо «свободно распоряжающегося своим умом», чтобы содействовать последним целям человечества, либо «виртуозом ума».

Сегодня субъект философствования может играть самые разные роли. Ф. Ницше, тонко чувствующий происходящие перемены, писал: «Двадцатый век – это время, когда нарождается новый род философов, я отваживаюсь окрестить их небезопасным именем... эти философы будущего хотели бы по праву, а может быть и без всякого права называться искусствителями» [4, с. 273]. Проявляемая тенденция размывания границ между различными духовными сферами вывела на «авансцену» нового фигуранта мысли, который, будучи универсальным посредником, снимает всякое «социально-философское», цеховое или административно-конъюнктурное определение философии... Эта фигура «интеллектуала-мыслителя», которая и ранее была в культуре, сейчас обрела новый смысл, она заняла место философа в современном духовном пространстве [8, с. 79]. По поводу этого «фигуранта мысли» М. Эпштейн пишет: «Мыслитель – это вообще загадочный род деятельности, который отсутствует в любом перечне социально признанных профессий, ни в одной самой причудливой и богатой культуре нет таких штатных единиц – мыслителей. Есть профессии писате-

ля, критика, литературоведа, философа, преподавателя, но можно принадлежать к любой из них и при этом не быть мыслителем... Мыслителя нельзя также отождествлять с мудрецом. Мудрец пребывает в духовном покое, его мысль обрела точку опоры, он знает истину и согласует с ней свою жизнь, тогда как мыслитель находится в постоянном движении. «Мудрец ценит ясность головы, мыслитель любит головокружение, он опьяняется мыслью» [10, с. 105]. На первый взгляд, «мыслитель» оказывается, по своему определению, очень близок философу, но в то же время мыслитель может быть и не философом, а ученым, литературоведом, лингвистом, художником и т. п. Философ сегодня – это и философ-любитель, и философ-профессионал, и философ-преподаватель, и философ-исследователь, и философ-исследователь, и мыслитель. Какая из этих форм сегодня олицетворяет субъекта философского мыслетворчества?

Философ-любитель, очарованный философией, часто воспринимает философию как «игру в бисер», которой можно заниматься время от времени, ведь это ни к чему не обязывает и не налагает ответственности. Философ-преподаватель, как правило, заботится о воспроизведении чужих мыслей с целью передачи их ученикам.

Философ-профессионал, имеющий профессиональное образование, владеющий «целым набором» методов, приемов, техник философствования, освоивший язык, исторически сложившийся в разных философских школах, официально представляет в социуме и в культуре «лицо философии».

Это дает право занять философии определенное место в культуре и социуме. Однако на сегодня профессионализм философствующего оказывается на втором плане. «Сегодня, – как пишет В. Подорога, – речь идет о реальной борьбе за власть над распределением каких-то важных для научного сообщества или группы ресурсов, доступ к средствам массовой информации и т. п. Исследовательские программы пронизаны этими интересами, которые вряд ли могут иметь отношение к поискам истины» [7, с. 78]. Философ-профессионал, оказываясь в зависимости от социальных рамок, от признания в ученом сообществе, не свободен от искушения стать не субъектом философствования, а, к примеру, субъектом власти. Однако ин-

туитивно философствующий, будь то профессионал или мыслитель, понимает, что кроме признания должно быть еще что-то, что позволяет ему встать вровень с Платоном, Декартом, Кантом и другими великими философами. На наш взгляд, это «что-то» и есть призвание, которое позволяет субъекту философствования отличить любовь к себе в философии от любви к мудрости, что, несомненно, играет главную роль в самоопределении субъекта философствования в настоящее время.

1. Губин В. Д. Онтология. Проблемы бытия в современной европейской философии. М., 1998. 191 с.
2. Кант И. Логика. Пособие к лекциям // Кант И. Трактаты и письма. М., 1980. С. 319–444.
3. Многообразие жанров философского дискурса: коллективная монография / под общ. ред. д-ра филос. наук В. И. Плотникова; Рос. филос. об-во и др. Екатеринбург, 2001. 275 с.
4. Ницше Ф. По ту сторону добра и зла // Ницше Ф. Соч.: в 2 т. М., 1980. Т. 2. С. 238–407.
5. Перов Ю. В. Проблематичность метафизических оснований философии истории. URL: http://www.anthropology.ru/ru/texts/perov_y/metares02_01.html
6. Тарнас Р. История западного мышления / пер. с англ. Т. Азеркович. М., 1995. 444 с.
7. Философия и литература: проблемы взаимоотношений (материалы «круглого стола») // Вопросы философии. 2009. № 9. С. 56–96.
8. Хайдеггер М. Время картины мира // Хайдеггер М. Время и бытие. Статьи и выступления: пер. с нем. М.: Республика, 2001. С. 41–63.
9. Хайдеггер М. Что такое – философия? // Путь в философию. Антология. М., 2001. С. 145–158.
10. Эпштейн М. Синявский как мыслитель (отрывки) // Синтаксис. 1995. № 36. С. 86–105.

© Зенец Н. Г., 2013

УДК 130.2
U.D.C. 130.2

Н. Г. Краснаярова
N. G. Krasnoyarova

ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ КАК МЕТОДОЛОГИЯ: ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ

В статье рассматриваются методологические возможности философии культуры в истории философии. Основная цель исследования – выявить на основе культурфилософского подхода основные формы бытования философии в культуре (на примере античной философии).

Ключевые слова: культура, античная философия, форма мысли, метафора, мифотворчество.

THE PHILOSOPHY OF CULTURE AS METHODOLOGY: HISTORIC-PHILOSOPHICAL POTENTIAL

The article considers the methodological possibilities of the philosophy of culture in the history of philosophy. The main objective of the research is to identify the main forms of existence of philosophy in the culture on the basis of the cultural philosophical approach (on the example of ancient philosophy).

Key words: culture, ancient philosophy, form of thought, metaphor, myth-making.

Представляется возможным и необходимым дополнить традиционный историко-философский подход к развитию философии культурфилософским подходом, позволяющим увидеть как философское объяснение мира, в рамках которого возникают идеи, понятия и образы, обеспечивает бытие философии в культуре.

Обратимся к началу античной философии и посмотрим, каким образом культурфилософский подход может быть представлен в рассмотрении первых философских школ Древней Греции.

Первые философские учения античности есть определенные упорядоченные философские знания, представляющие конкретный временной период (VI–V вв. до н. э.) и конкретное социокультурное пространство (Древнюю Грецию). Это – традиционный для истории философии подход, включающий также историю общих для разных учений тем, вопросов, идей в единстве с уникальностью взгляда того или иного мыслителя.

Хотя в этом случае доминирование хронологического принципа в изложении приводит к тому, о чем в своё время писал Борхес, рецензируя книгу по истории математики: типичный недостаток подобных книг, что «хронологический порядок событий не соответствует порядку логическому, естественному». То же происходит и с бестолковыми начальными курсами по истории философии: излагая слушателям суть идеализма, им сперва предлагают непонятное учение Платона и уже почти в конце – ясную систему Беркли, который, хотя исторически явился позже, логически предваряет Платона [4].

Но при всей непохожести каждого из рассматриваемых учений все они остались в истории философии не просто как когда-то что-то и кем-то сказанное, но как именно философия – то, что относится к сфере мышления.

Сфера мышления – не столько сфера уже сложившегося знания, сколько сфера возможностей мышления, того, как можно мыслить о чем-то. Философия представляет мысль в ее универсальной (возможной) форме. Первые философские учения тем более интересны в этом отношении, что в них изобретаются или открываются «архетипы» способов помыслить о том, что не дано непосредственно в созерцании, но что можно охватить мысленно: мир в целом, космос, Единое, бытие и т. д.

Наивные, забавные, странные ответы, на первый взгляд, на вопросы первых философов – это лишь информация, любопытные сведения, если не увидеть за ними способ прорыва мысли за пределы привычного и обычного.

Гераклит открывает до предела сжатую форму мысли, в которой не устанавливается ничего окончательного. Фрагменты произведений Гераклита, дошедшие до нас, полны загадочных фраз, парадоксально выраженных мыслей, метафор, выполняющих функцию универсальных понятий, которые дают возможность разных интерпретаций одних и тех же отрывков.

Но поэтические образы всегда субъективны, метафоричны. Особенность же гераклитовских образов в том, что они, несмотря на конкретно-чувственную образность, претендуют совершенно справедливо на выражение того, что абсолютно и объективно выражают мир как целое, космос в его упорядоченности и становлении, отражают бытие.

Можно сказать так: образы Гераклита – это наглядно представленная мысль (образы-понятия, «мыслеобразы»), в которой «сжато» или «свернуто» философское содержание.

Гераклит решил проблему выявления бытия через форму парадокса, в которой сталкиваются слова, а через них привычные смыслы, но в этом столкновении, в «пространстве» между сталкиваемыми смыслами становится возможным (на уровне интуитивного озарения) прозреть смысл бытия, а значит, возможность его понимания. Замечательное открытие Гераклита состоит в том, что если нельзя указать конкретно, прямо, непосредственно на то, о чем ты мыслишь, то можно дать «силуэт», «набросок», образ того, что должно быть помыслимо и понимаемо. Гераклит нашел способ помыслить о бытии – о том, чего нет как отдельной существующего предмета и в то же время есть как условие всего – это его знаменитые фразы-парадоксы, философемы, метафоры, образы-понятия.

Парменид, которого традиционно определяют как философа, противоположного Гераклиту по своему способу философствования, продумывает мир в других возможных формах мыслимости. Оба учения представляют как будто совершенно различные методы философии. Если Гераклит исходил из признания процессуальности бытия, то Парменид утверждал, что сущее неизменно. Гераклит считал, что в процессе познания при главенствующей роли разума все же играют роль и чувства, то Парменид связывает поиск истины исключительно с разумом. Если Гераклит мыслил метафорами, «мыслеобразами», то Парменид в античной философии стоит у истоков собственно теоретического, предельно абстрактного философствования.

Действительно, Парменид одним из первых вышел в своем представлении о мире на уровень чистых интеллектуальных рассуждений, противопоставил обыденному опыту и знанию-мнению абстрактный «мир», который постепенно станет важной составляющей в религиозном объяснении (монотеистические религии) и в философии, все более выходящей в понимании мира на общие и всеобщие идеи. Абстракция как «первоклеточка» мышления Парменида представлена напрямую, без символического, камуфлирующего содержания категорий, оформления.

Но, на мой взгляд, не следует абсолютно противопоставлять Парменида и Гераклита: в развертывании мысли у Парменида можно увидеть похожую на гераклитовскую конструкцию форму мысли – форму полемоса – «сжатой» полемики, которую можно развернуть уже в размышлении о сказанном. С кем и с чем полемика? С повседневным опытом, в котором мы встречаемся с реальными подвижными предметами, постоянно меняющимися, конечными, с конкретными в чувствах нам данными свойствами. Противоположная сторона этой скрытой полемики – абстрактный опыт размышления. Эти два опыта Парменид сталкивает и совмещает их в метафорической архетипической для всей последующей западной философии оппозиции внутреннего и внешнего, оболочки и скрытого под ней; явного, непосредственно данного и неявного, опосредованно себя выражающего, и т. д. Геометрическая метафора (сферическая форма бытия) наглядно закрепляет форму возможного объяснения мира как целого, позволяющую сопоставлять

и совместить в мысли противоположности конечного и бесконечного, внешнего и внутреннего, единого и многого. Геометрическая метафора сферы – это, подобно гераклитовым метафорам, метафора, позволяющая не только объяснить мир как целое, но и одновременно совершать мыслью описание своего пути. Мышление есть «сферический» охват мыслью мира, заключение мыслью мира в окружность своего размышления о нем, когда мысль при этом становится центром, который везде, а окружность нигде. Мысль в подобном выстраивании схватывает некое целое вне мысли и себя как некое целое на уровне этого рассуждения.

Понимание философских учений как форм размышления, возможной формы мысли позволяет приблизить учения столь давних времен как открытых для диалога форм философского творчества.

История философии – не обезличенная история идей. Как писал Н. А. Бердяев: «Философия всегда была искусством познания... Во все времена философия знала своих героев, которые отстаивали философию как искусство творить существенные идеи, через которые за необходимостью прозревалась свобода, за бессмыслицей – смысл. В философском творчестве участвовала совокупность духовных сил человека, целостное напряжение всего духа прорваться к смыслу мира, к свободе мира. На истории философии столь же отпечатлевалась индивидуальность ее творцов, как и на истории искусства» [2, с. 271].

История первых философских учений для нас тем более история «субъективной по внешности» философии (выражение Н. А. Бердяева), так как в условиях рождения философии судьба философа, строй его личности пока еще не расходятся с философским творчеством, созвучны друг другу. Запечатленные в памяти культуры образы философов, случаи, легенды, «истории» и т. п. представляют своеобразным историко-философским мифотворчеством самой культуры, отбирающей из всего массива сведений о жизни мыслителей только те, которые в виде жизненных «совершенных формул» увековечивают философию в культуре.

В. Подорога высказывается в том плане, что у каждой философии есть свой архитектурный идеал и свои философские реквизиты: Диоген и бочка, Эмпедокл и вулкан, Кант и шпиль, венчающий собор, Киркегор и гора Мория, Хайдеггер и «хижина», Ницше и ледниковые пропасти Верхнего Энгадина [9, с. 29].

«Эмпедокл и вулкан» – это вошедшая в историю культуры ландшафтная формула смерти и бессмертия философа.

Жиль Делёз в книге «Логика смысла» пишет о том, что истории, рассказанные Диогеном Лаэртским, являются своеобразными анекдотами мысли, к каковым, безусловно, может быть отнесена история Эмпедокла и Этны. Она не слабее, считает Делёз, истории про смерть Сократа, но вся суть в том, что ее воздействие относится к иному измерению. Эмпедокл как философ находится в ряду философсодосократиков, которые еще не знают «дороги вверх», не обладают в мысли крыльями платоновской души, а ищут причины бытия «внутри бытия», в его «недрах». «Они искали тайну воды и огня, и, подобно сокрушающему статуи Эмпедоклу, они философствовали молотом – молотом геолога и спелеолога. С потоками воды и огня вулкан выбро-

сил все, что осталось от Эмпедокла – его свинцовую сандалию» [5, с. 175]. Сандалия Эмпедокла доказывает, что «Эмпедокл от земли, из-под земли».

Г. Башляр, другой французский философ XX в., писал в книге «Психоанализ огня» о «комплексе Эмпедокла» – особой «смертельной» замороженности огнем и в этой замороженности возникающем желании одновременного обновления и подведения итога жизни или ее этапа. Достаточно, пишет Башляр, погрузиться в грезы возле огня, чтобы в воображении возникли вулкан и жертвенный костер. «Соломинка, летящая в струе дыма, способна подтолкнуть нас навстречу судьбе! Можно ли найти более убедительное доказательство того, что созерцание огня обращает нас к самим истокам философской мысли? Если огонь – явление в сущности редкое, исключительное – был принят за один из основных элементов Вселенной, то не потому ли, что в нем – одно из начал мышления, ценнейший источник фантазии?» [1, с. 35].

Великий немецкий поэт Гёльдерлин (1770–1843) в незавершенной трагедии «Смерть Эмпедокла» трактует смерть философа как «космическое прельщение»: выбирая смерть в жерле Этны, Эмпедокл растворяется в чистой стихии Вулкана и воссоединяется с Космосом.

«Жизнь вопрошал ты. Словно в ответ тебе,
Из глубины священный огонь блеснул,
И ты, обуреваемый жаждой,
Бросился в пламя шумящей Этны.
Не так ли в час надменности царственной
Царица скрыла в кубке жемчужину?
Все, чем ты был и горд, и славен
Всё растопилось в сей бурной чаше...» [5]

Космос (Абсолют, божество) прельщает, взывает, и, откликаясь на зов космоса, Эмпедокл утверждает собственную силу – силу своей веры и своего разума. Смерть философа становится у Гёльдерлина космической смертью-воссоединением или смертью-рождением, переходом в иное качество.

И еще один французский философ XX в. М. Фуко объяснял, почему так привлекает смерть Эмпедокла, например, поэта Гёльдерлина. Этот, говоря словами Ж. Делёза, «анекдот мысли» («Эмпедокл и вулкан») позволяет прозреть то пограничье, за которым – конец бесконечности на земле, «суровый закон предела», вторжение конечности бытия [6, с. 175].

Эмпедокл увлекал Ф. Ницше как творец легенд о себе и как человек, который мог увлечь за собой толпу.

Учения первых философов, являясь частью единой истории философии и, соответственно, единой мировой культуры, присутствуют в современной культуре своими открытиями (идеями, образами, подходами), которые приобретают ассоциативную насыщенность универсальных метафор – одной из форм бытия философии в культуре.

Гераклит нашел способ помыслить о бытии – о том, чего нет как отдельной существующего предмета и в то же время есть как условие всего – это его знаменитые фразы-парадоксы, философемы, метафоры, образы-понятия.

«На входящего в одну и ту же реку текут все новые и новые воды. Психеи же испаряются из влаги» [8, с. 42].

Знаменитый образ реки – образа текучести, изменчивости, образ круговорота, в который включены не только

три, порожденные огнем стихии, но и души (психеи), которые «испаряются из влаги». В реке вода движется по руслу, т. е. процесс изменений происходит в царстве Закона (русло реки).

«В одну и ту же реку мы входим и не входим, существуем и не существуем» [8, с. 45].

Текущая или движущаяся вода, вода-поток – буквальное материальное воплощение идеи движения, подвижности, изменчивости, которая измеряема временем. Образ реки – метафора времени.

«В одну и ту же реку нельзя войти дважды [по Гераклиту, и нельзя дважды застигнуть смертную природу в одном и том же состоянии, но быстрота и скорость обмена] рассеивает и снова собирает ее, [а лучше сказать не снова и не после, но одновременно] она [образуется и погибает] приближается и удаляется» [8, с. 49].

Неуловимость настоящего времени, этой загадочной точки между прошлым и будущим в мировом потоке изменчивости, когда мы не можем дважды оказаться в одном и том же моменте настоящего, – «Всё течет, всё изменяется...»

«Течение времени», «поток времени» – субстанциональные метафоры, выражающие качественное свойство времени. Именно такое переживание времени соответствует «здравому смыслу» человека: события или имеют место теперь, в настоящий момент или представляются как прошлые либо будущие. На бытовом уровне и в поэтическом языке этот образ берет свое начало, по-видимому, в клепсидрах, водяных часах.

Философский образ-понятие времени-реки, времени-потока, изменчивости всего во времени эхом откликается в поэтических отражениях – в «реке времен», которая «уносит все дела людей» (Г. Державин); «сухой реки» с плывущим по ней «пустым челноком» – реки времени и реки забвения у О. Мандельштама; покрытой ледяным панцирем холодной и безмолвной реки И. Бродского и т. д.

Одна из ведущих для философии метафор, предложенная американским философом У. Джемсом (1842–1910), – сознание как поток [7]. Каждое состояние сознания является частью личного сознания; в границах личного сознания его состояния изменчивы и всякое личное сознание представляет непрерывную последовательность ощущений. То есть, пишет Джемс, в сознании происходят непрерывные перемены: ни одно раз минувшее состояние сознания не может снова возникнуть и буквально повториться. Перемены в качественном содержании сознания никогда не совершаются резко. Движение мысли настолько стремительно, что почти всегда приводит нас к какому-либо заключению еще до того, как мы успеваем затормозить мысль. Сознание не выглядит разделанным на кусочки. Оно также и не представляет собой какую-либо однородность: оно течет. Поэтому вряд ли подходящей для сознания будет метафора «цепь (или ряд) психических явлений». Всего естественнее к нему применить, считает Джемс, метафору «река» или «поток».

Учение о всеобщей изменчивости, об «обмене» противоположностей во всеобщем изменении, об их борьбе и гармонии позволило впоследствии назвать Гераклита величайшим диалектиком – мыслителем, обосновавшим движение как способ существования космоса, человека в нем и нашей мысли о нем.

Х. Л. Борхес в рассказе-эссе «Сфера Паскаля» замечает, что «всемирная история – это история нескольких метафор», среди которых занимает место геометрическая метафора мира как сферы. «За шесть веков до христианской эры рапсод Ксенофан Колофонский, устав от гомерических стихов, которые он пел, переходя из города в город, осудил поэтов, приписывающих богам антропоморфические черты, и предложил грекам единого Бога в образе вечной сферы. У Платона в «Тимее» читаем, что сфера – это самая совершенная фигура и самая простая, ибо все точки ее поверхности равно удалены от центра». Можно предположить, пишет Борхес, что «Ксенофан рассуждал по аналогии: Бог – сфероид, потому что форма эта наилучшая, или наименее подходящая, для того, чтобы представлять божество. Через сорок лет Парменид повторил этот образ («Сущее подобно массе правильной округлой сферы, сила которой постоянна в любом направлении от центра»)». Считается, пишет Борхес, что «он имел в виду сферу бесконечную или бесконечно увеличивающуюся. Парменид учил в Италии; через несколько лет после его смерти сицилиец Эмпедокл из Агригента придумал сложную космогонию; в ней есть один этап, когда частицы земли, воды, воздуха и огня соединяются в бесконечную сферу, «круглый Сферос, блаженствующий в своем шарообразном одиночестве».

Эта геометрическая метафора – метафора сферы – прошла, пишет Борхес, через всю философию: в XII в. в одной из книг была обнаружена следующая формула: «Бог есть умопостигаемая сфера, центр коей находится везде, а окружность нигде». Для средневекового сознания смысл был ясен: Бог пребывает в каждом из своих созданий, но ни одно из них не является для него пределом. Вселенная – сфера в Птолемеевой астрономии, в центре которой находится тоже сфера (Земля), вокруг которой вращаются девять концентрических сфер. «О вращении небесных сфер» – так назван труд Коперника. Для Джордано Бруно Вселенная – вся центр, т. е. ее центр – везде, а окружность нигде, и это давало мыслителю в 1584 г. повод для ликования: божество находится близко, «ибо оно внутри нас еще в большей степени, чем мы сами внутри нас». Через семьдесят лет для Блеза Паскаля эта метафора сферы стала формой выражения ужаса человека перед Вселенной – «устрашающей сферой», бездной и лабиринтом, центр которой везде, а окружность нигде, – в такой вселенной нет «когда» и «где», «никто не живет в каком-то дне, в каком-то месте», а жизнь человека подобна жизни, «потерпевшему кораблекрушение на пустынном острове».

Борхес заключает: «Быть может, всемирная история – это история различной интонации при произнесении нескольких метафор» [3, с. 202].

Интонация Парменида, утверждавшего, что «Вселенная едина и вечна, не имела возникновения и шаровидна», интонация спокойного, философски обдуманного восхищения гармоничностью мира в его бытии, совершенство которого выразимо геометрическим совершенством сферы.

Философия культуры как методология позволяет, на мой взгляд раскрыть философское наследие мыслителей далекого и не очень далекого прошлого как актуальное явление. Существует единое поле философии как пространства мысли. Не культура обуславливает мысль или не столько культура, а мысль в форме философствования

прорастает в культуру, является ее «живым» феноменом и определяет универсальное в культуре. Философия, включая в поле размышления те или иные объекты, прорастает в культуре разными смыслами, зеркально отражая их на поверхности своего «мыслительного Океана». Культура же, вглядываясь в философию, как в зеркало, прозревает, постигает, накапливает себя как сферу универсальной (возможной) мыслительной деятельности.

1. Башляр Г. Психоанализ огня. М., 1993. 176 с.
2. Бердяев Н. А. Смысл творчества // Бердяев Н. А. Философия свободы. Смысл творчества. М., 1989. С. 251–580.
3. Борхес Х. Л. Сфера Паскаля // Борхес Х. Л. Проза разных лет. М., 1984. С. 200–202.

4. Борхес Х. Л. Э. Т. Белл «Человек математический» // Борхес Х. Л. Приближение к Альмутасиму. СПб., 2001. С. 39–40.

5. Гёльдермин Ф. Смерть Эмпидокла // Век перевода. URL: <http://vekperevoda.com/1930/rathaus.htm>

6. Делёз Ж. Логика смысла. М., 1998. 480 с.

7. Джемс У. Поток сознания // Джемс У. Психология. М., 1991. С. 56–80.

8. Материалисты древней Греции. Собрание текстов Герклита, Демокрита и Эпикура. М., 1955. 238 с.

9. Подорога В. А. Выражение и смысл. Ландшафтные миры философии: Серен Киркегор. Фридрих Ницше. Мартин Хайдеггер. Марсель Пруст. Франц Кафка. М., 1995. 427 с.

© Краснаярова Н. Г., 2013

УДК 165.19
U.D.C. 165.19

Л. А. Максименко
L. A. Maksimenko

АРХЕТИПЫ В НАУКЕ: КОСМОЛОГЕМЫ ДОСОКРАТИКОВ

В статье рассматривается преемственность некоторых идей ранней греческой философии и содержания современной космологии, в основе которой лежит архетическая мифологема хаоса и порядка. Показано, что связующим элементом между мифом и космологической наукой выступают космологемы досократиков.

Ключевые слова: наука, космология, космологема, архетип, хаос, порядок.

ARCHETYPES IN SCIENCE: COSMOLOGEMES OF PRESOCRATICS

This article addresses the continuity of some ideas of the early Greek philosophy and the content of the modern cosmology at the heart of which lies the archetypical mythologema of chaos and order. It is shown that the cosmologemes of Presocratics act as a binding element between the myth and cosmological science act.

Key words: science, cosmology, cosmologeme, archetype, chaos, order.

По мысли А. Ф. Лосева, «реальная наука» мифологична, поскольку свои исходные интуиции черпает из мифологии [11, с. 43]. Мифология же пронизана архетипами, которые мы понимаем в юнговском смысле как некие когнитивные паттерны, априорные формы воображения. Для космологии мысль о ее мифологичности ещё более актуальна, нежели для любой другой науки.

Очевидная близость философии и космологии состоит не только в их общем генезисе. В содержательном и в методологическом плане в космологии значительную роль играют философские идеи.

По Хайдеггеру, «философия не происходит от мифа. Она про-ис-ходит лишь из мышления в мышление. Но мышление есть мышление бытия». «Злая судьба бытия» связана с тем, что произошло «падение мышления в науки и в веру» [16, с. 52]. Но это оборачивание мышления самого на себя уже и есть миф, в котором «оборотничество» – ведущий мотив [14, с. 294]. Его следы мы обнаруживаем в научной рациональности, не просто имеющей мифологические истоки, но несущей на себе *глубокую печать мифологического образа мышления* [18, с. 40].

Мифические формы мышления, как показал В. Демперт, определили «*программу космоизации*» – упорядочивающую стратегию, основанную на тройном нормативном универсализме (пространство, время, закон природы). Её

суть в том, что представления о регулярности и законосообразности «списаны» с Неба и «навязаны» Земле. Выражение «подвести под закон» восходит именно к *космизирующему* и одновременно *теоретизирующему* образу мысли, означающему, что Земля находится под Небом, под его упорядочивающей властью [4, с. 246–250].

«Программа космоизации», пережившая все научные революции, возникла как рационализация космогонических мифов благодаря философам-досократикам. Ценность досократической мысли в том, что в отличие от науки и религии, где мышление «недооборачивалось», оставаясь в рамках онтики, «оборачивание» мысли у досократиков привело их к онтологическому прыжку за пределы сущего, т. е. к бытию. Они мыслили онтологически. Их мысль космологична.

Философия досократиков представила *мысль в её универсальной* (возможной) форме. В этом её огромная ценность. Сфера мышления – не только сфера сложившегося знания, прежде всего это сфера *возможностей мышления*, которые ими были выработаны. В первых философских учениях «изобретаются» или открываются *архетипы способов помыслить* о том, что не дано непосредственно в созерцании, что можно охватить мысленно – *мир в целом*, Космос, Единое, бытие [6, с. 3].

При этом структурные особенности космогонических мифов, явившихся первоисточниками ранней греческой

философии, рационализировались по некоторой *общей схеме*, наследовавшей указанные особенности.

Космологема – обобщающая философская схема, философема, опрокинутая в космологию, базирующаяся на архетипах. Это своеобразный метатекст. Космос у досократиков мыслился и понимался в отношении главных его функций – упорядочивающей и эстетической и в астрономическом аспекте (небеса), и в физическом (структура мира, комбинация элементов) с помощью доминирующего в их философии *метода подобия* (анalogии), касающегося формы: био-, техно-, социоморфно, либо «числоморфно». По отношению к будущим моделям Вселенной *метод подобия* срабатывает уже на новом уровне: Космос досократиков сам служит своеобразной матрицей, образцом, по подобию к которому строятся современные космологические модели. Он выступает как метатекст, насыщенный многообразными *возможностями мысли*, из которых последующие поколения черпают как *постановку проблем*, так и *способы их решения*. К. Ф. Вайцзеккер отметил, что стремление понять что-то в физике с неизбежностью приводит к греческой философии. Что хорошо у греков – так это то, что они «не отсылали к грекам», они отсылали к самим себе [1, с. 115]. Современная космология – почти всегда явная или неявная отсылка к грекам.

Если с этих позиций посмотреть на философию досократиков в контексте юнговских архетипических схем и научную космологию, то в ней можно обнаружить практические всё идейное содержание античных космологом, воспроизведённых последующей традицией, отрефлексированных, конкретизированных современной эпохой. Мы рассмотрим центральную для космологии мифологему хаоса и порядка, представленную как архетип.

В философской и научной перспективе архетипическая схема *хаотического разнообразия и порядка* возникает в двух планах: как проблема континуальности и дискретности и как проблема динамики хаоса и порядка, широко развёрнутых в современных представлениях о вакууме, множественности вселенных, в синергетической парадигме постнеклассической науки. Хаотическое *разнообразие* обеспечивает неустойчивость, а значит, динамику. Из математической теории Ф. Рамсея следует, что каждое достаточно большое множество элементов произвольной формы обязательно содержит в себе высокоупорядоченную структуру. Поэтому всякий Хаос содержит элементы Космоса. В определённом смысле допустимо утверждение, что условная демаркационная линия в космологии досократиков между континуальностью и дискретностью мира задавала *разные космологемы*: Космос *versus* Вселенная. У Анаксимандра, Анаксагора – примат континуальности (Вселенной). У атомистов – дискретности (Космоса). В современной научной космологии XX–XXI вв. оказались востребованы обе космологемы.

Анаксагоровские представления о бесконечно делимых «семенах вещей», охваченных вихрем, коррелятивны современным представлениям об изначальном вакуумноподобном поле, флуктуации которого приводят к локальным расширениям, образуя единый «пузырящийся Космос» – Мультиверс. Как континуум «семян», управляемый Нусом, превращает Вселенную в единое *разумное целое*,

так и вакуумный континуум, содержащий множество разных скалярных полей, превращает в целое Мультиверс. Исследования подсистем физического вакуума (хиггсовского и кварк-глюонного конденсатов) всерьёз приводят ученых к мысли: *Вселенная в целом* в своей вакуумной ипостаси *жива и разумна*. Возникновение в ней астрономических и биохимических структур на поздних стадиях эволюции связано с корректирующими действиями, подстройкой параметров сложной самоорганизующейся разумной системы – вакууме, обеспечивающей условия для воспроизводства локальных структур [7, с. 156].

Идея бесконечности развернута в учении Анаксагора не столько в экстенсивном, сколько в интенсивном аспекте. Ресурсы космического становления содержатся только в сфере неистощимого *бесконечно-малого*. «Семенной генофонд» мира неисчерпаем, поэтому мир воспроизводим, ему не страшны никакие диссипации энергии, сопровождающиеся утратой качеств. Анаксагоровская идея бесконечности материи вглубь дала основания Э. Франку назвать Анаксагора творцом математики бесконечно малых [5, с. 20]. В отличие от восточных представлений о бесконечном как лишенном всяких признаков, потому непознаваемом, Анаксимандр, за ним Гераклит, Эмпедокл и Анаксагор развивали позитивное понимание бесконечности, конкретизируя его в представлениях о бесконечности движения и подобия. Анаксимандр – первый философ употребивший термин *ἀρχή* в качестве первопринципа, который был принципом бесконечности – апейроном.

Проблема бесконечности обозначена П. Дираком *первым* номером в списке проблем, стоящих перед теоретической физикой середины XX в. В настоящее время возникло понимание, что «изгнать» бесконечности в рамках теории конкретного поля вряд ли возможно: природа устроена так, что только взаимодействие всех существующих полей вместе способно эту проблему решить. Современная физика и космология, формулируя проблему объединения фундаментальных взаимодействий как проблему *ἀρχή*, в существе её *постановки* возвращается к Анаксимандру.

В научной космологии после периода забвения вновь оказалась востребованной идея де Ситтера о расширении пустого пространства, хотя, как признаются ученые, «трудно определить степень серьёзности, с которой физик должен мыслить пустое пространство де Ситтера физически» [15, с. 222]. В моделях, построенных на основе этой идеи, Вселенная, в сущности, возникает из пустоты. Близость де-ситтеровской среды к анаксагоровскому понятию первичного мира как неподвижно гетерогенной смеси, частицы которой покоились до начала космогенеза, достаточно очевидно [13, с. 549].

Так называемая «ядерная демократия» в современной физике имела своим прообразом анаксагорову философию «всего во всём». Ещё в 1970-х гг. академик М. А. Марков поэтическую интуицию В. Брюсова «ещё быть может каждый атом / Вселенная, где сто планет...» перевёл в плоскость естественно-научного знания, высказав идею, что в рамках общей теории относительности допустимо существование объектов, представляющихся для внешнего наблюдателя элементарными частицами. Космологический подход к теории элементарных частиц был конкретизирован

им в гипотетических «максимонах» – максимально тяжелых частицах с массой покоя порядка 10^{-5} г и «фридмонах» – классических заряженных системах, которые при условии стремления электрического заряда источника гравитационного поля к нулю, становятся замкнутыми вселенными Фридмана. Для внешнего наблюдателя они выступают как элементарные образования с очень малыми конечными размерами (для заряда электрона – 10^{-34} см). «Элементарная частица внутри себя за пределами её внешних размеров может представлять собой вселенную, содержащую необозримое число галактик <...> Не исключено, что наша Вселенная наполнена огромным количеством частиц, часть которых на самом деле является вселенными» [12, с. 47].

С несколько иными акцентами архетипическая схема хаотического разнообразия и порядка обнаруживается в космологии атомистов. Механизм космогенеза в их учениях связан с «великой пустотой», активность которой вновь заставляет нас вспомнить современные представления о физическом вакууме как активной системе. У Левкиппа, Демокрита, Эпикура множественные и разнообразные миры («космосы») – это отдельные упорядоченные образования, возникающие в беспредельной Вселенной. Все миры во Вселенной – суть сцепления атомов. Они равны между собой по онтологическому рангу: все имеют право на существование. Равномыслимость означает равнобытийность.

Подобную схему мы встречаем в современной космологии, переживающей своеобразный ренессанс античной идеи множества миров. Квантовой теории, являющейся теоретическим базисом современной космологии, по мнению Э. Шрёдингера, на самом деле 2400 лет [19]. Особенно ясно это представлено в моделях, связанных с многомировой интерпретацией квантовой механики, предложенной Х. Эвереттом. Многомирие – следствие, того что все мыслимые возможности, порождаемые квантовыми эффектами, заключённые в суперпозиции волновой функции, реальны. Они реализуются в бесчисленном множестве альтернативных вселенных.

Неизбежный в космологии вопрос о «начале мира» решён древними атомистами остроумно: они просто отменили его, заявив, что атомы не имеют начала и конца! Подобный в своей схеме ход мысли повторяет и современная космология, объявляя, что у Мультивселенной (Мультиверса) нет начала и конца. Понятие «начало» лишилось своей абсолютности и приобрело относительный смысл: вселенные в Мультиверсе возникают и разрушаются, так же как миры Демокрита, с той лишь разницей, что в современном варианте вечность обеспечивается «великой пустотой» – космическим вакуумом, скалярными полями. Сегодня «представляется правдоподобным, – пишет А. Линде, – что Вселенная в целом будет существовать вечно», порождая новые области, «мы знаем наверняка, что жизнь снова и снова будет зарождаться в разных областях Вселенной во всех её возможных видах». Мы не можем увидеть это представление во всём его величии, но можем постараться вообразить, быть может, даже понять его смысл [9, с. 262].

Вселенная атомистов, как и Вселенная современных космологов, представима как *танцующая пыль*. Образ пляшущих в солнечном луче пылинок – основополагающий для интуиции атомистической Вселенной как целого.

Пыль-прах – фундаментальная символика жизни и смерти, глубоко проработанная на Востоке. *Архетип мирового праха*, универсальной пыли-пепла, образа, материализующего смерть – ключевой в понимании сущего и живого, связанный мифологической идеей вечного возвращения, круговорота жизни. Тагоровский пафос драгоценной земной пыли, в которую превращается человек, приобщаясь к мистерии Вселенной, переплавился у В. Вернадского в принцип биогенной миграции атомов. В глубоко прочувствованных поэтических строфах Н. Заболоцкого мы видим тот же архетип атомистического праха: «А то, что было мною, то, быть может, / Опять растёт и мир растений множит». Демокритовский атом задаёт этический идеал мыслителя: атом – модель для определения цели человеческой жизни как «эвтюмии», неотделимой от «бесстрастия» и «бесстрашья» мудрого человека [2, с. 35]. Кантовская «звёздная пыль» над головой – образ, обращающий человека к нравственному закону в себе.

Принцип подобия у атомистов акцентируется на макроуровне: пыли атомов соответствует пыль миров. Мысль о полном подобии макроуровня микроуровню воспроизводилась в механической картине мира как в физике, так и в биологии (преформизм). В основе такой модели подобия лежит принцип изономии, являющийся, по сути, принципом симметрии. Термин «изономия» (*ἰσωνομία*) встречается у Эпикура, Цицерон перевёл его как «равномерное распределение», связав с рассуждением: «Поскольку есть природа смертная, то должна быть также бессмертная». Аналогичный ход мысли привёл П. Дирака к идее, что наряду с электроном (частицей) должен существовать позитрон (анти-частица). В. Гейзенберг расценил её в силу своей пристрастности к платонизму как переход от философии Демокрита, исходящей из формулы «вначале была частица», к философии Платона, основанной на формуле «вначале была симметрия» [3, с. 79].

Атомы Демокрита, числа пифагорейцев, платоновские первоэлементы-треугольники и современные представления о «пространственно-временной пене», когда мы говорим об «атомах пространства и времени» (фундаментальная длина – 10^{-35} м, и время – 10^{-43} с), обнаруживают глубокое идейное сродство. За любым единством как кажимостью стоит множественность как реальность и, наоборот, за проявленной, пестрящей множественностью мира, всегда на глубинном уровне прячется единство. Ещё в большей мере эта идея развернута в теории петлевой гравитации, описывающей пространство и время на планковских масштабах, где полагается, что непрерывные на уровне восприятия пространство и время на самом деле состоят из дискретных частиц: время не течёт как река, а «тикает как часы» [8].

Если учесть, что Демокрит был последователем пифагорейцев, то можно ожидать сохранения в его учении приверженности к порядку. В глубине Вселенной, согласно атомистам, царит гармония и порядок, порядок самой природы, симметрии, выраженной принципом изономии. Нельзя не отметить близость этой интенции к духу современных научных исканий. Научное воображение Демокрита «уходит далеко за пределы опыта его времени», рисуя картину бесконечного разнообразия космических систем, некоторым образом напоминая при этом современное космологическое знание» [2, с. 56].

Принцип изомии связан через идею хаоса как полной симметрии с принципом максимального разнообразия. Всё мыслимое о мирах реально существует. Полнота разнообразия – обратная сторона абсолютного тождества: максимум разнообразия замкнут на минимум единообразия. У атомистов это проявилось в том, что всё разнообразие сводилось к атомам и пустоте. В современной физике космологии – к единому взаимодействию («суперсиле») и скалярным полям. Всё существующее разнообразие – результат нарушенной Суперсимметрии, которую, пытается восстановить физика, движимая первопринципом симметрии по пути объединения фундаментальных взаимодействий и создания всеобъемлющей «Теории всего» (английский акроним TOE – *Theory of Everything*).

Различие между космологическими представлениями о единственности и множественности (Вселенная, Космос, космосы, вселенные) у досократиков связано с телеологичностью и необходимостью. В концепции единственного мира (пифагорейцы, Гераклит, Эмпедокл, Анаксагор, Платон и Аристотель) всё сущее связано во всеобъемлющий телеологически значимый порядок. В концепции множественных миров, возникающих в беспредельной Вселенной (Левкипп, Демокрит и его школа, Эпикур и др.), единый порядок задаётся «необходимостью», т. е. механическими закономерностями, опирающимися на атомы и пустоту. При этом единого порядка-структуры не возникает. Только бесчисленные миры-порядки, растущие, эволюционирующие, приходящие в упадок и разрушающиеся на составляющие их атомы.

Эти космологемы *воспроизводятся* в современной космологии. Концепция единственности («Вселенная издана в одном экземпляре», А. Пуанкаре) господствовала в релятивистской космологии до создания инфляционного сценария (1980-е гг.). Её особая телеологичность открылась в мистическом совпадении так называемых «Больших Чисел», выражающем повторяющуюся взаимосвязь физических параметров микро- и мегамира, которые вызвали явные аллюзии с пифагоризмом. П. Дирак предполагал, что соотношения «Больших Чисел» должны говорить о *едином порядке* во Вселенной. «Такое совпадение является следствием некоторой глубокой связи в природе между космологией и атомной теорией» [17, с. 101]. Узнаваемая в телеологизме антропного принципа христианская идея *«mundus propter nos»* дала уверенные основания для эпатажных заявлений Пия XII о том, что Теория Большого Взрыва надёжно согласуется бытием Творца.

В хаотической инфляционной космологии допускаются существование разнородных «индивидуализированных» вселенных, эволюционирующих независимо друг от друга, имеющих собственный набор законов, констант, элементарных частиц и т. п. Казалось бы, где тут «необходимость»? Однако для многоликого Мультиверса А. Линде формулирует ответ на этот вопрос с подчёркнутой биологичностью в терминологии: «Может существовать *один единственный закон физики*, как *один генетический код* для всей Вселенной». Разнообразие Мультиверса, создаваемое квантовыми флуктуациями во время инфляции, мыслится создающимся через «механизм космологических *мутаций*». Остаётся только вопрос «где записан генетический код Вселенной» [10].

В объяснении антропного принципа и выделенности в Мультиверсе нашей Вселенной он использует дарвиновскую идею отбора. За обилием биологических метафор – скрытая телеологичность, столь характерная для биологических систем. Она может быть объяснима не только сменой лидера в естествознании (с физики на биологию), тянущей и трансформацию образа мысли, и научной методологии, но и специфическим рецидивом мифологизма современной науки.

Основу атомистической многомировой космологии составляло умозраительное *воображение*. Представление о множестве миров, развитое в атомизме, выполняет важную функцию космологической актуализации потенции трансцендирования бытия, преодоления ограниченности его представления в познающем субъекте. Античность здесь как бы преодолевает саму себя. Связь географических, этнографических, микроскопических, гносеологических миров с космологическими мирами является *константой*, воспроизводящейся в истории познания [2, с. 57–58]. С особой выразительностью мы это наблюдаем в эпохе Возрождения и в современной, постмодернистской эпохе.

В целом и атомисты, и континуалисты досократики способствовали прорыву ограниченного космологического кругозора, внося в мышление перспективу беспредельности и даже бесконечности. Поскольку прямым наблюдениям доступна только крайне малая часть Вселенной (Метagalactica), то космология как наука *о Вселенной в целом* неизбежно обращается к экстраполяции. Философским основанием такого «научного трансцензуса» стала *идея единства мира*, сформулированная досократиками. Их философские идеи буквально «сквозят» в современных космологических моделях, воспроизводя на новом уровне рефлексии древнейшие философские интуиции, тесно связанные с архетипическими мифологемами хаоса и порядка.

1. Вайцзеккер К. Ф. Физика и философия // Вопросы философии. 1993. № 1. С. 115–125.

2. Визгин В. П. Идея множественности миров: Очерки истории. М.: Изд-во ЛКИ, 2007. 336 с.

3. Гейзенберг В. Космология, элементарные частицы, симметрия // Природа. 1969. № 12. С. 78–80.

4. Депперт В. Мифические формы мышления в науке на примере понятий пространства, времени и законов природы // Наука и религия. Междисциплинарный и кросс-культурный подход. Научные труды. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2006. С. 246–263.

5. Конечное и бесконечное. Киев: Наукова думка, 1982. 347 с. Заметим, исчисление бесконечно малых в Новое время появилось на фоне господства континуальных представлений о физической Вселенной. Как отметил Г. Вейль, И. Ньютон и Г. Лейбниц ясно выразили идею, что речь идет не о законченном бесконечно малом, а о *предельном переходе* к нулю. «Осторожная теория пределов» развивалась крайне медленно и только в начале XIX в. Коши удалось отчетливо сформулировать эту процессуальность, «растворив застывшее бытие бесконечно малых величин в *процессе перехода* к пределу». (Вейль Г. От Анаксагора до Дедекинда // Вейль Г. О философии математики: сб. работ. М.; Л.: Гос. технико-теоретическое изд-во, 1934. С. 11–12.)

6. Краснаярова Н. Г. Античная философия. Учения. Понятия. Метафоры. Ч. I. Уч. пособие. 2-е изд., доп. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2006. 180 с.

7. Латыпов Н. Н., Бейлин В. А., Верешков Г. М. Вакуум, элементарные частицы и Вселенная: в поисках физических и философских концепций XXI века. М.: Изд-во МГУ, 2001. 232 с.

8. Ли Смолин. Атомы пространства и времени // В мире науки. 2004. № 4. С. 48–57.

9. Линде А. Д. Физика элементарных частиц и инфляционная космология. М.: Наука, 1989. 280 с.

10. Линде А. Многоликая Вселенная (Лекция в ФИАНе 10 июня 2007 г.) // Элементы: популярный сайт о фундаментальной науке. URL: <http://www.elementy.ru/events/426960>.

11. Лосев А. Ф. Диалектика мифа. М.: Мысль, 2001. 558 с.

12. Марков М. А. К теории фридмонов // Марков М. А. Избранные труды. М.: Наука, 2001. Т. 2. С. 41–57.

13. Марков М. А. Размышляя о Вселенной // Физика элементарных частиц и атомного ядра. 1998. Т. 29. Вып. 3. С. 530–562.

14. Романенко Ю. М. Бытие и естество: Онтология и метафизика как типы философского знания. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 1999. 336 с.

15. Синг Дж. Общая теория относительности. М.: Иностранная лит-ра, 1963. 443 с.

16. Хайдеггер М. Изречение Анаксимандра // Хайдеггер М. Разговор на проселочной дороге: сб. ст. М.: Высш. шк., 1991. С. 28–68.

17. Цит. по: Дэвис П. Случайная Вселенная. М.: Мир, 1985. 160 с.

18. Черняк В. С. Мифологические истоки научной рациональности // Вопросы философии. 1994. № 9. С. 37–52.

19. Шрёдингер Э. 2400 лет квантовой теории // Шрёдингер Э. Избранные труды по квантовой механике. М.: Наука, 1976. С. 330–337.

© Максименко Л. А., 2013

УДК 141.32
U.D.C. 141.32

Т. В. МIRONENKO
T. V. MIRONENKO

АПОЛОГИЯ ДРУГОГО

В статье рассматривается ситуация современности, которая затрудняет и подчас делает невозможным подлинное существование человека. Утверждается, что вернуть ощущение подлинности существования возможно в соотносении Я с Другим, во встрече Я с действительным Другим, способной вернуть человеку утраченное измерение бытия как целого.

Ключевые слова: самопознание, Я, Другой, подлинность существования, опыт встречи, целостность.

APOLOGIA OF ANOTHER

In the article the author takes under consideration the modern situation that makes true human existence difficult and often even impossible. It is stated that a sense of true existence may be returned by the relation between "ME" and "ANOTHER". This meeting may return the lost dimension of Being as a unity.

Key words: self-actualization, Me, Another, true existence, experience of meeting, unity.

Человек есть тот, кому сказано: «Узнай себя» [1, с. 5]. Но как только мы обращаемся к себе, вне соотносительности с Другим/Другими, то мы, скорее, теряем себя. В самозамкнутости изживается человеческое существо. «Нет Я самого по себе» [4, с. 24]. Самого себя человек может увидеть только в Другом. Проблема «Другого» – это проблема подлинности человеческого существования, которое становится почти невозможным «в декорациях современности». Человек наших дней – «фрагментарный» человек, утративший целостность, потерявший человека. Он может быть собран только посредством Другого. Но кто этот Другой? И почему он столь необходим? Как случилось, что человек оказался оторванным от подлинного существования?

В рамках классической традиции определенность человеческого существования задавалась интенцией сознания к другому, объекту. Интенциональная модель ставила Я в преимущественную позицию перед тем, на что было направлено сознание. Человек смотрел в зеркало мира «и видел в нем, в конце концов, лишь самого себя» [5, с. 156]. Однако «классический проект» привел к тому, что «восприимчивость человека» как живое, участливое отношение была развенчана и уничтожена рационализацией, которая

не содержала нравственного измерения. «Зеркало прежнего объективного и объектного мира» [8, с. 342] оказалось разбитым.

Нынешнее состояние общества таково, что «все ценности, все ориентиры растворяются в новой общественной организации, основным признаком которой является универсальное распространение «симулякров». Человек обнаруживает себя в модусе призрачного существования» [3, с. 6, 79]. Как сегодня, в обществе, где «касание становится откровением» (В. В. Савчук), возможно восстановить отношение как участливое, ответственное, живое, а значит, обрести себя?

Человек способен обрести себя через встречу с Другим. Но что значит встретиться с Другим? И почему определенные шаги к самопониманию непременно требуют Другого? Другого/другое мы знаем по «опыту черты, границы» – за ней Не-Я, в принципе неуловимое, другое [2, с. 143]. Отправляясь на поиски Другого, мы знаем о том, что оно (другое) уже существует. Именно Другой/другое вносит в нас неудовлетворенность собой (Не-Я!). Другой становится некоей возможностью целеустремленного движения, усилием, открытостью, метаморфозы самой жизни. Возможность,

которую мы часто, если не всякий раз, упускаем, забывая, что благодаря Другому «мы открываем наше „Я“, так же постепенно, как и всё остальное» [9, с. 605], что Другой – это другой Я, но именно как другой, открывающий мне моё самообретение в нём как в моём другом.

Я «ущербно», ему всегда чего-то недостает, и потому оно «принуждается» всякий раз к отношениям с Другим. «Мне всегда есть дело до другого», но «неволит меня вовсе не другой – это моя собственная неволя, без которой я не могу быть» [6, с. 41]. Возможно, Другой нужен мне, чтобы целостно постичь все структуры моего бытия: Я ничего не способен понимать в жизни, даже не способен понять, что умру вне столкновения с Другим, который был и которого не стало. Благодаря Другому жизнь впервые становится осмысленной именно в перспективе смерти. Возможно «ужасность другого состоит в том, что именно он сообщает мне о моей конечности, о том, что я умру» [6, с. 39], но и он же утверждает в моей жизни некий смысл. Обращённость к Другому, «призыв» Другого есть освобождение Я для «неэгоистического дара», есть «трансцендирование за пределы собственного эгоизма, есть сосредоточенность на Другом» (Э. Левинас). Другой нам совершенно необходим, сколь бы рискованной не казалась встреча с ним. Оставаясь «вещью-в-себе», которую мы не знаем и не можем знать, он несет «опасность, враждебность» (Х. Ортега-и-Гассет), но без этого странного существа, которому мы пытаемся сосстрадать, любить его, нас нет. Удивительно, но «мы узнаем, что мы – это „Я“, только после того и благодаря тому, что значительно раньше познакомились со многими „ты“, вступив с ними в столкновение и борьбу» [9, с. 605]. Только через преодоление сопротивления других, которые сжимают мои чрезмерные претензии, я обретаю себя. Другой тревожит, «оставаясь загадкой, сокровенным существом, скрывающимся от понимания» [6, с. 34]. Пропасть, отделяющую нас, мы никогда не преодолеем.

Тогда как возможна встреча? Она возможна хотя бы потому, что неизбежно в человеческой душе стремление в своем существовании встретить Другого/другое. «Путь, ведущий от меня к Другому, проходит через мои собственные глубины» (Г. Марсель). Обнаружение Другого, встреча с ним требует «нечто вроде «взрыва», чтобы вырвать человека из состояния закрытости, «бесполезной замкнутости на себе» [7, с. 43]. Этот «взрыв» – осознание существования Другого, понимание реальности его страдания. Именно сострадание делает нас настоящими. Об этом прекрасно знал Ф. М. Достоевский. Выходит, мы открываем реальное, когда откликаемся на страдание Другого. Он – радикально другой, его мы не понимаем, но хотим понять. Человек может отдать свое присутствие другому. «Не я живу, но живет во мне Христос», – говорил апостол Павел [Гал. 2:20].

«Отдание себя» – не всегда рабский поступок, и мы знаем, что такое отдание случалось довольно часто в истории, чаще, чем нам представляется. Наш чрезмерно индивидуализированный век как будто не оставляет места для «отдания себя Другому», но оно (отдание) случается. Сказать, что я отдаю себя Другому, я принадлежу Другому означает: я питаю к нему бесконечное доверие. Описать это состояние объективирующим языком с тем, чтобы прояснить, кем для нас является Другой, невозможно. Всякая такая попыт-

ка ввергает нас в противоречия: Другой предстает как ужас, ад, но и как необходимость. Здесь невозможна область конкретного анализа, здесь любое утверждение может быть передано в «терминах пережитого опыта и только в соотношении с ним (опытом) оно (утверждение) обретает всю полноту своего значения» [7, с. 46].

Однако сегодня «другого почти невозможно распознать». Наш век «утопил» его. На месте Другого – «пустая дыра, которая отбрасывает человека к его собственному одиночеству» [6, с. 12]. Прежде контуры Другого проступали изнутри самого человеческого общества (расовые, национальные, социальные различия). Теперь же мы видим, что процессы, протекающие в мире, вытесняют фигуру Другого за границы собственно человеческого существования [6, с. 35].

Но дело не только в этом. Закончилась «эпоха Эдипа», иначе – эпоха табу, запретов, норм, которые должны были строго соблюдаться, эпоха ответственного отношения к себе, Другому. Пришло время, когда все позволено. Время наслаждений. Эдип уступает место Нарциссу. Последний не знает, кто он такой. Если Эдип олицетворял собою носителя вины, вины неизбежной как обстоятельства присутствия в мире, то для Нарцисса таким обстоятельством становится обида. Обида заставляет его искать знаков собственной признанности, и он, конечно же, без труда их находит, поскольку современная цивилизация держится на «ублажении» и поощрении нарциссизма (самолюбовании). Человек наших дней «живет кстати», однако не в том смысле, как это виделось Монтеню. «Жить и мыслить кстати – значило для него жить и мыслить достойным для человека образом в каждой конкретной ситуации» [5, с. 162].

Сегодня «жить кстати» означает пристраивать себя к веку, который проходит. Но так жить – недостойно человека. Что-то в человеке повредилось. Трудно сказать, что именно, но изъян очевиден. «Мы заигрываем с тем, что нам угрожает, лелеем то, что сами прокляли, жаждем того, что для нас губительно...» [10, с. 244]. Мы изгнали Другого как нарушителя привычного. Как «диверсанта», подрывающего мир аутоэротизма (самолюбования, самовлюбленности). С его изгнанием исчезло целое измерение бытия, определяющее подлинность Dasein [6, с. 12]. Персонаж современности – Нарцисс – не лишен неустранимой тоски по Другому, только это тоска не метафизическая. Ему необходим взгляд восхищенного и любящего другого и этим другим, восхищенным и любящим, становится он сам.

Такая «самовстреча» таит в себе опасность самоуничтожения. И спасением здесь для человека может быть встреча с другим, чем он сам, с действительным Другим. Эта «встреча не конституируется диалектической мыслью». Ни логика, ни разум, ни даже интенциональность сознания сами по себе обеспечить присутствия Другого не могут. «Решение судьбы человека сейчас зависит от способности любить и верить» [7, с. 157]. Так есть ли Другой? Он есть, он нигде не исчез, надо лишь выйти ему навстречу как иному «из своей ограды», внутри которой страшно [1, с. 91]. В этом ответственном движении к Другому открывается вдруг и без причин опыт «Ты», опыт, который для Я становится спасительным.

1. Биbihин В. В. Узнай себя. СПб.: Наука, 1998. 577 с.
2. Биbihин В. В. Язык философии. СПб.: Наука, 2007. 389 с.
3. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М.: Добросвет: Книжный дом «Университет», 2006. 389 с.
4. Бубер М. Я и Ты // Бубер М. Два образа веры. М.: АСТ, 1999. С. 15–92.
5. Визгин В. П. В поисках Другого: опыт философской автобиографии // Вопросы философии. 2006. № 9. С. 156–164.
6. Горячева Т., Орлов Д., Секацкий А. От Эдипа к Нарциссу. Беседы. СПб.: Алетея, 2001. 224 с.

7. Марсель Г. Опыт конкретной философии. М.: Республика, 2004. 224 с.
8. Можейко М. А., Майборода М. А. Другой // Новейший философский словарь. Минск: Книжный дом, 2003. С. 342–343.
9. Ортега-и-Гассет Х. Человек и люди // Ортега-и-Гассет Х. Избранные труды. М.: Весь мир, 1997. С. 480–698.
10. Чоран Э.-М. Из книги «Разлад» // Апокалипсис смысла. М.: Алгоритм, 2007. С. 232–252.

© Мироненко Т. В., 2013

УДК 130.2
U.D.C. 130.2

Л. К. Нефёдова, Е. Б. Новикова
L. K. Nefiodova, E. B. Novikova

ДЕТСКОСТЬ И ИМПРОВИЗАЦИОННОСТЬ КАК КАЧЕСТВА СУБЪЕКТА КУЛЬТУРЫ

Осмысление сущностных характеристик субъекта культуры приобретает особую актуальность в постмодернистском проекте культуры, актуализирующем массовую культуру и человека массы. В то время как человек массы является потребителем культуры, подлинный субъект культуры обеспечивает гарантию бытия культуры как возделывания, сохранения и наследования. Субъект культуры является деятелем, преодолевающим в деятельности свои собственные границы при создании нового культурного продукта. Полагаем, что бытие культуры осуществляется благодаря двум сущностным характеристикам субъекта культуры: импровизационности и детскости, которые являются предметом рассмотрения в данной статье.

Ключевые слова: культура, субъект, импровизационность, детскость, ребёнок.

CHILDISHNESS AND IMPROVISATION AS THE CHARACTERISTICS OF THE SUBJECT OF CULTURE

Comprehension of the essential characteristics of the subject of culture is of particular relevance in the post-modern culture project. While people of the mass are consumers of culture, the true subject of culture provides a guarantee of existence of culture as cultivation, preservation and inheritance. The subject of culture is a doer overcoming his own borders in the activity of creating new cultural products. We believe that the existence of culture is due to the two essential characteristics of the subject of culture: improvisation and childishness, which are the subject matter of this article.

Key words: culture, a subject, improvisation, childishness, child.

Субъект культуры находится на пересечении объективных внешних и субъективных внутренних факторов, благодаря которым он посредством активной деятельности вторгается в культуру. Категория субъекта в научной литературе имеет множество трактовок, отсюда трудность в выборе подхода для осмысления данного понятия. При этом категория субъекта, как правило, изучается как самостоятельная, лишенная контекстуального пространства, либо помещается в образовательный, воспитательный, гендерный контексты. Обращение к проблеме субъекта в современном гуманитарном дискурсе связано с необходимостью осмысления влияния субъектного фактора на культурное поле современности в связи с качествами детскости и импровизационности, которые мы рассматриваем как сущностные характеристики субъекта.

Понятие субъекта определяет носителя определенного рода деятельности, связанной со способностью человека выходить за пределы существующего и делать предметом собственную жизнедеятельность. Наиболее общее определение субъекта – бытие, которое себя определяет

с самого себя [2, с. 530]. Данное понимание относится, разумеется, ко взрослому субъекту. Ребёнку только предстоит стать субъектом – деятелем, выходящим за пределы существующего и делающим предметом свою собственную жизнь. Деятельность может носить как деструктивный, так и конструктивный характер. Не отрицая необходимость деструкции в культурных процессах, мы полагаем её необходимой альтернативой конструированию как аналог возделывания, сохранения, наследования, определяющих наличие культуры как таковой. Эта деятельность во многом является импровизационной. Возникает вопрос, в какой мере связаны детскость и импровизационность как качества субъекта культуры?

Методологической основой субъектности ребёнка может стать типология ребёнка на основе архетипа Божественного Ребёнка К. Г. Юнга, где в ракурсе проблемы интерес представляют конструктивные типы ребёнка – героя и спасителя, а деструктивный тип – ребёнок-монстр. Методологической же основой типологии субъекта импровизации является типология учёного, спасителя челове-

ства в онтологии сциентизма [1, с. 91, 147, 253], включающая типы: конструктор, творец, инноватор. В её основании лежит степень свободы субъекта по отношению к природе и результатам творчества.

Архетипическими характеристиками Ребёнка являются прежде всего заброшенность и непреодолимость. Они представляют основание субъектности с возможным крепким как в деструктивность, так и в конструктивность. Потенции созидания и разрушения у ребёнка уравновешены. Укоренение ребёнка в бытии представлено как процессы социализации и инкультурации, которые отчасти институционализированы и регламентированы, а отчасти – спонтанны, импровизационны. В ребёнке «таится потенциальный запас сил и реальностей, не вмещающихся во внешне предметную реальность его жизни. В нём живут силы и стремления неизмеримо большие, в ребёнке есть нечто недоступное постороннему наблюдателю, он не то, чем кажется и потому он неизбежно не может удовлетвориться ограниченным местом и значением, которое ему отведено во внешне предметном мире» [5, с. 715].

Формируя себя в процессе жизнедеятельности, посредством социализации и инкультурации, как культурно-историческое существо, человек распредмечивает мир культуры, усваивая различные системы кодификаций, приобщаясь к ценностям, традициям, овладевая присущими данной культуре навыками деятельности. Человек и культура соотносятся, как коэволюционно развивающиеся и обогащающие друг друга субъекты. Ребёнок как начало человека представляет собой импровизатора – активное существо, через движение к цели которого происходит преобразование действительности. Цель при этом ставит сама культура, требуя от ребёнка определённой направленности в её достижении. Уже в начале своего жизненного пути, будучи ребёнком, человек являет в культуре ту или иную степень креативности, конструируя, творя, внося инновации. Рассмотрим, как проявляются в указанных типах субъектов культуры детскость и импровизационность.

Конструктор, «осознавая свою зависимость от механических законов природы, никакой ответственности за окружающую его природу не несёт. Он её раб, а не господин, поэтому вся ответственность за действия конструктора лежит по большому счёту на природе» [1, с. 256]. Он прекрасно владеет системами кодов, позволяющих создавать новое из известных элементов, разбирая уже имеющееся. В конструировании и деконструкции, в творчестве, а оно не может производить абсолютно новый продукт, не имеющий никакого подобия, хотя бы в отдельных своих частях, с уже существующим, чтобы выйти за границы существующего и не стать не сущим, а стать новым, иным существующим, необходимо исходить из уже существующего. Так любая импровизация, даже свободная, имеет тему или её элемент в своём основании. Импровизатор-конструктор наиболее определённо репрезентирован в сфере техники, где, в отличие от искусства, задана прогрессивная парадигма развития и новое производится как априори сконструированное на основе научных открытий. Однако конструирование имеет место и в искусстве, в философии, в науке, в лечебном деле, педагогике, психоанализе. Здесь импровизатор уже мыслится не как гений-небожитель, но как профессионал, деятель, спе-

циалист. Стоит вспомнить, что шедевр в точном переводе – просто хорошо сделанная работа. В типе конструктора находит выражение переосмысление сути гениальности. Так, Ф. Ницше развенчивает культ гения, полагая, что его деятельность сродни «деятельности механика-изобретателя, ученого астронома или историка, мастера тактики. Все эти виды деятельности получают объяснение, «если представить себе людей <...> которые употребляют все как материал <...> всюду находят для себя образцы и поучения и неумолимо комбинируют эти средства» [3, с. 123].

Именно на позиции конструирования возникает искусство сравнить импровизацию и подготовленную к демонстрации композицию. «Кто различает менее строго и охотно отдается воспроизводящему воспоминанию, тот при случае может стать великим импровизатором, но художественная импровизация стоит весьма низко по сравнению с упорно и серьезно проверенной художественной мыслью» [3, с. 119]. Такая оценка имеет место, поскольку в импровизации процесс поиска наилучшего варианта открыт, он происходит вместе с реципиентом. С одной стороны, это приближает импровизатора к публике, с другой – возникает некоторое охлаждение, поскольку процесс поиска не может постоянно предлагать совершенный продукт. У композитора есть возможность проанализировать и провести отбор самостоятельно, оценивается лишь его наилучший результат. Это вопрос конечной цели просто художника и художника-импровизатора. Художник стремится создать новый эталон, стандарт. Задача импровизатора преобразовать уже имеющийся стандарт, дать новую огранку эталону. Конструкторы – мастера, виртуозы, у них акцентирована коммуникация с реципиентом, что способствует жизнеспособности их импровизаций.

Как соотносится всё вышесказанное с ребёнком?

Необходимость коммуникации импровизатора-конструктора связана с детскостью и вдохновением художника. Импровизация представляет собой игру со всеми её характеристиками (свободой, правилами, пространственно-временным континуумом, напряжением, агональностью), а ребёнок – это в первую очередь человек играющий. Субъект импровизации коммуницирует, как дитя, играющее в эту игру, желая вовлечь в неё окружающих. Детскость и непосредственность в коммуникации являются характерной чертой очень многих джазменов-импровизаторов.

Коммуникация необходима любому художнику. Её отсутствие приносит страдания, т. е. коммуникация в искусстве – фактор очень специфический. «Совершенное откровение бога есть лишь там, где в отображенном мире даже отдельные формы растворяются в абсолютном тождестве, что происходит в разуме. Таким образом, разум в самом Всём есть совершенное отображение бога» [6, с. 78]. Искусство построено на коммуникации Бога с разумом через отражение Бога разумом. Откровение и импровизация как откровение невозможны без коммуникации.

Как ребенок будет пытаться навязать свою волю взрослому, так художник будет пытаться вовлечь реципиента в свое игровое пространство. Если реципиент поддается, значит, игра продолжается по правилам художника, если реципиент упирается – два пути. Либо «ребенок» отступит и предложит другую игру, либо возникнет конфликт гения и современников.

Игровая природа импровизации, в частности, её сущностная характеристика – состязательность, позволяет увидеть в субъекте импровизации качества азартного игрока, которые особенно ярко проявляются в конструкторе. Азартный игрок близок ребёнку. Азарт, увлечённость, самозабвение в процессе импровизации похожи на неумоимость ребенка, увлеченного игрой, и являются свойствами креативного субъекта. Игрок активно набирает материал для импровизации. «Все великие гении были великими работниками, они не только неумоимо изобретали, но и неумоимо отвергали, проверяли, совершенствовали, упорядочивали» [3, с. 120]. Коллекция деталей, элементов, набросков, эскизов, этюдов, проб, опытов, экспромтов, из которых впоследствии выстраиваются произведения искусства, настолько разнообразна, насколько художник поглощен своим творчеством. Однако превращение конструирования в азартную игру чревато тенденцией к утрате субъектности, размыванию ее. Остается бытие игры, из которой автор уходит. Поскольку «сам по себе художник отсталое существо, остановившееся на ступени игры, которая принадлежит юности и детству; к этому присоединяется еще то, что он регрессирует и возвращается к прежним эпохам» [3, с. 121], то искусство, и в частности импровизация, может оказаться сильнее художника. Она способна лишить его разумной воли и художник превратится в орудие страсти. «Когда искусство могущественно овладевает личностью, оно увлекает ее к воззрениям таких эпох, в которые искусство процветало сильнее всего; оно действует тогда регрессивно. Художник <...> ненавидит науку, становится изменчивым в своих настроениях, как люди древности, и жаждет переворота всех отношений, неблагоприятных искусству, с горячностью и несправедливостью ребенка» [3, с. 121]. Деграция личности художника может привести к самому печальному исходу. Вопрос силы художника это вопрос самообладания и устойчивости перед властью игры, разлитой в искусство и особенно сконцентрированной в импровизации. Не случайно именно среди джазовых музыкантов, в лоне импровизации, самое большое количество сломанных судеб. Игра порой настолько захватывает импровизатора, что он теряет самоконтроль. К сожалению, как любая зависимость, игра может иметь печальные последствия. Включённость в импровизацию не заканчивается вместе с выступлением, напротив, импровизация вторгается в повседневную жизнь, которая разрушается под этим воздействием. Это не значит, что любой, кто становится на путь импровизации, асоциален, потерян для общества, но необходимо осознавать сущность явления импровизации, её опасные стороны и проявлять осторожность и ответственность за свое творчество. Здесь возникает необходимость дифференциации детскости, необходимой в творчестве, и инфантильности, как оборотной стороны детскости, её патологической акцентуации. Художник не только дитя, он несёт ответственность за своё творение. Эта проблема, на наш взгляд, нуждается не только в философской, но и в психоаналитической разработке. Заметим, что в ситуации ответственности очень трудно оставаться непосредственным ребенком, креативность может уступить место эпигонству, менторству. Однако любого ребёнка для его же блага оберегают от избыточного опыта, при

этом меру, где опыт становится избыточным, в искусстве определить не всегда возможно. Одним из аспектов воспитания является объяснение и понимание адекватности поведения в конкретной ситуации. То, что адекватно на сцене, вероятно, не следует переносить в обыденную жизнь. Лишь разделяя континуум импровизации и континуум обыденной жизни, можно не впасть в зависимость от игры, но это может привести к утрате креативного потенциала, что позволяет выделить ещё один переходный тип импровизатора-конструктора.

Творец «обладает большей степенью свободы, а значит, на нём лежит и большая ответственность. Но он не отвечает за природу, ибо она обладает большими недостатками, которые необходимо превзойти» [1, с. 256].

Творец – это демиург (demiurgos): а) свободный художник, ремесленник, мастер; б) правительственное лицо; в) божество, творец мира [4, с. 209]. Демиург как создающее творящее начало во Вселенной представлен у Платона в «Тимее». Он творит порядок из хаоса, создаёт душу мира из трёх элементов: предела, беспредельного и их смеси. Он отличается от героя, творящего культуру исключительно в сфере культуры, космогоническим масштабом, оперированием внеположенностью, однако он действительно не отвечает за недостатки природы (предела и беспредельного, а также и их смеси).

Демиургами, обладающими мощными творческими силами, являются деятели Возрождения: государственные правители, философы, учёные, художники, позволившие состояться новой культурной эпохе, которая явилась импровизацией на тему, заданную античностью, утверждающимся христианством и многоукладной, ускользающей от квалификации повседневностью. Мощное творящее импровизаторское начало есть как у Лоренцо Медичи, покровительствовавшего искусствам и художникам, так и у любого крупного художника, поэта, драматурга, философа, создавших свой особый мир опытов (М. Монтень), утопий (Т. Мор), трагедий, исторических хроник (В. Шекспир). Импровизационна, поскольку – не Венера, а Пьета, не Аполлон, а Давид – работа Микеланджело. Импровизационна деятельность Леонардо да Винчи и Данте Алигьери. Ремесло, мастерство, свободный поиск в отрыве от стандартов, установлений, но с уважительным цитированием предшественников – вот что характерно для импровизаторов-демиургов, создающих свой мир. Этот мир живёт затем в культуре как недостижимый образец мастерства, силы, свободного выхода за пределы существующего как самоопределяющееся бытие. Импровизатор-демиург наиболее полно репрезентирует качества субъектности, давая им максимально полное проявление.

Демиург – гений, стоящий у начал творения, он создаёт нечто, чего ещё не было, когда приходит время перемен. Например, «искусство подымает главу, когда религии приходят в упадок. Оно перенимает множество порожденных религией чувств и настроений, согревает их у своего сердца и становится теперь само более глубоким, одухотворенным, так что способно сообщать воодушевление и возвышенное настроение» [3, с. 117]. Необходим гений, демиург, чтобы трансцендентная энергия перетекла из религии в искусство и наоборот. Научная мысль демиурга также стано-

вится катализатором в превращении данного в новое: «растущее просвещение поколебало догматы религии <...> поэтому чувство, вытесненное просвещением из религиозной сферы, устремляется в искусство» [4, с. 117]. Демиургу открыты сакральные источники творчества. Импровизатор-демиург пребывает в коммуникации с трансцендентным и передаёт его смыслы через импровизацию реципиенту. Связь с внеположенным определяет наличие в творении демиурга тайны. Он неукоснительно соблюдает принцип иллюзорности. «При созерцании художественного произведения никто не может подметить, как оно возникало, в этом его преимущество, ибо всюду, где можно видеть возникновение, это действует охлаждающе» [4, с. 124]. Действительно, когда процесс создания десакрализован, то обнаруживаются элементы, из которых складывается целое; раскрывается порядок их взаимодействия, возникает иллюзия простоты, доступности. Отдельный элемент осознать проще, чем готовый продукт, но при рассмотрении отдельного элемента возникает ощущение, что конечный продукт так же прост, как один элемент. Поскольку порядок взаимодействия элементов уже известен, его не нужно искать, вновь появляется ощущение простоты целого и пропадает ощущение чуда. Без него искусство перестает быть сакральной игрой, а становится профанным конструированием. Ощущение чуда, сопутствующее импровизации, связано с тем, что она осуществляется в настоящем времени, её действие происходит на глазах реципиента, который непосредственно переживает импровизацию как новое вместе с творцом-демиургом. В момент импровизации труд-

но осознать элементы, из которых она сложена. Поскольку процесс накопления сокрыт от публики, то результат кажется неожиданным и сохраняется иллюзия волшебства, которая свойственна игре. Принцип «как будто», широко используемый детьми, работает в импровизации. «Как будто» совершенно без подготовки, «как будто» без процесса освоения и накопления элементов, «как будто» без всякого труда, лишь благодаря природе.

1. Денисов С. Ф. Сциентизм в метафизике: монография. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2011. 298 с.
2. Кондрашев В. А., Чекалов Д. А., Копорулина В. Н. Новейший философский словарь / под общ. ред. А. П. Яреценко. Изд. 3-е. Ростов н/Д.: Феникс, 2008. 668 с.
3. Ницше Ф. По ту сторону добра и зла // Ницше Ф. Сочинения. М.: ЭКСМО-пресс; Харьков: Фолио, 2002. С. 557–748.
4. Словарь иностранных слов / под ред. И. В. Лёхина и проф. Ф. Н. Петрова. М., 1954. 856 с.
5. Франк С. Л. Душа человека. Минск: АСТ, Харвест, 2000. 992 с.
6. Шеллинг В. Ф. Философия искусства / под общ. ред. М. Ф. Овсянникова; пер с нем. П. С. Попова. М.: Мысль, 1999. 608 с.

© Нефёдова Л. К., Новикова Е. Б., 2013

УДК 130.2
U.D.C. 130.2

О. И. Николина
O. I. Nikolina

«ЭРОТИЗМ» КАК ПРЕВРАЩЕННАЯ ФОРМА АНТРОПНОГО ФЕНОМЕНА ЛЮБВИ (В ФИЛОСОФИИ Ж. БАТАЯ)

В современной французской философии осмысление феномена любви приобретает новый контекст. Ж. Батай рассматривает любовь как феномен, опирающийся на трансгрессию, в его противостоянии. с одной стороны, животному порядку, с другой – культурному запрету. Формой взрывной трансгрессии выступает эротизм. В статье рассматривается специфика эротизма как превращенной формы существования любви в современной культуре.

Ключевые слова: феномен любви, эротизм, суверенность, трансгрессия.

«EROTICISM» AS A TRANSFORMED FORM OF THE ANTHROPIC PHENOMENON OF LOVE (IN THE PHILOSOPHY OF G.BATAILLE)

In the contemporary French philosophy the understanding of the phenomenon of love acquires a new context. G. Bataille sees love as a phenomenon based on the transgression in its confrontation, on the other hand, with the animal order and, on the other hand, with the cultural taboo. Eroticism is a form of the explosive transgression. The article describes specificity of eroticism as a form of existence of love in the modern culture.

Key words: the phenomenon of love, eroticism, sovereignty, transgression.

Исследование превращенных форм любви в современной западной философии не производилось, однако указание на такую форму было сделано в психоанализе, в частности, у З. Фрейда (сублимация как превращенная форма энергии либидо) и у Э. Фромма (две превращенные формы любви: садизм и мазохизм). Под превращенной формой мы понимаем существенную трансформацию или перера-

ботку содержания феномена (здесь речь идет о феномене любви). Антропный феномен как единство мысли, действия и переживания в превращенной форме утрачивает свои качества. В рамках данной работы мы рассмотрим понимание феномена любви в философии Ж. Батая.

Ж. Батай противопоставляет любовь повседневности, государству, обществу, всему окружающему индивида по-

рядку, который ранее им был принят. «Объект индивидуальной любви, совсем наоборот, с самого начала есть образ вселенной, предназначенный для безмерной траты располагающегося перед ним субъекта» [1, с. 126]. В любви трата противопоставляется накоплению как стратегии существования в обществе. Это Ж. Батай называет тотальностью, говоря о двух тотальностях: любви и общества. Тотальность общества рассматривается Ж. Батаем как разделение субъекта и объекта, как целенаправленное действие, создание ресурсов, рациональная сфера обмена и роста. В обществе индивиды мимолетны, а их союз входит в основание общественной структуры. В любви же все наоборот. Слияние объекта и субъекта, целеполагание, накопление – все мимолетно. Эта мимолетность, или мгновенность, выступает как свойство суверенности. Суверенное противопоставлено полезному, что выражено в различных моментах, например, временем труда выступает длительность, а временем суверенности – мгновение.

Суверенность дана как изначальная внутренняя интимность человека с собой, с природой. Батай считает, что именно труд изгоняет ее. В труде вместо истины момента и настоящего приходит истина цели и операции. Мифы, по сути, – способы поиска того, что утрачено. Но религия дает лишь перенесенное, вторичное впечатление, лишь на мгновение совпадающее с первичным раем, а именно в мгновении экстаза. Познание тоже не суверенно, ибо оно длится. Мгновенность познания есть иное познание, которое приближает к исходной суверенности. «Познание никогда не суверенно: чтобы быть *суверенным*, оно должно было бы осуществиться мгновенно» [2, с. 318].

То есть мгновенность становится внешним критерием суверенности. Между тем в современности мы можем наблюдать эффект суверенности, по мнению Батая, именно в смехе. Например, когда человек смеется над случайно упавшим. «Жертва случайного падения замещает умерщвляемую жертву, а всеобщий радостный смех – сакральную общность» [2, с. 302]. При этом происходит прорыв к общительности, смех заражает всех, порою и самого упавшего. Словно люди оказываются в новых отношениях. Этому заражению может противостоять только мрачное настроение, кроме того, по мнению Батая, эту структуру человек не в состоянии рефлексировать. Смех распространяется помимо воли и сознания людей, а тревога только усиливает его движение. Если смех возникает до тревоги, он ее уничтожает. Здесь Батай видит «глубинное согласие нашей радости с уничтожающим нас порывом» [2, с. 305].

Смех обладает законом совпадения, люди заражаются им, чувством изначального, интимного единения, он может поддерживаться, как огонь, добавлением того же материала, который его вызывает. Более того, смех становится, в высших своих точках, созвучен смерти и не может рефлексироваться. Таким образом, смех оказывается окошком в первоначальное интимное бытие человека, к которому, по мнению Ж. Батая, человек неосознанно всю жизнь стремится. В жертвоприношении человек ощущает тревогу, которую он чувствует у приносимого в жертву животного, и смех снимает это единство. Таким образом, сила смеха оказывается сопоставима с силой страха и смерти. За исключением того, что происходит наедине между мужчи-

ной и женщиной, не бывает в мире более полной гармонии, т. е. со смехом может сравниться только любовь. Смех – непосредственное выражение продолжающейся жизни человека в его первичных переживаниях, которые построены по принципу суверенитета.

В жертвоприношении Батай ищет выход за рамки рационального и спокойного человека. Масса объяснений жертвоприношения не отвечает на главный вопрос: «Почему люди совершают жертвоприношение?». Так, умереть по-человечески означает утратить будущее или выйти из стратегии труда и планирования. Поэтому смерть – это негативное чудо, «невозможность, которая вдруг становится действительностью», а смех и любовь – позитивное чудо и тоже невозможность, ставшая действительностью (см. [2, с. 318]).

Итак, суверенное противопоставлено полезному. Время труда – длительность, а время суверенности – мгновение. В труде нарушена связь с природой, в нем на место интимности встает операция.

Батай исходит из того, что древние общества представляли собой единый организм, обладающий собственным сознанием, как и пара, сжимающая друг друга в объятиях. Ключевым же было противопоставление вещного и сакрального. Человек может умереть, а вещь – нет. Жрецы и пытаются разделить эти миры. Бесплезная трата вещи символизирует суверенность. Суверенность же исходная подменяется аналогично тому, что ужас смерти подменяется смертельным риском. При наблюдении за героями или жертвами наблюдатель приобщается к их риску, так как представляет, что может поменяться с ними местами. Это подмена и перемена мест дает двойное опосредование, которое косвенно сохраняет сокровенность.

Постоянное сравнение между жертвоприношением в прошлом и любовью в современности подводит к мысли, что сегодня именно любовь замещает те аффекты древнего человека и хранит в себе первичное интимное единство личности и сообщества (Батай акцентирует социологический аспект).

Комплекс перенесения первичного опыта суверенности на религиозный опыт представляет модель отчуждения, характерную для всех форм сокровенности человека в данном обществе. Аналогичная структура отчуждения должна быть и у любви, для которой высший религиозный опыт представляет собой лучший образец переживаний.

Таким образом, человек отчасти возвращается к первичной интимности в религиозном мгновении, которое дано как мгновение экстаза. Оно заражает присутствующих и через связь опосредования связывает реальное и первоначальное, суверенное.

Связь суверена и власти опирается на то, что суверен не может для человека толпы быть человеком толпы. Царь должен быть вне обыденного мира. Он и умирает, чтобы возродиться. Он постоянно соприкасается со смертью, со смертельным риском. И его смерть есть прорыв суверенности во всех, данный как мгновенный экстаз.

Далее, суверенность не локализуется в индивидуальности, она всегда диффузна, окружение царя несет на себе отблеск этой суверенности. Вопросом только является следующее, почему суверенность не связана с любовью как

попыткой создания иного мира, в частности, божественной любовью к человеку. Батай этот аспект не рассматривает, между тем как в религиозной мистике это ключевой элемент суверенности.

В состоянии влюбленности человек внезапно отдалается от общества. Этот переход явно виден в обыденности, где основной стратегией является накопление. Обыденность представляет собой создание излишка ресурсов, здесь происходит подмена человека вещами и богатством, и он словно постепенно вырастает из себя самого к Вселенной, однако утрачивая при этом свою суверенность. В любви человек выходит из ситуации борьбы с нуждой в повседневности, переходит к свободе от всего, в том числе возможных собственных потребностей. Для влюбленного образ любимого никак не включен в общественную структуру.

Ж. Батай говорит: «Я не говорю напрямую, что объектом индивидуальной любви является мироздание» [2, с. 318], но только потому, что это наведет на мысль о противостоянии влюбленного этому мирозданию. В любви граница субъекта и объекта снимается и, как следствие, исчезает противостояние, остается только слияние. Это приводит к исчезновению и объекта, и субъекта. Смерть того, что ранее влюбленный строил, а теперь разрушает, можно рассматривать как отказ от себя самого, отказ от собственной субъективности. Любовь означает смерть вещного человека (в этом Ж. Батай видит тождество любви и смерти, последняя тоже лишает человека обыденных устремлений), а ее наслаждение – наслаждение слиянием.

Таким образом, любовь возникает как взрыв ресурсов. Препятствия, возникающие перед влюбленным, могут только усилить любовь, но не могут быть ее причиной: любовь предполагает – в соответствии с развитыми потребностями – достаточные, а то и избыточные ресурсы, но ресурсы не могут быть причиной любви. При этом любовь проходит между и общественным накоплением (путем траты), и провалом в животную сексуальность (посредством трансгрессии). Любовь опирается на трансгрессию, предполагая отрыв от телесных и прочих потребностей. Так, любовь противостоит как господствующему в культуре порядку, так и животному порядку. Ж. Батай говорит, что она порождает новую Вселенную. Запрет отдаляет человека от животного состояния, трансгрессия – это разрешенный по определенным правилам переход запрета; например, Ж. Батай считает, что брак – форма трансгрессии запрета животного чувства. Ж. Батай рассматривает трансгрессию как вторую природу человека (первая – животная – находится под запретом). Трансгрессия подчеркивает способность и желание выходить за пределы собственных запретов. Сама трансгрессия также дана в двух формах: культурной (например, в браке) и взрывной (оргия). В первой форме мы ее встречаем в культуре, которая благодаря эффективной организации создает повседневность, где человек удовлетворяет свои потребности определенным образом и живет в мире, кардинально отличном от первой природы, т. е. живет не по естественным потребностям. Эта общественная трансгрессия становится базисом для взрывной, которая проявляется как уничтожение второго, культурного порядка. В культурной трансгрессии человек медленно изменяет порядок своей жизни, переводит его во взрывной, он уничтожает само изменение порядка.

Взрывная трансгрессия проявляется в эротизме. С одной стороны, это аполлоническая праздность, которая выделяет молодое и здоровое тело, потенциально функциональное вне общественного действия. Это трата сил на праздность – как культурный протест против функциональности. С другой стороны, менады Дионисия, отражающие животные активные потенции, скрытаны под покровом спокойствия.

Батай говорит о трех формах эротики: тесной, сердечной и сакральной.

В целом эротика связана с яростью и нарушением замкнутости отдельного дискретного живого существа. Одновременно телесная эротика означает нарушение бытия другого и удовлетворение выхода из замкнутости себя. Решающим ее жестом является раздевание, а «нагота противостоит замкнутому состоянию, т. е. состоянию дискретного существования» [2, с. 449]. При этом оба партнера утрачивают себя, а любовный акт становится копией жертвоприношения, эквивалентом умерщвления. Здесь дано не спокойное мещанское счастье, а предчувствие непрерывности, вплоть до желания убить любимого, нежели потерять. Между двумя людьми возникает эфемерная общая зона интимности, разрывающая конечную дискретность, что дает полноту любви. Эта полнота отличает сердечную эротику и дана в сердце любящего.

В божественной эротике непрерывность приписывается Богу. Сакральное переливается в эротику и наоборот. Только в ней пассивная сторона – жертва – погибает, подчеркивая стабильность божественной. Можно сказать, что сакральное, по динамике относительно эротике трансформировано и выглядит более поздним и искусственным образованием.

Эротика «работает» аналогично любви, но она означает временный, вполне планируемый по размерам траты прорыв в трансгрессию. Ж. Батай подчеркивает, что в эротике половые органы не могут быть ни красивыми, ни соблазнительными, но зато красивы ближние к ним части тела, которые обрамляют их, усиливая соблазнительность. Эти промежуточные состояния разрыва: молодое тело в праздности, а не в работе, нагота, но не полная, половое в обрамлении красоты, единение культурной пассивности и животной активности – все это и создает феномен соблазнительности, на котором выстраивается эротика.

Эротика располагается между смертью (обнажение служит «смягченным эквивалентом умерщвления» [2, с. 500]) и размножением (секс супругов в темноте), но при этом растворяет все границы, что становится предпосылкой максимального освобождения как от первой природы – инстинктов, так и от второй – культуры. Но эти и другие противопоставления находятся вне любви, так как все они в ней не разделены. Любовь обладает характером амбивалентности, в ней мир устроен иначе, там нет субъекта и объекта, пользы и ценности.

Итак, любовь не терпит длительности, так как не желает включаться в повседневность, она отрицает те способы создания мира, которые присутствуют в окружающем мире. Демонстрация любви усиливает чувственную ее составляющую, показывает важность ее для влюбленных, но это доказательство редуцирует специфику любви, вводит ее в мир повседневности, уничтожая особенный тайный мир.

В любви открытие мира и себя, открытие другого дано непосредственно и очевидно, этот прорыв к другому равносильно прикосновению к возвышенному. Но любовь извне может трактоваться как соприкосновение с трансцендентным и возвышенным, ибо очевидно расширяет восприятие и мир влюбленного.

Любовь быстро вырождается в отношениях любовников при ее демонстрации, утрачивая качества антропного феномена. Подлинная любовь не нуждается в демонстрации. Антропный феномен любви дает ощущение высшей подлинности, где очевидность соизмеряется совпадением с другим. Это самопризнание наделяет любовь способностью обитать в пространстве и времени, но ставит проблему ее существования.

Путь любовников – путь демонстрации и угасания чувства. При этом в начале любовных отношений демонстрация усиливает чувства тем, что они оказываются способными противостоять внешнему универсуму. Такая сила чувства, неожиданная даже для самого влюбленного, создает у него иллюзию неуничтожимости. Вместе с тем это усиление превращает любовь в страсть, когда чувство «истощает» влюбленного, и ему уже нужен отдых. Усиление чувства оборачивается его истощением. Чувства подменяются демонстрацией, так как нужно показывать любовь вне зависимости от желания.

Подвиг влюбленного имеет две стороны. Внешним образом он представлен в виде героического поступка, но внутри его можно рассматривать как прорыв в иное измерение. Другое усиление чувства происходит при его описании, при восприятии аналогичных чувств других, например, в любовных рассказах. Сами влюбленные в момент расцвета их чувств не стремятся читать про любовь других, но если соприкасаются с этим, невольно сравнивают с собственными чувствами, это сравнение может также убивать любовь, прилаживая ее к повседневности. Отсюда мы можем заключить, что в массовой культуре нет механизма сохранения переживания, это переходит на индивидуальный уровень. Стыд и скрытность – естественные способы самосохранения любви. Между тем культура стремится свести любовь к демонстрации, чем делает саму любовь контролируемой.

Итак, любовь радикально отличается от эротизма тем, что в ней отсутствует демонстрация чувств. Выход любви вовне усиливает чувства, подобно тому как процесс обнажения усиливает эротизм. Чувственность становится смертью любви. Любовь во время описания или демонстрации конвертируется в чувственность, и разрыв повседневного и возвышенного снимается. Таким образом, ощущение, что любовь дает новый горизонт ранее не изведанного, не чувствуемого, – это след угасающей любви, что можно выразить через категорию возвышенного. Возвышенное – след умирающей любви, результат ее конвертирования в чувственность.

Между тем и Ж. Батай, и Ж. Бодрийяр, и Ж.-П. Сартр рассматривают любовь как очень неустойчивое состояние, которое кончается внешней демонстрацией, в то время как любовь вполне может существовать в себе самой очень длительное время, не будучи показываемой вовне. Пример подобной любви мы можем встретить в средневековой куртуазной культуре.

В западной, особенно во французской, философии анализируется эффективный механизм конвертации любви

в чувства, превращающий любовь в эротизм. Этот механизм усиливается в массовой культуре за счет распространения повсеместно любовного сюжета. Если возвышенное – след любви в чувственности, то эротизм – превращение любви в самую ее длительность. Формы борьбы с любовью и любимым у Ж.-П. Сартра, де Сада и других представляют собой способы продлить эту конвертацию искусственно.

Ж. Батай считает, что садизм, как он представлен у де Сада, снимает в эротизме телесность другого, однако здесь стоит уточнить, что это крайняя форма эротизма. Эротизм Ж. Батай сопоставляет с религией. Вера в божественное возникает тогда, когда человек не разочаровывается в самой любви, но терпит неудачу за неудачей с объектами любви: либо они не принимают его, либо они не соответствуют ожиданию влюбленного. Сохраняется вера в силу любви при разочаровании в ее результате. Отсюда следует, что опыт Бога есть жертва любимого. Сам Ж. Батай утверждает, что секс и любовь относятся к особому эмоциональному познанию, это познание было равновесно в древности, а в наше время отодвинуто прочь из сознания научным и рациональным познанием. Поэтому теперь любовь в основном рассматривается как бунт против рациональности и бессмысленная трата. Ранее в культуре существовало иное иррациональное понимание любви.

Эротизм в его предельных формах выражен через религию и садизм, которые нейтрализуют объект желания, но при этом делают чувственность главным результатом любви, что представляет собой «смерть» любви. Любовь отвергает в себе чувственность, это ее главное отличие от эротизма. Таким образом, любовь вырождается в эротизм через чувственность, но ее механизм ближе к сакральному и ужасу. Здесь любовь становится в один ряд с религией. «Сакральное предполагает ужас со стороны субъекта по отношению к объекту, с которым он производит своего рода бунтующее слияние» [2, с. 176]. Ужас возникает от того, что слияние субъекта и объекта показывает сознанию возможности разума, которыми оно не в состоянии овладеть, но может в дальнейшем использовать при проникновении в иное.

Бунт же направлен против статичного отношения объекта и субъекта. Бунт этот не только в отношениях объекта и субъекта, этот бунт порождается иным, которое разрушает прежние границы. Это создает основание праздника. В празднике важно не само по себе уничтожение, а утрата как переход в иное положение и отказ от прошлого. Отказ, во-первых, от богатства, во-вторых, от прошлого, в-третьих, от субъективности, которая порождена была прошлой волной праздника и воспринималась как «Я». Рождается бунтующее новое «Я», порождающее новый мир и нового уровня индивидуальность. Это сознательное (не в плане осмысления всех вариантов происходящего, а в плане уверенного выбора) решение «Я» о собственном окончании, но при этом «Я» уверено, что станет более высокой индивидуальностью.

Итак, любовь избегает демонстрации и чувственности. Ее конвертация в чувственность находит выражение в возвышенном как следе любви. Любовь в контексте рационального выглядит неустойчивой, между тем в себе она вполне самодостаточна и длительна. Она отвергает чувственность, которая представляет собой удел эротизма, деградации любви.

Любовь – это отказ от богатства и вещиности, от прошлого «Я» и от субъективности-эгоизма в пользу слияния с другим.

Изнутри любовь сродни ужасу перед сакральным, только положительного типа (это восторг от соединения, от совместности и открывшихся вдруг горизонтов иного бытия). Она воздействует на разум, как сверхразум, дополняя рациональное иным, трансцендентным познанием, отличающимся и от эмоционального и от рационального. Таким образом, соблазн толкает любовь в превращенную форму эротики, а ужас этому препятствует.

Любовь дана как слияние с другим с одновременной утратой себя. Любовь – это синтез ужаса и привлекательности, наконец, любовь может достигать суверенности, высшего уровня ее проявления, открывающего вид на первичное бытие человека. Любовь появляется как возрождающая суверенное бытие. В культуре мы имеем дело только с ментальными превращенными проявлениями, а в любви че-

ловек может понять и стать суверенным в полной мере. Любовь здесь становится окном в мир иного способа бытия.

Итак, в эротизме как превращенной форме любовь утрачивает качества антропного феномена, перестает быть единством внутреннего и внешнего, но сохраняет при этом экстатическое выражение. Эротика как чувственное, эмоциональное познание, в понимании Ж. Батая, – это вы рождение любви. Любовь несовместима с чувственностью и ее демонстрацией.

1. Батай Ж. История эротизма М.: Логос, 2007. 200 с.

2. Батай, Ж. Проклятая часть: Сакральная социология. М.: Ладомир, 2006. 742 с.

© Николина О. И., 2013

УДК 130.121
U.D.C. 130.121

ДУХ И ДУХОВНОСТЬ В КОНТЕКСТЕ ВРЕМЕНИ

Статья рассматривает возможности изменения категории «духовность» в контексте современной культуры и образования. Определяя духовность как качество, выражающее приобщение к миру и его ценностям, авторы допускают возможность изменения в их иерархии. Целостность индивида и мира сегодня может быть достигнута в первую очередь в процессе образования, ценности которого в настоящее время могут быть определены в большей степени в границах «возможного», чем «предельного». Тем не менее авторы отмечают, что значение ряда ценностей, веры например, имеет вневременной характер.

Ключевые слова: дух, духовность, образование, ценности, вера.

Д. М. Федяев, Е. Ю. Навойчик
D. M. Fedyaev, E. Y. Navoychik

SPIRIT AND SPIRITUALITY IN THE CONTEXT OF TIME

The authors of this article examine the possibilities of changing the category of "spirituality" in the context of contemporary culture and education. Defining spirituality as a quality that expresses the exposure to the world and its values, they admit the possibility of a change in their hierarchy. The integrity of the individual and the world today can be achieved primarily in the education, the value of which now can be determined largely within the "possible" rather than "limited". However, the authors note that the meaning of a number of values, e.g. faith, has a super-temporal character.

Key words: the spirit, spirituality, education, values, faith.

Духовность – немодное слово. Сегодня гораздо чаще приходится слышать об *успешности, креативности*, о том, что тот или иной индивид *состоялся*, и т. п. Разговоры о духовности, а еще чаще о *бездуховности* были характерны для СМИ позднесоветского периода отечественной истории, который сегодня уже превратился в предмет исторической науки. Многочисленные советские журналисты, писавшие о духовности, не давали определений, но общий смысл был очевиден: под духовностью понималось пренебрежение материальной стороной жизни (надо думать – показное), стремление к высоким целям, «гуманитарная» направленность личности. Традиционный же вариант толкования категории состоит в отождествлении духовности с религиозностью.

Хотя духовность сегодня не в моде, дух остается философской категорией, которая может быть прояснена. Извлекая инвариант из множества дефиниций и высказыва-

ний о духе, получаем следующее: категория духа выражает идею или принцип целостности (мира в целом, социума, эпохи) и в то же время высшую ценность в иерархии ценностей. Соответственно духовность – качество личности, обеспечивающее приобщение или стремление к ним. Постигание единства, целостности мира и себя как его части присутствует и в философском, и в религиозном понимании духовности [3, с. 51; 5, с. 94–95; 6, с. 903].

Здесь напрашивается возражение. Дух обычно противопоставляется материи. Для последовательного, ортодоксального материалиста материя выражает принцип целостности и является высшей ценностью. Неужели материя оказывается духом?

Это звучит несколько необычно. Но перетекание, переливание категорий друг в друга, отражение одного в другом – известная характеристика диалектики на уровне сущности. Материя как таковая не может оказаться духом,

но материя как философская категория, осмысленная в рамках определенной культуры, весьма непринужденно приобретает первоначально несвойственные ей черты. Во-первых, философская категория материи значительной частью своего содержания «перекрывается» общенаучным и обыденным понятием природы. Природная среда противоположна духу, но уже в античной культуре природа начинает восприниматься как учитель. Ей следует внимать и подражать. Французский материализм восемнадцатого столетия находит новые оттенки: религиозной морали противопоставляется культ природных потребностей человека. Позднее природа начала восприниматься как противник, которого человек стремится победить, а в настоящее время она прямо-таки взывает о необходимости внимательного и бережного отношения. Природа, которая, как представляется, учит, оправдывает, подстрекает, просит, явно обнаружила тенденцию к переходу в противоположность.

Во-вторых, принцип материального единства мира в его наиболее распространенной формулировке гласил, что в мире нет ничего кроме движущейся материи со всеми ее свойствами, включая сознание. Очевидно, что материя, понимаемая в русле этого принципа, тождественна абсолюту, включающему в себя духовное начало.

Если духовность есть принцип целостности и высшая ценность, то для философа она выражается в стремлении к постижению предельного – бытия, сущности, абсолюта. Для верующего это устремленность к Богу. Но философов не так уж много, еще меньше философов, занимающихся метафизическими проблемами. Сеем предположить, что среди тех, кто стоит в храме во время службы (особенно перед телекамерами) и окунается в воду на Крещение, далеко не все горячо и искренне веруют. Тем не менее господствующая религия или общепринятая философская система не возникают на пустом месте. Они прямо или косвенно отображают общественную психологию, а возможно, уходят корнями в коллективное бессознательное. Для «обычного» человека духовность означает, по-видимому, приобщение к другому виду целостности – духу эпохи, времени, народа. Правда, далеко не всегда очевидно, каков именно дух времени. Как известно, сова Минервы начинает свой полет только с наступлением сумерек. Согласно Гегелю, он открыт всемирно-историческим личностям. «Историческими людьми, всемирно-историческими личностями являются те, в целях которых содержится... всеобщее... Их следует называть героями... они являлись практическими и политическими деятелями. Но в то же время они были и мыслящими людьми, понимавшими то, что нужно и что своевременно. Именно это является правдой их времени и их мира...» [3, с. 29]. И далее: «Другие идут за этими духовными руководителями именно потому, что чувствуют непреодолимую силу их внутреннего духа, который противостоит им» [3, с. 30].

Гегель не определяет категорию всеобщего (необъятного не определить), но в качестве иллюстрации приводит слова Руссо: «Законы государства должны иметь своим основанием всеобщую волю... но они вовсе не обязательно должны быть поэтому волей всех...» [2, с. 269]. Попробуем прокомментировать эту мысль.

Не раз на лекциях один из авторов задавал студентам вопрос: имеются ли, по их мнению, в нашем обществе

святые? Студенты с редкостным постоянством отвечают в духе Достоевского: может быть и есть один-два, да и те где-нибудь в пустынях спасаются. Зато на вопрос, есть ли в нашем обществе жулики, отвечают твердо и уверенно: есть, в огромном количестве. Разместим одного-двух святых на вершине треугольника, основание которого образуют многочисленные жулики. Тогда по площади треугольника распределятся все прочие, обладающие разными соотношениями святости-жуликоватости. Воля всех как полное единодушие невозможна. Если мы создадим законы для святых, то и жить по ним смогут только святые. Впрочем, святым законы и не нужны. Создавать законы для жуликов нет никакого смысла. Попытаемся найти середину. Разделим наш треугольник линией, параллельной основанию так, чтобы площади получившихся фигур оказались равными. Эта линия окажется пугающе близкой к основанию, так что наши законы будут крайне близкими к гипотетическим законам для жуликов. Трудно предположить, что именно здесь обнаруживает себя всеобщая воля. Остается, наверное, только один вариант: поднять эту линию несколько ближе к вершине, насколько это возможно, так, чтобы законы были все же выполнимы. Таким образом, всеобщее в данном контексте означает предельно возможное в конкретных условиях.

Время, когда Гегель писал о героях, всеобщем, о том, почему «обычный» человек идет за героями, называют наполеоновской эпохой, когда герои были весьма заметны. Это была эпоха высокой энергетики и предприимчивости, люди совершали предельно возможное и почти невероятное. Типичной была короткая, но яркая жизнь. Когда однажды при наполеоновском дворе кто-то начал восхищаться храбростью маршала Ланна, он с досадой ответил, что гусар, которого не убили в тридцать лет, не гусар, а дрянь. Маршалу Ланну, когда он это говорил, было больше тридцати, а жить оставалось совсем недолго. Некоторым удавалась почти невероятная карьера. Наполеона в этом смысле не превзойти, но были и другие сюжеты, например превращение французского маршала Бернадотта в шведского короля. Лависс и Рамбо пишут, что «Наполеон на некоторое время возвысил среднего француза над средним человеком» [4, с. 116], причем не только на поле боя. «На износ» трудились чиновники: получали ордена, а некоторые умирали от перегрузок прямо за рабочими столами. В книге «Египетский поход», написанной (или продиктованной) лично Наполеоном, автор никем не восхищается так, как генералом Кафарелли, который не ходил в атаки, а ведал инженерной частью (сейчас сказали бы, что командовал строительством). Описания того, что он успевал построить за короткое время, просто изумляют. Противники Наполеона тоже напрягали все силы и совершали предельно возможное.

Допустим, что противники были «неправы» в аспекте исторической перспективы. Нередко наполеоновские войны оцениваются более или менее позитивно в том плане, что они способствовали крушению феодализма становлению капиталистических отношений, более прогрессивных. Но дух времени как раз и состоял в противоборстве двух правд, каждая из которых опиралась на особые ценности и составляла целостность.

Не все эпохи героические, случаются и относительно спокойные. Не всегда рядом с обычным человеком оказывается герой, к тому же в спокойное время его нередко трудно обнаружить, его героизм может стать очевидным много позже. Что же способствует постижению духа времени? Возможно, здесь оказываются полезными некоторые человеческие качества, которые Х. Г. Гадамер назвал ведущими гуманистическими понятиями: образование, здравый смысл, способность суждения, вкус.

Образование в гегелевском значении термина (Х. Г. Гадамер принимает гегелевскую версию) есть подъем индивида к всеобщему. Человек, по Гегелю, отличается тем, что он порывает с непосредственным и природным. Этого требует от него духовная, разумная сторона его существа. Взятый с этой стороны, он не бывает от природы тем, чем он должен быть, и поэтому нуждается в образовании. Образование как подъем к всеобщему не ограничивается одним лишь теоретическим образованием и вообще не подразумевает один лишь теоретический аспект в противоположность практическому, но охватывает определение человеческой разумности в целом. Задача подъема к всеобщему требует жертвы общему особенным. Жертва имеет место как в практической сфере, так и в теоретической.

Практическое образование нацелено на формирование умений, следовательно, на овладение оптимальными способами действий, которые выработаны ранее другими людьми и «снимают» всеобщий опыт. В той мере, в какой человек овладел умением, достиг совершенства в работе, он получил и собственное самоощущение. То, что было для него раньше иным и внешним, становится его уделом, когда он обретает трудовое сознание. Самоощущения работающего сознания содержат все моменты того, что составляет практическое образование: дистанцию от непосредственных влечений, потребностей и частных интересов, т. е. требование всеобщности.

Теоретическое образование, что очевидно, выводит человека за пределы того, что он непосредственно знает и постигает. Его результат состоит в том, чтобы научиться придавать значение другому и находить обобщенные точки зрения. Узнавать в чужом свое (будь то ранее неизвестная наука с ее совершенно необычным для нас языком и стилем мышления или же иная культура, отделенная от нас в пространстве и времени), осваиваться в нем – вот в чем основное движение духа [1, с. 51–55].

Из того, что сказано об образовании, вытекает и понимание его как стремления к предельно возможному. В ходе практического образования человек осваивает способы деятельности. Но, как известно, достичь цели практического характера (например, изготовить деталь требуемой конфигурации) можно многими способами. Обучающийся осваивает оптимальные, т. е. наиболее эффективные из тех, которые выработаны к данному времени, – т. е. предельно возможное. В теоретическом образовании индивид овладевает основами науки, которая (согласно хотя бы М. Хайдеггеру) играет ведущую роль «внутри целого человеческой экзистенции» [7, с. 33].

Очевидно, что в наши дни, когда антисциентизм находится на пике моды, не все согласятся с тезисом о ведущей роли науки, но смеем утверждать, что самый антисциентизм

как феномен общественного сознания возможен только при наличии науки и очевидности ее достижений. Если, к примеру, усвоение информации, которую несут СМИ, не требует от индивида никаких усилий, то настоящее, понимающее освоение научного знания, требует таковых, причем не средних, а иной раз предельных.

Трактовку автором «Истины и метода» способности суждения трудно признать вполне ясной. Выделим один существенный аспект: это способность применять свои знания. «То, чем глупец отличается от умственно одаренного, – это отсутствие у него способности суждения, т. е. то, что он не в состоянии правильно постигать и потому не может правильно применять то, что выучил и что знает». Далее утверждается, что нельзя «научить» человека этой способности, «ее вообще нельзя выучить, в ней можно только упражняться от случая к случаю, откуда следует, что она в большей степени способность, чем это возможно для чувства. В крайнем случае, это нечто, что не преподается, потому что никакое демонстрирование понятий не в силах дать способы применения правил» [1, с. 73].

Может быть, причислять своего ближнего к глупцам несколько неосторожно. Возможно также, что апологеты «компетентностного подхода» в современном образовании будут утверждать, что они с успехом учат именно применению знаний. Тем не менее можно с достаточным основанием предположить и то, что неспособность к применению знания свидетельствует о том, что подъем к всеобщему в данном случае не вполне состоялся и, соответственно, «предельно возможное» не достигнуто. Иначе говоря, полученное знание не вполне освоено, осталось для индивида чем-то внешним и чуждым. Если же знание освоено по-настоящему, вошло в душу индивида, его применение не составляет проблемы, как и применение практического приема, использование освоенной «техники» любого дела. Таким образом, способность суждения в ее рациональном аспекте достаточно явно связана с уровнем образования.

О здравом смысле некоторые авторы писали пренебрежительно как о примитивном, дофилософском способе мышления. Х.-Г. Гадамер делает акцент на его социальности. «Здравый смысл... означает не только ту общую способность, которая есть у всякого человека, но одновременно и чувство, порождающее общность. Вико считает, что направленность человеческой воле придает не абстрактная общность разума, а конкретное общее, общность группы, народа, нации или всего человеческого рода. Развитие этого общего чувства тем самым получает решающее значение для жизни» [1, с. 63]. Очевидно, что приведенная дефиниция созвучна нашему исходному определению духа, очевидно, что в здравом смысле присутствует «жертва общему особенным» (прямо по Гегелю). Но до какой степени?

В книге приводится определение одного из гуманистов, который характеризует здравый смысл как «умеренный, общепринятый и надлежащий человеческий разум, который всячески печется об общественных делах, а не обращает все к своей пользе и также имеет уважение от тех, с кем общается; о себе полагает скромно и мягко» [1, с. 63]. Иначе говоря, забота об общественном благе не доходит до крайности, до полного пренебрежения собственными интересами, полагание о себе, пусть «скромное и мягкое»,

имеет место. Таким образом, здравый смысл снова приводит нас к предельно возможному, но реально достижимому. Стоит обратить внимание и на то, что общий интерес не всегда прозрачен, а отсюда следует, что здравый смысл не исчерпывается одним только «рацио», это еще и некое «чувство».

Понятие вкуса, как выясняется, первоначально имело преимущественно этический смысл. Вкус был характеристикой стиля жизни ранней буржуазии. Жилище (комфортное, но не роскошное), манера вести дела, определенный характер отношений с компаньонами и конкурентами, поведение, одежда – все это отличало человека, живущего со вкусом. «Вкус – это не только идеал, провозглашенный новым обществом, это, в первую очередь, образующийся под знаком этого идеала «хороший вкус», то, что отныне отличает «хорошее общество». Оно узнается и узаконивается теперь не по рождению и рангу, а в основном благодаря общности суждений или, вернее, благодаря тому, что вообще умеет возвыситься над ограниченностью интересов и частностью пристрастий...» [1, с. 78–79]. Под знаком хорошего вкуса «развивается способность к дистанции относительно частных пристрастий. Отсюда следует, что вкус по самой своей сущности не есть нечто приватное; это общественный феномен первого ранга. Он в состоянии даже выступать против частной склонности отдельного лица подобно судебной инстанции по имени «всеобщность», которую он представляет и мнение которой выражает. Цельность, общность, всеобщность – все в наличии.

Затем понятие вкуса эволюционировало в область эстетики, но суждения вкуса были и остаются безапелляционными. Эстетический контекст вкуса весьма широк. Мы оцениваем, к примеру, некоторый поступок не как хороший или дурной, а как красивый или некрасивый. Уверенность вкуса – это и уверенность в безвкусице. Если в здравом смысле имеет место иррациональная составляющая, то в суждении вкуса иррациональное, пожалуй, преобладает: это безвкусно, и все тут.

Остается тот же вопрос: а где здесь предел и предельное? Оказывается, есть и такое содержание. Одной из ключевых составляющих вкуса является умеренность. «В понятии вкуса заложено умение и в моде соблюдать умеренность, и обладатель хорошего вкуса не следует вслепую за меняющимися требованиями моды, но имеет о них собственное суждение. Он придерживается своего «стиля», т. е. согласовывает требования моды с неким целым, которое учитывает индивидуальный вкус и принимает только то, что подходит к этому целому с учетом того, как они сочетаются» [1, с. 80]. Быть умеренным – значит сознавать границу меры, предел, дальше которого заходить не стоит.

В одном из произведений Марка Алданова есть замечательный эпизод. В некоем светском салоне сидит в кресле всем известный поэт лорд Байрон. Он необычно одет. В частности, на нем черный фрак (все прочие тогда носили синие). Гости посматривают на него с недоумением: прилично ли он одет или же, напротив, своей одеждой бросает вызов хорошему обществу? Градус недоумения постепенно нарастает. Наконец вопрос был решен. Вошел Брумелль (Дж.Б. Брумелль – первый денди и основоположник дендизма, человек, стилю и манерам которого подражала вся Ев-

ропа), и, проходя мимо Байрона, чуть заметно одобрительно кивнул. Все сомнения немедленно рассеялись. Видимо, Байрон хорошо чувствовал предел, дальше которого заходить нельзя.

В негероические времена вектор общего движения определить нелегко, обычно обнаруживаются несколько тенденций. Образование помогает, по крайней мере, осознать их и определить реальные возможности, отделив их от невозможного и формально возможного. Вспомним еще раз Гегеля. «Чем человек необразованнее, чем менее он знает определенные соотношения предметов, которые он хочет рассматривать, тем более он склонен распространяться о всякого рода пустых возможностях. Как это, например, бывает в политической области с так называемыми политиками пивных» [2, с. 241]. Способность суждения позволяет по-настоящему реализовать для этого возможности образования. Здравый смысл дает возможность определить и почувствовать общую пользу. Наконец, вкус решительно отличает приемлемое от неприемлемого, хотя бы в форме красивого и некрасивого.

Случаются также времена (будь то героические или спокойные), ценностный вектор которых явно выражен, но приемлем не для всех. Следует ли наделять духовностью несогласных, недовольных, сомневающихся и колеблющихся? Наверное, можно, если несогласие тоже имеет какой-то более или менее общий ценностный вектор. Духовным (т. е. тонким, чувствительным, способным понять ближнего, сопереживать ему и пр.) может быть каждый сам по себе, духовность же предполагает общность и целостность. Если же общность и целостность есть, возможны различные жизненные стратегии.

Наиболее известна стратегия прямого протеста. Духовная и творческая энергия диссидента направлена на прямую критику преобладающего ценностного вектора, на борьбу. Его жизнь полна трудностей, потерь, риска, но, пожалуй, предмет критики ему в известном смысле необходим. Если он будет действительно разрушен, разрушитель может утратить основную доминанту своей деятельности.

Некоторые варианты можно найти в отечественной литературе. Явно выражены два полюса. Один из них представлен в творчестве Александра Грина, другой – в произведениях Аркадия Гайдара. Первый заключается в попытке создать собственный мир и эмоционально жить в нем. Открываем Александра Грина – «непохожего». Лисс и Зурбаган, алые паруса, открытые и искренние люди. Есть, впрочем, и негодяи, но и негодяи какие-то симпатичные. Личностей вроде булгаковского Шарикова или Швондера мы не найдем, гриновскому негодяю не придет в голову сослать «хорошего» в лагерь. Второй вариант состоит в романтизации смутного времени, умении увидеть в нем позитив, даже если большинству это представляется невозможным. Он отчасти напоминает о некоторых особенностях мироощущения средневекового рыцарства, умении видеть не столько то, что есть, сколько то, что должно быть с точки зрения рыцарского идеала. В произведениях Аркадия Гайдара мы обнаруживаем отважных пионеров, коварных шпионов, тревожное ожидание войны, доброту и героизм. Жизненные реалии присутствуют, но превращаются в нечто теплое и прекрасное.

Оба полюса присутствуют и в современной литературе. Не будем трогать слишком высокого. Обратимся к массово читаемым «остросюжетным» произведениям. Лев Гуров, герой множества романов Николая Леонова, ведет безнадежную борьбу с преступностью. Преступность растет, качественно меняется. Уже нет классического детективного противостояния по линии «сыщики – воры». Все течет, причем не в гераклитовском смысле, а в том, что все сказанное где-нибудь в «высоком» кабинете становится известным преступникам. Но Гуров создает свой маленький мир: двое настоящих друзей, любимая женщина и несколько человек (ветеранов милиции), на которых можно положиться. Аналогично строит свою жизнь Анастасия Каменская – героиня Александры Марининой.

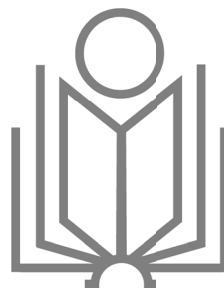
Противоположный вариант обнаруживается, к примеру, у Данила Корецкого. Его герои тоже борются с преступностью, но совсем не так, как Лев Гуров. Если последний не знает другого способа получить признание преступника, кроме обычного допроса, то персонажи Корецкого способны пытать и убивать негодяев, не обращая внимание на законность. Подобные факты из жизни милиции-полиции нередко становятся известными из средств массовой информации и вызывают всеобщее возмущение. Тем не менее у литературных героев все это получается как-то очень эффектно, читатель чувствует, что правда на их стороне. У них имеется какое-то собственное понимание законности, отличающееся от буквального прочтения, причем общее для некоторого круга борцов с преступностью. Соответственно и свои поступки они видят и оценивают в соответствии с ценностями, сложившимися в этом кругу.

Случаются также времена не только негероические и беспокойные, но смутные и противные. Если, к примеру, дух времени подсказывает хватать, то можно ли считать высокодуховным человека, который хватается более успешно, чем другие, хватается на пределе возможностей? Здесь обнаруживается своеобразный парадокс духовности. Разумеется, не исключено, что в сумерки, когда прилетит сова Минервы, выяснится, что дух времени состоял совсем не в этом, но как быть сейчас? Может быть, следует предположить, что духовность как качество личности требует не только чувствовать дух времени, совершать предельно возможное, но и жить с Богом в душе?

-
1. Гадамер Х.-Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики. М.: Прогресс, 1988. 704 с.
 2. Гегель Г. Соч.: в 14 т. М.; Л., 1929. Т. 1. 368 с.
 3. Гегель Г. Соч.: в 14 т. М.; Л.: Гос. соц.-эконом. изд-во, 1935. Т. 8. 470 с.
 4. История XIX века / под ред. Лависса и Рамбо. М.: ОГИЗ, 1938. Т. 1. 584 с.
 5. Коллингвуд Р. Дж. Идея истории; Автобиография. М., 1980. 485 с.
 6. Франк С. Душа человека. Минск: Харвест; М.: АСТ, 2000. 992 с.
 7. Хайдеггер М. Что такое – метафизика? // Новая технократическая волна на Западе. М.: Прогресс, 1986. С. 31–45.

© Федяев Д. М., Навойчик Е. Ю., 2013

ФИЛОЛОГИЯ

Алексеева А. В.

Реализация жанрового канона официально-деловой речи
(на примере обращений граждан в официальные инстанции)

Баранцева Т. В.

Тематическая группа «пчеловодство» в древнерусском языке.
Специфика системных отношений

Борейко Т. С., Шпак Е. А.

Неофициальная топонимика современного города
(на примере г. Омска)

Ваганова К. Р.

Текстовые категории делового эпистолярия
в розыскных письмах-предписаниях 20-х гг. XIX века

Глотова Е. А., Прима Е. А.

Представления о смерти в русской фразеологии
и паремиологии

Гордеева З. А.

Методика исследования зоонимов при моделировании русской
языковой картины мира (на примере зоонима *кошка*)

Елисеева Е. П., Прихна Л. С.

К вопросу о функциональной дифференциации лексики
медицинского подъязыка

Есауленко Л. А.

Утопическое и антиутопическое в романе Мишеля
Уэльбека «элементарные частицы»

Ефанова Л. Г.

Норма количества статического или динамического
признака лица как фрагмент функционально-
семантического поля нормы

Крылов Ю. В.

Англицизмы в рекламной номинации

Мальшикин К. Ю.

К вопросу о взаимосвязи вежливости и категоричности

Никонова М. Н.

Детерминализация техницизмов в современном
русском языке

Палий А. А.

Рассказ «Аванпост прогресса» как программное
произведение Джозефа Конрада

Салимьянова И. В.

Междисциплинарный аспект исследования образа
пожилого человека в русской языковой картине мира

Устинова Т. В.

Предпосылки лингвистического исследования
американской «языковой поэзии» в аспекте проблемы
лингвокреативности

Штехман Е. А.

Проявление особенностей языкового сознания
в диалектном тексте

РЕАЛИЗАЦИЯ ЖАНРОВОГО КАНОНА ОФИЦИАЛЬНО-ДЕЛОВОЙ РЕЧИ (на примере обращений граждан в официальные инстанции)¹

В статье рассматривается построение обращений граждан в официальные инстанции (жалоба, заявление, ходатайство) с точки зрения канона жанра. В ходе исследования выявлено, что автор документа оказывается перед выбором: разрушить жанровый канон или остаться в рамках жанра. В большинстве случаев авторы делают выбор не в пользу жанрового канона, хотя именно он воспринимается должностными лицами как абсолютная норма. Также в статье с помощью примеров показывается, как разрешается коллизия между частным и официальным при создании текстового произведения.

Ключевые слова: жанровый канон, официально-деловая речь, документ, жанр, обращения граждан, жалоба, заявление, ходатайство, просьба.

Построить документ в соответствии с каноном жанра достаточно сложно. Например, жалоба с точки зрения инструкций по делопроизводству должна включать пять компонентов, последовательность которых строго не закреплена, но рекомендуема для достижения поставленной цели: 1) вступительные этикетные формулы, обращение; 2) указание на причину отрицательной оценки действий конкретных лиц, их вину и меру причастности к факту, событию, ситуации с предоставлением доказательств противоправного деяния, явившегося поводом для жалобы; 3) правовая оценка, указание на то, какие нормы, правила, законы, инструкции были нарушены; 4) просьба о помощи в создавшейся ситуации, предложения по преодолению отрицательных последствий; 5) заключительные этикетные формулы.

Большая часть из проанализированных в ходе исследования жалоб включает основные компоненты канона жанра с некоторой трансформацией: а) изложение обстоятельств дела – информационная часть, в которой рассказывают о деянии, послужившем причиной жалобы; б) анализ обстоятельств дела. Это наиболее важная и объемная часть документа, в которой автор предлагает свою трактовку события, обосновывая ее с опорой на факты. В этой части перечисляются нормы закона, упоминаются документы, в которых зафиксированы нормы, нарушенные должностным лицом или гражданином; в) оценка людей и событий, например: *Тов. ФИО вбила себе в голову, что в доме должен быть ТСЖ. Зачем нам пенсионерам, инвалидам, репрессированным, ветеранам и др. бедным людям эти*

THE GENRE CANON IN FORMAL SPEECH (the case of citizens appeals in official institutions)

The article is devoted to the structure of citizens' appeals to competent authorities (complaints, applications, petitions) from the point of view of the genre canon. The study reveals that the author of the documents has a choice either destroy the genre canon or stay within the genre. In most cases, the authors do not make a choice in favour of the genre canon genre, even though it is treated as an absolute norm by officials. Also, with the help of examples the article shows how to resolve a conflict between the private and the official to create the text.

Key words: genre canon, formal business speech, document, genre, citizens' appeals, complaints, applications, petitions, requests.

непомерные расходы? Зачем менять коней на переправе? Ведь скоро отопительный сезон. Эта ненормальная женщина, одержимая навязчивой идеей, нас погубит. Зачем меня – офицера запаса, строителя БАМа, железной дороги, участвующего в освоении целины какая-то ничемная женщина, попирая демократические законы, толкает вместе со всем домом обманом в «светлое будущее» (В статье приводятся примеры из документов организаций Омска и Омской области с сохранением орфографии и пунктуации авторов. Было проанализировано 1960 обращений граждан и 1720 ответов на обращения общим объемом 3680 единиц, относящихся к периоду 1998–2013 г.). Автор обращается к нравственным и этическим оценкам поступка должностного лица, поэтому эта часть текста наиболее эмоциональна. Адресант пытается привлечь адресата на свою сторону, повлиять на его решение. Заметим, что если информация оказывается в меру эмоциональной, рассматриваемая часть текста выполняет свою роль; г) характеристика личности анализируемого субъекта входит в структуру текста, когда жалуются на конкретное физическое лицо; д) заключение жалобы содержит указания на то, какой исход автор считает справедливым в соответствии с законодательством или этическими нормами.

Считаем, что признаки, выделенные Н. В. Орловой в характеристике жанра *осуждение* («многословность и описательный тип дискурса, причиной которых является неочевидность ситуации с точки зрения морально-нравственных критериев и необходимость выставить ее «в негативном свете»» [1, с. 54]), присутствуют и в рассмотренных нами жалобах, наряду с многозначной структурой, допускающей широкий спектр индивидуальных осмыслений.

Отметим также эмоциональный аспект жалоб: авторы, оформляя текст «по горячим следам», находятся в возбуж-

¹ Работа выполнена при поддержке РГНФ, грант № 12-04-00219 «Речевая деятельность в официально-деловой сфере: порождение и восприятие современного русскоязычного документа».

денном эмоциональном состоянии, что накладывает отпечаток на характер документа, существенно снижая уровень его официальности.

В некоторых документах запрет на эмоциональные формы так очевиден, что автор оказывается перед выбором: разрушить жанровый канон или остаться в рамках жанра и употреблять сугубо рациональную аргументацию, но не достичь желаемого эффекта. В большинстве случаев авторы делают выбор не в пользу жанрового канона, хотя именно он воспринимается адресатами – должностными лицами – как абсолютная норма; подобный выбор можно считать победой субъективного фактора. Таким образом, в соответствии с целями адресант строит документ так, чтобы вызвать сочувствие адресата, желание помочь. При этом он должен создать текст, обладающий свойствами официального документа. Вследствие этого возникает антиномия между личным характером интенции и содержанием и институциональностью роли получателя. Интимно-личное начало этой коммуникации требует использования экспрессивной лексики, а фигура получателя – формализованного языка. Это создает диссонанс. Податель жалобы начинает текст вполне официально, он идентифицирует себя в традиционной для официальных документов форме: *Уважаемая Администрация Президента Российской Федерации. Пишет вам гражданин ИОФ, проживающий в Омской области.* Статус документа заставляет отправителя употреблять лексику и обороты, свойственные деловым документам, однако частное содержание «размывает» такое словоупотребление и в текст жалобы «вкрапляются» отступления разговорного характера, например: *...этот Горчаков Ю. И., что напротив живет, ни смотря, что ему 77–78 лет, на одной ноге, он не отступает как грязный мужичонка; Пишу третий раз ничего толку нет не знаю сколько еще писать...; «Может вы мне помогите так-как свое управление на все просьбы смотрит с закрытыми глазами...; Обратиться к вам меня заставила обида.* Данные отступления, восходящие к обыденной коммуникации, приводят к снижению официальности текста. Тем не менее сохранение жанровой структуры позволяет констатировать, что автором учтены сущностные характеристики речевого жанра *жалоба*. Полная нейтрализация официального начала, вообще говоря, маловероятна, так как адресованность в инстанцию является прагматически релевантной чертой обращений граждан.

Таким образом, коллизия между частным и официальным разрешается здесь простым способом: создается текстовое произведение, в котором эклектически соединены компоненты, выражающие эти начала. Неразрешенность антиномии между частным и официальным выражается в нейтрализации одного из начал. Если в жалобе превалирует официальное начало и строение, соответствующее канону жанра, то она оказывается неспособной эмоционально воздействовать на адресата, он не может «вжиться» в проблемы пишущего и сопереживать ему. Тем самым текст не сможет выполнить той функции, которая на него возлагается.

Иногда игнорирование официального статуса адресата превращает документ во фрагмент бытовой коммуникации и влечет трактовку текста как несоответствующего официально-деловой коммуникативной ситуации: *ИО.,*

дайте им хороших тумачков, Горгазу Советского района, чтоб к Газовым печам были детали. На этом все. Будьте Вы и остальные здоровы; Пожалуйста, помогите решить вопрос, не загоняйте людей на помойки. Это очень стыдно и не делает чести никому; Милые вы наши родные большие братья, кто же о нас позаботиться, если не вы? Считаем, что такие тексты не просто малоэффективны, они выбывают из официальной коммуникации как нарушающие ее.

Оформить заявление в соответствии с канонами жанра, в отличие от жалобы и просьбы, проще: документ должен содержать указание на конкретное действие, относящееся к заявителю, иногда необходимо предоставление доказательств, дающих право реализовать права заявителя, т. е. указание на то, какие нормы, правила, законы регламентируют действие.

С точки зрения жанрового канона заявление интерпретируется как комплекс из четырех компонентов, наличие и последовательность которых регламентированы инструкциями: 1) заголовочная часть, включающая информацию об адресате (должность И. О. Фамилия), информацию об адресанте (ФИО, статус, иногда дополнительная информация, например, паспортные данные); 2) собственно просьба (информирование о необходимости совершить определенное действие); 3) мотивировка просьбы (изложение обстоятельств дела – информационная часть, в которой рассказывают о причине обращения, анализ обстоятельств ситуации с опорой на факты, нормы закона, документы); 4) подпись заявителя, расшифровка подписи, дата.

Приведем пример полной реализации жанрового канона:

ОАО «Омская энергосбытовая компания»
Начальнику департамента продаж
теплоэнергии
И. О. Фамилия

от собственника, проживающего по адресу:
И. О. Фамилия
Документы, подтверждающие права
на собственность:

ЗАЯВЛЕНИЕ

В связи с увеличением оплаты за отопление в размере 100 % (ноябрь 2008 г. – 14,56р. – декабрь 2008 – 28 руб. м² прошу предоставить информацию за указанный период по счетчикам на оплату – договор 9950 ТСЖ «Подгорный–2».

Являясь собственником жилья в соответствии с «Жилищным кодексом РФ» абоненты имеют право получать соответствующую информацию при подтверждении полномочий от юридического лица.

Доверенность ТСЖ «Подгорный–2» прилагаю.

Ответ прошу направить по адресу:

ФИО, подпись, дата

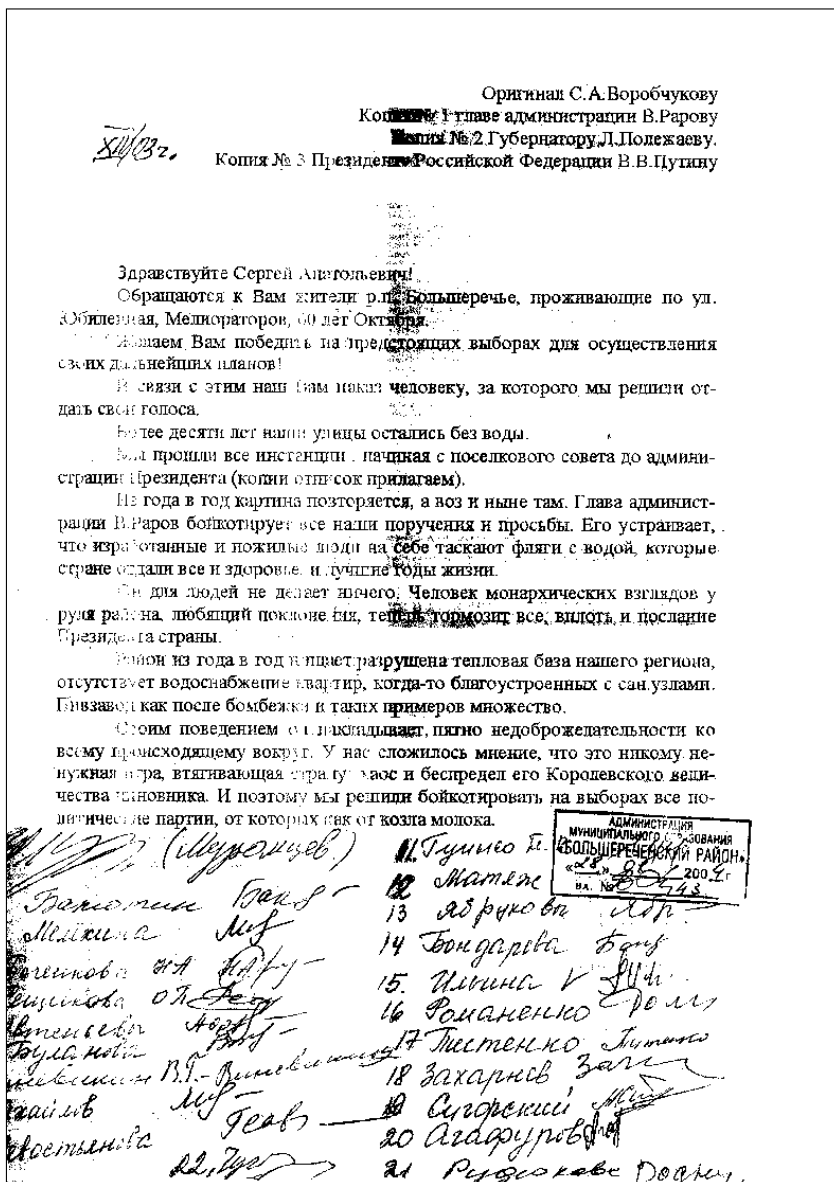
Являясь комплексным жанром, заявление включает, во-первых, побудительные высказывания, во-вторых, аргументативные сообщения, подкрепляющие эти побуждения. При этом аргументативные сообщения способны не только следовать после побудительных высказываний, но и предшествовать им.

Часто в заявлениях видим совпадение жанровых признаков просьбы и жалобы, например: *Беззаконие, бумага все вытерпит, и как обследовалось наше жилье в общешитии, и как мы живем, голодные и полуодетые. Сейчас нет денег даже на хлеб и лекарства необходимые.* Дело-производители дают ответ в рамках жанра: *На Ваше заявление к главе администрации об отказе в выделении материальной помощи сообщая, что Вашей семье постоянно оказывалась и впредь будет оказываться материальная помощь из районного бюджета. Так в течение прошлого года через Фонд социальной поддержки было выделено 4024 руб. За два последних года Вы с сыном дважды оздоравливались по бесплатным путевкам в санаториях «Колос» и «Автомобилист». В январе 2008 года по решению Правления фонда Вам выделено 300 руб. для приобретения лекарств.*

Анализ количественных данных показал, что большинство адресантов ошибаются, думая, что они пишут именно заявление: из 240 документов, которые идентифицировались отправителем как жанр *заявление*, канону жанра соответствовало только 105 документов, т. е. меньше половины.

Ходатайство в соответствии с каноном жанра должно содержать указание на конкретное действие, относящееся к ходатаю, с предоставлением доказательств, дающих право реализовать имеющиеся права (указать нормы, правила, законы, которые регламентируют действие). Стандартный набор компонентов совпадает с жанром заявлений: это комплекс из четырех компонентов, отличие в том, что их последовательность не регламентирована нормативными документами: 1) заголовочная часть, включающая информацию об адресате и об адресанте; 2) собственно просьба (информирование о необходимости совершить определенное действие); 3) мотивировка просьбы (изложение обстоятельств дела – информационная часть, в которой рассказывают о причине обращения, анализ обстоятельств ситуации с опорой на факты, нормы закона, документы); 4) подпись ходата, расшифровка подписи, дата. Наблюдаем тенденцию приведения разных ситуаций к образцу, в котором воплощен предшествующий опыт человека, что порождает ритуализацию речевого поведения и находит выражение в формулах. У должностных лиц появляется возможность быстро реализовать стратегический подход в стандартных речевых ситуациях. Следовательно, чем более формализована речевая ситуация, тем быстрее и результативнее она разрешается. Ходатай, используя коммуникативно-

ситуационные, прагматические стратегии, определяет выбор речевого жанра, причем более чем в 30 % анализируемых документов в реализации наблюдаем совпадение жанровых признаков у просьб, ходатайств, заявлений. Причину видим, во-первых, в том, что у ходатайств и заявлений совпал стандартный набор комплекса компонентов канона речевого жанра, во-вторых, в разграничиваемых жанрах совпала предикатная лексика, интенция реализуется с помощью лексемы *просьба*. Поэтому авторы не всегда различают переходы между границами жанров. Но, кроме предикатов, в семантико-синтаксических структурах, оформляющих речевые жанры обращений граждан, есть распространители, достраивающие семантическую ситуацию: а) о чем просят: в просьбах адресанты просят помочь в сложной жизненной ситуации; в заявлениях – помочь в реализации законных прав; в ходатайствах – просят за гражданином законодательно закрепить определенный социальный статус; б) как просят, сообщают, что требуют, почему, зачем. Для заявлений и ходатайств характерна клишированность, минимальность словесного выражения, одноплановость смыслов, конкретность тематики – это связываем

с наличием формуляров-образцов. Для просьб, поскольку они оформляются не по шаблонам-образцам, характерны такие особенности и недостатки, как отказ от продолжения высказывания, перегрузка состава предложения повторами: полисиндетон, параллелизм, анафора, эпифора (структурные особенности); выражение модального значения убежденности, оценки (смысловые особенности); ссылки на более раннюю информацию, дробное членение информации на сегменты (информационная особенность).

Рассмотрим еще один речевой жанр – гражданский наказ, занимающий определенное место в составе коллективных обращений. Отметим, что одним из факторов, повышающих эффективность деловой коммуникации, является создание коммуникативно точного с точки зрения реализации жанрового канона текста. В случае с рассматриваемым жанром добиться этого сложно, поскольку определенного канона нет, есть только наименование жанра, пришедшее из истории делопроизводства. Законодательными актами права определены субъекты отношений, которые в гражданском наказе могут быть инициативной гражданской организацией, общественным объединением или, как в нашем случае, инициативными гражданами: *Обращаются к Вам жители, проживающие по ул. Юбилейная, Мелиораторов, 60 лет Октября... наш Вам наказ человеку, за которого мы решили отдать свои голоса.*

Обращение граждан наглядно иллюстрирует наличие двух начал – личного и официально-делового. Пишущие понимают необходимость достижения максимальной эффективности деловой коммуникации, ориентируясь в первую очередь на убеждение получателя в своей правоте и, как следствие, побуждение его к необходимым управленческим шагам в интересах отправителя. Однако очевидна высокая сложность задачи: повлиять на систему убеждений получателя. Несмотря на отмеченные недостатки в выборе жанра, ведущим началом в этом документе является, с нашей точки зрения, официально-деловое по следующим причинам: документ стал составляющим звеном коммуникации «гражданин – должностное лицо», относящейся к разряду деловых коммуникаций. В нем определены статусные роли участников. Но отмечаем отсутствие конкретно обозначенной проблемы: обращение построено как изложение фактов, имеющих опосредованное отношение к предполагаемой проблеме. Отсутствует конкретное требование (просьба, пожелание), что расценивается как информативная (содержательная) неточность. Косвенная интенция, на наш взгляд, плохо влияет на эффективность коммуникации «гражданин – должностное лицо». Макротема репрезентируется косвенно, прямо выражен ряд микротем, обличенных в коммуникативные формы, больше соответствующие жалобе по поводу отсутствия водоснабжения на названных улицах: *Более 10 лет наши улицы остались без воды...* Параллельно развиваются такие микротемы: предстоящие выборы: *Желаем Вам победить на предстоящих выборах для осуществления своих дальнейших планов!*; неблагоприятная экономическая ситуация в районе: *Район из года в год нищает: разрушена тепловая база, отсутствует водоснабжение; Пивзавод как после бомбежки и таких примеров множество*; информирование необходимых организаций, в том числе и Президента; непринятие должностными

лицами мер (содержательно-подтекстовая информация – «беззаконие»): *Мы прошли все инстанции, начиная с поселкового совета до администрации Президента (копии отписок прилагаем). Из года в год картина повторяется, а воз и ныне там; отказ отдать свои голоса на предстоящих выборах: И поэтому мы решили бойкотировать на выборах все политические партии, от которых как от козла молока. На основании информации, полученной в результате интерпретации данного текста, сложно сделать вывод, чего хотят от главы администрации области, президента обратившиеся граждане: У нас сложилось мнение, что это никому не нужная игра, втягивающая страну в хаос и беспредел его Королевского величества чиновника?*

Адресат был поставлен в затруднительное положение из-за сложности определения жанра, вычленения необходимой для исполнения информации, обусловленной скачкообразным развертыванием темы документа, повлекшим за собой сбой в восприятии информации, поскольку микротемы «отопления улиц» не было в первичном документе: *Уважаемые жители улиц..., на ваше обращение сообщая: в ходе подготовки к отопительному сезону 2003–2007 за счет средств района и Программы модернизации ЖКХ были выделены индивидуальные отопительные котлы жителям...(перечислены 76 человек), установлен котел и смонтировано отопление за счет средств МУП ветерану труда ИОФ.* Информация документа-ответа частично отражает одну из микротем входящего документа: *В 2004 году запланировано строительство 700 м водопровода по перечисленным улицам и объединение этих улиц с главным водопроводом поселка. Подвод водопровода к домам от трассы будет производиться за счет средств владельцев домов.* Адресанты преследовали цель – разрешить личную проблему (плохое водоснабжение улиц) при помощи администрации района в лице главы (должностное лицо), призванного курировать социальные объекты на своей территории. Должностное лицо декодировало информацию, результатом официально-деловой коммуникации стал ответ адресантам с объяснениями, как будет проходить водоснабжение улиц.

Таким образом, в ходе исследования мы пришли к выводу, что каждый третий документ (35 % от общего числа) обращений, относящихся к жанрам просьбы, жалобы, заявления, ходатайства, не соответствует требованиям, предъявляемым к качеству документной информации. Часто нарушаются жанровые каноны. Перечислим типичные несоответствия жанровому канону: субъективность, неполнота информации, избыточность информации, неточность информации, эмоциональность и неаргументированность, нелогичность структуры текста. Все это отрицательно влияет на официально-деловую коммуникацию.

1. Орлова Н. В. Жанры разговорной речи и их «стилистическая обработка»: К вопросу о соотношении стиля и жанра // Жанры речи. Саратов: Изд-во ГосУНЦ «Колледж», 1997. С. 51–56.

А. В. Алексеева

ТЕМАТИЧЕСКАЯ ГРУППА «ПЧЕЛОВОДСТВО» В ДРЕВНЕРУССКОМ ЯЗЫКЕ. СПЕЦИФИКА СИСТЕМНЫХ ОТНОШЕНИЙ

В статье рассматривается тематическая группа «пчеловодство» в древнерусском языке. Проанализированы внутренние и внешние системные отношения лексем: выявлены пути образования вторичных значений, построены синонимические ряды, исследованы гипо-гиперонимические связи между словами. Представлено распределение древнерусских слов, относящихся к пчеловодческой отрасли хозяйства, по тематическим группам. Дана классификация слов в зависимости от частоты и сферы употребления.

Ключевые слова: тематическая группа, полисемия, моносемия, синонимия, гипо-гиперонимические отношения.

Пчеловодство – одно из древнейших занятий человечества. А как известно, деятельность неразрывно связана с речью. Вместе с развитием данной отрасли хозяйства обогащалась и пчеловодческая лексика, появлялись наименования представителей семейства пчелиных, продуктов пчеловодства и инвентаря. В итоге уже в древнерусском языке можно увидеть сформировавшуюся тематическую группу слов, связанную с пчеловодством.

В качестве источника материала нами были использованы «Краткий этимологический словарь русского языка» Н. М. Шанского [6], «Этимологический словарь русского языка» М. Фасмера [5], «Словарь древнерусского языка» И. И. Срезневского [4]. Картотека исследования насчитывает более 150 единиц, извлеченных из названных источников путем сплошной выборки.

«Лексическое значение слова неизбежно включает в себе понятие об этом предмете или явлении, находящееся в определенной связи с другими понятиями», – пишет Д. Н. Шмелев в своей книге «Проблемы семантического анализа лексики» [3, с. 73]. Действительно, предметно-понятийное содержание является важнейшим компонентом семантики слова, без которого невозможно его функционирование как средства языковой коммуникации.

В парадигматике слово имеет два рода системных отношений: связи с другими (внешними) единицами языка, определяющие слово в качестве одного из членов какой-либо лексико-семантической группы языка, и связи между отдельными его значениями, определяющие внутреннюю структуру этого слова.

Анализ внутренних системных отношений показывает тяготение группы древнерусских слов, относящихся к пчеловодству, к моносемии: 90 % всех исследованных слов в древнерусский период не были многозначными. Многозначность обнаруживают лишь следующие слова: *бортник*, *бортъ*, *дель*, *мед*.

Бортник – 1. Человек, занимающийся пчеловодством. 2. Пасека, место разведения и содержания пчел. – Метонимия, производитель действия и место действия.

THEMATIC GROUP “BEEKEEPING” IN THE OLD RUSSIAN LANGUAGE. SPECIFICITY OF THE SYSTEMIC RELATIONS

This article is devoted to the theme group “beekeeping” in Old Russian language. The internal and external systemic relations of lexical items are analyzed: the ways of connotations formation are revealed, synonymic ranks are constructed, hypo-hyperonymic connections between words are described. The Old Russian words related to beekeeping branch of economy are distributed by thematic groups. The classification of the words according to the frequency and the field of use is given.

Key words: thematic group, polysemy, monosemy, synonymy, hypo-hyperonym relations.

Бортъ – 1. Колода для пчел, дерево с ульем. 2. Часть леса с такими деревьями, пасека. – Метонимия, расширение лексического значения, предмет и место расположения этого предмета.

Дель – 1. Пчелиная бортъ. 2. Отверстие, щель, проделываемая бортником. – Метонимия, синекдоха, название целого и части целого.

Мед. – 1. Сладкая, вязкая, тягучая жидкость, которую производят пчелы из цветочного нектара. 2. Напиток. – Метонимия, материал и изделие из этого материала.

Анализ внешних системных отношений показал, что слова древнерусского языка, относящиеся к пчеловодству, не образуют антонимические ряды, в то время как в синонимические отношения вступают 45 % обнаруженных слов:

- 1) *рой* – семья;
- 2) *трутень* – чап;
- 3) *летка* – дель;
- 4) *пасека* – бортъ;
- 5) *ячейка* – вощина – сот;
- 6) *улей* – дупло – гнездо – колозень – дель – сапетка – бортъ – бортник.

Анализ гипо-гиперонимических отношений помог выявить следующие связи между словами древнерусского языка, относящимися к лексике пчеловодства (в такие отношения вступают 25 % исследуемых языковых единиц):

- 1) пчела (гипероним) – матка, трутень, чап (гипонимы);
- 2) улей (гипероним) – гнездо, сапетка, бортъ, колозень, дупло, дель (гипонимы).

Представляется возможным выделить следующие тематические группы слов, относящихся к пчеловодству:

1) продукты жизнедеятельности пчел и их производные: мед, воск, вощина, сбитень, барма, сыта, сот, уза, перга, ячейка (10);

2) жилище пчел: улей, гнездо, сапетка, бортъ, колозень, дупло, дель (7);

3) составные части улья: дель, должъ, рама, твирь, летка, колозня (6);

4) инвентарь: пешня, скобель, тесла, лезиво (4);

- 5) специализированные места разведения пчел и хранения продуктов пчеловодства: пасека, бортник, медуша (3);
- 6) члены пчелиного сообщества: пчела, матка, трутень, чап (4);

7) совокупность пчел: семья, рой (2).

Все прочие слова не образуют тематических групп, так как представлены единичными лексемами:

- колода – сосуд для хранения меда;
- бортник – человек, занимающийся пчеловодством;
- жало – колющая часть органа защиты у пчел.

Рассмотрим подробнее каждую тематическую группу.

Самая многочисленная тематическая группа (10 лексем) – слова со значением «продукты жизнедеятельности пчел и их производные», в нее входят следующие слова:

- 1) барма – пена на меде или фруктовом сиропе при варке;
- 2) воск – продукт восковых пчелиных желез;
- 3) вощина – ячейка восковая в улье;
- 4) мед – 1) сладкая, вязкая, тягучая жидкость, которую производят пчелы из цветочного нектара; 2) напиток;
- 5) перга – цветочная пыльца на ножках пчелы;
- 6) сбитень – напиток из воды, меда и пряностей;
- 7) сыта – вода подслащенная медом, сваренный мед;
- 8) уза – пчелиная смола, масса, которой пчелы защищают внутренность улья от света и воздуха;
- 9) сот – совокупность ячеек;
- 10) ячейка – связь, скрепление, углубление в сотах для хранения меда.

Центральным словом этой группы является слово МЕДЪ, имеющее общеславянское происхождение. Согласно статье в словаре Срезневского [4, т. 2, с. 295], эта лексема в древнерусском языке имела два значения: 1) продукт жизнедеятельности пчел и 2) хмельной напиток. Любопытно, что в большей части примеров (~60 %) слово употреблено во втором значении. Напиток этот имел разновидности: МЕДЪ ЧИСТЫИ, МЕДЪ ПРЪСНЫИ. Особого замечания требует всем известное выражение *мед-пиво*: в древнерусских текстах слово МЕДЪ употребляется без приложения *пиво*. Видимо, необходимость дифференцировать эти понятия (мед – сладость и мед – напиток) возникла позже. В пользу этого предположения говорит и тот факт, что слово *медовуха* «медовый напиток» нами зафиксировано не было.

Мед был основой и для других русских напитков, таких как сбитень, сыта. Древнерусский автор предостерегает нас от излишеств: «ВЪ МЕДОУ НЕ МОУЖАИСЯ, МЪНОГЫ БО ПОГОУБИЛЪ МЕДЪ» [1, с. 74].

Кроме этого, иллюстрации словаря дают представление о том, что хороший мед не только был лакомством, но и использовался в качестве средства оплаты, отмечен например: МЕДЪ ОБРОЧНЫИ, а также существительное МЕДОВОЮЄ в значении «род подати».

Слово МЕДЪ явилось словообразовательной базой для двух древнерусских прилагательных: МЕДОВЫИ, МЕДОТОЧНЫИ.

Второй дериват трактуется как «источающий медъ». Однако здесь использовано не прямое, а вторичное, метафорическое, значение мотивирующей базы: «наслажаиася медоточныхъ тѣхъ словесъ».

Для описания бытовой ситуации употреблялось прилагательное МЕДОВЫИ: ОБРОКЪ МЕДОВЫИ, МЕДОВА ЧАША.

Второй по многочисленности элементов является тематическая группа «жилище пчел», она насчитывает 7 слов:

- 1) улей – дерево с дуплом, выдолбленное дерево;
- 2) гнездо – место жилья пчелиной семьи;
- 3) сапетка – улей, сплетенный из ивовых прутьев;
- 4) борть – лесной улей, дупло дерева, в котором живут пчелы, колода для пчел;
- 5) колозень – улей;
- 6) дупло – пустой внутри, полый;
- 7) дель – пчелиная борть.

Третья по количеству слов (6 единиц) тематическая группа – составные части улья:

- 1) дель – отверстие, щель, проделываемая бортником;
- 2) должь – дощечка, закрывающая отверстие борти;
- 3) рама – обвязка, каркас для сотов;
- 4) твирь – половинка складной должи пчелиной борти;
- 5) летка – отверстие в улье для пчел;
- 6) колозня – продольная скважина в улье.

Тематическая группа «инвентарь» включает 4 слова:

- 1) пешня – железный лом;
- 2) скобель – нож с двумя рукоятками по концам;
- 3) тесла – особый род топора;
- 4) лезиво – приспособление для влезания на высокие, без сучьев, деревья с целью добывания меда.

Тематическая группа «специализированные места разведения пчел и хранения продуктов пчеловодства» состоит из следующих слов:

- 1) пасека – вырубленное место в лесу; пчелиные ульи на этом месте;
- 2) бортник – то же, что пасека;
- 3) медуша – кладовая для меда.

Тематическая группа «члены пчелиного сообщества» представлена следующими словами:

- 1) пчела – медоносное насекомое;
- 2) матка – самка пчел;
- 3) трутень – самец общественных пчел, «тунеядец, паразит»;
- 4) чап – вид пчел, трутень.

Самая малочисленная лексико-семантическая группа «совокупность пчел» насчитывает две лексемы:

- 1) семья – сообщество пчел, состоящее из матки, трутней, рабочих пчел;
- 2) рой – стая пчел.

С помощью Толкового словаря русского языка С. И. Ожегова, Н. Ю. Шведовой [2] удалось распределить слова, относящиеся к пчеловодству, по следующим группам в зависимости от частоты и сферы употребления:

1) общеупотребительные: пасека, пчела, воск, рой, матка, сот(ы), мед (продукт пчеловодства), медовый, гнездо, дупло, улей, семья, бортник (человек), жало, рама = 15,

2) специальные: вощина, летка, ячея, перга, пешня, скобель, трутень = 7,

3) устаревшие: сбитень, барма, борть, колода, колозень, колозня, бортник (пасека), бортный, уза, мед (напиток), медоточный, медуша, сапетка, твирь, тесла, лезиво, дель (улей), дель (отверстие в улье) = 18,

4) диалектные: сыта, чап = 2.

Из указанного выше можно заключить, что большая часть слов древнерусского языка, относящаяся к пчеловодству, с течением времени устарела или ушла на периферию языка (стала диалектизмами, профессионализмами). Таких единиц насчитывается 28. 15 лексем вошли в пласт общеупотребительной лексики и закрепились там.

Есть многозначные слова, которые устарели лишь в одном значении, а во втором являются общеупотребительными:

1) бортник – пчеловод (общ.);

2) бортник – пасека (уст.);

3) мед – сладкая жидкость, которую производят пчелы (общ.);

4) мед – напиток (уст.).

Также интересно слово *вощина*, изменившее свое лексическое значение:

1) в древнерусском языке – ячейка восковая в улье,

2) в современном русском языке – восковой остов пчелиного сота.

Проведенный анализ позволяет нам составить определенное представление о формировании пчеловодческой лексики в русском языке и развитии отдельных лексических единиц.

1. Дьяк Иоанн. Изборник Святослава 1076 года / пер. со старослав. В. В. Колесов. М.: Православное Святоотеческое Общество, 2011. 92 с.

2. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Рос. АН, Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова. 4-е изд., доп. М.: ООО «А ТЕМП», 2006. 944 с.

3. Шмелев Д. Н. Проблемы семантического анализа лексики (на материале русского языка). М.: Наука, 1973. 280 с.

4. Срезневский И. И. Словарь древнерусского языка: в 3 т. / под ред. И. И. Лебедевой. Репринтное изд. М.: Книга, 1989.

5. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. 2-е изд., стер. М.: Прогресс, 1987.

6. Шанский Н. М. и др. Краткий этимологический словарь русского языка. Пособие для учителя / под ред. чл.-кор. АН СССР С. Г. Бархударова. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Просвещение, 1971. 543 с.

© Баранцева Т. В., 2013

УДК 81.282. 2 [470.5]
U.D.C. 81.282. 2 [470.5]

Т. С. Бореико, Е. А. Шпак
T. S. Boreiko, E. A. Shpak

НЕОФИЦИАЛЬНАЯ ТОПОНИМИКА СОВРЕМЕННОГО ГОРОДА (на примере Омска)

Статья посвящена анализу неофициальных названий городских реалий, которые представляют собой особый именной пласт разговорной лексики, создаваемый горожанами вне официальной городской государственной ономастики. В статье рассматриваются способы номинации неофициальных топонимов, причины их появления в речи горожан. Проанализированы основные способы образования неофициальных топонимов.

Ключевые слова: неофициальные топонимы, городские реалии, способы номинации.

INFORMAL TOPONYMY OF THE MODERN CITY (on the example of Omsk)

This article is devoted to the analysis of the informal names of the city realities which represent the special nominal layer of colloquial lexis created out of official city state onomastics by the citizens. The ways of the nomination of informal toponyms and the reasons of their appearance in the citizens' speech are described in this article. The main ways of the informal toponyms formation are analyzed.

Key words: informal toponyms, city realities, ways of the nomination.

Язык современного города – сложный лингвистический и лингвокультурный феномен, изучаемый в самых разных аспектах. Урбанонимия – совокупность всех внутригородских объектов, как ныне существующих, так и использовавшихся в предшествующие эпохи – представляет собой отдельную область онимического пространства, характеризующуюся такими чертами, как повышенная подверженность воздействию социальных факторов, склонность к переименованиям, способность вбирать в себя названия других онимических разрядов [1, с. 10].

Кроме официальных топонимов, которые зафиксированы в документах, картах, справочниках, существуют и неофициальные названия городских объектов в разговорной речи города. Неофициальным урбанонимам свойствен-

ны следующие признаки: 1) высокая степень сменяемости, 2) в основном низкая степень известности, 3) семантическая мотивированность большинства урбанонимов, 4) преобладание искусственной номинации над естественной [2, с. 37].

Материалом для исследования послужили 220 неофициальных топонимов города Омска. Этот материал был получен в результате опроса жителей города, анализа данных социальной сети Интернет, а также Словаря современного русского города [3].

По тематическому признаку можно выделить следующие группы неофициальных топонимов Омска: название районов (*Нефты, Чекалдан, Центряга*); улицы (*Богдашка, Северки, Жук*); общественных мест (*Флора, Стрелка, Зелёнка*); остановков (*Ёлочка, Художка, Голубас*); зданий

(*Торгаш, Феликс, Шпилька*); отдельных объектов (*Любочка, Олень, Ворота*).

Появление народных наименований в языке города обусловлено рядом причин. 1. Из-за отторжения громоздких официальных названий у горожан появляется желание их упростить, сделать удобными для применения. Например, Омский государственный театр куклы, актера и маски «Арлекин» называют *Куколка*, а Омское музыкальное училище им. В. Я. Шебалина – *Шебалинка*. 2. Возникает необходимость различать объекты с одинаковыми функциями. Так, для названия мостов Омска горожанами выбраны разные основания: *Чугунный* (Комсомольский мост на ул. Гагарина), *Голубой* (Юбилейный мост на ул. Ленина), *Горбатый* (Октябрьский мост), *Метромост* (мост 60-летия Победы). 3. Можно отметить и стремление к эмоциональности, оценочности. Октябрьский мост называют иногда *5 минут Америки*, так как с него открывается вид на высотные дома, что напоминает небоскребы Америки. В поселке Солнечном находится *«Долина нищих»* – спальный район дорогих коттеджей, а речное училище называют *ракушка* (*После 8-го класса пришел я в «ракушку»*).

Нами были выделены следующие группы неофициальных топонимов **по способу номинации**. 1. По характерной черте, **внешнему виду** здания: *Серый дом* (Управление Федеральной службы безопасности России по Омской области, Ленина, 2), *Дом со шпилем* (ул. Маркса, 29, был построен немецкими пленными для руководящих работников области). Встречаются названия, в которых отражена форма объекта: *Пентагон* – несколько больших зданий в разных районах города (Пентагон – правильный пятиугольник; здание Министерства обороны США, имеющее такую форму), *Свечка* – 14-этажное здание у КДЦ «Маяковский». 2. По **мероприятиям**: *Флора* – сквер Выставочный, где каждый год проходит выставка зеленого строительства, цветоводства и садоводства «Флора», *Костёр* – лес за Дворцом детского и юношеского творчества, где проводятся различные мероприятия (ср. *костер* – пионерский сбор, проходящий у зажженного костра). 3. По различным **ассоциациям**. *Борода* – площадь К. Маркса (отличительная черта внешнего облика человека, в честь которого назван объект), *Горгаз* – ДК в городке Нефтяников (находится в самом загазованном месте города), *Колесо, Резина* – Омский шинный завод (по выпускаемой продукции: автомобильная шина – часть колеса, шины изготавливаются из резины), *Даманский* – в честь событий 1969 года на острове Даманский: в районе есть улица командира погранзаставы И. Стрельникова, *Планетарий* – кинотеатр «Сатурн» (*планетарий* – зрелищное и научно-просветительское учреждение, где показывают искусственное звездное небо, *Сатурн* – планета Солнечной системы), *Сахалин* – улицы рядом с телевизионным заводом (район имеет въезды с трех сторон, и все эти дороги ведут через железнодорожные переезды, которые при прохождении поезда закрываются. Поэтому в некоторые моменты район телевизионного завода становится закрытым от Омска, не имея въезда, как остров), *Три порося* – дом на остановке «Консум-центр» (когда-то в этом здании находилось три предприятия общественного питания: столовая, кафе, кулинария). 4. **По сближению с другим словом**, внешне похожим по звучанию: Омский об-

ластной колледж культуры и искусства в народе называется *Кулёк*, ГДО, Гарнизонный дом офицеров – *Гадюшник*, площадь Ленина – *Лошадь Ленина*, кинотеатр «Космос» – *Эскимос*. 5. **По истории возникновения района**: *Самарка* – часть Кировского района, где когда-то обосновались выходцы из Самары. 6. Названия, оставшиеся **от прежних организаций**. Примерами могут служить названия остановок: *Яблонька, ДК «Строитель», Художка, Кафе «Ёлочка», 8 ремесленное училище, Судоремонтный завод*.

Существуют **разные способы номинации одного объекта**: *Дзержинец, Феликс* – ДК им. Ф. Э. Дзержинского, *Огонёк, Голубас* – остановка «Голубой огонёк», *город, централь* – центральная улица города, *Театралка, Казахстан* – площадь у музыкального театра, место сбора казахской молодежи.

Назовём основные способы образования неофициальных топонимов.

1. Метафора: *Бродвей* – аллея в поселке Амурском от магазина «Заря» до остановки «Ул. Багратиона» (Бродвей – самая широкая и длинная улица Нью-Йорка (более 25 км)); *Трамплин* – здание музыкального театра (трамплин – спортивное сооружение в виде наклонной доски для увеличения пути полёта спортсмена при прыжках). 2. Метонимия. В основном это названия, образованные посредством переноса с части, отдельного элемента, на целое. Большинство таких урбаноидов выделяют наиболее яркую деталь внешнего вида объекта: *Шар, Шарик* (площадь Бухгольца, где находится памятный знак в виде сферы в честь основателей Омска «Держава»), *Фонтанка* (площадь около администрации города, на которой находится фонтан). Во втором случае происходит сближение с обиходным наименованием набережной реки Фонтанки в Санкт-Петербурге.

Морфологические способы словообразования: 1) универбация: *Амур* – посёлок Амурский, *Водники* – городок водников, *драма* – драматический театр, *Жук* – ул. Маршала Жукова, *Коза* – ДК и завод им. Козицкого, *Малина* – район улиц Малиновского и Менделеева, *Лиза* – остановка «Ул. Лизы Чайкиной»; 2) универбация, усечение, суффиксация: *Богдашка* < ул. Богдана Хмельницкого, *Серовка* < площадь Серова, *Набка* < Иртышская набережная, *Аграрка* < аграрный университет, *Гуртыха* < дом культуры им. Гуртьева, *Зелёнка* < парк «Зелёный остров»; 3) аббревиация: ЖД (железнодорожный вокзал), ЧВ (ул. Чокана Валиханова), ТЦ (Торговый центр).

Неофициальные топонимы различаются **по сфере употребления**. Например, определенный круг топонимов известен только в молодежной среде (Нефты), а старшему поколению привычнее называть объекты по старым наименованиям: *Захламино* (городок Нефтяников), *Стрелка* (место слияния рек Оми и Иртыша), *Двойка* (завод им. К. Маркса).

Неофициальные названия городских реалий характеризуются подвижностью и неустойчивостью, большим разнообразием словоформ, различными вариантами их использования: *Рабы, Рабики* (ул. Рабочие), *Чикаго, Чеколдан, Чкаловск* (район им. В. Чкалова), *Бараха, Барашка* (остановка у завода им. Баранова). В неофициальной топонимике допускается создание омонимичных номинаций, т. е. использование одного и того же названия для разных

объектов: *Маяк* – КДЦ им. Маяковского и торговый комплекс на Левом берегу, *Рабики* – ул. Рабочие и ул. Рабиновича.

Некоторые неофициальные названия со временем получают статус официальных. Примеры названий продовольственных магазинов: «Даманский» (на ул. И. Стрельникова), «Два поэта» (на пересечении улиц им. Маяковского и Пушкина), «Косой» (на ул. Магистральной, 67, который когда-то был винно-водочным). Большая часть урбанонимов мотивирована официальными названиями. Неофициальные топонимы просты, они стихийно возникают в целях речевой экономии способом стяжения словосочетания в одно слово с последующей суффиксацией, понятны всем жителям города.

Совокупность наименований внутригородских объектов составляет своеобразную и очень сложную систему. Неофициальные городские наименования интересны для исследователя: в этом речевом пласте отражен не только

«языковой облик» современного города, но и факты истории и культуры народа, особенности жизненного уклада и мироощущения горожан, их творческие способности.

1. Мезенко А. М. Имя внутригородского объекта. Минск: Вышэйшая школа, 2003. 301 с.

2. Сизова Е. А. Лингвокультурологический анализ урбанонимов (на материале английского, русского и французского языков): дис. ... канд. филол. наук. Пенза, 2004. 199 с.

3. Словарь современного русского города / под ред. Б. И. Осипова. М.: АСТ, 2003. 565 с.

© Бореико Т. С., Шпак Е. А., 20013

УДК 81–112.2
U.D.C. 81–112.2

К. Р. Ваганова
K. R. Vaganova

ТЕКСТОВЫЕ КАТЕГОРИИ ДЕЛОВОГО ЭПИСТОЛЯРИЯ В РОЗЫСКНЫХ ПИСЬМАХ-ПРЕДПИСАНИЯХ 1820-Х ГГ.

В статье рассматриваются доминирующие текстовые категории делового эпистолярного письма в предписаниях 1820-х гг.: категория информативности, категория диалогичности, категория времени, категория пространства и т. д. Основная цель исследования – представить комплекс текстовых параметров на материале розыскных документов.

Ключевые слова: текстовые категории, деловой эпистолярный, розыскные предписания, информативность, диалогичность.

THE TEXT CATEGORIES OF BUSINESS EPISTOLARY IN THE LETTERS-PRESCRIPTION OF 1820S

This article is devoted to the dominant text categories of business epistolary in the letters-prescription of 1820s: the category of informational content, the category of dialogue, the category of time, the category of space etc. The basic objective of this research is to represent a set of text parameters on the materials of the investigation documents.

Key words: text categories, business epistolary, investigation letters-prescription, informational content, dialogue.

Эпоха 1820-х гг. в истории российского государства может быть охарактеризована как период контрреволюционных волнений в России, освободительная борьба, ссылка и этапирование в Сибирь. В Западной Европе происходит целый ряд реформистских и революционных преобразований, закрепивших основы буржуазного строя. Процесс капитализации изменил не только социальную и экономическую структуру государств, но и облик духовной жизни, породил новые сложности и конфликты. Проблемы и переживания буржуазного мира начинают остро ощущаться и в России. Вследствие чего возрастает документооборот: такие исторические события должны были быть зафиксированы в деловых бумагах центральными канцеляриями и провинциальными конторами.

Одним из основных трансляторов подобной антиповеденческой (определение С. Е. Юркова) культуры оказались специальные **письма-предписания**, составлявшие для решения той или иной частной задачи (общественной, политической, судебной, розыскной и т. д.). Таким деловым текстам была присуща стилистическая диффузность, которая начала проявляться на всех уровнях языковой системы анализируемых документов в 1820-е гг.: с одной стороны,

данный тип письменных источников занимает центральное положение в семантической группе распорядительных источников. И в этом случае основными текстовыми параметрами оказываются принципы цельнооформленности, шаблонности, особой – вневременной – хронотипичности. С другой стороны, для предписаний была характерна и некоторая ситуативная слитность с эпистолярными памятниками. Отсюда и присущая им особая этикетность при лингвистическом оформлении определенной (в нашем исследовании – правовой в целом, нежели розыскной в частности) информации. Как справедливо отмечает Н. В. Глухих, «**деловой эпистолярный текст (или деловой эпистолярный)** конца XVIII – начала XIX века – единица письменного монологического общения в рамках официального и частного официального письменного общения, характеризующаяся заданностью основного содержания, наличием стандартных эпистолярных элементов (компонентов), предполагающая ответную реакцию» [2, с. 11] (выделено нами. – К. В.). Обращение к данным письменным источникам позволит расширить знания не только о культуре Сибирского региона, но и о становлении и функционировании делового языка в рассматриваемый период.

Письма-предписания представляют собой комплекс инвариантных языковых параметров, ситуативных рецепций и текстовых категорий, которые и формируют данный тип делового текста, что позволяет лингвистам рассмотреть его как цельнооформленное речевое произведение. В настоящей статье мы рассмотрим именно репрезентативные свойства текстовых категорий, составляющих основу подобных распорядительных розыскных документов непортретного типа. Их семантическая квалификация характеризуется отсутствием процессов параметризации каких-либо разыскиваемых людей. Обратим внимание на тот факт, что количество деловых памятных писем, в которых были имплицированы описательные программы внешне-сти человека, активно возрастает в этот период.

Вслед за Т. В. Матвеевой при анализе розыскных писем-предписаний мы исходим из следующих методологических предпосылок: под текстовой категорией понимаем «один из взаимосвязанных существенных признаков текста, представляющий собой отражение определенной части общетекстового смысла различными языковыми, речевыми и собственно текстовыми (композитивными) средствами» [3]. Семантический репертуар текстов, таким образом, напрямую связан с их лингвистическим оформлением. Как отмечает исследователь, текстовая категория имеет знаковую природу, план содержания такого знака – это определенная понятийная универсалия, единый текстовой смысл (например, целостность, тема, тональность, пространство, перспектива), а план выражения – функционально ориентированная типовая композиция разноуровневых языковых средств. При этом понятие текстовой категории предполагает анализ не только лексико-грамматических текстообразующих средств, но и экстралингвистических факторов.

Экспликация обозначенных текстовых категорий в аспекте лингвистико-исторического и семантико-стилистического анализов, вслед за Н. В. Глухих, была обусловлена следующим подходом к исследованию розыскных деловых текстов: «отражение специфики данных текстов как единиц деловой коммуникации, выделение таких категорий, которые определяют тип текста и в то же время без которых данный текст невозможно было бы квалифицировать как вышеуказанный» [2, с. 17]. Укажем также на один лингвистический факт, важный с точки зрения системно-структурного подхода к анализу подобных источников: говорить о доминировании того или иного текстового компонента нельзя, поскольку каждый из них обладает максимальным набором репрезентативности в силу своей ситуативной обусловленности.

Итак, приведем основные текстовые категории, определившие основу розыскных писем-предписаний в 1820-е гг.

1. Категория информативности.

В качестве первичной формы репрезентации данного параметра выступает семантический репертуар тематической интерференции. Ячеистая структура настоящей текстовой категории проявляется в шаблонности формул деловых источников. Чаще всего инициацией для их составления выступало личное желание управляющего лица обозначить проблемы, связанные с ухудшением общей обстановки в городе: *«До свѣдѣнія Моего начали доходить разныя произшествія въ городѣ Тобольскѣ, большею частію неизвѣстно отъ кого случавшіеся»* [4]. Обратим

внимание на один лингвистический факт: **первая клаузула** документа напрямую иллюстрирует некоторое смешение стилей, которое свойственно деловым текстам в XIX в. В этом случае правильнее всего, на наш взгляд, говорить именно о принадлежности такого рода интенций к деловому эпистолярному стилю. Как следствие – появление атрибутивной инверсионности.

Вторая клаузула предписаний представляет собой отдельную синтагму, состоящую как минимум из трех основных формул: 1. Каузативная модель, определяющая причины составления делового документа, с одной стороны, и фиксирующая когниции адресанта предписания: *«Полагая, что таковыя производяты отъ ссыльныхъ, въ Тобольскѣ во множествѣ находящихся, и отъ прочихъ низшихъ классовъ людей; Полагая, что таковыя производяты отъ ссыльныхъ и отъ прочихъ низшихъ классовъ людей»*. 2. Я-конструктив, характеризующий и политический функционал высшего лица, и его этические намерения: *«Я полагаю на себя долгъ принять рѣшительныя мѣры къ водворенію въ городѣ тишины и спокойствія; Я желаю принять необходимыя мѣры къ водворенію въ городѣ тишины и спокойствія»*. 3. Собственно распорядительная конструкция, которая фиксирует обобщенное решение по конкретному вопросу: *«по сему предписываю Общей Полицейской Управѣ по полученіи, сего немедленно учинить слѣдующіе распоряженія»* [4; 5].

Третья клаузула, на наш взгляд, оказывается центральной с точки зрения семантической насыщенности розыскной (оперативно-розыскной) информацией. Это наиболее прагматически нагруженный элемент текста предписания, поскольку в нем репрезентируется основная система правил по решению возникшей аномальной ситуации: *«Увѣдомить производимые по городу данныя и ночныя разъезды съ Полицейскими Чиновниками Городовыхъ Козаковъ, командируемыхъ отъ обоихъ полковъ Русскаго и Татарскаго, Атаманамъ сихъ полковъ; Раздѣляя всѣхъ командируемыхъ для сего въ Управу козаковъ на четыре отряда, причислатъ къ онѣмъ по одному жандарму, а всѣ оныя поручать въ Управление одного, или смотря по надобности двухъ Полицейскихъ чиновниковъ, долженствующихъ разъезжать съ ними же»* [4].

Подобные информативные высказывания формируют предметно-логическую сферу розыскного делового текста непортретного типа, используются на протяжении всего письма-предписания. Составитель документов понимает, что существование определенного блока информации в текстовом пространстве взаимообусловлено перечнем выражаемых интенций: чем прагматичнее оказываются цели адресанта, тем интенсивнее будут языковые формы представления текстовой категории информативности. В данном случае мы можем говорить о появлении определенной геометрической прогрессивной направленности и взаимообусловленности плана содержания (передача той или иной информации относительно либо розыска конкретных лиц, либо оперативных знаний) и плана выражения (языковых формул, морфолого-синтаксических форм и т. д.).

2. Категория диалогичности.

Данная текстовая категория оказывается важной в силу возможности рассмотрения делового текста как коммуникативного произведения. Оба участника такого общения

(адресант и адресат соответственно) занимают важное место; в конкретный момент развертывания общего текстового пространства каждый из них начинает на некоторое время занимать доминирующее положение. Отправитель сообщения играет главную роль при осознании единичной/множественной интенции и аккумулировании ее средствами делового языка в ту или иную семантико-стилистическую формулу. В свою очередь, получатель сообщения как вторичный актант¹ оказывается на первом месте в коммуникативном акте при решении поставленных перед ним задач.

Розыскные письма-предписания 1820-х гг. фиксируют чаще всего сонаправленное общение. Так, мы можем говорить о появлении единичного адресанта и соответственно – единичного адресата: *Списокъ съ предписанія, даннаго Тобольскимъ Гражданскимъ Губернаторомъ Тобольской Общей Полицейской Управѣ*. В этом случае получатель информации как один из основных участников коммуникации носит обобщенный характер репрезентации языковой номинации: *Тобольская Общая Полицейская Управа*. Данный орган власти был учрежден в 1792 г. и сразу начал исполнять функции полицейстерской конторы [3].

Номинация адресанта является стандартной: гипонимическая модель без актуализации личного имени. Последнее чаще всего аккумулируется в подписи к тому или иному деловому документу. Такая системность может быть объяснена экстралингвистической ситуацией: данное лицо было известно всем участникам коммуникации, поскольку занимало высший пост (губернатор, начальник всей полиции региона и т. д.), следовательно, не требовалось дополнительного упоминания его в начальных реквизитах.

Таким образом, характеристика текстовой категории диалогичности позволяет нам рассмотреть «именно соотношение смысловых позиций субъектов переписки на основе общего информационного фона» [2, с. 18]. Каждый из участников настоящего делового общения реализовал свои интенции в силу имеющихся у него прав, локализованных в назывании статуса. Описание нормативного перечня функций носило имплицитный характер и фиксировалось в языковых формулах текстовой категории диалогичности. Так, отправитель сообщения понимал, какие действия позволительны ему, получатель сообщения знал о последних, но при этом и реализовал ситуации, характерные для его социально-речевой системности.

3. Категория времени.

Следующий важный в силу своей хронотипичности текстовый параметр – моделирование показателей временных характеристик, которые носят векторный характер шаблонизации интенций адресата и адресанта. Первичной формулой, отражающей категорию времени в письмах-предписаниях в 1820-е гг., оказывается репрезентация следующих номинаций: чаще всего самоназвание анализируемых документов носит расширенный характер семантизации за счет употребления в нем и реквизита «даты». Так, в Государственном архиве Тюменской области хранятся деловые письма-предписания под следующим названием: *отъ 6 сентября 1827-го года, отъ 6 ноября 1827-го года*.

¹ Появление «вторичного актанта» обусловлено следующим текстопорождением: первичная инициация исходит именно от составителя письма-предписания.

При этом функциональная роль категории времени многомерна: «текстовое время в данном случае можно в целом определить как реальное, имеющее ряд специфических особенностей, характерных именно для эпистолярного делового текста. Содержание письма включает реальные факты, фиксированные во времени, отсюда – предельная конкретизация данной категории» [2, с. 21]. Получается, что составитель того или иного делового письма-предписания актуализирует свои интенции только в реальной модальности: нужно передать адресату(ам) информацию, соответствующую настоящей действительности в положенный срок для реализации в конкретное время.

Темпоральные лексемы и словосочетания носят ситуативный характер репрезентации, поскольку анализируемые источники всегда подчинены шаблону оформления: *каждодневно* отражали въ Управу еще по пяти, докладывать каждые *пять часовъ*, докладывать о всехъ происшествиях *ежедневно*. Выделенные понятия характеризуются конкретностью оформления текстового времени. При этом непрямыми номинаторами оказываются и отсылки к тем или иным крупным историческим событиям (*после восстания на Сенатской площади было сослано в Искитимъ 2 партии колодниковъ*), и упоминания известных лиц (*то предложилъ Я Командиру здѣшняго Гарнизоннаго баталіона Г. Полковнику Сверлетову, чтобъ онъ каждый день къ ночь командировать въ Полицейскую Управу четырехъ конныхъ жандармовъ*) [4].

Как было отмечено ранее, основным временем, в котором функционирует конкретная антинормативная ситуация, оказывается именно настоящее время, репрезентируемое глагольными формами в соответствующей текстовой модальности. Анализируемые письма-предписания носят распорядительный характер, поэтому их временной континуум оказывается несколько переосмыслен вправо по оси Y – в будущее. Проиллюстрируем данное утверждение следующим примером из текста предписания, который характеризуется наличием нескольких предикативных центров: *Раздѣляя всѣхъ командируемыхъ для сего въ Управу козакъ на четыре отряда, причислатъ къ онимъ по одному жандарму, а всѣ оныя поручатъ въ Управление одного, или смотря по надобности двухъ Полицейскихъ чиновниковъ, долженствующихъ разѣезжать съ ними же* [6]. Выделенные лексемы свидетельствуют о том, что семантика императивности, свойственная данным деловым бумагам, реализуется именно с помощью инфинитивных формул.

4. Категория пространства.

Данная текстовая номинация предполагает отражение конкретных реалий экстралингвистической действительности, в общем поле которой и создается какой-то источник деловой информации. В этом случае мы можем говорить и региональных вариантах письменности, поскольку семантизация затрагивает именно ту или иную область российского государства. «Представить содержание этого пространства позволяет определенная система языковых единиц разных уровней. Базовыми единицами, или ядерными маркерами, реального пространства, освоенного человеком, являются *топонимы*» [2, с. 22].

В деловой письменности их роль функционализируется, они конструируют реальную модальность розыскных писем-предписаний: *До свѣдѣнія Моего начали дохо-*

дять разныя произшествія въ городѣ Тобольскѣ, большею частію неизвѣстно отъ кого случавшіеся. Полагая, что таковыя происходятъ отъ ссыльныхъ, въ Тобольскѣ во множествѣ находящихся, и отъ прочихъ низшихъ классовъ людей, Я полагаю на себя долгъ принять рѣшительныя мѣры къ водворенію въ городѣ тишины и спокойствія, по чему предписываю Общей Полицейской Управѣ по полученіи, сего немедленно учинить слѣдующіе распоряженіи [4]. Упоминание Тобольска было обусловлено не только обычной региональной предзаданностью деловыхъ бумагъ, но также и важными конституирующими предпосылками: именно Тобольск долгое время оставался центромъ не только Западной Сибири, но и главнымъ пересыльнымъ пунктомъ. Поэтому соблюдение порядка было необходимо для соблюдения статуса нормирующего территориального субъекта.

Текст розыскного письма-предписания в 1820-е гг. характеризуется некоторой ситуативной протяженностью в общемъ пространстве документооборота. Данные источники информации состоятъ изъ двухъ-трехъ клаузулъ, которые следуютъ другъ за другомъ в определенной адресантомъ последовательности. Приведемъ несколько нормативныхъ распоряжений в рамкахъ одного предписания.

6-е, Переписать непременно нынѣ же снова всѣхъ находящихся здѣсь ссыльныхъ въ цѣхъ слугъ у разныхъ лицъ, съ означеніемъ даже нѣкоторыхъ по разсмотрѣнію Управы подписками, чтобы они употребляя въ услуги ссыльныхъ, отданныхъ имъ не иначе, какъ устновленнымъ порядкомъ, наблюдали за поведеніемъ ихъ, не допуская ни до какихъ законопротивныхъ поступковъ, и если бы произошли отъ нихъ таковыя, или замѣчены они будутъ въ подозрительныхъ действіяхъ, то немедленно извѣщали бы в Полицейскую Управу, которая обязана по подозрѣнію принимать надлежащія мѣры, за поступки же, если бы оныя маловажны, исправлять тѣхъ ссыльныхъ Полицейскимъ наказаніемъ, а за прочіе предавать слѣдствію и суду. Хозяева же обязаны имѣть строгій надзоръ, чтобы живущіе у нихъ въ цѣху слугъ ссыльные ночью не отлучались.

7-е, Полицейская Управа обязывается сама имѣть строгое наблюденіе за поведеніемъ и поступками ссыльныхъ, какъ сихъ находящихся за поведеніемъ и поступками ссыльныхъ, какъ сихъ находящихся въ цѣхъ слугъ, такъ и тѣхъ, кои будутъ находиться въ городѣ по увольненіямъ съ дозволенія Управы. При описаніи же нынѣ находящихся въ цѣхъ слугъ, такъ и тѣхъ, кои будутъ находиться в городѣ по увольненіямъ съ Дозволенія Управы. При описаніи же нынѣ находящихся въ цѣхъ слугъ, если окажутся такіе, которые числятся только записанными за разными людьми, но не находятся у оныхъ, проживая въ разныхъ мѣстахъ, то объ оныхъ составивъ именныи списокъ, съ обозначеніемъ, къ кому именно они приписаны, и почему у нихъ не находятся, равно какъ и поведенію сихъ ссыльныхъ, Мнѣ донести.

8-е, По наблюденію Управы за таковыми ссыльными, находящимися в городѣ, если которые замѣчены будутъ въ нѣсколькихъ поступкахъ, объ оныхъ Мнѣ донести для надлежащаго распоряженія [4].

Безусловно, текстовое развертывание интенцій адресата было фиксировано в гипонимо-гиперонимическомъ принципѣ оформления делового документа: сначала подавалась болѣе общая информация, затемъ – частная. За-

канчивались предписанія чаще всего именно экспликацией некоторого обязательства со стороны адресанта: антинормативная ситуация будетъ ликвидирована только в случае системного подхода к ее решению и устраненію. Присущая даннымъ бумагамъ линейность пространства оказалось связанной и с линейностью текстового времени. Частотной в розыскныхъ документахъ эпохи XIX в. оказывалась именно вертикальная коммуникація: большая часть писемъ направлена изъ вышестоящихъ контор (отъ управляющихъ, хозяевъ, наследниковъ и т. п.) в нижестоящія организации (а также работникамъ, служителямъ). Решение вопросовъ при такомъ типѣ коммуникаціи происходило значительно быстрее.

Реализация текстовыхъ категорій в розыскныхъ письмахъ-предписаніяхъ 1820-хъ гг. была релевантна общимъ принципамъ оформления шаблона деловыхъ документовъ в рассматриваемый период. Ихъ рассмотрение позволяетъ сделать выводы о системности бумагъ и взаимообусловленности типологическихъ признаковъ. Параметры информативности, диалогичности, времени и пространства, являясь типологическими признаками, «обеспечиваютъ адекватное пониманіе такого текста» [2, с. 31]. Деловымъ письмамъ-предписаніямъ болѣе всего свойственно антропоцентричность. Событія в документахъ излагаются в целомъ четко, последовательно, соответствуютъ реальности, текстовое время линейно и реально.

Лингвостилистический анализъ писемъ-предписаній 1820-хъ гг. еще разъ проиллюстрировалъ межтекстовую связь данныхъ деловыхъ документовъ с эпистолярными источниками. Проанализированные памятники письменности напрямую отражаютъ «особенности континуального мышленія, когда происходитъ кодировка ценностно-смысловой (культурной) информации» [1, с. 16]. В качестве последней рассматриваются розыскныя информативныя пространства, которые должны быть зафиксированы в соответствующихъ текстовыхъ вариацияхъ.

1. Алефиренко Н. Ф. Знаніе, значеніе и смыслъ в пространстве текста, дискурса и культуры // Язык. Текст. Дискурс. Вып. 8. Ставрополь, 2010. С. 15–24.

2. Глухихъ Н. В. Деловой эпистолярный текстъ конца XVIII – начала XIX в. в аспекте русской исторической стилистики (по скорописнымъ архивнымъ материаламъ Южного Урала): автореф. дис. ... д-ра филол. наукъ. Челябинск, 2008. 48 с.

3. Краткий справочникъ по фондамъ филиаловъ государственнаго архива Тюменской области в г. Тобольскъ и г. Ишим. 2002 // Путеводители по архивамъ Россіи. URL: <http://www.guides.rusarchives.ru/browse/GuidebookCard.html?id=136>.

4. Государственный архивъ Тюменской области (ГАТО). Ф. ИЗ. Оп. 1. Д. 120. Л. 26. «Списокъ съ предписанія, даннаго Тобольскимъ Гражданскимъ Губернаторомъ Тобольской Общей Полицейской Управѣ, отъ 6 сентября 1827-го года Н 3884».

7. ГАТО. Ф. ИЗ. Оп. 1. Д. 121. Л. 26. «Списокъ съ предписанія, даннаго Тобольскимъ Гражданскимъ Губернаторомъ Тобольской Общей Полицейской Управѣ, отъ 8 сентября 1827-го года Н 3884».

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О СМЕРТИ В РУССКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ И ПАРЕМИОЛОГИИ

В статье рассматривается лингвокультурологический аспект изучения русских фразеологизмов и паремий как знаков языка, отражающих в образном виде ценностные установки национальной культуры. Основная цель исследования – описать наивные представления русского народа о смерти, закрепленные во фразеологизмах и паремиях. Кроме того, по различным толковым словарям описана ключевая лексема *смерть*, а также рассмотрено понятие смерти в различных научных традициях.

Ключевые слова: фразеологизм, фразеология, паремия, паремиялогия, понятие, архетип, код культуры.

CONCEPT OF DEATH IN RUSSIAN PHRASEOLOGY AND PARAMIOLOGY

This article is devoted to the linguo-culturological aspect of studying Russian phraseological units and paroemia as the signs of the language that represent the reflection of the ethnic cultural values. The main aim of this research is to describe the Russian people's naïve understanding of death shown in the phraseological units and paroemia. Besides, there is a variety of explanatory dictionaries describing both the key lexical item *death* and the concept of death in different scientific traditions.

Key words: phraseological unit, phraseology, paroemia, paramiology, concept, archetype, culture code.

Фразеологизмы «как зеркало жизни нации», отражающие фоновые знания, культурно-исторические традиции, архетипы, позволяют проследить путь от начальной точки познания (мифологической, наивной) до научной, что образует относительно адекватное представление человека о мире.

В Толковом словаре русского языка С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой сигнификат понятия «смерть» раскрывается как «прекращение жизнедеятельности организма» [2, с. 735]. В Словаре русского языка под редакцией А. П. Евгеньевой смерть – это «прекращение жизнедеятельности организма и гибель его» [3, с. 152]. В Толковом словаре живого великорусского языка В. И. Даля лексикографическая картина объемнее. Смерть предстает в общем определении как «конец земной жизни, кончина, разлученье души с телом, умиранье, состояние отжившего». В частных определениях человек противопоставлен всему живому на том основании, что его смерть – конец лишь «плотской жизни, воскресенье» и «переход к вечной, к духовной жизни». Что же касается животных и растений, то для них «разложение плоти» (смерть) – это «возвращение жизненных сил в общий источник», «разложение плоти» (для животных) и «поступление во власть законов неживой природы» (для растений) [1, с. 233].

В философии смерть рассматривается как естественный конец жизни живого организма, тело которого после этого подвержено действию только законов неорганической природы. Смерть осознается человеком, поэтому для него она является конститутивным моментом его жизни и мировоззрения.

Биология определяет смерть как прекращение жизнедеятельности организма, имеющее необратимый характер, и различает смерть естественную (физиологическую) и преждевременную (патологическую). Первая – это результат старения, вторая – результат травм, болезней и других разрушающих факторов. В медицине определяют два основных этапа смерти: клиническую, или обратимую, и биологическую, или истинную, как необратимое прекращение физиологических процессов в клетках и тканях. По отношению к растениям вместо термина «смерть» используются синонимы *отмирание* и *гибель*.

В наивном сознании соединены материалистические и идеалистические представления, реальность и вымысел.

С одной стороны, человек, казалось бы, привык к смерти как неизбежному: *Придет час – не будет и нас; Два раза не умирать, а одна не миновать; Жить надейся, а умирать готовься; Смерть у каждого за плечами*; с другой стороны, страх и оценка этого события всегда присутствует в нашем сознании: *Живой смерти боится; И тяжело живётся, а умирать не хочется; Со смертью шутики плохи; На смерть, как и на солнце, во все глаза не взглянешь; Кончен бал; Сегодня – царь, завтра – прах; Старость не радость, смерть не находка, От смерти не спрячешься; Его давно черти на том свете с фонарями ищут; Тяни лямку, пока не выкопали ямку*. При этом народная мудрость отмечает равенство всех перед смертью: *У смерти все равны; Смерть не разбирает чина, а косит и мужика и дворянина*. Человеку приходится только гадать о загробной жизни: что будет там? Там, откуда никто никогда не возвращался.

Смерть, по древним представлениям, – это всегда метаморфоза. Первобытный человек уподоблял смерть жизни, она была для него лишь границей, после которой начиналась «новая жизнь» в «новом мире». И хотя не имелось четкого представления о том, где именно находится «тот свет», его существование утверждалось в том числе и соответствующими фразеологизмами: *расставаться/расстаться со здешним светом; исчезать/исчезнуть с лица земли; отойти в мир иной; отправляться/отправиться на тот свет; уходить/уйти в лучший мир; отойти к лучшей жизни; отойти на тот свет; уходить/уйти в небытие; уходить/уйти в мир иной; отойти от мира (себя); оставить мир; уходить/уйти из жизни; оставить (себя) свет; расставаться/расстаться с жизнью; нет на свет; пусть ему хорошо будет на том свете; отойти в горный мир; переселиться в лучший (иной) мир*. В русских старожильческих говорах Среднего Прииртышья есть фразеологический оборот *на вечну фатеру уить* («умирать»), отражающий представление о том свете как о вечной квартире, как о последнем пристанище человека. Интересен и тот факт, что компонентом многих фразеологизмов со значением «умереть» являются глаголы движения: *за гришу таратухина идти; идти на музорад; на вечну фатеру уить; на моховое идти; в доски войти; уходить (уйти) в мир иной; уходить в лучший мир; отправиться*

на тот свет; ушел из жизни; откуда пришли, туда и уйдем; Пришли из земли в землю и ляжем и т. п., а с движением непосредственным образом связано всеобщее развитие и сама жизнь от рождения до смерти. Это же движение в уже иной, загробный, мир наблюдается и во фразеологизмах *распроститься с жизнью; прощаться/проститься с жизнью; приказал долго жить; велел долго жить; Нынче – жив, а завтра – поминай как звали; Нынче – полковник, а завтра – покойник*. Интересно, что в русских старожильческих говорах Среднего Прииртышья есть лексема *нарушиться* со значением «умереть». В современном русском языке этот глагол имеет значение «утратить четкость, регулярность, привычный ход», где также можно отметить семы «развитие», «движение». Таким образом, центральный в поэтическом творчестве образ дороги нашел место и во фразеологии и паремиологии. Именно посредством этого образа решается основная коллизия – соединение рождения и смерти. Недаром во многих фразеологических единицах содержится пространственная метафора, в которой жизнь человека уподобляется дороге, пути (например, *на жизненном пути*), а смерть является финальной точкой, после которой происходит переход в иной мир (например, *отойти в мир иной*), когда дороги живых и мертвых расходятся в разные стороны, когда происходит безвозвратная утрата связей. Некоторые фразеологизмы даже определяют конкретное место, где жизненный путь человека заканчивается: например, *отправиться в Могилевскую губернию*. Для жителей Омской области этим пунктом является село Моховое, о чем говорит бытующий в русских старожильческих говорах Среднего Прииртышья оборот со значением «умирать» – *на Моховое идти*.

Большое количество фразеологических единиц (ФЕ) указывает на то, что жизнь человека воспринималась и как отведенный каждому человеку отрезок времени, а смерть – как завершение этого отрезка, конец жизни земной и начало новой. Словари дают нам следующие ФЕ со значением «смерть»: *свой час; смертный час; «находиться в предсмертном состоянии»: не жилец (на белом свете); отживать/отжить свое; дни сочтены; отживать/отжить свое время (свой век); последний час; до конца; до конца дней; кончать/кончить (свои) дни; смотреть вон из света; час мой близок; «умирать / умереть»: доживать век; ударил час; кончать/кончить свой век; окончить дни; скончать век (жизнь); найти конец; только и жил; один конец; отдавать/отдать концы; сводиться/свестись на нет; весь вышел; тут и конец пришел; тут ему и каюк пришел; найми смерть, смотреть смерти в лицо (в глаза); быть при смерти, в доски войти*.

Пространственно-временная семантика отмечается и во фразеологизмах *писать к прадедам (о скорой встрече)* – «находиться в предсмертном состоянии»; *отправляться/отправиться к праотцам* – «умирать». Существование человека на земле оказалось только одним из звеньев в цепи всех поколений; устанавливается связь со всеми теми, которые уже отошли. Осознание, что все люди смертны, что человек рождается, чтобы умереть, привело к появлению в русском языке таких фразеологизмов и пословиц, в которых о слишком задержавшемся на земле человеке говорят: *вторую жизнь живет; аредовы веки; чужой век доживает; Его давно черти на том свете с фонарями ищут; Старые кости по деревянному тулупу тоскуют; Уродила мама, что не принимает яма*.

Часто жизнь отождествлялась со светом и теплотой, а смерть – с мраком и холодом. Это воззрение отражается и в языке. Слова *смерть, мор, умирать* в основе своей имеют общий корень со словами *мрак, померкнуть*. Акт смерти напоминал и акт сна. Отсюда представление, что смерть есть сон. Язык отчетливо засвидетельствовал родство означенных понятий (смерть – сон) до осязательной наглядности. До сих пор умерший называется *усопшим* (ср. *спать*). Часто встречаются и фразеологизмы, в которых смерть отождествляется со сном: *вечный сон; могильный сон; заснуть последним сном; почить вечным сном; спать непробудным (могильным) сном* и т. д. Смерть, как и сон, связывалась прежде всего с состоянием покоя: *на покой; сходить/сойти на покой; пора костям на покой*.

Пытаясь определить таинственную силу, приносящую смерть, человек обращался к различным образам. Так, в фольклорных текстах смерть обычно предстает то в образе птицы, то человеком, то человеческим скелетом. Образ крылатой смерти имплицитно присутствует в выражении *душа отлетела в мир иной*. Отголоски представления смерти скелетом находим во фразеологизме *адамова голова* – «изображение черепа с двумя лежащими под ним накрест костями (символическое обозначение смерти, яда и т. п.)».

Уподобление смерти человеку – сопернику, противнику – лежит в основе следующих фразеологизмов и паремий: *бороться со смертью; видеть смерть в глаза; гоняться за смертью; глядеть смерти в глаза; смотреть смерти в лицо; заглядывать/заглянуть в глаза смерти; схватка со смертью; со смерть шутки плохи; Смерть нашего брата не спросит, а придет и скосит; Смерть придет, везде найдет; Смерть в гости не зовут, она сама приходит*.

На протяжении всей своей истории русский человек волевал. Причем, воспринимая смерть как переход в лучший мир, он не боялся умереть в бою, пожертвовать собой, погибнуть за кого-либо или что-либо. Например, *класть/положить жизнь; падасть/пасть жертвой; подставлять/подставить (свою) голову (грудь); пасть смертью храбрых; поплатиться головой (жизнью); приносить жертву; отдавать/отдать жизнь; подставлять/подставить (свой) лоб под пулю; стоять/стать насмерть; платить/заплатить кровью* и т. д.

Некоторые выражения со значением «отдавать жизнь, жертвовать собой, умирать за кого-либо, что-либо» (например, *класть/положить (свою) душу за кого, что; заплатить головой; класть/положить голову за кого, что; лечь головой; класть (давать) голову порукой* и др.) возникли путем метафорического переосмысления одного из компонентов. Голова или душа здесь – символ жизни. А их лишение указывает на смерть.

Смерть может наступить неожиданно: на каждом шагу любого из нас может ожидать смертельная опасность. Русский язык, конечно же, отразил такие моменты: *уйти на дно (ко дну); пустить пузыри («утонуть»); взлетать/взлететь (полететь) на воздух («взорваться»); под ножом умереть («умереть во время операции»); удар хватил; карачун пришел кому («о чьей-либо смерти, обычно быстрой, неожиданной и от сердечного удара»); кондрашка (кондратий) хватил (прихватил, стукнул, пришиб)* – «кто-либо скоропостижно умер, скончался (об апоплексическом

ударе, параличе)». Злую силу обычно не называли ее собственным именем, а придумывали для нее как бы псевдоним, ложное название. Вот и возникли *Карачун* и *Кондрашка* как названия таинственной силы, насылающей болезнь.

Насильственная смерть также не осталась не отмеченной в народном сознании: *умер не своей смертью; принял чужую смерть; Жизнь дает один Бог, а отнимает всякая гадина*. Смерть как возмездие за совершенное злодеяние получает оправдание: *Собаке собачья смерть; верёвка по тебе плачет, наградили двумя столбами с перекладиной; наградить медалью в девять граммов*. Нельзя не отметить в последних оборотах иронию и даже сарказм. Сравни: глагол *наградить* в современном русском языке имеет значение «дать, сделать что-н. в знак благодарности, признательности».

Самоубийство порицалось у русского народа, поэтому такого человека, который *наложил на себя руки*, называли *чёрту баран*. В одном случае такой поступок имел оправдание, когда человек совершал самоубийство, чтобы *смыть кровью позор*. Даже могли его заставить действовать быстрее выражением *Если жить не умел, то сумей хоть умереть*.

Было замечено, что тело умершего в первые минуты остается таким же, как было при жизни, но в нем уже недостает чего-то – дыхания. Отсюда появлялась мысль, что дыхание и есть то нечто, что делает человека живым. Поэтому о человеке, находящемся в предсмертном состоянии, до сих пор говорят: *без признаков жизни; до последнего вздоха; при последнем издыхании; до последнего дыхания; недолго надышит*, а об уже умершем человеке – *испустить последнее дыхание; испускать/испустить последний вздох*. Отсюда и мифологемы «душа», «дух», употребляющиеся как синонимы: *отдать дух – отдать душу*. Исследователи давно обратили внимание на то, что душа представлялась как бы двойником человека. По верованиям славян, душа еще в течение жизни человека может временно расставаться с телом и потом снова возвращаться в него. Такое удаление души обыкновенно бывает в часы сна, а сон и смерть – понятия родственные. Об этом нам говорят и фразеологизмы: *душа с телом расстаётся; еле-еле душа в теле; дух вон; отдать Богу душу; расставаться/расстаться с душой; испустить дух; еле душа держится (в теле); в худых душах; пока (покуда) душа в теле (держится)* и т. д. В образах данных фразеологизмов *тело* соотносится с соматическим кодом культуры, а *душа (дух)* с духовно-религиозным: отражается древнее представление о том, что телесный мир и духовный – это две составляющие жизни человека, а с их разделением наступает смерть. Тело как брэнная составляющая человека отправляется *в мать-сыру землю*, надевает *деревянный тулуп*, селится *в теремке (домке) из шести досок* или *получает квартиру из шести досок*. А душа совершает переход *в загробную жизнь*, в вечность (которую фразеология обозначает как *тот свет; за гробом; за могильной чертой; за дверью гроба* и т. п.) по воле бога.

Мир иной состоял из двух ипостасей: души праведников отправлялись в рай, а души грешников в ад. О рае имелось представление еще в язычестве. Рай представлялся страной света, зеленым садом, то лежащим на небе, то находящимся где-то там, где скрывается солнце, и в нем находились души всех усопших. После принятия христианства рай

уже видится только на небе, населенный только теми душами, которые вели добродетельную жизнь на земле. Многие лингвисты полагают, что славянское слово *рай* восходит к древнеиранскому «счастье, богатство». Таким образом, рай – место счастья и изобилия. Видимо, поэтому в языке возникают обороты: *воспарить в горния; отойти в селения горния* («умереть»); *горнее селение; селение праведных* («рай»). Из древнегреческой мифологии пришло к нам выражение *отправиться в Елисейские поля* («умереть»), где Елисейские поля – оборот, обозначающий рай, блаженное место, загробное местопребывание теней героев и праведников.

Местом, где души грешников после смерти предаются вечным мукам, является ад, там грешные души за свою порочную земную жизнь испытывают различные мучения. Ад и пребывание в нем номинируются в русском языке следующими ФЕ: *зеенна огненная; лететь/полететь к чертям; лезть к черту в зубы; загреметь (полететь, провалиться) в тартарары*.

С представлениями об аде с его мучениями появилась и идея о загробном суде, что не отмечается в язычестве. Этот суд происходит через взвешивание добрых и дурных дел души, а в языке обозначается выражениями *страшный суд и божий суд* (ведь именно Богом душа или определяется на жительство в рай, или изгоняется в ад).

Итак, образы рассмотренных фразеологизмов и паремий восходят в архетипическому противопоставлению концептов «жизнь» и «смерть». Последняя представлялась как метаморфоза, переход, с одной стороны, из мира солнечного света в мир мрака и тьмы, с другой – из мира брэнного в мир вечности. О конце жизни говорится спокойно, человек боится смерти, но осознает, что с ее наступлением он отправляется в «лучший мир». Конец жизни для него – это завершение отведенного ему отрезка времени, это встреча (для праведника) с предками, это сон, беззаботное времяпрепровождения и покой. Обычно смерть персонифицируется и представляется человеком, не имеющим ясного антропоморфного облика. Русский воин сражается за Родину до последней капли крови и защищает ее от врагов, добываясь победы даже ценой собственной жизни. Представление о жизни и смерти совмещается с представлением о душе. Смерть мыслится как свобода для души, а жизнь – как ее оковы. Компоненты большинства фразеологизмов и паремий соотносятся с пространственным, временным и религиозно-духовным кодами культуры. В народном сознании отражается, главным образом, два элемента – элемент язычества и христианства, при этом представление о смерти в русской фразеологии представляет собой сплав разнородных и разновременных мировоззрений и религиозных наслоений.

1. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. IV. М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1955.

2. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка / Российская академия наук; Ин-т русского языка им. В. В. Виноградова. 4-е изд., дополненное. М.: Азбуковник, 1999. 944 с.

3. Словарь русского языка: в 4 т. Изд. 3-е, стер. Т. IV. М.: Русский язык, 1988.

МЕТОДИКА ИССЛЕДОВАНИЯ ЗООНИМОВ ПРИ МОДЕЛИРОВАНИИ РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА (на примере зоонима «кошка»)

В статье рассматривается методика работы со словом-зоонимом, направленная на выявление национально-культурной специфики исследуемой единицы. Актуальность выбранной темы обусловлена обращением к проблематике языковой картины мира, т. е. лингвокультурологической направленностью анализа традиционного языкового материала. Основная цель исследования – описание методики работы со словом-зоонимом при изучении лексики русского языка и русской языковой картины мира. Зоонимы как имена существительные, называющие животных, перспективно и целесообразно изучать в лингвокультурологическом аспекте – для выявления особенностей одноименных концептов языковой картины мира.

Ключевые слова: языковая картина мира, методика, концепт, зооним, план анализа.

METHODOLOGY OF STUDYING THE WORDS WHICH NAME ANIMALS IN MODELLING RUSSIAN LANGUAGE PICTURE OF THE WORLD (by way of exmple of the word ‘cat’)

The article is about methodology of the work with the words which give names to animals ('zoonyms' in Russian). This work is directed to identification of national and cultural specificity of these words. The topicality of this subject is stipulated of appeal to language picture of the world range of problems. The main research purpose is the description of methodology of work with 'zoonyms' in studying Russian vocabulary and Russian language picture of the world. 'Zoonyms' as nouns which give names to animals must be studied in linguistic and cultural aspects for identification of the same name concepts peculiarity of the language picture of the world.

Key words: language picture of the word, methodology, concept, plan of analysis.

Изучение лексики – самого динамичного уровня языковой системы – ведется лингвистами в различных направлениях, одним из которых является изучение тематических (лексико-семантических) групп. Одной из таких групп можно считать слова-зоонимы. Интересно, что зоонимы принадлежат двум разрядам существительных: именам собственным (клички животных) и именам нарицательным (названия семейств, классов животных). Обе группы зоонимов перспективно изучать в аспекте языковой картины мира (далее – ЯКМ), так как национально-культурная окрашенность этих лексем очевидна.

Зооним – 1) имя собственное (кличка) животного (напр., Мухтар, Мурка); 2) имя нарицательное, обозначающее животное (напр., собака, кошка).

В современной лингвистической науке в большей степени изучается первая группа зоонимов: эти лингвистические единицы являются объектом ономастики, в которой существует особый раздел – зоонимика, изучающая закономерности возникновения зоонимов, их развитие и функционирование.

Имена нарицательные, обозначающие животных (зооним во втором значении), также привлекают внимание лингвистов.

Зооним отражает различия в национально-культурных представлениях, психологических, ментальных и социальных особенностях и разнообразных обычаях, присущих определенному языковому сообществу и культуре в целом. Зоонимы представляют собой сложные языковые единицы, которым присущ значительный информационный потенциал. Зоонимы могут выполнять различные функции в языке. Одна из них – характеристика человека с абсолютно разных сторон. Здесь возможно либо изолированное употребление рассматриваемой языковой единицы, либо же использование в составе фразеологического оборота. Например:

1) описание внешнего вида: *соболиные брови, лебединая поступь, обезьяна;*

2) описание умственных способностей: *куриные мозги, баран, осел;*

3) описание поступков, поведения, черт характера: *животное, зверь, пес, свинья, скот, сорока, жук, лиса, петух;*

4) описание физических способностей (в частности, ловкости): *слон, медведь, корова, обезьяна.*

При обучении иностранным языкам сравнительный анализ зоонимов, широко используемых в языке, может не только снабдить обучаемого лексическими знаниями, но и показать культурные особенности изучаемого языка. В китайской и русской культурах, например, зооним имеет различные культурные коннотации, которые тесно связаны с историей, обычаями, бытом, географическим положением и языковой культурой. Зоонимы могут быть совпадающими, частично совпадающими и не совпадающими по своим значениям. Например, *свинья* в русской культуре ассоциируется с грязнулей, а в китайской – с человеком богатым, зажиточным, толстосумом. Зооним *осел* и в русской и китайской культурах используется для обозначения недалекого, глупого человека. Зооним *собака* может обозначать человека как верного, так и пресмыкающегося перед другими; см. китайские пословицы: *Увиваться как муха, пресмыкаться как собака; Из собачьей пасти не жди слоновой кости.*

Зоонимы как имена существительные, называющие животных, перспективно и целесообразно изучать в лингвокультурологическом аспекте – для выявления особенностей одноименных концептов ЯКМ.

В. фон Гумбольдт одним из первых обратил внимание на национальное содержание языка и мышления, отмечая, что «различные языки являются для нации органами их оригинального мышления и восприятия» [3, с. 324].

Современные представления о ЯКМ выглядят следующим образом.

Язык – факт, составная часть культуры, которую мы наследуем, и одновременно ее орудие. Культура народа вербализуется в языке, именно язык аккумулирует ключевые концепты культуры, транслируя их в знаковом воплощении – словах. Создаваемая языком модель мира есть субъективный образ объективного мира, она несет в себе черты человеческого способа миропостижения [4], т. е. антропоцентризма, который пронизывает весь язык.

Русский язык, как и любой другой естественный язык, отражает определенный способ восприятия мира. Владение языком предполагает владение концептуализацией мира, отраженной в этом языке. Совокупность представлений о мире, заключенных в значении разных слов и выражений русского языка, складывается в некую единую систему взглядов и предписаний, которая в той или иной степени разделяется всеми говорящими по-русски. Владение языком предполагает владение картиной мира, отраженной в этом языке. Однако смысловые компоненты, которые составляют ядро значения слов и выражений, могут быть (и нередко бывают) осознанно оспорены носителями языка. Поэтому они не входят в языковую концептуализацию мира, общую для всех говорящих на данном языке.

ЯКМ – это целостный глобальный образ мира, отражающий жизненный опыт многих поколений носителей языка. Составной частью ЯКМ являются концепты – понятия, обобщающие результаты освоения этносом той или иной материальной или идеальной сущности.

Рассматривая структуру концепта, Ю. С. Степанов выделяет три компонента, или три «слоя», концепта: «1) основной, актуальный признак; 2) дополнительный или несколько дополнительных «пассивных» признаков, являющихся уже неактуальными, «историческими»; 3) внутреннюю форму, обычно вовсе не осознаваемую, запечатленную во внешней, словесной форме». В основном признаке, в актуальном, «активном» слое концепт существует для всех пользующихся данным языком как средством их взаимопонимания и общения. В дополнительных, «пассивных» признаках своего содержания концепт актуален лишь для некоторых социальных групп. Внутренняя форма, или этимология, открывается лишь исследователям и исследователями [2].

Концепт как сложный комплекс признаков имеет разнородную представленность в языке. Наиболее информативным с этой точки зрения выступает лексический уровень. Опираясь на этот уровень исследования, возможно выявить набор групп признаков, которые формируют структуру того или иного концепта. Такие группы состоят из более или менее распространенной совокупности признаков, которые, объединяясь на основе родовой или видовой характеристики, выражают тот или иной способ концептуализации.

Исследование концепта происходит в несколько этапов. Первый этап – анализ лексического значения и внутренней формы слова, репрезентирующего концепт. Второй этап – выявление синонимического ряда лексемы-репрезентанта концепта. Третий этап – описание способов категоризации концепта в языковой картине мира. Четвертый этап – определение способов концептуализации как вторичного переосмысления соответствующей лексемы, ис-

следование концептуальных метафор и метонимии. Пятый этап – исследование сценариев. Сценарий – это событие, разворачивающееся во времени и/или пространстве, предполагающее наличие субъекта, объекта, цели, условий возникновения, времени и места действия. Такое событие обусловлено конкретными причинами, послужившими его появлению [1, с. 125].

Основываясь на уже апробированных методиках, представим развернутый план анализа зоонима (в данном случае концепта *кошка*).

Первое, что необходимо сделать, это выделить смысловое ядро концепта. Для этого необходимо рассмотреть значения слова *кошка*, зафиксированные в различных толковых словарях. Именно материалы толковых словарей предлагают исследователю большие возможности в плане раскрытия содержания концепта, в выявлении специфики его языкового выражения.

Второе – обращение к фразеологическим единицам. Употребление зоонимов весьма часто направлено на иносказательное обозначение человека, чаще всего метафорическое, содержащее элементы образности. Из анализа фразеологических единиц мы сможем сделать выводы об освоенности и значениях концепта в народной культуре, сознании народа.

Третий шаг – анализ ассоциаций. Ассоциативное поле позволяет выявить национально-культурные смыслы, входящие в структуру концепта.

Четвертое – анализ свободных выражений, в данном случае высказываний из художественной литературы. Здесь мы сможем увидеть художественное освоение концепта.

Суммировав результаты каждого этапа, мы сможем сделать выводы о некоторых особенностях концепта *кошка* в русской ЯКМ.

Анализ толковых словарей русского языка позволил считать зооним *кошка* основным названием животных данного класса и выявил значительное сходство в лексико-графической традиции представления зоонима в различных словарях (таких как Толковый словарь русского языка (Ожегов С., Шведова Н.), Толковый словарь русского языка под редакцией Т. Ф. Ефремовой, Толковый словарь Д. Н. Ушакова).

Анализ употребления зоонима в устойчивых выражениях русского языка (фразеологизмах, пословицах, поговорках, например: *Живуч как кошка; Отольются кошке мышкины слёзки; Жить как кошка с собакой; Кошачья лапка мягка, да коготок востер*) выявил высокую частотность апелляции к соответствующему концепту ЯКМ и дал возможность сформулировать ряд повторяющихся смыслов, ассоциируемых зоонимом. Среди традиционных идей можно назвать противопоставление кошки и мышки, кошки и собаки, а также указание на те черты кошки, которые носитель русского языка считает типичными: блудливость, ласковость, независимость, хитрость, жизнестойкость и некоторые другие.

Ассоциативные словари показали, что стимул *кошка* имеет широкий круг ассоциаций (черная, мышка, собака, дикая, дранный, домашняя).

Синтагматический и семантический анализ зоонима *кошка* в художественных текстах показал, что исследуемая лексическая единица используется как прямо – для характеристики животного (*Он рванул к кошке, и кошка его*

оцарапала, шипя (Лимонов Э. У нас была Великая Эпоха); В ответ на этот чих звенели стекла в окнах, и **кошка**, обезумев, металась по комнате в поисках спасения (Паустовский К. Книга о жизни. Далекие годы)), так и образно, метафорически – для характеристики человека (Она стояла около рояля, аккомпаниатор играл что-то задорное, а она, еще более задорно, пела, сопровождая слова весьма рискованными жестами, подмигивая, изгибаясь, точно **кошка**, вскидывая маленькие ноги из-под ярких юбок (Горький М. Жизнь Клима Самгина); Барынька влюблена в вас, как **кошка**, – сказала Женя (Гроссман В. Жизнь и судьба)). В обоих случаях в фокусе внимания говорящего могут оказаться как внешние черты (животного и человека), так и особенности поведения.

Комплементарность реализованной методики (обобщение наблюдений, полученных при анализе различного метаязыкового (словари) и языкового/речевого материала (функционирование единицы в тексте)) позволила судить об отсутствии существенных противоречий между источ-

никами и, следовательно, о существовании национально-культурной специфики концепта *кошка*.

1. Антология концептов / под ред. В. И. Карасика, И. А. Стернина. М.: Гнозис, 2007. 512 с.

2. Александрович Н. В. Концептосфера художественного произведения и средства ее объективации в переводе (На материале романа Ф. С. Фитцджеральда «Великий Гэтсби» и его переводов на русский язык): монография. М.: Флинта: Наука, 2009. 181 с.

3. Гумбольд В. фон. Язык и философия культуры. М.: Прогресс, 1985. 448 с.

4. Сукаленко Н. И. Отражение обыденного сознания в образной языковой картине мира. Киев: Наукова думка, 1992. 162 с.

© Гордеева З. А., 2013

УДК 81.276.6
UDC 81.276.6

К ВОПРОСУ О ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ ЛЕКСИКИ МЕДИЦИНСКОГО ПОДЪЯЗЫКА

В статье рассматривается взаимодействие кодифицированной и не кодифицированной медицинской лексики в рамках функционирования специального медицинского подъязыка. Основная цель исследования состоит в изучении разноаспектных типологических характеристик лексических единиц специального подъязыка на основе разработанной концепции современного терминоведения.

Ключевые слова: терминология, профессионализмы, медицинский социолект, профессиональные жаргонизмы, медицинская номенклатура.

REVISITING FUNCTIONAL DIFFERENTIATION OF MEDICAL SUBLANGUAGE LEXIS

This article is devoted to the codified and un-codified medical lexis within functioning of the special medical sublanguage. The main objective of research consists of the study of different aspects of typological characteristic of the special sublanguage lexical units on the basis of the developed concept of a modern terms maintaining.

Key words: terminology, professional terms, medical social dialect, professional jargons, medical nomenclature.

Лексика медицины, как и многие специальные подсистемы, представляет собой взаимодействие официальной и неофициальной терминологической лексики. По своему содержанию терминология частично пересекается с обиходной медицинской лексикой. Современные терминологические исследования доказывают, что существует процесс «флуктуации» (перехода) лексики из разных стилевых сфер в направлении от обиходного языка к **терминологии (терминологизация)** и, наоборот, **детерминологизация**, т. е. процесс утраты специальных черт и перехода терминов в общеупотребительную лексику [1, с. 15; 2, с. 21]. Детерминологизированные медицинские термины зачастую переходят в просторечие путем метафорического употребления.

Функционально-стилевое перераспределение медицинской лексики в значительной степени обусловлено экстралингвистическими причинами. Часть медицинской лексики, которая составляет необходимый для общения врача и пациента словарный минимум, значительно более актуаль-

на для рядового члена общества, чем специальная лексика других наук (например, высшей математики, химии или астрономии), поэтому определенные медицинские термины относительно легко проникают в общелитературный язык.

Так, новые медицинские термины обслуживают быстро развивающуюся науку, в то же время распространенные, «модные» наименования из их числа выходят за рамки профессионального общения, пополняют лексикон языка публицистики, употребляются в разговорной речи, в просторечии. Это объяснимо тем, что интерес к проблемам здоровья, к новым методам лечения является естественным для современного человека, которому часто приходится обращаться в различные лечебные учреждения. Новая медицинская лексика актуализируется в обиходной речи через СМИ, рекламу, популярную справочную литературу и т. п. (например, термин *амнезия* – полная или частичная потеря памяти – стал популярен в обиходном общении благодаря показу латиноамериканских сериалов).

Терминологическую лексику медицины можно разделить на два пласта: **общая терминология** и **узкоспециальная**. Для общей терминологической лексики характерны наименования, которые употребляются в различных областях данной науки, например: *преларат, прибор, инструмент, элемент*. Термины, употребляющиеся в определенной области науки, относятся к узкоспециальной терминологии. Например, в сфере хирургии можно встретить специальные лексемы, которые являются наименованиями хирургического инструментария: *зажим Кохера, корсет Гоффы, щипцы Гоффманна* и т. д.; термины, называющие понятия кардиологии: *этаноловая абляция межжелудочковой перегородки, аритмия, стенокардия, дисциркуляторная энцефалопатия*; термины в области травматологии и ортопедии: *эндопротезирование, синдром кубитального канала* и т. д.

Специфика функционирования медицинской лексики в устном общении, на наш взгляд, состоит в том, что в одном и том же тексте могут употребляться разностилевые наименования (термины и профессионализмы, межстилевые и просторечные слова, общеупотребительные и ограниченной сферы употребления слова). Это связано с особой прагматикой общения на медицинские темы, возможностью, а часто и необходимостью переключения с одного стиля на другой в зависимости от условий коммуникации. Современная лексикология признает термины абсолютно узаконенными, кодифицированными наименованиями специальных понятий. Их неофициальными заменителями, просторечными эквивалентами являются так называемые профессионализмы. Так, в устной речи медиков отмечаются **профессионализмы**: *химия* – химеотерапия; *сделать снимок* – сделать рентгеноскопическое исследование; *записать пленку* – сделать ЭКГ; *лучевики* – пациенты, проходящие лучевую терапию; *труба* – интубационная трубка и др.

Профессионализмы, как правило, заменяют термины словосочетания или монологические термины с большим количеством слогов. Например: *трёп* – трепетание предсердий; *химия* – химиотерапия; *уши* – фонендоскоп; *скоблёжка* – абразия, выскабливание матки и др. Иными словами, специальные термины и профессионализмы маркированы соответственно как книжные и разговорно-просторечные слова.

Разновидностью медицинской устной речи является *медицинский социолект* [3, с. 47] – медицинский профессиональный жаргон, представляющий собой контаминацию общезыковой профессиональной лексики и специального сленга.

В речи медиков отмечаются **профессиональные жаргонизмы**, созданные либо на основе обиходной лексики, либо на базе существующих терминов: *аппарат* – медицинский шприц; *белка* – алкогольный делирий или белая горячка; *консервы* – больные, находящиеся в отделении на консервативном лечении; *чехол* – летальный исход; *тубик* – туберкулез; *апендюки* – больные после аппендэктомии и др.

Большую группу составляют глаголы и глагольные сочетания: *отпустить* – активно не препятствовать смерти терминального безнадежного больного; *кровануло* – открылось кровотечение; *кинуть зонд* – прозондировать; *сде-*

лать приятно – ввести эуфиллин; *посадить на трубу* – перевести пациента на искусственную вентиляцию легких.

Возникновение и функционирование медицинского жаргона в профессиональном неофициальном общении врачей объясняется двумя основными причинами:

медицинский жаргон служит утилитарным целям, т. е. облегчению общения путем замены терминов синонимами – неофициальными наименованиями в определенных непринужденных речевых ситуациях. Гораздо проще и быстрее сказать, например, *клиент замерцал, кинул давление, ну мы его стукнули и на трубу посадили*, чем выговорить у пациента *развился пароксизм тахисистолической мерцательной аритмии, сопровождающийся нестабильностью гемодинамики, что послужило показанием для проведения электроимпульсной терапии с последующей интубацией и переводом на ИВЛ*;

медицинский жаргон – это проявление медицинского цинизма, чёрного юмора, который является защитной реакцией здоровой психики и побочным продуктом медицинской профессиональной деятельности. Излишняя сентиментальность мешает трезвой оценке ситуации, делая невозможной адекватную помощь объекту «сострадания». Проявление такого цинизма не имеет под собой никакого неуважения к клиенту. Более того, использование жаргонизмов ни в коем случае не исключает владения грамотным медицинским языком, а скорее, даже наоборот, не будучи специалистом в данной области правильно пользоваться медицинским жаргоном практически невозможно.

Просторечная лексика представляет собой слова со стилистически сниженным, грубым, иногда вульгарным оттенком. Просторечие является разновидностью национального языка, находясь за пределами литературной нормы. Точно так же и разговорно-просторечная лексика медицины ориентирована на неформальное общение в условиях межличностной коммуникации. С точки зрения функциональной экспрессивности разговорную медицинскую лексику, с одной стороны, составляют слова лишённые экспрессивно-оценочных оттенков, например: *«скорая», валерьянка, зелёнка, щитовидка, вливание*; а с другой стороны, выделяются слова с коннотативным содержанием, например: *медичка, врачаха, докторша, гриппозник, язвенник* и т. д.

В разговорной речи медицинская лексика употребляет метонимично и эллиптически. Например, имея в виду заболевание названного органа, говорят: *Вы привезли с собой лекарство, а то у нас нет ничего от сердца; Ты куда? – На ванны. – А я на иголки (иглоукальвание)* – пример эллипсиса в диалоге пациентов в больнице.

Особый пласт лексики медицины составляет специальная **медицинская номенклатура**.

Медицинская номенклатура представляет собой сокращенные до предела номинации видов и серий орудий и предметов медицинского труда, препаратов, клинических показателей диагнозов и болезней, медицинских услуг и должностей. Чаще всего номенклатурные обозначения медицины состоят из начальных букв слов, входящих в соответствующие терминологические названия. Например: *ЭКГ* – электрокардиограф, *ИВЛ* – искусственная вентиляция лёгких; *МКБ* – международная классификация болезней. С помощью незначительных изменений букв и цифр

варьируются уже знакомые названия, весьма отчетливо показывающие связь видовых понятий с родовыми. Например: названия различных диагнозов – А20 (чума), S36–50 (отравления), В86 (чесотка); Z36 (беременность); Z28.1 (отказ родителей от прививки) и т. д.

Кроме того, медицинские номенклатурные наименования могут состоять из соединения общелитературных слов с именами собственными. Например, *синдром Корсакова* (психоз, разновидность амнестического синдрома, назван в честь открывшего его русского психиатра Сергея Корсакова); *болезнь Боткина* (инфекционная желтуха, острое вирусное заболевание с преимущественным поражением печени, названное по имени С. П. Боткина, установившего его инфекционный характер) и т. д.

Таким образом, можно сказать, что специальная медицинская лексика, безусловно, неоднородна не только по своему составу, но и по функционально-стилевой окраске.

1. Гринёв-Гриневиц С. В. Терминоведение: учеб. пособие для студентов высших учеб. заведений. М.: Издат. центр «Академия», 2008. 304 с.

2. Даниленко В. П. Русская терминология. Опыт лингвистического описания. М.: Наука, 2007. 243 с.

3. Крысин Л. П., Беликов В. И. Социоллингвистика: учеб. для вузов. М.: Рос. гос. гуманит. ун-т, 2001. 439 с.

© Елисеева Е. П., Прихна Л. С., 2013

УДК 82.091
U.D.C. 82.091

Л. А. Есауленко
L. A. Esaulenko

УТОПИЧЕСКОЕ И АНТИУТОПИЧЕСКОЕ В РОМАНЕ МИШЕЛЯ УЭЛЬБЕКА «ЭЛЕМЕНТАРНЫЕ ЧАСТИЦЫ»

Статья посвящена роману современного французского писателя Мишеля Уэльбека «Элементарные частицы» и некоторым аспектам его творчества. Основная цель исследования – проанализировать вопрос о соотношении утопического и антиутопического начала в романе, опираясь на ряд факторов: выбор героев, авторские отступления, способ построения повествования, повествовательные приемы. Анализ современного западного общества в романе М. Уэльбека сопоставляется с постмодернистскими теориями Ж. Бодрийара о «дефиците реальности». Основные проблемы произведения: одиночество, некоммуникабельность, взаимоотношения поколений, оценка достижений науки – анализируются в контексте романа «Элементарные частицы» и шире – в контексте творчества М. Уэльбека.

Ключевые слова: антиутопия, утопия, авторские отступления, композиция, роман-предостережение.

UTOPIAN AND DYSTOPIAN ELEMENTS IN THE NOVEL “THE ELEMENTARY PARTICLES” BY MICHEL HOUELLEBECQ

This article is devoted to the novel “The elementary particles” by contemporary French writer Michel Houellebecq and certain aspects of his work. The main objective of research is to consider the relationship between utopian and dystopian elements in the novel, basing on a number of factors: choice of characters, author’s asides, a way of narrative construction, narrative techniques. The analysis of the contemporary Western society in the novel by M. Houellebecq is compared to J. Baudrillard’s postmodern theories about “lack of reality”. The main issues of the work such as loneliness, communication gap, interaction between generations, the appraisal of scientific achievements are analyzed in the context of the novel “The elementary particles” and in M. Houellebecq’s works in general.

Key words: dystopia, utopia, author’s asides, composition, caution-novel.

Роман М. Уэльбека «Элементарные частицы» (1998 г.) – одно из знаковых литературных произведений нынешнего «fin de siècle». Самого Уэльбека характеризуют чаще всего как современного *enfant terrible* французской литературы. За эпатажными выступлениями писателя, его хлесткими определениями современной литературы и культуры не должно быть забытым основное достоинство автора: в своих книгах он дает исчерпывающе точный, беспощадный анализ проблем современной цивилизации и человека XX–XXI вв.

В романе «Элементарные частицы» М. Уэльбек описывает, к какой мировоззренческой, психологической, научной катастрофе близится западная цивилизация, а в авторских ретроспекциях отмечает события в научной, духовной истории XX в., которые приблизили этот кризис. В том, что перед нами аналитический роман, сходятся все критики, пишущие об Уэльбеке. Хочется обратить внимание на

несколько иной поворот проблемы: перед нами не только роман-анализ, но роман-предостережение, о чем позволяет говорить композиция произведения. Напомним, что основную часть романа составляет повествование о жизни талантливого ученого Мишеля Джерзински и его сводного брата Брюно. Перед своим таинственным исчезновением (самоубийством) Мишель посылает в Академию наук в Париже и в журнал «Природа» свои научные труды, которые положили начало новой эре в генетике, поскольку в них утверждалось, что «всякое живое существо, как бы оно ни было развито, может быть трансформировано в похожее, но размножаемое посредством клонирования и бессмертное» [1, с. 511]. Ученые, следующие по стопам Джерзински, восприняли его тезис: «...человечество должно исчезнуть, дать жизнь новому роду, бесполому и бессмертному, тем самым преодолев индивидуальность, разобщенность и понятие будущего» [1, с. 512]. Основное повествование

о героях романа обрамляют предисловие и послесловие, написанные от лица того самого человека «новой эры», бесполого, бессмертного и счастливого настолько, что может уподобить себя Богу. Взгляд этого необычного комментатора придает иной угол зрения на повествование: перед нами и анализ настоящего и оценка из будущего, заставляющая по-другому взглянуть на историю конца XX в.

Важно и то, что предисловие и послесловие позволяют ставить вопрос об утопическом и антиутопическом в романе «Элементарные частицы». Повествование о жизни героев конца XX в. предваряет стихотворение, написанное человеком будущего, о наступившей «новой эре» – а это ни много ни мало «сбывшийся сон». Поэтическая форма, соответствующая повторяющаяся лексика (*немеркнущая радость, эпоха света, страна идеала* и пр.) заставляют читателя представить, что перед нами утопия будущего. В послесловии уже по контрасту с поэтическим воспеванием новой жизни в перечислительной, сухой манере говорится, что земля заселена представителями «новой расы», а люди прошлого с покорностью принимают неизбежность своего полного исчезновения и существуют еще только «в регионах, долгое время подвергавшихся влиянию традиционных религиозных доктрин» [1, с. 524]. Характерно то, что необычный повествователь из будущего избегает называть свой род людьми, выбирая нейтральное *мы, новая раса* или, с оттенком юмора, *боги* будущего. Таким образом, М. Уэльбек ведет речь о полном перерождении человеческой природы (научный девиз, нередко упоминаемый в романе, – *Перемена свершится не в умах, а в генах* – дал свои плоды).

В оценках того, как видит Уэльбек подобное будущее, расходятся мнения критиков, пишущих о романе. Одни называют его утопистом, рисуя единственный возможный выход из тупика цивилизации. Например, С. Дубин, используя больше политическую, нежели литературоведческую терминологию, пишет: «Писатель-левак, раскритиковав современное общество потребления, предлагает проект идеального утопического общества, но с явно тоталитарными антидемократическими тенденциями» [4, с. 356]. Большинство же критиков оценивают роман как мрачное предсказание для современного человечества. Даже французский романист Д. Ногез, яростный пропагандист и защитник Уэльбека, в своей книге не может дать однозначного ответа на этот вопрос. «Верит ли автор в существование этого нового вида, клонированного и более счастливого? Может, да, может, нет. Впрочем, это не столь важно. Он говорит о предположении, о воображаемой альтернативе, заставляющей нас вспомнить, что нынешняя действительность во многом случайна и вполне могла быть иной» [5, с. 102].

Представляется, что ответ на вопрос об утопическом и антиутопическом начале в романе «Элементарные частицы» содержится не в его обрамлении (предисловии и эпилоге), сколь бы эффектными и неожиданными они не казались бы, а в анализе основного повествования о героях-современниках. Попытаемся проанализировать эту проблему, опираясь на ряд факторов, а именно: на выбор героев, авторские отступления, способ построения повествования и повествовательные приемы.

В одном из интервью М. Уэльбек говорит, что мы движемся к катастрофе «ведомые искаженным образом наше-

го мира, и никто об этом не знает» [2, с. 47]. Глянцевый-рекламный облик современной западной цивилизации с псевдодостижениями демократии, науки и технического прогресса на самом деле, с точки зрения французского автора, оборачивается «черной дырой» равнодушия и индивидуализма. Уже в предисловии говорится о XX в. как периоде крупнейшей «метафизической мутации», т. е. мировоззренческом переломе, сравнимым по своим масштабам только с другим переломом – началом христианской эры. «Метафизические мутации, т. е. радикальные, глобальные изменения картины мира в подавляющем большинстве – явления редкие в истории человечества. Примером тому может служить зарождение христианства. Когда метафизическая мутация совершилась, она распространяется, не встречая сопротивления, пока не исчерпает всех своих возможностей. При этом без малейшей оглядки сметаются экономические и политические системы, эстетические каноны, социальные иерархии» [1, с. 8]. Определение «метафизическая мутация» неоднократно звучит в романе, и одна из магистральных тем книги – очертить этапы этого мировоззренческого перелома. Начало нового этапа в развитии западной цивилизации, согласно Уэльбеку, совпадает с началом XX в. и открытиями А. Эйнштейна, М. Планка, Н. Бора, а значит, с теорией относительности и производными от нее. Герои романа говорят, что эволюция будет определяться научным и техническим прогрессом, и читатель романа наблюдает, как законы относительности оказываются быстро перенесенными из области чистой философии науки в сферу поведенческую: все в мире человеческом относительно, нет истинных ценностей, а есть установленная «цена» всех вещей и понятий. Дальнейшее установление эпохи релятивизма идет через разрушение традиционной семьи (оба героя – жертвы этого процесса), коммуны хиппи с их идеями равенства, свободной любви и высвобождения сексуальности, волнения шестидесятых годов и приход молодых «рассерженных», завоевания кибернетики, развитие компьютерных технологий и СМИ, в которых выстраивается «параллельная реальность», и многое другое. Завоевания, которые свершались во имя демократии, человеческого достоинства, сами оказались, с точки зрения французского писателя, амбивалентными, так как по сути лишили индивидуума веры, глубоких переживаний, ценностных ориентиров и превратили его в «тень медийного образа». Уэльбек указывает, что квинтэссенцией постмодернистской эпохи конца XX в. становится движение New Age, которое трудно определить как философское, религиозное, культурное явление; по сути своей оно есть яркий коллаж вышеперечисленного, лишенный глубины. В романе показаны этапы становления системы, которую в литературе принято называть «обществом потребления». М. Уэльбек в эссе пишет, что нынешнее западное общество имеет два измерения – эротическую привлекательность и деньги.

Необходимо добавить, что писатель в своем романе художественно иллюстрирует теорию французского постмодернизма, и в тексте часто звучат имена от Лакана до Деррида. Представляется, что ближе всего позиция французского писателя к теории Жана Бодрийара, так как именно он в своих работах анализирует характер «потребления»

в современном западном обществе. В его основополагающей работе «Система вещей» мы читаем: «Следует недвусмысленно заявить, что объект потребления составляют не вещи, не материальные товары; они образуют лишь объект потребностей и их удовлетворения. Люди во все времена что-то покупали, чем-то владели, пользовались, совершали траты – но при этом они не «потребляли» <...>. «Первобытные» празднества, расточительства феодального сеньора, буржуазное роскошество XIX века – все это не потребление. И пользоваться таким термином применительно к нашему современному обществу мы вправе не потому, что больше или лучше питаемся, получаем больше образов и сообщений... Потребление – это не материальная практика и не феноменология «изобилия», оно не определяется ни пищей, которую человек ест, ни одеждой, которую он носит, ни машиной, в которой он ездит, но лишь тем, как все это организуется в знаковую субстанцию: это виртуальная целостность всех вещей и сообщений, составляющих отныне более или менее связанный дискурс. Потребление, в той мере, в какой это слово вообще имеет смысл, есть деятельность систематического манипулирования знаками» [3, с. 164]. Французский мыслитель подчеркивает, что потребляются не сами вещи, а отношения; к примеру, последняя модель BMW необходима из-за статусности, а не просто по причине комфорта, покупка дорогих картин может быть потреблением «идеи красоты»; верхом же идеи потребления является современная реклама. Поэтому Бодрийар указывает, что такое потребление является идеалистической практикой и не соотносится с реальностью. «Это тотально идеалистическая практика, которая за известным порогом уже не имеет ничего общего с удовлетворением потребностей или же с принципом реальности» [3, с. 168]. Так у Ж. Бодрийара рождается другое важнейшее понятие симулякра, основанного на дефиците реальности и достоверности у современного человека. Герои романа М. Уэльбека тоже живут в мире симулякров – пустот или же симуляций – психологических, поведенческих, любовных и прочих.

Отношение Уэльбека к подобной сложившейся в обществе системе отношений однозначно негативное и проявляется ярче всего в описании судеб главных героев – сводных братьев Мишеля и Брюно. Один из критиков романа, А. Носков, пишет по поводу выбора героев: «Систематический «не-выбор» Уэльбек представляет чертой всей европейской цивилизации, рассматривая в качестве ее представителей двух братьев. Они сплошь состоят из видимостей, «не-выбора» <...> Два брата – два моральных уроды – по Уэльбеку, они являются нормальными представителями современной цивилизации» [6]. В характеристике героев даны два противоположных определения: *моральные уроды* и *нормальные представители*. Характеристика *нормальные представители*, конечно, требует уточнения, так как образ жизни названных так людей не может быть нормой, что очевидно из того, как складывается их судьба и заканчивается жизненный путь. Вернее будет сказать, что некоторые черты их типичны, с точки зрения автора, для современного общества, а именно: отсутствие глубоких чувств у одного и сосредоточенность на сексе и внешней привлекательности у другого. Но не являются они и моральными уродами; они лишены чего-то жизненно важного,

сознают свое несчастье, а также и то, что доставляют горе другим. Повторимся, они типичны, а это и является приговором современной цивилизации с такими героями.

У Мишеля и Брюно много общего: брошены своими родителями, презирают мать, ведут одинокий образ жизни, становятся причиной гибели женщин, влюбленных в них. И все же к героям отношение разное, и не потому, что один безвестен, а другой – прародитель новой науки. К Брюно у читателя часто возникает ощущение «презрительной гадливости» (согласимся с вышеприведенным критиком А. Носковым) прежде всего из-за наплевательского отношения к близким и неприкрытого стремления к сексуальным удовольствиям. Единственным ценностным критерием для него – сексуальная привлекательность (молодость он ценит поскольку именно она сексуальна; о красоте Брюно не рассуждает, так как красота – понятие более высокое и даже загадочное). Герой сам понимает, что становится жертвой мира гламура, столь растраченного современной цивилизацией. С возрастом у него нарастает ощущение униженности и ненужности, а когда его сексуальность гаснет, практически добровольно ложится в психиатрическую лечебницу, где проводит остаток жизни.

Стремление к сексуальной привлекательности и продлению молодости любыми путями существует у многих героев и героинь других романов М. Уэльбека, они, как и Брюно, сосредоточены на внешней привлекательности и шире – на телесности, не могут представить себе старость и боятся ее сильнее смерти. С точки зрения М. Уэльбека, это одна из главных «фобий» современного мира. В романе «Элементарные частицы» за скобками повествования остается та жизнь, в которой не будет возраста и смерти, так как повествователь – «неочеловек» – впоследствии только упоминает о бессмертии для людей будущего, но не описывает детально новую жизнь.

Хочется сделать небольшое отступление и вспомнить роман французского писателя первой половины XX в. Бориса Виана «Уничтожить всех уродов» (1948 г.), который оказывается своеобразным ответом на проблему, поставленную М. Уэльбеком. Роман Б. Виана принадлежит к так называемой черной серии произведений, написанной под псевдонимом Вернон Салливан. В ней писатель пародирует любимые публикой жанры детективного романа, триллера с элементами жестокости, эротического романа. В произведении «Уничтожить всех уродов» Виан в гротесковой форме описывает всё то же стремление западной цивилизации к внешней привлекательности и молодости. Действие происходит в США, где существуют подпольные лаборатории по созданию нового типа людей. В них красивых, сильных, здоровых молодых людей добровольно или силой принуждают к сексу, дабы родились внешне совершенные дети. Б. Виан описывает неожиданное следствие этого эксперимента: в мире, где все внешне безупречно, привлекательно, люди становятся одинаковы и желанным становится урод, так как он выделяется из всех своей непохожестью. Таким образом, Б. Виан в середине XX в. отмечает искусственный, гламурный образ, который окончательно вытесняет реальность природной телесности в конце XX в.

К другому брату – Мишелю – и у автора, и у повествователя, и у читателя возникает иное, неоднозначное отношение.

У самого героя складываются, если можно так выразиться, непростые отношения с самим собой. Нельзя сказать, что Брюно не рефлексировал по поводу своих чувств и поступков, но он просто констатирует их и невозможность другого, тем самым оправдывая себя; у Мишеля самоанализ оценочен и строг. Он вел жизнь сугубо интеллектуальную, был лишен обычных человеческих чувств и не разбирался в них, тем не менее чувствовал себя обделенным. «Сам он хотел бы только любить, по крайней мере, он не желал ничего иного. Ничего определенного. Жизнь, полагал Мишель, должна быть чем-то простым, чтобы ее можно было прожить как череду маленьких образов, исполнение которых бесконечно повторяется. Эти ритуалы подчас глуповаты, но на них можно положиться. <...> В юности Мишель верил, что особое достоинство придает человеку страдания. Теперь приходилось признать: он заблуждался» [1, с. 198]. Отметим, что в этой цитате слова про страдания как заблуждения принадлежат повествователю (не автору или герою), имеющему принципиально иной, «неочеловеческий» взгляд на эту проблему. У самого Мишеля рассуждения о страданиях встречаются довольно часто и связываются с самыми высокими человеческими качествами: самоотверженностью и любовью. Таковы были самые близкие герои люди: бабушка, вырастившая Мишеля (она относилась к тем, которые «трудились очень тяжело, исключительно во имя долга и любви, в буквально смысле отдавая ближним свою жизнь, движимые долгом и любовью, притом никоим образом не считая, что приносят себя в жертву; они, по сути, просто не видели иного способа прожить жизнь, кроме как даровать ее другим из побуждения долга и любви» [1, с. 152]) и влюбленная в него Аннабель. Потеряв их, Мишель испытал дважды в жизни самые сильные чувства, на которые, казалось ему, не был способен. Получив известие о смерти бабушки, юный Мишель скрючился в изножье кровати и выл, как раненый зверь; на похоронах Аннабель очень взрослый уже герой впервые в жизни почувствовал на своих щеках слезы.

Мишель в романе становится Прометеем, дарующим миру новую научную теорию, а лучше сказать, в своих научных деяниях он выступает как новый Франкенштейн, так как предрекает рождение «неочеловека» [7]. Герой Уэльбека, понимая, к чему может привести его теория, не стремится увидеть «нового человека», не приветствует «нового человека» в себе. Нежеланием принадлежать ни современному, ни будущему миру объясняется его уход из жизни. Мишель мечтал о жизни, полной глубоких чувств, пусть даже страданий, о том, чего, по капризу природы, был лишен. Будущий мир, лишенный чувств, влечений, противоречий, кошмарен, по мысли Мишеля (и самого Уэльбека), это настоящая антиутопия, которую он предрекает, но не желает принадлежать ей.

Думается, что недаром в двух героях акцентированы те черты, которые появятся в «неочеловеке». Мишель почти полностью лишен простых человеческих чувств, а отсутствие переживаний – это базис счастья, как повторяет в послесловии герой из будущего. Главное для Брюно – удовлетворение сексуальных запросов, для этого ему постоянно требуется объект желаний. В будущем, как явствует из повествования, этот вопрос окажется решенным: будут упразднены сексуальные различия, это убьет саму приро-

ду сексуальности и желания. Можно сделать вывод, что современный мир, представителями которого являются Мишель и Брюно, – это своеобразное предупреждение читателю, а мир будущих «неолюдей» – настоящая антиутопия, лишенная человеческого измерения.

Еще один вопрос, требующий разрешения, – вопрос об организации повествования в романе, т. е. о соотношении точек зрения автора-повествователя и героев. В предисловии и эпилоге романа повествователь указан точно – это человек будущего. В основной части романа такой точности нет, поэтому возникают сомнения: тот ли это самый «неочеловек», Уэльбек ли сам ведет повествование или некий иной сторонний наблюдатель? Летописец жизни Мишеля и Брюно, действительно, пытается быть беспристрастным, точным аналитиком. Но зачастую описание происходящего прерывается в самом напряженном месте и самым неожиданным образом. Так, описывая юность Мишеля, повествователь вспоминает его кузину Брижит, с которой они убежали подальше от дома, в луга, где кувыркались, как дети. На этом вполне откровенном эпизоде рассказ прерывается и переходит к мини-лекции о клещах-краснотелках, обитающих в этом регионе; они, видимо, сильно искушали героев. Мы так и не узнаем, чем закончились взаимоотношения Мишеля и Брижит, было ли это любовным свиданием. В другом эпизоде используется тот же прием: влюбленная в Мишеля Аннабель стоит под его окнами и не решается позвать героя. Она мучительно думает, как поступить, но в этот момент внутренние метания девушки повествователь решает сравнить с поведением сверхтекучего гелия, сводя на нет психологическую остроту момента.

Постоянные параллели человека с животным миром или явлениями неживой природы не только и не столько позиция писателя-постмодерниста, играющего читательскими ожиданиями, привычными литературными понятиями и всегда сбивающего пафос момента иронией или скепсисом. Комментатор М. Уэльбека Д. Ногез писал, что «в романе человек статусом не выше, чем собака, кошка, крыса, свинья, индейка или макака» [5, с. 146]. Сам М. Уэльбек в своих интервью называл такой современный подход к человеку механистичным. («Людей пугает неудержимое наступление новой тенденции – объяснять мир с помощью одних лишь научных данных» [2, с. 50].) Французский писатель констатирует с горечью, что психологические понятия уже не нужны, забыт даже психоанализ, все просто можно объяснить действием гормонов, нейромодуляторов и прочего. Повествователь действует в том же духе, объясняя все в жизни героев биохимией, точными науками. А значит, повествователь не сам Уэльбек, а скорее, тот самый «неочеловек», который оценивает человека конца XX в. как импульсивное, не знающее самое себя существо. В результате такого подхода человек оказывается не более, чем «элементарной частицей». Можно согласиться с высказыванием о романе как «мрачном видении будущего как атомарного, распадающегося на частицы мира разъединенных индивидов, вращающихся в пустом пространстве без привязок к истории, нации, семье или друзьям» [4, с. 358]. Мишель Уэльбек в романе показал, чем стал или может стать человек, но чем не должен он быть по сути своей. Именно поэтому Уэльбек выбирает в повествователи «неочеловека» с принципиально иной природой, который на-

учно, точно и доказательно описывает, как «человеческое, слишком человеческое» вырождается в «элементарную частицу»; описывает без иронии и сострадания.

В западной культуре пережили уже «сумерки богов», а за ними неотвратимо следуют «сумерки человечества», которые показал в своем романе Мишель Уэльбек. Герои его, лишенные глубоких чувств и переживаний, живут в эрзац-действительности, мире-обманке, но еще томятся о том, что потеряли: о любви, дружеской привязанности, семейственности, сопереживании; о том, что всегда называлось вечными и естественными человеческими ценностями. Окончательно утратив все это, человек лишается и своей природы, может стать «неочеловеком», о котором упоминает французский писатель: счастливым, спокойным человеком-роботом. «Элементарные частицы» – роман-предупреждение современному читателю. А чтобы не оставалось никаких сомнений относительно возможности «счастливого будущего» человечества, М. Уэльбек напишет в 2005 г. роман «Возможность острова», который иначе

как страшной и печальной антиутопией будущего назвать невозможно.

1. Уэльбек М. Элементарные частицы. М., 2006.
2. Уэльбек М. Мир как супермаркет. М., 2003. 156 с.
3. Бодрийар Ж. Система вещей. М., 1995. 224 с.
4. Дубин С. Действительно ли scripta manent // Иностранная литература. 2001. № 5. URL: <http://magazines.russ.ru/inostran/2001/15/dub.html>
5. Ногез Д. Уэльбек как он есть. Екатеринбург, 2006.
6. Носков А. М. Уэльбек «Элементарные частицы» – рецензия. URL: http://www.littera.h1.ru/b_houellebecq.html
7. Chassay, Jean-François, "Apocalypse scientifique et fin de l'humanité: les Particules élémentaires de Michel Houellebecq" // Fabula, la recherche en littérature. URL: http://www.fabula.org/actualites/ecriturs-hors-foyer_4049.php

© Есауленко Л. А., 2013

Л. Г. Ефанова
L. G. Efanova

НОРМА КОЛИЧЕСТВА СТАТИЧЕСКОГО ИЛИ ДИНАМИЧЕСКОГО ПРИЗНАКА ЛИЦА КАК ФРАГМЕНТ ФУНКЦИОНАЛЬНО- СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ НОРМЫ

Статья посвящена исследованию одного из сегментов функционально-семантического поля нормы в аспекте структурных особенностей составляющих его слов и средств выражения категориальной семантики. Основным элементом содержания нормы количества статического или динамического признака лица являются представления об обычной степени появления присущих каждому человеку свойств и способностей, а также регулярно выполняемых действий. Семантика названной нормы выражается преимущественно при помощи суффиксальных имен лиц, включающих в свое значение оценочные коннотации. В статье рассматриваются особенности выражения значения нормы количества статического или динамического признака лица в зависимости от ее принадлежности к числу аксиологических или параметрических норм.

Ключевые слова: семантическая категория, функционально-семантическое поле, параметрическая норма, аксиологическая норма.

THE NORM OF QUANTITY OF STATIC OR DYNAMIC CHARACTERISTIC OF THE PERSON AS A FRAGMENT OF FUNCTIONAL- SEMANTIC NORM FIELD

The article is devoted to investigation of one segment of the functional-semantic field of norm in the aspect of structural peculiarities of its constituent and the means of the categorical semantic expression. The ideas of the usual intensity of the human qualities and abilities and regular actions are the main content element of the norm of quantity of static or dynamic characteristic of the person. This norm semantics is mainly expressed by substantives with suffixes that include estimative connotations in their meaning. In this article the peculiarities of the meaning expression of the norm of quantity of static or dynamic characteristic of the person are examined in connection with its belonging to axiological or parametric norm.

Key words: semantic category, functional-semantic field, parametric norm, axiological norm.

Функционально-семантическое поле нормы в русском языке составляют лексические и фразеологические единицы, обозначающие соответствующие имеющимся у носителей языка представлениям о должном состоянии названных этими единицами объектов, а чаще – наиболее регулярно проявляющиеся аномалии. В состав этого поля входят норма видовой идентичности, норма стабильности, норма результативности действия, собственно параметрическая и собственно аксиологическая нормы, а также некоторые другие (см. об этом: [4; 5; 6; 7; 8; 9]). В данной статье

предметом исследования является норма количества статического или динамического признака лица как фрагмент функционально-семантического поля нормы.

Нормативной оценке с точки зрения количественного проявления в нем того или иного признака может подлежать любой одушевленный предмет, однако чаще всего такой оценке подвергаются индивидуальные внешние или внутренние качества человека. Норма количества статического или динамического признака лица отражает разнообразные характеристики человека как активного субъекта

екта и носителя определенных признаков. Содержанием этой нормы являются представления о том, что все люди обладают приблизительно одинаковым набором свойств, способны осуществлять одни и те же действия, участвовать в одних и тех же процессах и становиться субъектами одинаковых состояний. При этом каждый субъект способен проявлять эти признаки и выполнять эти действия с разной частотой и интенсивностью, что позволяет сформировать представления о нормальной (среднестатистической) степени их реализации. Особенностью названной нормы является то, что отклонения от нее обозначаются преимущественно при помощи производных личных существительных с оценочным значением.

Основным средством обозначения отклонений от нормы количества признака лица являются личные существительные, образованные от имен прилагательных и существительных (при характеристике статического, непроцессуального признака) или глаголов (при обозначении признака динамического) способом суффиксации или сложения с суффиксацией. Семантика превышения нормы количества статического или динамического признака лица в производных существительных выражается при помощи следующих суффиксов: *-аг(а) / -яг(а)* (*молодчага* (прост.), *бродяга*); *-ак / -як* и *-як(а)* (*простак*, *пошляк* (разг.), *вертячка* (прост.)); *-ак(а) / -як(а)* (*зевака* (разг.), *гуляка* (разг.)); *-аль* (*враль* (разг.)); *-арь* (*бунтарь*, *технарь* (разг.)); *-ач* (*трепач* (прост.), *портач* (прост.)); *-ей* (*грамотей* (разг.), *богачей* (прост.)); *-ень* (*баловень* (разг.), *сидень* (разг.)); *-ец* и *-иц(а)* (*наглец*, *упрямец*, *упрямица*); *-ён(а)* (*гулёна* (прост.), *сластена*); *-ёр* (*паникёр*, *ухажёр* (разг.)); *-ик*, *-иц(а)* и *-ник*, *-ниц(а)* (*жеманник* и *жеманница* (разг.), *шутник* и *шутница*); *-ин(а)* (*молодчина* (разг.), *вредина* (прост.)); *-иц(а)* (*умница* (разг.), *пьяница*); *-к(а)* (*белоручка* (разг.), *лакомка*); *-л(а)* (*воротила* (разг.), *доставала* (разг., прост.)); *-л(о)* (*трепло* (прост.), *чудило* (прост.)); *-лец* (*скиталец*, *рыдалец*); *-льник* (*молчальник* (разг.), *висельник* (прост.)); *-л(я)* (*пискля* (разг.)); *-ок* (*недоумок* (прост.), *знаток*); *-он(я)* (*тихоня* (разг.)); *-ох(а)* (*побироха* (прост.), *растереха* (прост.)); *-с(а)* (*крикса* (разг. уничтожит.), *пакса* (разг. уничтожит.)); *-тель* (*вредитель*, *предатель*); *-уг(а) / -юг(а)* (*хапуга* (прост.), *подлюга* (разг.)); *-уй* (*обалдуй* (прост.)); *-ул(я) / -юл(я)* (*крохотуля* (разг.), *чистюля* (разг.)); *-ун* и *-унь(я)* (*драчун* и *драчунья*, *горюн* (прост.)); *-ух* (*питух* (прост. шутил.)); *-ух(а)* (*вековуха* (прост.), *визгуха* (прост.)); *-уш(а)* (*хромуша* (разг.), *дорогуша* (разг.)); *-ушк(а)* (*побирушка* (разг.), *хохотушка* (разг.)); *-х(а)* (*затеряха* (прост.), *побираха* (прост.)); *-ц(а)* (*кровопийца*, *убийца*); *-чак* (*весельчак* (разг.), *смельчак*); *-чик* (*наводчик*, *обидчик*); *-ш(а)* (*растеряша*); *-щик* (*анонимщик* (разг.), *обманщик*); *-ье(а)* (*торопыга* (прост.)); *-ыш* (*замо-рыш* (разг.), *малыш*); *-ышк(а)* (*худышка* (разг.), *коротышка* (прост.)); *-юк(а)* (*злюка* (разг.), *подлюка* (прост.)); *-ян* (*грубиян* (разг.), *буян*); *-яшк(а)* (*притворяшка* (разг.), *двойняшка* (разг.)); нулевой суффикс имеют разговорные слова *хроник*, *недотрога*, *соня*, *острослов*, *зёва*, *растрепан*, *мямля*, *разиня*, *пролаза*, *подлиза*, *привереда* и т. д. Значение превышения нормы статического признака способны выражать также производные существительные с префиксом *раз-* (*раскрасавец*, *расподлец*) и сложные слова с элементами *-любец* (*властолюбец*, *корыстолюбец*, *себялюбец*, *сла-*

волюбец, *сластолюбец*, *честолюбец*), *-угодник* (*чревоугодник*), *-фоб* (*женофоб*, *русофоб*).

Некоторые из перечисленных суффиксов многозначны и могут принимать участие в обозначении лиц по профессии или роду деятельности, социальной роли, ср.: *бодряк* (разг.) и *вожак*, *кривляка* и *писака*, *враль* (разг.) и *коваль* (устар. и обл. 'кузнец'), *бунтарь* и *пекарь*, *дрыгач* (прост.) и *трюкач* (разг.), *глупец* и *жнец*, *паникёр* и *гравёр*, *безобразник* и *работник*, *неженка* (разг.) и *писака*, *зубрила* (разг.) и *меняла*, *страдалец* и *кормилец*, *шкодник* (прост.) и *лошадник* (разг.), *недоумок* (прост.) и *стрелок*, *соглашатель* и *учитель*, *лгун* и *бегун*, *питух* и *пастух*, *скрипуха* (прост.) и *стряпуха*, *придумщик* и *летчик* и т. д. Обозначения лиц по профессии или роду деятельности не выражают какой-либо оценки, поскольку, «став профессиональным, чрезмерно практикующее действие вводится в норму жизни» [2, с. 10].

Слова, обозначающие характеристики человека как активного субъекта и носителя определенных признаков, отличаются от наименований лиц по профессии наличием коннотативных компонентов, а также градуируемым характером обозначенного ими признака. Благодаря этим свойствам названные производные способны вступать друг с другом в антонимические отношения и образовывать скалярно-антонимические комплексы. Элемент «скалярный» в составе этого термина образован от латинского слова *scalaris* 'ступенчатый' и указывает на то, что представленная в комплексе последовательность языковых единиц отражает интенсивность проявления признака или динамику процесса по отношению к норме как точке отсчета, например: *разумник* (разг.) – *безумец*; *копун* и *копунья* (разг.), *копуша* (разг.) – *торопыга* (прост.); *силач* – *слабак* (прост. пренебр.); *толстяк*, *толстуха* (разг.) – *худышка* (прост.); *недотёпа* (прост.) – *ловкач* (разг.), *ловчила* (разг.); *задира* (разг.) – *недотрога* (разг.); *бодряк* (разг. неодобр.) 'тот, кто проявляет необоснованный оптимизм и благодушие' – *нытик* (разг.), *паникёр*. Одной из особенностей скалярно-антонимических комплексов имен, выражающих отношение к норме количества статического или динамического признака лица, является то, что их составляющие, как правило, находятся друг с другом в отношениях квазиантонимии, различаясь наличием/отсутствием экспрессивной окрашенности, степенью обозначенной ими интенсивности признака или некоторыми другими компонентами семантики [1, с. 312–315].

Антонимы в составе комплекса могут быть однокоренными (например: *умник* и *недоумок* (прост.), *всезнайка* (разг. ирон.) и *незнайка* (разг.), *сидень* (разг.) и *непоседа* (разг.), *удачник* (разг.) и *неудачник*, *сребролюбец* (устар.) и *бессребреник*), но чаще бывают образованы от разных корней, сохраняя антонимию своих производящих (например: *старик* – *юноша*, *умница* (разг.) – *глупец*, *пьяница* – *резвенок*, *чистоплюй* (разг. пренебр.) – *грязнуха* (прост.), *добряк* (разг.) – *злюка* (разг.)). Системные отношения внутри антонимических комплексов могут опираться на общий словообразовательный тип входящих в их состав производных, которые в этом случае обычно относятся к одному функциональному стилю (ср.: *шептун* (разг.), *шептунья* (разг.) и *крикун* (разг.), *крикунья* (разг.); *старец* и *юнец*; *молчун* (разг.) и *говорун* (разг.); *чистюля* (разг.) и *грязнуля* (разг.); *здоровяк* (разг.) и *хилык* (прост.); *мудрец* и *глупец*). К одному словообразовательному типу могут от-

носиться и синонимы, ср.: *несмеяна* и *неулыба*. Отношения квазиантонимии не требуют тождества словообразовательных моделей и стилистической принадлежности производных, входящих в состав антонимического комплекса, вследствие чего в такой комплекс могут быть включены помимо основных членов антонимической пары и их разнообразно стилистически окрашенные синонимы, например: *добряк* (разг.) и *добряга* (разг.) – *злюка* (разг.) и *злыдень* (прост.); *смельчак*, *храбрец*, *удалец* (разг.) – *трус*, *босяка* (прост.); *труженик*, *работяга* (разг.), *трудога* (разг., прост.) – *ленивец* и *ленивица*, *лентяй* и *лентяйка*, *лежебока* (разг.), *лежень* (обл.), *гулена* (прост.), *(праздный) гуляка* (разг.); *крепьш* (разг.), *здоровяк* (разг.), *здоровила* (прост.), *здоровяга* (прост.) – *хилляк* (прост.), *доходяга* (прост.).

Члены скалярно-антонимического комплекса могут отличаться друг от друга как корневыми, так и прочими словообразовательными элементами, например: *бедняк*, *неимуший*, *нищий*, *нищенка*, *побирушка* (разг.), *побираха* (прост.), *беспорточник* (прост.), *голодранец* (прост.), – *богач*, *толстосум* (прост.), *богатеи* (прост.). При этом на разных концах оценочной шкалы может располагаться неодинаковое количество производных слов, ср.: *шептун* (разг.), *шептунья* (разг.) – *горлан* (прост.), *крикун* (разг.) и *крикунья* (разг.), *крикса* (разг. уничтожит.), *горлодер* (прост.), *горлопан* (прост.), *крикуха* (прост.), *крикуша* (прост.); *умница* (разг.), *умник*, *разумник* (разг.), *мудрец* – *глупец*, *несмышлениш*, *недоумок* (прост.), *дурак*, *дурило* (прост.), *дурила* (прост.), *обалдуй* (прост.), *глупыш* (разг.), *тупица* (разг.), *дурень* (прост.), *дуралей* (разг.), *простец* (разг.), *дурачина* (прост.).

Асимметрия скалярно-антонимических комплексов объясняется разными причинами, в том числе и типом нормы, отношение к которой они отражают. Большая часть производных, объединяющихся в такие комплексы, отражает представления о параметрической норме. Параметрическая норма – это «центральная и наиболее важная точка отсчета, относительно которой определяются значения антонимов в рамках скалярно-антонимического комплекса» [3, с. 65]. Эта норма располагается в центре оценочной шкалы и, как правило, специальными языковыми средствами не обозначается. Исключения из этого правила редки, например: *бедняк* – *середняк* – *богач*.

На полюсах антонимического комплекса, отражающего представления о параметрической норме, как правило, находится разное количество слов, т. е. обозначения недостижения и превышения нормы отражаются в языке с разной степенью регулярности. Причины этого могут быть различны. На количество обозначений того или иного отклонения от нормы чаще всего влияет его оценка со стороны социума, при этом более негативная оценка вызывает большее количество наименований одной и той же аномалии, которые могут различаться степенью экспрессивности и стилистической принадлежностью. Например, чрезмерная наивность и доверчивость получает у носителей языка отрицательную оценку (например: *простак* (разг.), *простофиля* (разг.)), однако это отношение выражено в меньшей степени, чем негативная оценка противоположного им свойства хитрости: *хитрец*, *хитрюга* (разг.), *хитряга* (прост.), *плут* (разг.), *лукавец* (разг.). Расточительность воспринимается членами социума неодобрительно (например: *расточитель*, *мот* (разг.), *транжир* и *транжир(а)* (разг.)),

однако жадность получает более резкую оценку: *скупец*, *скопидом* (разг.), *скарעד* (разг.), *жадина* (разг.), *жад(н)юга* (прост.), *скупердяй* (прост.). Сказанное относится и к норме, выраженной членами комплекса *тихоня* (разг.) – *буян*, *бузила* (прост.), *бузотер* (прост. неодобр.). Количество обозначений того или иного отклонения от нормы может зависеть также от силы эмоциональной реакции на него со стороны носителей языка. По-видимому, по этой причине превышение нормальной степени удачливости обозначается меньшим числом производных (*счастливец* и *счастливца*, *счастливчик* (разг.), *удачник* (разг.)), чем противоположная аномалия, названная словами *неудачник* и *неудачница*, *страдалец* и *страдалица*, *бедняга* (разг.), *горемыка* (разг.), *сердяга* (прост.). Наконец, еще одной причиной количественного несоответствия производных, находящихся на разных полюсах параметрической оценочной шкалы, может быть то, что обозначенные ими ситуации привлекают к себе разное количество внимания. Например, отсутствие речи является менее заметным признаком, чем ее избыточность по тому или иному признаку и вследствие этого обозначается меньшим числом производных (ср.: *молчальник* (разг.), *молчун* (*молчунья*) (разг.) и *говорун* (*говорунья*) (разг.), *болтун* (*болтунья*) (разг.), *болтушка* (разг.), *тараторка* (разг.), *балаболка* (разг., прост.), *трещотка* (разг.), *стрекотуха* (разг.), *щебетуха* (разг.)). Избыточная активность более заметна, чем недостаточная и обозначается большим количеством слов (ср.: *сидень* (разг.), *увалень* (разг.) и *непоседа* (разг.), *вертун* (*вертунья*) (разг.), *вертушка* (разг.), *попрыгун* (*попрыгунья*) (разг.), *хлопотун* (*хлопотунья*) (разг.), *бродяга* (разг.) – ‘любитель странствовать, менять местожительство’). В тех случаях, когда на полюсах параметрической шкалы располагаются признаки примерно одинаковой интенсивности, количественное преимущество получают наименования тех из них, которые характеризуются негативными коннотациями (ср.: *хохотун* (*хохотунья*) (разг.), *хохотушка* (разг.), *весельчак* (разг.), *веселяга* (прост.) и *нытик* (разг.), *нюня* (разг.), *рева* (прост.), *плакса* (разг. уничтожит.), *хныкса* (разг. уничтожит.), *хныкала* (прост.), *хныкало* (прост.), *нудяга* (прост.), *ворчун* (*ворчунья*) (разг.)).

В тех случаях, когда норма является аксиологической и «лежит не в серединной части шкалы, а совпадает скорее с ее позитивным краем» [3, с. 66], слова, обозначающие соответствие норме, находятся на одном из концов шкалы, и их количество немногочисленно, поскольку «нормативные ситуации однотипны. «...Они менее разнообразны, чем отрицательные». Напротив, «отклонений от нормы может быть сколь угодно много» [3, с. 205–206]. Например, отклонения от этической нормы скромности могут выражаться в заносчивости и высокомерии (*гордец*, *гордячка* (разг.), *воображала* (прост.), *зазнайка* (разг.), *задавала* (разг.) и *задавака* (прост.), *спесивец* (уст.)), хвастовстве (*хвастун* и *хвастунья*, *бахвал* (прост.)), стремлении выделиться (*выскочка* (разг.)), дерзости и бесцеремонности (*нахал* и *нахалка* (разг.), *наглец*), в то время как соответствие этой норме обозначается немногочисленными однокоренными словами: *скромник*, *скромница*, *скромняга* (разг.). Для указания на нормальную степень образованности в разговорной речи используется слово *грамотей*, а несоответствие этой норме обозначаются при помощи

указания на причины ее недостижения, в качестве которых указываются отсутствие образования (*неуч* (разг.)), его неполнота (*недоучка*), отсутствие знаний в какой-либо области (*невежда*, *незнайка* (разг.)) или неполные знания (*ползунайка* (разг.)). Обозначения отклонений от аксиологической нормы могут различаться степенью интенсивности выраженного в них отрицательного отношения к обозначаемому. Таковы, например, наименования обладателей непривлекательной внешности (ср.: *дурнушка* (разг.) и *уродина* (разг.), *страшила* (прост.), *образина* (прост.)); в то же время высокая степень привлекательности характеризуется производными, относящимися к одному словообразовательному типу (ср.: *миляга* (разг.) и *симпатия* (разг.)) или же образованными от одного корня (ср.: *красавец*, *красавица* и *раскрасавец*, *раскрасавица* (разг.), *красавчик*, *красотка* (разг.)).

В некоторых случаях аксиологическая норма может вступать в противоречие с представлениями о стереотипе. Например, словами *бессребреник*, *правдолюб* и *правдолюбец* (разг.) обозначается степень бескорыстия и правдивости, соответствующая идеальной норме, но редко встречающаяся в реальной жизни; разговорное слово *трезвенник* для носителя русского языка отражает скорее недостижение той степени склонности к употреблению спиртного, которая считается нормальной, чем соответствие ей. Тем не менее нарушения аксиологической нормы обычно обозначаются столь же большим количеством производных слов, как и нарушения нормы параметрической, в то время как соответствие ей может быть обозначено лишь одним или двумя словами (ср.: *трезвенник* (разг.) и *алкоголик*, *пьяница*, *выпивоха* (прост.), *запивоха* (прост.), *питух* (прост. шутол.), *пропойца* (прост.), *пьянчуга* (прост.), *выпивала* (прост.); *правдолюб* и *лжец*, *лгун* (*лгунья*), *враль* (разг.), *врун* (*врунья*) (разг.), *вруша* (прост.), *завирушка* (разг.), *завирала* (разг.), *завироха* (прост.), *брехун* (прост.), *надувала* (разг.); *бессребреник* и *сребролюбец* (устар.), *деляга* (разг., прост. пренебр.), *рвач* (разг.), *хапуга* (прост.), *обирала* (разг.), *обироха* (прост.)).

Отношение к норме количества статического или динамического признака лица выражено в семантике многих фразеологических оборотов, например: *баловень судьбы* (книжн.), *баловень фортуны* (книжн.), *не блещет талантом*, *вавилонская блудница* (книжн.), *боек на язык*, *бойкий на ногу* (прост.), *ботало коровье*, *бездонная бочка*, *бояться тележного скрипа* (прост.) и т. д.

Количество динамического признака одушевленного субъекта может быть представлено в языке с помощью глагольной лексики, отражающей процесс его накопления. Момент достижения этой нормы обозначается глаголами, образованными при помощи формантов *от-* и *от-...-ся*, которые представляют обозначенный ими процесс как заверченный в результате выполнения его субъектом определенной нормы, установленной извне или определенной способностями этого субъекта, например: *отбегать* (разг.), *отболеть* (чем) (разг.), *отбыть* (срок), *отгоревать*, *отгостить* (разг.), *отжить*, *отлюбить*, *отпеть*, *отработать* (разг.) (свое), *отстрадать*, а также: *отбегаться* (разг.), *отбомбиться* (разг.), *отвоеваться* (разг.), *отгуляться* (прост.), *отделаться* (разг.), *отдоиться* (разг.) (о корове), *откоситься* (разг.), *отловиться* (разг.) (о рыбаках), *отмаяться* (прост.), *отмучиться* (разг.), *отпахаться* (разг.), *отсеяться* (разг.), *отстрепаться* (разг.), *от-*

ездиться (разг.). Недостижение этой нормы может быть обозначено производными с префиксом *недо-*, которые образуются только от основ глаголов, обозначающих положительно оцениваемые процессы, например: *недожить*, *недолюбить*. В силу того, что границы этой нормы не зависят от субъекта действия, они не могут быть превышены, а сама норма имеет характер аксиологической нормы.

Наименования лиц по статическому или динамическому признаку могут вступать в отношения контрарной или контрадикторной антонимии в зависимости от того, отношение к какому типу нормы они выражают. Производные, обозначающие отклонения от параметрической нормы, образуют контрарные антонимические пары (например: *молчун* – *болтун*, *сидень* – *непоседа*, *верзила* – *коротышка*, *бродяга* – *домосед*, *простак* – *хитрюга*), в то время как один из членов комплементарных пар обозначает соответствие аксиологической норме (например: *добряк* – *злюка*, *знаток* – *невежда*, *чистюля* – *грязнуля*, *здоровяк* – *заморыш*, *отлюбить* – *недолюбить*). Особенностью нормы количества статического или динамического признака лица является то, что многие слова, обозначающие отклонение от этой нормы, не имеют однословных антонимов (например: *крикса*, *хапуга*, *подлюга*, *растеряша*, *драчун*, *притворяшка*, *вредина*, *баловень* и т. д.). Не образуют антонимических пар и многие глагольные производные с суффиксом *-от-* и конфиксом *от-...-ся* (*отгоревать*, *отмаяться*).

1. Апресян Ю. Д. Избранные тр.: в 2 т. М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. Т. 1. Лексическая семантика (синонимические средства языка). 472 с.

2. Арутюнова Н. Д. Аномалии и язык (К проблеме языковой «картины мира») // Вопросы языкознания. 1987. № 3. С. 3–19.

3. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999. 896 с.

4. Ефанова Л. Г. К вопросу о параметрических нормах // Вестник Томского государственного университета. 2013. Вып. 1 (21). Сер. Филология. С. 22–31.

5. Ефанова Л. Г. Норма видовой идентичности как фрагмент функционально-семантического поля нормы // Сибирский филологический журнал. 2011. № 2. С. 122–129.

6. Ефанова Л. Г. Норма результативности действия и особенности ее выражения в семантике языковых единиц // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2013. Вып. 3 (131). С. 129–133.

7. Ефанова Л. Г. Норма стабильности как фрагмент функционально-семантического поля нормы // Современная филология: теория и практика: материалы IX Международной науч.-практ. конф., Москва, 2–3 октября 2012 г. М.: Спецкнига, 2012. С. 56–59.

8. Ефанова Л. Г. Способы выражения семантики аксиологической нормы в русском языке // Теоретические и практические аспекты развития современной науки: материалы 5-й Международной науч.-практ. конф., Москва, 2–3 октября 2012 г. М.: Спецкнига, 2012. С. 166–170.

9. Федяева Н. Д. Нормы в пространстве языка. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2010. 181 с.

© Ефанова Л. Г., 2013

АНГЛИЦИЗМЫ В РЕКЛАМНОЙ НОМИНАЦИИ

В статье представлен анализ особенности семантики и основных функций псевдозаимствованных слов (англицизмов) в рекламном дискурсе последнего десятилетия.

Ключевые слова: англицизм, рекламный дискурс, имена собственные, рекламная номинация, варваризм.

Имя собственное в лингвистических исследованиях на сегодняшний день описано достаточно подробно. Однако с появлением в последние десятилетия относительно нового вида текста – рекламного, изучение номинатива получает дополнительные аспекты. Для языка последних десятилетий характерно активное освоение большого количества иноязычных языковых единиц. Начиная с 1990-х гг., в русский язык пришла лексика экономики, бизнеса, новых технологий. Зачастую ее появление и освоение обусловлено необходимостью обозначения новых реалий (*трейдер, лиценз, консалтинг*), но вместе с этим наблюдается тенденция появления слов в угоду языковой моде (*мейкап* вместо *вейжаж*, *коучер* вместо *тренер* и т. п.). Существенную роль в проникновении в русский язык иноязычных вкраплений играет реклама. Рекламный дискурс окружает носителя языка постоянно. Мы сталкиваемся с рекламой на улице, на работе, дома, на отдыхе. Пожалуй, нет такой сферы, куда бы ни проникла реклама.

Специфика рекламных текстов (далее – РТ) такова, что они естественным образом насыщены иноязычной лексикой разной степени освоенности. Некоторые элементы включаются в РТ обоснованно, поскольку являются именами собственными и называют известные иностранные бренды. *Кока-кола* и даже *Coca-cola* известна любому покупателю. Наряду с такой «вынужденной» интервенцией иностранной лексики можно наблюдать появление большого количества слов, подобных иноязычным, обладающих какими-либо признаками заимствований, но таковыми не являющимися. Например: *Lada Kalina, UAZ Patriot, Vega* – это очевидно русские слова в латинском написании. *Konka, Vitel, Elenberg* – слова, искусственно созданные для русскоязычной среды, они не заимствованы ни из одного языка, но своим написанием, фонетическим обликом напоминают иноязычные вкрапления. Бум новых номинаций, большое количество неологизмов и окказионализмов в рекламном дискурсе – все это является богатым материалом для работы лингвиста.

Специфика создания имени собственного в рекламе заключается в том, что оно должно быть зарегистрировано в Роспатенте. Поэтому к имени собственному в РТ предъявляется ряд особых внеязыковых требований.

«В качестве товарного знака (торговой марки, логотипа), в частности, не могут быть зарегистрированы:

- наименования или изображения товаров, в отношении которых испрашивается регистрация;
- общепринятые символы и термины той области, к которой относятся товары или услуги, в отношении которых испрашивается регистрация;

ANGLICISMS IN THE ADVERTISING CATEGORY

The paper presents an analysis of the characteristics of semantics and basic functions of the pseudo-loanwords (Anglicisms) in advertising discourse of the last decade.

Key words: Anglicism, advertising discourse, proper names, advertising nomination, barbarism.

– характеристики товаров или услуг, в том числе указывающие на их вид, качество, количество, свойство, назначение, ценность, а также на время, место и способ их производства или сбыта;

– форма товаров, которая определяется назначением товаров;

– государственные гербы, флаги и другие государственные символы и знаки;

– наименования международных и межправительственных организаций, их гербы, флаги, другие символы и знаки;

– официальные контрольные, гарантийные или пробирные клейма, печати, награды и другие знаки отличия;

– обозначения ложные или способные ввести в заблуждение потребителя относительно товара либо его изготовителя;

– обозначения, противоречащие общественным интересам, принципам гуманности и морали;

– обозначения, совпадающие или сходные с товарными знаками других лиц в отношении однородных товаров или услуг, без согласия этих лиц;

– обозначения, совпадающие или сходные с наименованием места происхождения товаров; обозначения, совпадающие или сходные с фирменным наименованием или коммерческим обозначением третьих лиц;

– обозначение, совпадающее или сходное с промышленным образцом, знаком соответствия, доменным именем;

– название известного в РФ произведения науки, литературы или искусства, названия персонажей, цитаты или фрагменты из произведения без согласия правообладателя;

– имя, псевдоним, портрет или факсимиле известного в РФ лица, без согласия этого лица или его наследника» (<http://www.russianpatent.info/znak/>).

Такой перечень ограничений сильно сужает лексикон, применимый при выборе нового имени товара, что, в свою очередь, является причиной повышенного интереса в рекламной номинации к специально созданным словам, рекламным окказионализмам. Природа этих окказионализмов различна:

– идиоматические выражения и фразеологические словосочетания (*Магазин выгодных покупок, Веселый молочник, Летний пуг*);

– различного вида аббревиации (*Моссельпром, Универсиада, Интерра*);

– аллюзивные названия (*Простоквашино, Маленькая фея*);

– варваризмы (*Vitel, Elenberg*).

Тяготение к той или иной модели образования неологизмов в сфере имен собственных обуславливается раз-

личными факторами, например политическим строем или актуальностью того или иного языка международного общения. В качестве иллюстрации влияния первого фактора можно назвать 1920-е гг.: для новых номинаций было характерно использование словообразовательных моделей различных аббревиаций (*Моссельпром, Резинотрест, Торгсин* и пр.) и принципиальное отторжение иностранной лексики как чуждой классовому самосознанию. Второй фактор хорошо иллюстрируется волнами заимствований из французского, немецкого, а затем английского языков на протяжении XIX–XX вв. Языковая конъюнктура последних лет характеризуется повышенным интересом к заимствованиям из английского языка или неологизмам, «маскирующимся» под них варваризмам. Варваризмы как один из видов англицизмов стали характерным признаком качества, новизны, статуса товара.

Варваризм – это (греч. *barbarismos*) иноязычное слово или выражение, не до конца освоенное заимствующим языком, чаще всего в связи с трудностями грамматического освоения [1, с. 12]. Очевидно, что необоснованное применение варваризмов загрязняет родной язык. От других иноязычных заимствований варваризмы отличаются и тем, что имеют «иностраный» облик, резко выделяющий их на фоне русской лексики; в отличие от экзотизмов большинство варваризмов обозначает понятия, которые имеют в русском языке наименования; в отличие от иноязычных вкраплений варваризмы носят окказиональный характер, они лишены стилистической окраски книжности, научности. Варваризмы только условно можно отнести к заимствованной лексике, имеющей ограниченную сферу употребления; на самом же деле они остаются за пределами русского словаря [3, с. 75].

Варваризмы широко изучены в своей природе, функциональности, происхождении [2, 4, 5], но простые, хрестоматийные явления обретают в рекламе новое звучание, требуют внимательного изучения. В рекламных текстах регулярно встречаются вкрапления латиницы. На первый взгляд это типичные варваризмы, причина появления которых – неосвоенность имени собственного или термина русским языком (*Snickers, silk apil control*), отсутствие его русского аналога или требование хозяина имени в точности его воспроизведения (указания брэнд-бука).

Чаще всего варваризмы используются в номинациях: *Vitek, Rolsen, Bork, Kaiser, GreenField, Faberlic, Carlo Pazolini, Carnaby, Chester, Erich Krause, Baon, Motor* и прочее (<http://www.bochafreebsd.livejournal.com/307473.html>) – на самом деле это отечественные фирмы, имеющие названия псевдозаимствованные, т. е. созданные искусственным путем.

Как показывают наблюдения, данные номинотивы не определяются носителями языка как искусственные и не выделяются из ряда действительно иноязычных названий. Так, студенты филологического факультета затруднились выделить из предложенных рядов слова искусственного происхождения, что косвенно указывает на восприятие варваризмов как естественных заимствований:

1. *Vitek, Bork, Ariston, Bosh, Scarlett, Kaiser, Hansa, Gorenje, Rolsen, Vigor.*

2. *Erich Krause, Parker, Koh-i-nor, Bic, Zebra.*

3. *Salamander, Westfalika, Ralf Ringer, Carlo Pazolini, TJ Collection, Naf-naf, Motor.*

4. Lipton, GreenField, Dilmah, Riston.

Среди предложенных названий искусственно созданными, т. е. варваризмами, являются: *Carlo Pazolini, Westfalika, Motor, TJ Collection, Ralf Ringer, Scarlett, Hansa, Kaiser, Vigor, Rolsen, Bork, Vitek, Zebra, Erich Krause, GreenField*. При этом можно отметить стабильное уважительное отношение носителей к брендам отечественным, но звучащим на иностранный манер. Несомненно, само качество товаров оказывает влияние на такое отношение, но все же это процесс челночный: предпочтение в выборе товара зависит от предварительного интереса к его имени.

Для лучшего понимания природы данных варваризмов можно обратиться к советскому периоду истории. В тот период, когда отечественные бытовые товары часто не отличались высоким качеством, существовала категория, желанная для покупателей, пользующаяся повышенным спросом, – это были экспортные товары. Потребитель отмечал существенную разницу между качеством автомобиля Лада для внутреннего рынка и автомобилем Lada, предназначенным за рубеж. Отличительным признаком такой категории товаров были названия выполненные латиницей – для прочтения имени иностранным потребителем: *Lada, Sputnik, Volga*. Таким образом формировался покупательский стереотип: товар с «нерусским» названием качественнее, лучше, чем его аналог. Развитие данного стереотипа можно было наблюдать в перестроечные годы: ряд производителей электроники неожиданно перешел на написание своего имени латиницей, появились *Sokol, Vityaz, Izumrud*. Данные продукты не планировалось поставлять за рубеж, они были не конкурентноспособны, но на внутреннем рынке воспринимались с большей благосклонностью.

Наравне с необходимостью подобрать имя новому товару, англицизмы часто используются для «обновления» уже известной характеристики, качества или товара. Особенностью варваризмов является возможность представить уже существующий, известный, «обычный» объект действительности как новый, технически более сложный и интересный.

Во власти качества

Бесшумная и бережная стирка

Стиральная машина с барабаном Direct Drive

Aq NANO – защита белья от бактерий. **Direct Drive** – барабан с прямым приводом **Mama-care** – особая мягкая стирка детской одежды

Лиза 2001

Direct Drive – в переводе «прямой привод». Реклама дает перевод данного свойства, но никак не поясняет его специфику, необходимость индивидуальной номинации. **Mama-care** можно дословно перевести как «мама-уход» или «мамин уход» за вещами, что должно прочитываться как метафора бережного ухода. Получаем противопоставление: у других может быть бережный уход, но «мамин уход» характерен только для рекламируемой машины, раз ему присвоено индивидуальное имя.

Новые холодильники Indesit. Что-нибудь новенькое каждый день!

FORMA Если Вы примеряете 100 нарядов, прежде чем найдете нужный, тогда Вам точно понравятся но-

вые возможности холодильников **Indesit Forma**. Например, «**Pick&Change**» – практичные балкончики, которые Вы сможете без труда перемещать и устанавливать на нужную высоту, в соответствии с Вашими потребностями. Или «**Flex Cool**» – мобильный контейнер с температурой около 0 °С, который надолго обеспечивает свежесть продуктов. А также новая форма для льда «**Easy Ice**», которая оптимизирует внутреннее пространство холодильника. Новые холодильники класса А с минимальным энергопотреблением сэкономят Ваши силы и подарят Вам больше времени для любимых покупок!

МН 2002

В рекламе холодильника давно применяемые технологии, известные приспособления получают индивидуальные названия, что должно показывать их эксклюзивность, инновационность: **Pick&Change** (дословно: выбрать и изменить) – балкончики в дверце холодильника, которые используются в любом подобно товаре. **Flex Cool** (изменяемая прохлада) – мобильный контейнер, позволяющий локально охлаждать продукты. **Easy Ice** (легкий лед) – известные по любому холодильнику формочки для льда. Как видно из примера, широко известные элементы товара получают новые названия на иноязычный манер, что создает эффект новизны.

Наблюдение за особенностями использования варваризмов в рекламной номинации в целом показывает, что современное использование варваризмов можно считать

осознанным «нарушением», особым коммуникативным приемом, нацеленным на повышение статуса номинируемого объекта или на решение проблемы регистрации уникального имени. Эти функции прочно укрепились в рекламной номинации за последние годы.

1. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М., 2011. 576 с.

2. Баш Л. М. Дифференциация термина «заимствование»: хронологический и этимологический аспекты // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 1989. № 4. С. 22–34.

3. Голуб И. Б. Стилистика русского языка. 4-е изд. М.: Айрис-пресс, 2002. 448 с.

4. Крысин Л. П. Иноязычные слова в современном русском языке. М., 1968. 208 с.

5. Хабургаев Г. А. Заимствование как проблема лексикографии и исторической лексикологии русского языка // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 1989. № 4. С. 14–27.

© Крылов Ю. В., 2013

УДК 81.37
U.D.C. 81.37

К ВОПРОСУ О ВЗАИМОСВЯЗИ ВЕЖЛИВОСТИ И КАТЕГОРИЧНОСТИ

В статье выявляется культурологически обусловленная взаимосвязь английской вежливости и смягчения категоричности высказывания. Рассматриваются основные языковые средства реализации стратегий вежливости в английском языке.

Ключевые слова: вежливость, категоричность, высказывание, стратегия дистанцирования

Вежливость можно определить как универсальную коммуникативную категорию, представляющую собой сложную систему национально-специфических стратегий, направленных на гармоничное, бесконфликтное общение и соответствующих ожиданиям партнера. Национальная специфика, несомненно, определяет стратегии поведения и речи. Русская и английская вежливость имеют разную направленность и функциональную значимость: английская вежливость направлена на партнера по коммуникации; русская в большей степени замыкается на субъекте. Демонстративная вежливость является неотъемлемой чертой коммуникативного поведения англичан; русскими демонстративная вежливость оценивается отрицательно, в большей степени они ценят естественность и искренность [2, с. 160].

П. Браун и С. Левинсон вводят такие понятия, как *позитивная вежливость* и *негативная вежливость*, которые имеют противоположную направленность. Первая основа-

ON RELATION OF POLITENESS AND CATEGORICALNESS

Culturally conditioned interconnection between English politeness and mitigation of categorical statements is revealed. The basic language means of politeness strategies in English are considered.

Key words: politeness, categoricalness, statement, strategy of distancing.

на на сближении, вторая – на дистанцировании. Каждый из этих типов вежливости представляет собой систему коммуникативных стратегий, при помощи которых достигаются основные цели вежливого общения [5, р. 61].

Британский национальный характер, составляющими которого являются сдержанность в высказываниях, мягкость и нейтральность оценок, минимум отрицания и, конечно же, вежливость, объясняет склонность англичан к использованию некатегоричных высказываний в речи [1, с. 137].

Л. В. Топка справедливо отмечает, что категоричность возникает в коммуникации и реализуется на всех уровнях языковой системы. Соответственно, средством ее текстовой репрезентации служит высказывание, для которого характерна либо решительность и уверенность (*категоричность*), либо сомнение и робость (*некатегоричность*). Считается, что для английской речевой культуры более свойственно проявление «негативной вежливости», исхо-

дящей из стратегий «сохранения негативного лица» (необходимость быть независимым, обладать свободой действий). Стратегии отдаления (*negative politeness strategies*) нацелены на социальное дистанцирование, на соблюдение межличностных границ общения [6].

В соответствии с данными стратегиями в английской коммуникативной культуре сформировались черты поведения, отражающие проявление особой содержательной категории, которую называют «личная автономия» («коммуникативный суверенитет», «приватность» (*privacy*)) [3; 4].

Коммуникативный суверенитет личности выступает в качестве ценностного ориентира в британской культуре, в отличие от русской. Некатегоричные высказывания участников диалога способствуют сохранению личной автономии, являются проявлением вежливости и толерантности, определяемых в качестве лингвокультурологических характеристик в британской коммуникативной культуре. Стратегии дистанцирования играют большую роль в выражении сомнения и неуверенности, что формирует область функционального пересечения категорий *вежливость* и *категоричность*.

Основными языковыми средствами реализации стратегий вежливости в английском языке являются: модальные модификаторы; смещение временного плана; пассивный залог; сослагательное наклонение; вопросительные конструкции.

Маркеры модальности могут выполнять как функцию смягчения (в англоязычной литературе их называют *downgraders*), так и усиления (*upgraders*). Для реализации стратегий дистанцирования главным образом привлекаются *downgraders*. Смягчение (*mitigation*) называется важнейшим средством взаимодействия в разговорной речи (*basicinteractive dimension of spoken language*) [6, p. 185]. Например: *Maybe you should accept this invitation* (Возможно, тебе следовало бы принять его приглашение); *I consider you should drive more carefully* (Я считаю, тебе следовало бы ездить более осторожно). В приведенных высказываниях на снижение категоричности «работают» не только маркеры модальности (*возможно; я считаю*), но и формы сослагательного наклонения (*следовало бы*). Ср.: *Тебе следует...* – высказывания в такой форме приобретают характер категоричного приказа.

Лексико-синтаксические модификаторы (*I think / I suppose / I guess / I believe*) служат важным средством снижения прямолинейности высказывания, с их помощью говорящий субъективирует свое мнение и оценку. Другими словами, они используются для реализации стратегий «выражайтесь косвенно», «будьте уклончивы». Употребление в побудительных речевых актах модификаторов со значением сомнения, предположительности, сожаления: *I am afraid* (боюсь), *maybe* (может быть), *perhaps* (возможно), *probably* (наверное), *possibly* (вероятно) – вносит в высказывание долю сомнения в возможности (в просьбе) или необходимости (в совете) реализации побуждаемого действия.

Грамматическим средством снижения прямолинейности высказывания является также смещение временного плана глагольных маркеров модальности: чаще это употребление форм прошедшего времени вместо настоящего. Ср.: *I think it will be nice to have a picnic* (букв.: Я думаю, не-

плохо было бы устроить пикник); *I thought it would be nice to have a picnic* (букв.: Я подумал, неплохо было бы устроить пикник); *I hope you can offer me a job* (букв.: Я надеюсь, что ты можешь предложить мне работу); *I was hoping you could offer me a job* (букв.: Я надеялся, что ты смог бы предложить мне работу).

Использование прошедшего времени вместо настоящего делает высказывание менее категоричным. Происходит разрыв между действием, названным в высказывании, и действительностью. В результате намерение говорящего как бы теряет свою актуальность, а действие, к которому он побуждает, – обязательность исполнения.

Подобное встречается и в русской речи, хотя использование формы прошедшего времени вместо настоящего далеко не всегда продиктовано исключительно стремлением говорящего избежать категоричности или стремлением к подчеркнутой вежливости. Ср.: *Я хочу пригласить тебя в кино.* – *Я хотела пригласить тебя в кино.*

Использование форм сослагательного наклонения является для англичан одним из самых распространенных средств вежливого общения. Так, эти формы широко используются в высказываниях, содержащих просьбу, сформулированную через вопрос. Вопросы с *could / would* звучат менее категорично, более вежливо, чем с *can / will*, поскольку в них выражается большая доля сомнения в возможности или желании адресата совершить действие, в результате чего ему предоставляется возможность выбора, что уменьшает степень воздействия на него. Ср.: *Can you help me with this problem?* (букв.: Можете ли вы мне помочь с этой проблемой?); *Could you help me with this problem?* (Не могли бы вы мне помочь с этой проблемой?).

Пассивный залог как способ обезличивания адресата позволяет англоговорящим избежать приказного тона высказывания, уйти от признающего невежливым давления на собеседника. Например: *You are not supposed to smoke here* (Здесь курить не предполагается).

Как известно, пассивный (страдательный) залог (*Passive Voice*) используется, если нет необходимости называть исполнителя действия, который подразумевается из контекста или же ясен из той или иной ситуации. Пример с правилом о запрете курения показывает, что важнее не исполнитель, а его действие. Обезличивание адресата делает просьбу менее категоричной, а значит, более вежливой, менее опасной в плане сохранения коммуникативной стабильности.

Традиционно вежливой в английской культуре признается вопросительная форма побуждения или просьбы. Вопрос в данном случае является средством снижения категоричности и позволяет говорящему смягчить «давление» на адресата. Например: *Do you think I could use your pen?* (Ты думаешь, я могу воспользоваться твоей ручкой?). Семантика высказывания расходится с прагматикой: в функциональном плане в нем содержится не вопрос о мнении собеседника, а стремление смягчить просьбу – побуждение (ср.: *Дай мне свою ручку; Разреши мне воспользоваться твоей ручкой*), что и достигается путем оформления высказывания в виде вопроса о мнении адресата.

Рассмотренные примеры являются свидетельством того, что языковые средства реализации стратегий веж-

ливости в английском языке имеют статус средств снижения категоричности высказывания: вежливость связана с некатегоричностью выражения мнения говорящего, адресованной собеседнику просьбы, а также запрета осуществления каких-либо действий. Иными словами, вежливость по-английски – это некатегоричность, забота о сохранении лица собеседника, следование принципу дистанцирования в общении.

Таким образом, вежливость и категоричность, будучи универсальными и полисемантическими понятиями общего лингвокультурологического поля, напрямую соприкасаются функционально. Взаимосвязь этих категорий особенно ярко проявляется в контексте реализуемой англоговорящими стратегии дистанцирования (сохранения социального лица, соблюдения межличностных границ общения); негативная вежливость, характерная для англичан, предполагает некатегоричность высказываний.

1. Азарова Л. В. Лексические средства выражения некатегоричности высказываний // Системное описание лексики

германских языков. Вып. 5. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1985. С. 137–140.

2. Ларина Т. В. Категория вежливости и стиль коммуникации: Сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций. М.: Языки славянских культур, 2009. 507 с.

3. Прохвачева О. Г. Лингвокультурный концепт «приватность» (на материале американского варианта английского языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2000. 24 с.

4. Стернин И. А. Коммуникативное поведение в структуре национальной культуры // Этнокультурная специфика языкового сознания. М., 1996. С. 97–112.

5. Brown P., Levinson S. Universals in Language Use: Politeness Phenomena // Questions and Politeness Strategies in Social Interaction, ed. Esther N. Goody. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1978(1987). P. 56–310.

6. Stubbs M. Discourse Analysis: the Sociolinguistic Analysis of Natural Language. Oxford: Blackwell Publishers, 1983. 279 p.

© Малышкин К. Ю., 2013

УДК 81.37
U.D.C. 81.37

М. Н. Никонова
M. N. Nikonova

ДЕТЕРМИНОЛОГИЗАЦИЯ ТЕХНИЦИЗМОВ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Статья посвящена функционированию детерминологизированной лексики в современном русском языке. На примере слов и сочетаний «технической» семантики (техницизм), выступающих в качестве средства экспрессивной характеристики человека при создании его образа в русской языковой картине мира, рассматривается такой динамический процесс как вторичная антропологизация, т. е. влияние на язык различных картин мира, в том числе технической.

Ключевые слова: детерминологизация, техницизм, экспрессив, вторичная антропологизация, русская языковая картина мира.

DETERMINOLOGIZATION OF TECHNICAL WORDS IN THE MODERN RUSSIAN LANGUAGE

The article is devoted to the functioning of determinologized lexis in the modern Russian language. On the example of the words and word-combinations of «technical» semantics (technical words), which are the means of expressive characteristic of the man by creating his image in Russian language world picture, such dynamic process as the secondary anthropologization, that is the influence on the language of different world pictures, including technical, is considered.

Key words: determinologization, technical word, expressive, secondary anthropologization, Russian language world picture.

Человек концептуализирует новые образы мира, в частности, в ходе рефлексии, носящей систематический характер, образ самого себя, используя для этой цели уже существующие языковые единицы, в том числе техницизмы; следствием этого является изменение выполняемых ими функции и осложнение, трансформация их семантики, а учитывая специальный характер технической лексики, в определенной степени терминологичный для исконной сферы использования, можно говорить о ее деспециализации и детерминологизации.

К числу универсальных средств создания языковой картины мира (далее – ЯКМ) относится метафора, выполняющая роль призмы, через которую совершается мировидение [12]. Наша обыденная понятийная система, которая играет центральную роль в определении повседневной ре-

альности, повседневного опыта и повседневного поведения, метафорична по своей сути (Дж. Лакофф, М. Джонсон, А. П. Чудинов, Н. Д. Арутюнова, В. Н. Телия, Ю. Н. Караулов, Ю. С. Степанов и др.). А. П. Чудинов отмечает, что «метафорические модели заложены в понятийной системе человеческого разума, это своего рода схемы, по которым человек думает и действует», и важно то, что «метафорическое зеркало отражает не реальное положение дел... а его восприятие в национальном сознании» [14, с. 31, 211]. Как отмечают лингвисты, «совмещать в метафоре сущности разных логических порядков и онтологических гетерогенных» [17, с. 188] позволяют принципы, напрямую зависящие от познающего субъекта: принцип антропоцентричности, в соответствии с которым человек находится в центре всего и всегда, принцип антропометричности:

он – мера всех вещей, и принцип фиктивности (подмены: *ais ob* И. Канта («как если бы»); при буквальном прочтении, понимании метафоры возникнет логическая ошибка). «Человек всегда, – пишет Жоль, – стремится абстрактное интерпретировать в терминах чувственного опыта, соотнося трансцендентное со своим жизненным опытом посредством аналогии, сопровождая ее (при наличии критического подхода) использованием принципа фиктивности» [5, с. 127].

Лингвистами обнаружены регулярные типы метафорических переносов, которые отражают сближение элементов действительности (фрагментов картины мира), характерное для коллективного русского языкового сознания, так как образы, в которых осмысливается мир, как правило, стабильны и универсальны внутри одной культуры (см. работы В. Г. Гака, В. Н. Теля, Н. А. Лукьяновой, В. П. Харченко, Г. Н. Скляревской и др.). Г. Н. Скляревская и др. отмечают, что метафора как феномен языка создает отнюдь не фрагмент ЯКМ, но организует ее и заполняет все ее пространство [10, с. 79; 17, с. 179], хотя и неравномерно. Так, самым активным источником метафоры является сфера неодушевленных реальных предметов; объектом регулярной метафоризации могут быть все стороны бытия: от конкретной вещи до абстрактных категорий. Не метафоризируется лексика таких сфер, как психический мир и абстракция. Это автор объясняет тем, что источником метафоры должен быть чувственно воспринимаемый предмет (или явление), вычленяющий семантический компонент, преобразующийся в символ метафоры, без которого она невозможна [10, с. 100].

«Для новых аналогий, новых метафор язык нуждается в постоянных резервах. И специальная терминология является именно таким практически неисчерпаемым источником для новых осмыслений, сравнений, новых способов речевого выражения» [9, с. 171], потому что необходимость преодоления исходной несовместимости совмещаемых понятий и представлений обеспечивает особую экспрессивность данной языковой единицы, «именно контрастность специального и неспециального языка делает столь значительным их столкновение» [7, с. 166].

Проблемам взаимодействия терминологии и общелитературного языка, развитию общелитературной лексики русского языка за счет пополнений из лексики специальной посвящены работы Ю. С. Сорокина, Ю. А. Бельчикова, Н. С. Никитченко, Д. Н. Шмелева, Л. А. Капанадзе, Ф. П. Сороколетова, И. А. Стернина, А. Н. Кожина и др.

В качестве основного способа семантической деривации термина выступает его детерминологизация. Процесс этот в русском языке протекает достаточно давно, в связи с чем в ряде работ рассматривается при описании диахронного развития русской лексики. Так, Ф. П. Сороколетов отмечает некоторые случаи переносного употребления военной лексики в XI–XVII вв.; Ю. С. Сорокин фиксирует переносное употребление среди прочих собственно-технических (производственных) терминов и военной лексики в период 1830–1890-х гг., причем он делает вывод, что это употребление не получает еще большого развития в это время; присутствует только несколько типичных случаев, например, связанных с употреблением некоторых терминов

военного дела: *арсенал*, *маневрировать* и др. и терминов механики: *механизм*, *махина* (*машина*), *аппарат* и др.; Ю. А. Бельчиков, анализируя состояние русского литературного языка в условно выделяемой 2-й пол. XIX в., указывает на весьма интенсивное вхождение в литературную речь, а именно в неспециальные контексты публицистических и художественно-беллетристических произведений, некоторых переосмысленных технических терминов [2, с. 169]; А. М. Селищев констатирует прочное закрепление многих первоначально «военных» терминов в общелитературном языке революционной эпохи; также об экспансии военной лексики в различные сферы общего употребления пишут А. Н. Кожин и П. Я. Черных.

О детерминологизации технической лексики в современном русском языке, о «метафорической экспансии» некоторых первоначально технических терминов упоминают в своих исследованиях многие отечественные лингвисты. Так, Д. Н. Шмелев отмечает, что еще в первые после-революционные годы широкое употребление в переносных значениях получили такие слова, как *смычка*, *спайка*, *ячейка* (ср. *спайка проводов*, *смычка рельсов*, *ячейка сети*) [9, с. 66], также он говорит о том, что в языке как указанного периода, так и последующего отразился милитаристский характер нашей страны и сопровождающая его повсюду идея классовой борьбы. В подтверждение приведены «воинственные» метафоры: *торпедировать*, *обойма* и др. [9, с. 106; 16, с. 4–17]. Об этом пишут также Л. А. Капанадзе, В. Н. Прохорова, Ю. Н. Филиппович и О. Л. Ермакова, которая отмечает, что «фразеологизируются составные термины, принадлежащие к различным терминосистемам, но явное предпочтение отдается терминам техники и точных наук», причем «большая группа составных терминов – прототипов фразеологических единиц обозначает орудия деятельности по освоению материального мира, машины, механизмы, устройства, а также действия, связанные с их использованием» [4, с. 10]; анализируя продуктивность конкретных тематических групп, отмечает группу военных терминов, например *бомба замедленного действия*, и части механизмов. В работе Т. А. Усковой рассматривается словосочетание *ветряная мельница* в значении лица, характеризующегося отрицательным признаком [13]; об активном характере деспециализации терминов в языке газеты пишет Е. В. Какорина, отмечая среди преимущественных областей заимствования «компьютерную» терминологию [6, с. 84].

В ряде работ тематическая группа (далее – ТГ) техникizмов привлекается в качестве «демонстрационного» материала при анализе различных лексико-семантических процессов; например, Н. С. Никитченко, выделяя 26 ТГ лексики, относящихся к разным областям знаний и деятельности, в которых идет активный процесс детерминологизации, среди прочих отмечает техническую, и более подробно рассматривает показательную, по его мнению, в аспекте семантической модификации частную группу технической лексики – электротехническую, а именно такие слова, как *аккумулятор*, *вольтаж*, *вполнакала*, *индуктор* [8]; А. С. Сычевым выделены 2 ТГ слов, наиболее часто встречающиеся в газете и формирующиеся за счет жаргонно-

просторечных элементов, среди которых автор упоминает и техницизмы: обозначения лиц, выполняющих те или иные функции в составе различных преступных группировок, коммерческих структур, правоохранительных органов и т. п.: *челноки, шкафы*; и глаголы, обозначающие поведение лиц или характер их деятельности: *наехать на кого-либо, вырубить кого-либо, колотья (давать показания)* [11, с. 18]. Л. К. Граудина, рассматривая семантические преобразования языковых единиц в пограничных зонах литературного языка, делает вывод о расширении взаимодействия между профессионально-технической, научной и публичной речью; под пограничными зонами понимаются каналы связи между стилями; автор отмечает, что в роли посредника между профессиональными сферами языка и его письменной общелитературной разновидностью выступает газета и что «процесс миграции терминов из одного стиля в другой и переход из одного семантического воплощения к другому отличается своеобразием: в новой стилистической среде ассимилируется не вся смысловая структура термина в целом... чаще развиваются потенциальные возможности, которые определяют его новые синтагматические связи, переосмысление термина происходит в процессе неточного воспроизведения его смысла» при использовании его как сильного стилистического средства [3]; В. Н. Шапошников, рассматривая синонимические отношения слов в русской речи 1990-х гг., в качестве примеров использует пары: *наезд – давление; наехать – надавить, напасть; торпедировать – препятствовать; челнок – торговец* [15, с. 189–222].

Детерминирующие термины составляют в современном русском общелитературном языке одну из нескольких функциональных групп терминов: включения в образно-переносном употреблении, обусловленные ассоциативным характером мышления, связанные не с профессионально-денотативными контекстами и не со стилистическими сопоставлениями, а с общей тенденцией языка к экспрессивности [9, с. 166] и свидетельствующие, во-первых, о своеобразном семантико-стилистическом перерождении терминов [1, с. 17], а во-вторых, о способности языка использовать каждую возможность, каждое языковое средство для выражения новых значений и о динамике языка в целом.

1. Бабкин А. М. Новый академический словарь русского языка. Проспект. Л.: Наука, 1971. 41 с.

2. Бельчиков Ю. А. Русский литературный язык во второй половине XIX в. М.: Высш. шк., 1974. 192 с.

3. Граудина Л. К. Семантические преобразования языковых единиц в пограничных зонах литературного языка // Русские языковые значения в функциональном и эстетическом аспектах. Виноградовские чтения XIV–XV. М., 1987. С. 33–47.

4. Ермакова О. Л. Фразеологические единицы современного русского языка, восходящие к составным терминам (состав и функционирование): дис. ... канд. филол. наук. Томск, 1989. 183 с.

5. Жоль К. К. Язык как практическое сознание. Киев, 1990. 238 с.

6. Какорина Е. В. Трансформация лексической семантики и сочетаемости (на материале языка газет) // Русский язык конца XX столетия (1985–1995). М., 2000. С. 67–89.

7. Лексика современного русского литературного языка. М.: Наука, 1968. 185 с.

8. Никитченко Н. С. Семантическая продуктивность термина // Новые слова и словари новых слов. Л., 1983. С. 111–117.

9. Русский язык и советское общество. Лексика современного русского литературного языка. М., 1968. 185 с.

10. Скляревская Г. Н. Метафора в системе языка. СПб., 1993. 151 с.

11. Сычев А. С. Жаргонно-просторечные элементы в газетно-публицистической речи // Городская разговорная речь и проблемы ее изучения: Межвузовский сб. науч. тр. Омск, 1997, Вып. 2. С. 17–20.

12. Телия В. Н. Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке. М.: Наука, 1988. С. 173–203.

13. Ускова Т. А. Образование фразеологизмов на базе терминологических сочетаний // Язык и общество: отражение социальных процессов в лексике. Саратов, 1986. С. 112–119.

14. Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: Когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000). Екатеринбург: УрГПУ, 2001. 238 с.

15. Шапошников В. Н. Русская речь 1990-х. Современная Россия в языковом отображении. М.: МАЛП, 1998. 243 с.

16. Шмелев Д. Н. Очерки по семасиологии русского языка. М.: Просвещение, 1964. 243 с.

17. Языковая номинация: Общие вопросы. М.: Наука, 1977. 260 с.

© Никонова М. Н., 2013

РАССКАЗ «АВАНПОСТ ПРОГРЕССА» КАК ПРОГРАММНОЕ ПРОИЗВЕДЕНИЕ ДЖОЗЕФА КОНРАДА

В статье анализируется сюжет, система характеров, идея рассказа «Аванпост прогресса». Цель статьи – выявить выраженную в них мировоззренческую позицию Джозефа Конрада.

Ключевые слова: цивилизаторская миссия, деградация, предательство.

“AN OUTPOST OF PROGRESS” AS A MANIFESTATION OF JOSEPH CONRAD’S OUTLOOK

In this article the plot, the system of character presentation, the message of the short story “An Outpost of Progress” are considered. The basic objective of the analyses is to reveal the peculiarities of Joseph Conrad’s outlook.

Key words: civilizing mission, degradation, treachery.

В творческом наследии Джозефа Конрада (1857–1924) рассказы составляют не самую большую, хотя и существенную часть.

Кажется, вся история жизни Конрада предопределила его приверженность неоромантическому направлению. Глубокое влияние на формирование характера писателя оказали впечатления и переживания, полученные им в детстве. Высланные в Вологду родители мальчика, принимавшие участие в подготовке польского восстания 1863 г., рано умерли. Их смерть, сначала матери, а затем и отца (он умер уже по возвращении в Польшу, в 1868 г.), была страшным потрясением для мальчика. Исследователи творчества писателя нередко утверждают, что ранняя смерть родителей создала в психике ребенка определенный комплекс, характерный для детей, чувствующих себя брошенными, оставленными. Отсюда – желание найти сильного защитника, сублимировавшееся в создание характеров сильных личностей (См., например, John McClure Kipling and Conrad. L., 1981)

Конечно, гибель родителей была тяжким ударом, но дядя Юзефа (тогда в Польше он был Юзефом Коженевским, а не Джозефом Конрадом) и другие родственники постарались заменить мальчику родителей, окружили его самой бережной заботой.

На наш взгляд, трагические переживания детства породили в будущем писателе не только и не столько комплекс заброшенности, сколько другие, более сложные эмоции и устремления: желание почувствовать себя свободной личностью, закалить свою волю, испытать себя в условиях суровой морской жизни.

В своих произведениях Конрад будет изображать героев, стремящихся сохранить честь, мужество и достоинство при любых обстоятельствах. Для писателя всегда будут характерны ненависть ко всяким проявлениям насилия над личностью, неприятие любых форм национального и расового угнетения, будь то политика царизма в Польше или политика Англии в Африке.

Программным в этом отношении является рассказ «Аванпост прогресса» (An Outpost of Progress, 1897).

В начале рассказа читателям представляют трех основных персонажей: «Заведовали торговой станцией двое белых. Кайер – начальник – коротенький и толстый человек; Карлье – помощник – высокого роста, с большой голо-

вой и очень широким торсом, насаженным на длинные тощие ноги. Третьим служащим был негр из Сьерра-Леоне, утверждавший, что его имя – Генри Прайс. Однако туземцы с низовьев реки называли его почему-то Макола, и это имя неотступно следовало за ним во время всех его скитаний по стране» (с. 242) (здесь и далее цит. по [1]).

Завязкой сюжета становится сцена встречи основных персонажей. «Директор приказал поставить крест на могиле первого агента, а на пост заведующего назначил Кайера. Карлье был принят помощником. Директор был человек жестокий и энергичный, по временам – но почти незаметно – позволявший себе мрачно шутить. Он обратился с речью к Кайеру и Карлье, указывая им на славную будущность станции. Ближайший торговый пост был расположен на расстоянии трехсот миль. Им представлялся исключительный случай отличиться и заработать несколько процентов на проданных товарах. Для начинающих это назначение являлось благодеянием» [С. 243].

Развитие сюжета идет неторопливо. Описывается жизнь и поведение Кайера и Карлье в начале их службы. Включая в свое повествование прошедшее время, автор рассказывает о прежней жизни героев, о причинах, вынудивших их приехать в глухой уголок Африки. «Чтобы заработать приданое для своей девочки, он (Кайер) бросил службу в телеграфном ведомстве, хотя благоденствовал там семнадцать лет... Карлье бросил армию и до такой степени опротивел семье своей ленью и бесстыдством, что отчаявшийся зять сверхчеловеческими усилиями добился для него места второклассного агента компании» [С. 246].

Если бы оба они, Кайер и Карлье, хотя бы в малой степени были способны осознать своё ничтожество, вероятно, они вызывали бы жалость. Но высокомерное презрение, с каким они относились к вождю соседних деревень старому Гобиле, чья доброта, в сущности, поддерживала их существование (а они называли его «старая образина»), не оставляет в душе читателя места добродушию.

Кульминация рассказа – предательство, которое совершает третий служащий компании – негр Макола – с молчаливого согласия Кайера и Карлье. Ради получения прибыли (в данном случае больших слоновых бивней) проданы рабочие станции, причинен огромный урон деревне Гобилы.

Развязка следует очень быстро. Кайер и Карлье получают за подлость воздаяние. Станция оказывается изоли-

рованной. Белые люди дичают. Кайер убивает Карлье, а услышав гудок парохода, возвещающего приезд директора компании, кончает с собой.

Повествование в рассказе безлично, автор как бы растворен в тексте. Но его отношение к происходящему никак не зашифровано. Ирония звучит в каждой фразе, характеризующей деятельность белых людей. Она есть уже в заглавии рассказа – «Аванпост прогресса» – ведь ни о каком прогрессе не может быть и речи, если его несут такие ничтожества, как Кайер и Карлье. Ирония видна и в написании с заглавной буквы слова «Великая» компания. Ничего великого эта компания не производит и не совершает.

Ирония по отношению к цивилизаторской миссии Карлье и Кайера есть и в словах директора компании: «Посмотрите на этих двух идиотов! С ума они, что ли, там посходили, что прислали мне таких субъектов... Я всегда считал станцию на этой реке совершенно бесполезной, а они как раз к ней подходят» [С. 244].

Презрение, смешанное с жалостью, звучит в авторских характеристиках Кайера и Карлье. Автор называет их маленькими, ничтожными людьми. В предложении «Оба они ничего не делали, решительно ничего» [С. 247] два раза повторяет слово *ничего*, подчеркивая апатию, бездеятельность, лень того и другого.

Сохраняя полную объективность, Конрад не пытается идеализировать и туземных жителей. Несколько снисходительно, но и с большой симпатией пишет он о добряке Гобиле. «В обращении Гобилы и в самом деле сквозило что-то отеческое, и он как будто любил всех белых. Они все казались ему очень молодыми, все были на одно лицо (различить их можно было только по фигуре), и он знал, что все они братья и что они бессмертны... Гобила внимательно присматривался к ним. Быть может, в них обитало то же существо, что и в том, другом, или один из них был тем, другим. Он не мог решить, не мог раскрыть эту тайну, но все время настроен был дружелюбно» [С. 249–250].

Не без иронии характеризуется автором хитрый, пронырливый Макола. Он, например, ни разу не говорит прямо, что обменял рабочих со станции на партию слоновых бивней. Вместо этого он рассказывает о том, какие хорошие слоновые кости ему предложили. О том, как он разрешил взять в обмен на них то, что торговцам было нужнее всего. Торговцам нужны были до зарезу носильщики, от рабочих Макола никакого толку не видел, вот он и совершил сделку, да еще и в книгах не оставил никаких записей. Ма-

кола очень себе на уме и умеет уязвить своего белого начальника. «Вы очень раскраснелись мистер Кайер. Если вы будете так горячиться на солнцепеке, вы схватите лихорадку и умрете – как первый начальник!» – внушительно проговорил Макола» [С. 256].

Вполне беспристрастно рассказывается и о набеге воинственного отряда одного из местных племен, о которых Макола говорит: «Дурные люди... Они сражаются со всеми и забирают женщин и детей. Плохие люди, и у них есть ружья. Тут в округе большое смятение...» [С. 254].

И все же самое сильное негодование вызывают у Конрада белые, мнящие себя носителями цивилизации.

Известный американский литературовед М. Мадрик, анализируя своеобразие стиля Конрада, писал: «Conrad's innovation – or in any case, the fictional technique that he exploited with unprecedented thoroughness – is the double plot: ... a developing order of actions so lucidly symbolic of a developing state of spirit...» [2, p. 87]. Этот «двойной сюжет», т. е. цепочка событий как символическое отражение развития характеров, замечен и в рассказе «Аванпост прогресса». Происходящие в нем события вскрывают неуклонную деградацию двух главных персонажей.

Ее символом становится страшный конец обоих, в особенности жуткий вид повесившегося Кайера. «По-видимому, начальник торговой станции влез на могилу, высокую и узкую, и, привязав к перекладине конец ремня, повесился. Пальцы ног были всего в двух дюймах от земли; окоченелые руки повисли. Казалось, он стоит навтыжку, но одна багровая щека игриво обвисла к плечу. И он непочтительно показывал своему директору распухший язык» [С. 266].

При всей объективности повествования авторское отношение к колониальной политике, несущей столько бедствий покоряемым народам и уничтожающей все признаки человечности в своих слугах и носителях, явственно выражено в этом тоскливом и мрачном рассказе.

1. Конрад Дж. Тайфун. Повести и рассказы. М.: Московский рабочий, 1983. 384 с.

2. Conrad Joseph. A Collection of Critical Essays. Edited by Marvin Mudrick. N. Jersey: Published by Prentice-Hall Inc., 1966. 182 p.

© Палий А. А., 2013

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ АСПЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ ОБРАЗА ПОЖИЛОГО ЧЕЛОВЕКА В РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

Статья посвящена систематизации достижений гуманитарных и негуманитарных наук, объектом которых является пожилой человек, старость и процесс старения. Отмечается разнообразие научных трактовок процесса старения и возраста старости, а также неоднозначность физиологических и эмоционально-психологических характеристик пожилого человека, обусловленных как социальными, так и индивидуальными факторами.

Ключевые слова: человек, возраст, старость, языковая картина мира.

INTERDISCIPLINARY ASPECT OF ELDERLY MAN IMAGE STUDY IN THE RUSSIAN LANGUAGE PICTURE OF THE WORLD

In this article the achievements of the humanities and sciences which study elderly man, old age and ageing process are classified. The variety of scientific interpretations of ageing process and old age bounds is described. Also the article is devoted to the problem of different assessments of physiological, emotional and psychological elderly man description which are caused with social and individual factors.

Key words: man, age, old age, language picture of the world.

Возраст старости (старения) является предметом исследования разных наук о человеке: существуют естественно-научные, психологические, социально-философские концепции данного этапа человеческой жизни.

Вершиной естественно-научного изучения старости являются труды И. И. Мечникова, послужившие толчком для дальнейшей разработки генетических и биологических аспектов старения.

Заметим, что определение старости в Большой советской энциклопедии ориентировано именно на ее физиологический аспект: старость трактуется как «возрастной период в жизни организма, неизбежно наступающий за зрелостью и характеризующийся существенными обменными, структурными и функциональными изменениями в органах и системах, ограничивающими приспособительные возможности организма» [5].

Биологами и генетиками определены физиологические изменения, характерные для пожилого возраста, выявлены причины преждевременного старения, связанные с образом жизни и болезнями, определено влияние наследственности на начало старения и продолжительность человеческой жизни, описаны механизмы естественного (физиологического) и преждевременного (патологического) старения.

Примечательно, что всестороннее естественно-научное изучение природы старения привело ученых к ряду выводов относительно связи этого этапа человеческой жизни с исторически существующей культурой, с внутренним (духовным) состоянием общества в целом и отдельного человека.

Так, закономерность старения, согласно И. И. Мечникову, выражается в духовной эволюции человека. На завершающем этапе жизни она делает значительный шаг вперед. Оценивая внутренний мир человека, ученый приходит к интересному выводу о смысле и цели жизни в старости: «Люди, особенно жившие долго, не задаются более вопросом, к чему живёт человек на свете. Причина этого заключается в полном развитии чувства жизни, т. е. инстинктивном стремлении жить, с которым одновременно связан сильнейший страх смерти. В основе этого лежит нечто чисто физиологическое» [9, с. 230].

Интерес представляет теория «замыкания цикла», согласно которой в старости с полным развитием чувства жизни личность как бы возвращается к истокам своего раннего детства, имевшего бессознательный жизненный инстинкт, хотя динамика этих этапов жизни различна: в детстве инстинкт выражен стремительным порывом, в преклонном же возрасте он проявляется в виде инерции; эти два пограничных возрастных этапа свидетельствуют о том, что человеческая жизнь не только предпосылка каких бы то ни было смыслов, но она сама есть изначальный и предельный смысл [13, с. 12]. С любым возрастом человека соотносимо, по мнению ученых, положение, сформулированное М. А. Антоновичем: «Человек существует для того, чтобы существовать, для того, чтобы жить... Поэтому совершенно противоестественно ставить человеку какую-нибудь задачу помимо жизни» [2, с. 135].

В биологии старения (И. Н. Буланкин, Дж. Биддер, М. С. Мильман, В. Н. Никитин и др.) выдвинуто большое количество предположений о начале процесса старения и его механизмах. Так, согласно теории стресса («энергетической теории старения») Г. Селье, в процессе жизнедеятельности в организме человека происходят необратимые биохимические процессы, связанные с нервными напряжениями, телесными повреждениями, инфекциями, напряженной работой, в результате чего организм претерпевает стресс, изнашивается. В то же время, по мнению Г. Селье, стрессом можно управлять: существуют моральные и социальные факторы, замедляющие процесс изнашивания организма [14, с. 38].

Представители биологической науки связывают понятия старения и старости с ухудшением состояния человеческого организма в целом и его отдельных органов, выделяя четыре основных критерия, связанные со старением: 1) старение, в отличие от болезни, является универсальным процессом; 2) это процесс прогрессирующий, непрекращающийся; 3) старение свойственно всем людям; 4) оно сопровождается дегенерирующими изменениями [8, с. 7].

Проблемам жизненного пути в целом и старения как завершающего этапа жизненного цикла посвящены многочисленные психологические исследования (труды зарубежных ученых Фр. Галтона, З. Фрейда, К. Г. Юнга, С. Холла, А. Адлера, Э. Берна; работы отечественных психологов К. А. Абульхановой-Славской, Б. Г. Ананьева, С. Л. Рубинштейна, Н. А. Рыбникова и др.).

Человека стареющего изучает специальная наука – геронтология (В. Д. Альперович, И. В. Давыдовский, Д. Ф. Чеботарев, В. В. Фролькис и др.), «расположенная» на стыке естественно-научного и социального подходов к изучению старости. Для геронтологов старость – это последний возрастной этап, который может быть существенно продлен. Так, в научных трудах отечественных геронтологов А. А. Богомольца, А. В. Нагорного были предложены идеи активной старости и активного образа пожилого человека (см.: [7]).

В культурологии феномен старости рассматривается в контексте народных традиций, обычаев. С культурологической точки зрения старость традиционно связана с почитанием, уважением, но, как отмечают современные культурологи, традиционные нормы и ценности постепенно размываются или даже исчезают под воздействием технического прогресса и урбанизации в результате промышленной и демографической революций, что меняет отношение к старости. Темп жизни и физические нагрузки на человека увеличиваются, престиж старости рушится, все более востребованными в обществе становятся молодые люди [3, с. 5].

В социально-философских исследованиях старости рассматриваются такие проблемы, как место пожилых людей в обществе, межпоколенные отношения, социальные конфликты с участием людей разных возрастов (Т. Парсонс, Ш. Айзенштадт, М. Мид, Г. Маркузе, Л. Фойер, З. Фрейд и др.), социальная активность людей позднего возраста (Г. М. Андреева, О. В. Краснова и др.).

С философской точки зрения старость – явление, исполненное глубокого смысла. Как последний этап жизненного пути старость является временем, когда человек подводит итог прожитой жизни, задаваясь вопросом о том, имеет ли она смысл.

Цицерон в трактате «О старости» оставил классический образец философии заката жизни. Он показал, что это не ленивая и плаксивая старость, вызывающая лишь сострадание и жалость: «она предстает тем пунктом назначения жизни, к которому приходит человек гордой внутренней осанки как исполнивший свой нравственный долг и призвание «гражданина мира». Утешением в старости, пишет Цицерон, служит авторитет, приобретённый с годами. Но авторитет – всего лишь внешнее выражение внутреннего достоинства и цельности личности, посвятившей свою жизнь служению высшим идеалам. Старость – последний акт драмы человеческой жизни, в которой «удовлетворенность жизнью делает своевременным приход смерти» [15, с. 28].

Философы, культурологи, социологи подчеркивают, что старость (и старые люди) – это тот феномен, отношение к которому является одним из важнейших показателей степени развития культуры и духовности не только индивида, но и целых народов, и даже социумов [13, с. 58]. Согласно теории К. Г. Юнга, образы мудрого старика и мудрой старухи заложены в архетипе человека [17].

Как показывает анализ научной литературы, существует проблема определения нижней границы старости (ответ на вопрос, когда и чем старость заканчивается, однозначен), а также установления критериев и этапов старения. Основная трудность определения возраста старости заключается в том, что старение – процесс длительный, плавный, индивидуальный, и поэтому трудно четко отделить старость от среднего возраста. В связи с этим наблюдается и терминологическая «разноголосица». Например, в разных научных трактатах термины *старость* и *пожилой возраст* употребляются либо как синонимы, либо указывают на разные возрастные этапы человеческой жизни [3, с. 5].

Ученые солидарны в одном: психологические, биологические, социальные границы старости условны, так как всегда останутся индивидуальными.

С точки зрения науки возраст бывает биологический (определяется состоянием обмена веществ и функций организма), хронологический (определяется по количеству прожитых лет), социальный (измеряется уровнем социального развития человека), психический (определяется путем соотнесения уровня психического развития индивида с соответствующим среднестатистическим симптомокомплексом). Выделенные категории предполагают внешнее воздействие на человека (влияние окружающей среды в широком смысле слова). Однако возраст также может быть и субъективным – это переживаемый возраст личности.

Представление о социальной старости связано прежде всего с возрастом всего общества в целом. Социальный возраст человека соотносится со средней продолжительностью жизни в определенной стране и определенном отрезке времени. Чем выше уровень старения населения в целом, тем дальше отодвигается индивидуальная граница старости.

Некоторые социологи (в рамках теории возрастной стратификации) разделяют пожилых людей на молодых пожилых и старых пожилых. Однако точный возраст, выделяемый для этих подгрупп, может варьировать. Одни считают, что термин «молодой пожилой» описывает человека в возрасте 60–75 лет, а «старый пожилой» – это тот, кто старше предыдущей группы; другие выбирают различные промежутки для тех же понятий (например, молодой пожилой – это 60–75 лет; старый пожилой – 75–85 лет; после 85 лет – престарелый) [11, с. 23].

Предлагаются также следующие возрастные категории: «пожилой» (60–69 лет), «престарелый» (70–79 лет), «старый» (80–89 лет) и «дряхлый» (90 лет и более) [1, с. 156].

Во избежание терминологических разногласий некоторые зарубежные социологи предлагают не отделять «пожилых» от «старых» по признаку участия в активной трудовой деятельности и вести речь о группе пожилых людей, подразумевая, что пожилого возраста каждый индивид достигает в 60 лет [12, с. 85]. Однако в условиях российского социума это будет не совсем правомерно, так как у нас юридически закреплён возраст выхода на пенсию по старости для мужчин – с 60 лет и для женщин – с 55 лет. Кроме того, с выходом на пенсию по старости пожилые люди чаще стремятся продолжить и продолжают свою трудовую деятельность в течение еще по крайней мере 5–10 лет, и, следовательно, по определению они социально активны.

В психологии и медицине цикл старения принято делить на три стадии: 1) удаление от дел (65–70 лет); 2) старость (70 и более лет); 3) дряхлость, или болезненная старость (90 и более лет) [12, с. 33].

Есть и другая медицинская концепция деления возраста старения: 46–60 лет – зрелость; 61–75 – пожилой возраст; 76–90 лет – старческий возраст; 91 и старше – долгожители [4].

С психологической точки зрения старение представлено широким диапазоном проявлений. Так, Ф. Гизе выделяет три типа стариков и старости: 1) старик-негативист, отрицающий у себя какие-либо признаки старости; 2) старик-экстравертированный, признающий наступление старости через внешние влияния и путем наблюдений за изменениями (взросление молодежи, появление расхождений с ней во взглядах, смерть близких, изменения своего положения в семье, изменения-новшества в области техники, социальной жизни и т. п.); 3) интровертный тип, для которого характерно острое переживание процесса старения (отсутствие интереса к новому, погружение в воспоминания о прошлом, малоподвижность, стремление к покою) (см.: [10, с. 115]).

И. С. Кон выделяет следующие социально-психологические типы старости. Первый тип – активная творческая старость, когда ветераны, уходя на заслуженный отдых, продолжают участвовать в общественной жизни, в воспитании молодежи, живут полнокровной жизнью, не испытывая какой-либо ущербности.

Второй тип старости характеризуется тем, что пенсионеры занимаются самообразованием, отдыхом, развлечениями и т. п. – всем тем, на что раньше у них просто не было времени. Этому типу стариков свойственна хорошая социальная и психологическая приспособляемость, гибкость, адаптация, но энергия главным образом направлена на себя.

Третий тип (это преимущественно женщины) находит главное приложение своих сил в семье. А поскольку домашняя работа неисчерпаема, то женщинам, занимающимся ею, просто некогда хандрить, скучать. Однако, отмечают психологи, удовлетворенность жизнью у этой группы людей ниже, чем у первых двух.

Четвертый тип – это люди, смыслом жизни которых становится забота о собственном здоровье. С этим связаны и разнообразные формы активности, и моральное удовлетворение. Вместе с тем обнаруживается склонность (чаще у мужчин) к преувеличению своих действительных и мнимых болезней, повышенная тревожность.

Наряду с выделенными благополучными типами старости И. С. Кон обращает внимание и на отрицательные типы пожилых людей: а) агрессивные старые ворчуны, недовольные состоянием окружающего мира, критикующие все, кроме самих себя, всех поучающие и терроризирующие окружающих бесконечными претензиями; б) разочарованные в себе и собственной жизни, одинокие и грустные неудачники, постоянно обвиняющие себя за действительные и мнимые упущенные возможности, делая тем самым себя глубоко несчастными (см.: [6, с. 112]).

Завершая краткий обзор научных представлений о старости, отметим, что в них обнаруживается оценочный «взгляд» на старость. Ученые, с одной стороны, приводят

многочисленные примеры того, как пожилые люди достаточно долго сохраняют высокий интеллектуальный потенциал, работоспособность, профессиональную компетентность, а порой достигают вершин подлинной мудрости; с другой стороны, отмечают, что возраст старости приносит с собой массу разных проблем, лишает прежней энергии и радости жизни.

Кстати, еще древние философы (Т. Публий, Гален, Сенека, Цицерон) подчеркивали негативный аспект старости; философ Нового времени Ф. Бэкон называл старость болезнью, которую необходимо лечить, как и всякую другую. Далеко не каждый (в том числе ученый) может описывать старость и относиться к ней восторженно, как, например, К. И. Чуковский, писавший в своем дневнике: «Никогда я не знал, что так радостно быть стариком, что ни день – мои мысли добрей и светлей» (цит. по: [16, с. 329]).

Интересно, что в научных текстах мы часто обнаруживаем так называемый «пересказ» обывательских представлений о старости. Как будто не решаясь дать оценку старости от собственного имени, авторы прибегают к «цитированию» расхожего мнения, отмечая, что старость для многих людей является болезненным возрастом потерь и ассоциируется с чем-то неприятным, нередко бедственным. В психологической литературе обнаруживаем следующие авторские образные описания старости с точки зрения обывателя: «обочина жизни» (Л. И. Анцыферова), «нормальная аномалия», «пародия жизни» (С. Де Бовуар), «общественное гетто старости» (В. А. Фортунатова), «время доживания» (М. Р. Минигалиева). Наиболее частыми ролями пожилых людей называются «бесперспективный ребенок», «капризный, протестующий, бросающий вызов ребенку», «боязливый, виноватый, приспособляющийся ребенок»; нередко встречаются роли «надовевших, недовольных, обвиняющих родителей» и т. д. [3, с. 4].

Очевидно, что все научные концепции, с обывательской точки зрения, могут быть оспорены: каждый человек понимает процесс старения по-разному и в каждом человеке старение происходит индивидуально. Все зависит, во-первых, от индивидуальных особенностей человеческого организма и, во-вторых, от наивного представления человека о старости и отношения к ней.

В заключение отметим, что в основе научных трактовок и описаний старости и процесса старения, зафиксированных в научных текстах, лежат все те когнитивные механизмы, которые характеризуют образ человека (в том числе пожилого) в языке: определяемый/описываемый феномен рассматривается как нечто целое, имеющее свои отдельные характерные черты («части») (например: старость – болезни, изнашивание организма, боязнь смерти и т. д.), допускающее градуирование (например: пожилой – старый – престарелый – дряхлый), подвергающееся стереотипной оценке (например: старость = мудрость (+); старость – беспомощность (–) и получающее стереотипное (традиционное) описание (например: старость – это особый, итоговый этап человеческой жизни).

1. Альперович В. Д. Геронтология – старость: социокультурный аспект. М., 1998. 272 с.

2. Антонович М. А. Единство физического и нравственного космоса. Свердловск, 1991. С. 135–136.
3. Блинова И. С. Концепт «старость» в русской и немецкой лингвокультурах. Волгоград, 2009. 210 с.
4. Бовуар С. де. Старость // Психология старости: Хрестоматия: учеб. пособие для факультетов психологических, медицинских и социальной работы / ред. и сост. Д. Я. Райгородский. Самара, 2004. С. 34–57.
5. Большая Советская энциклопедия (БСЭ). URL: <http://www.classes.ru/all-russian/russian-dictionary-encycl.htm>
6. Возрастная психология: личность от молодости до старости / М. В. Гамезо, В. С. Герасимова, Г. Г. Горелова и др. М., 1995. 272 с.
7. Геценко С. В. Активная старость как образ жизни: социально-философский анализ. Ростов н/Д, 2009. 31 с.
8. Козлов А. А. Теории и традиции западной социальной геронтологии // Психология старости и старения: Хрестоматия: учеб. пособие / сост. О. В. Краснова, А. Г. Лидерс. М., 2003. С. 6–24.
9. Мечников И. И. Пессимизм и оптимизм. М., 1989. 640 с.

10. Носко И. В. Психология развития и возрастная психология. Владивосток, 2003. 127 с.
11. Померанцева Т. Н. Старость как социокультурный феномен. М., 2005. 126 с.
12. Психология старости и старения: Хрестоматия: учеб. пособие для студ. психол. фак. высш. учеб. заведений. М., 2003. 416 с.
13. Рыбакова Н. А. Феномен старости. М.; Псков, 2000. 169 с.
14. Селье Г. Стресс без дистресса. М., 1982. 124 с.
15. Цицерон М. Т. О старости. О дружбе. Об обязанностях. М., 1974. 248 с.
16. Шаповаленко И. В. Возрастная психология. М., 2005. 349 с.
17. Юнг К. Г. Душа и миф: шесть архетипов. М., 1997. 384 с.

© Салимьянова И. В., 2013

УДК 811.11: 81'42 + 81'23
U.D.K. 811.11: 81'42 + 81'23

Т. В. Устинова
T. V. Ustinova

ПРЕДПОСЫЛКИ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ АМЕРИКАНСКОЙ «ЯЗЫКОВОЙ ПОЭЗИИ» В АСПЕКТЕ ПРОБЛЕМЫ ЛИНГВОКРЕАТИВНОСТИ

В статье рассматриваются актуальные направления исследования феномена языковой креативности в отечественной лингвистике, излагается современное понимание лингвокреативности как сложной деятельности двойственного (когнитивного и речезыкового) характера. Основная цель работы состоит в выявлении предметной области научного исследования языковых экспериментов американской «Языковой школы поэзии» в рамках лингвистики креатива. Особый акцент сделан на необходимости научного описания «языковой поэзии» с точки зрения анализа интенциональности лингвокреативной деятельности, взаимосвязи лингвокреативных практик с метаязыковой рефлексией, проявленности лингвокреативности в идиостиле поэта.

Ключевые слова: лингвокреативность, лингвистика креатива, лингвистическое исследование, «языковая поэзия», языковой эксперимент поэта.

THE LINGUISTIC STUDY OF 'LANGUAGE POETRY' IN THE ASPECT OF THE LINGUISTIC CREATIVITY PROBLEM

The article highlights important trends in the research of linguistic creativity, which is treated as a complex activity of the dual (cognitive and linguistic) competency. The main objective of the paper is to identify the research area in linguistic analysis of American 'Language poetry' in terms of 'Creative Linguistics'. The author focuses on the necessity of scientific description of the Language poets' intentionality, the interaction of their linguistic creativity with metalinguistic reflection, the peculiar properties of individual creative styles of different Language poets.

Key words: linguistic creativity, Creative Linguistics, linguistic research, 'Language poetry', the poet's language experiment.

Проблема взаимосвязи творческого осмысления мира человеком и человеческой языковой способности является одной из «вечных» в филологических науках. В последнее время рост интереса к исследованию творческой речезыковой деятельности привел к выделению особой отрасли в науке о языке – «лингвистики креатива» [10], в фокусе внимания которой находится исследование эвристической функции языка и творческой деятельности языковой личности.

Необходимо сразу сделать замечание о сложности и неоднозначности трактовки понятия «лингвистическая

креативность (лингвокреативность)» в современном языкознании. В западной научной традиции существует более широкое понимание данного термина, связанное прежде всего с именем Н. Хомского и его психолингвистической концепцией генеративной грамматики. По Н. Хомскому, лингвокреативность есть врожденная лингвистическая способность человека, представляющая собой определенную «схему» обработки лингвистического опыта человека, т. е. способность генерировать и понимать бесконечное количество новых фраз и предложений из конечного числа

слов [16]. В таком широком понимании лингвокреативность представляется, скорее, как лингвистическая продуктивность человеческого сознания [17], охватывающая широкий диапазон способов применения языка для объективации концептуальных структур. В трактовке Н. Хомского важным является акцентирование неразрывной связи лингвистической креативности как человеческой способности использовать язык и «креативного аспекта» языка, определяющего возможность такого использования. *An essential property of language is that it provides the means for expressing indefinitely many thoughts and for reacting appropriately in an indefinite range of new situations* [16, p. 6].

Если в западной версии научного описания феномена лингвистической креативности доминируют признаки «производительности» и «новизны», то в отечественном языкознании лингвокреативность зачастую трактуется еще и через актуализацию признаков «нестандартности», «неординарности» и «ненормативности» использования языка. В русскоязычных лингвистических исследованиях, таким образом, сосуществуют следующие разновидности понимания языковой креативности:

1) лингвокреативность как способность человека концептуализировать представления о мире разнообразными способами и объективировать результаты этой концептуализации в языковых выражениях в постоянно меняющихся условиях коммуникации (исследования этого направления зачастую выполнены в рамках рассмотрения проблемы языковой номинации, а именно процессов вторичной, не прямой и фразеологической номинации, неологизации, окказионализации и т. п., например, [8; 14]);

2) лингвокреативность как способность неординарного языкового самовыражения личности, как «проявление тенденции к нарушению языкового стандарта в коллективной и индивидуальной речевой деятельности» и «эксперимент над знаком на основе различных лингвистических приемов его трансформации и интерпретации» [2, с. 12] (исследования этого направления посвящены лингвистическому анализу феноменов языковой игры, языковых аномалий, риторической и дискурсивной креативности).

Общей чертой в различных трактовках лингвистической креативности является представление о ней как сложной деятельности двойственного (когнитивного и речезыкового) характера. Соответственно, стандартная схема осуществления деятельности (триада «предпосылки (мотив/цель) – действия – результат») в случае лингвокреативности предстает в модифицированном виде, отражающем сложный симбиоз когнитивного и собственно языкового в процессе реализации речемыслительной деятельности. По нашему мнению, когнитивный и речезыковые аспекты лингвокреативной деятельности получают следующую реализацию:

1. Предпосылки лингвокреативной деятельности:

– когнитивный аспект – когнитивные структуры, определяющие языковые способности человека; интенциональные состояния сознания, объектами которых являются различные способы языкового самовыражения; метаязыковая рефлексия как интегральная операция;

– речезыковой аспект – системно-языковые предпосылки, системно-заданные возможности осуществления

лингвокреативной деятельности (законы функционирования языкового знака, языковая асимметрия).

2. Действия:

– когнитивный аспект – когнитивные процессы концептуальной интеграции, обеспечивающие появление сложных ментальных пространств (реализованные в конкретных механизмах соположения, компрессии, декомпрессии, поликатегоризации, перекаатегоризации и др.);

– речезыковой аспект – частные конструктивные принципы манипулирования языковой формой и значением, такие как ассоциативная гибридизация, наложение, отождествление, имитация, выводимость, провокация (по Т. А. Гридиной [2, с. 13–33]); операциональные механизмы (лингвистические приемы) нестандартного порождения, употребления и восприятия языковых явлений.

3. Результат лингвокреативной деятельности:

– когнитивный аспект – новая интегрированная концептуальная структура (бленд) или несколько блендов, связанных в эмерджентную сетевую структуру;

– речезыковой аспект – креатема, понимаемая как «стратегически отобранная, осознанно реализованная или преобразованная языковая единица, а также индивидуально-авторское новообразование, обладающее обязательной эстетической функцией» [9].

Как отмечает В. З. Демьянков, «в языковом творчестве есть не только «творец» – конкретный автор-новатор, которому приписывается «подача», «авторство» некоторого новшества, – но и «языковые предпосылки» речевого новшества – языковые тенденции, проявленные в нормах и правилах употребления единиц языка еще до конкретного акта творения» [5, с. 12]. Соответственно, сегодня исследование феномена лингвокреативности в отечественной лингвистике ведется в трех основных направлениях.

Первое направление можно условно обозначить как «Исследование лингвокреативности в рамках когнитивно-дискурсивной парадигмы знаний». Оно связано с изучением особенностей языкового сознания, когнитивных механизмов, обеспечивающих процессы речетворчества, а также форм проявления лингвокреативного мышления. В рамках данного направления лингвокреативность рассматривается как языковая способность [8], как интерпретивно-оценочная когнитивно-дискурсивная деятельность индивида, как результат интеграции индивидуально-го и языкового знания [11]. К достижениям данного направления можно отнести обоснование факторов креативности языкового мышления [2], описание принципов и стратегий эвристической языковой деятельности в аспекте проблемы образования сложных когнитивных структур [8], выявление уровня лингвокреативности языковой личности в зависимости от характера протекания динамических процессов в лексиконе [1], обоснование лингвокреативного подхода к изучению процессов концептуализации и категоризации в языке и речи [7].

Второе направление предполагает изучение языковых предпосылок речетворческой деятельности, т. е. динамических свойств системного устройства языка и системно заданных особенностей языковой нормы и узуса, обеспечивающих возможность нестандартного использо-

вания языковых единиц. В рамках данного направления анализируются общие лингвистические механизмы и частные лингвистические приемы, реализующие творческое использование и преобразование языка, исследуется лингвокреативный потенциал отдельных языковых явлений различных языков (см., например, раздел «Креативные языковые техники» в [10]).

Третье направление объединяет многочисленные исследования результатов («продуктов») лингвокреативной деятельности: различных коллективных и индивидуально-авторских инноваций (номинаций, преобразований, девиаций) и собственно языковых (лексико-семантических, фоносемантических, морфодеривационных, этимологических и др.) параметров этих инноваций, часто в сопоставлении с нормативным прообразом и стереотипом.

Исследования лингвокреативности проводятся на самом разнообразном материале: активно изучаются креативы в детской речи, разговорной речи, политическом и медийном дискурсе, электронной коммуникации, художественном тексте. Большое внимание уделяется изучению элитарной языковой личности поэта. Предполагается, что рассмотрение поэтического творчества с позиций языковой девиатологии и «поэтики языковой деформации» (термин Л. В. Зубовой [6, с. 209]) позволит внести вклад в общую теорию лингвокреативности. Особый интерес в этой связи представляет лингвистическое осмысление литературного авангарда, языковой эксперимент которого есть «всеохватывающий процесс семиотической трансформации наличного языка, ведущий к трансформации способа познания мира, стоящего за этим языком» [13, с. 4].

Американское авангардное поэтическое объединение «Языковая школа поэзии» (*the L=A=N=G=U=A=G=E School of Poetry*) отличается собственной позицией в отношении средств языкового выражения в тексте. По нашему мнению, исследование «языковой поэзии» представляется плодотворным для описания следующих аспектов лингвокреативности:

1. Интенциональность лингвокреативной деятельности. В творчестве всех «языковых поэтов» присутствует четкая установка на преобразование языка. В общем виде эта авторская пресуппозиция, определяющая подход к порождению нового слова, высказывания и текста, сформулирована «языковым поэтом» Чарльзом Бернштейном [15]. Он эксплицированно описывает коммуникативную интенцию «языковых поэтов» как осознанную ориентацию на создание «особых поэтических условий» неконвенционального использования языка: *<...> many of us were interested in exploring nonconventional forms allowing the expressive (and nonexpressive) features of language to roam in different territory than possible with tamer verse forms. <...> we were interested in poetry that didn't assume a syntax, a subject matter, a vocabulary, a structure, a form, or a style but where all these were at issue, all these were explored in the writing of the poem* [15]. В такой авторской установке важными представляются идеи «неконвенциональности формы» (*nonconventional forms*), «подрыва/сомнения» (*at issue*) во всех основных языковых категориях и свойствах и «исследования» (*exploring*) функционирования языка в процессе

письма. Таким образом, «языковая поэзия» представляет собой языковой эксперимент, направленный на изучение процессов смыслообразования на всех уровнях (лексическом, морфологическом, синтаксическом, прагматическом, текстовом). Этот эксперимент характеризуется установкой поэтов на значительное воздействие на условия протекания изучаемых процессов через доведение до предельной остроты свойства языковой асимметрии, через варьирование закономерных связей между языковой формой и функцией.

2. Лингвокреативность и метапоэтическая рефлексия. Художественные, собственно поэтические стратегии «языковых поэтов» находятся в отношениях тесной взаимозависимости с их метапоэтическими аналитико-рефлексивными дискурсивными стратегиями. Эксплицированные метапоэтические контексты методологического, литературно-критического, авторефлексивного типа представлены на страницах журналов *L=A=N=G=U=A=G=E* (1978–1981 гг.), *This* (1971–1982 гг.), *Open Letter* и индивидуальных изданий отдельных «языковых» авторов. Определяющим метаконцептом теоретического дискурса «Школы» является концепт *language writing* («языковое письмо»). К понятийным составляющим этого концепта относятся признаки языкового «сдвига» (акцентированной семантической и синтаксической аномальности), «открытости» и «трудности» поэтической формы, требующей отказа от личностного самовыражения в поэзии в пользу манипуляций с языковым материалом [12]. Языковая нестандартность заявлена в качестве поэтического идеала «Языковой школы»: *The art of the deficient message that's characterized by shifts in linguistic form from grammar to lexis, from closed, contextual form to open de-contextual set* [18]. В условиях выдвижения «языковыми поэтами» важности неконвенциональности языкового выражения метапоэтический дискурс выполняет функцию мониторинга лингвокреативных стратегий, организующих форму искомого «девиантного поэтического сообщения».

3. Лингвокреативность и метаязыковая рефлексия. Метаязыковая рефлексия, занимающая центральное место в «лингвоцентристском» теоретическом дискурсе «Языковой школы поэзии», представляет собой тщательно разработанную оригинальную теорию языка. В этой теории находит свое выражение специфическое (в постструктуралистском духе «критики языка») понимание представителей «Школы» проблем соотношения языка и мышления, дихотомии языка и речи, способности языка быть средством коммуникации. Кроме того, в метатекстах «Языковой школы» уделяется внимание узколингвистическим вопросам, касающимся механизмов языковой референции, дистрибутивного анализа значений лексических единиц, связи слова с формально-содержательным контекстом. Специфическое видение поэтами устройства языка выступает основой осознания лингвокреативного потенциала его составляющих, влияет на технику неканонического использования его ресурсов и, в конечном итоге, определяет конкретные формы нестандартной речевой реализации.

4. Лингвокреативность и соотношение индивидуально- и универсального (коллективный идиолект и лингвокреативный идиостиль поэта). «Языковая школа поэзии» – раз-

ноориентированное, неоднородное движение [15], объединившее авторов, стремящихся радикально перестроить поэтический язык и превратить читателя в соучастника творческого акта. Неузвальное словообразование и словоупотребление входят в комплекс речевых закономерностей поэтического социолекта «Школы». В этой связи актуальным представляется изучение особенностей реализации языковой системы в условиях коллективного социолекта и создание речевого портрета поэтической группы. С другой стороны, избирательность в использовании операциональных механизмов творческого языкового преобразования определяется устройством индивидуального языкового сознания. На наш взгляд, для дальнейшего лингвистического изучения представляет интерес проблема взаимосвязи возможностей отступления от языковой нормы, заданных системой конкретного языка, условий осуществления лингвокреативной деятельности и формальных лингвистических характеристик речетворчества определенного автора (его лингвокреативного идиостиля).

В лингвистике убедительно доказано, что языковая когниция есть акт интерпретации [4]. Лингвокреативность «языковых поэтов» представляет интерес с точки зрения анализа всех аспектов, составляющих единство интерпретации – процесса, результата и установки, а также процедур и стратегий интерпретирования (по В. З. Демьянкову [3]). Так, лингвистического осмысления требует двойственная интенциональность «языковых поэтов» в процессе лингвокреативной деятельности: с одной стороны, они пропагандируют установку на активное вмешательство в «жизнь языка», подрыв языковых конвенций и правил, позиционируют язык как «материал поэзии», с другой стороны, придерживаясь постнеклассической трактовки языка, признают наличие собственной языковой реальности, развивают идеи смыслопорождающей самодостаточности текста и «смерти автора», акцентируют творческую процессуальность языка. Важным представляется анализ индивидуально-субъективных стратегий интерпретации языковых фактов и явлений – авторских концепций «нового предложения» Р. Силлимана, «антипоглодательной текстuality» Ч. Бернштейна, «языковой нереференциальности» Б. Эндрюса и др. Необходимо выявить взаимосвязь этих стратегий с результатами интерпретирования и описать идиостилевые предпочтения авторов в выборе операциональных приемов языковой девиации, а также влияние типологического устройства системы английского языка на реализацию этих приемов. Таким образом, изучение экспериментального поэтического творчества представителей «Языковой школы» позволит получить новые данные во всех трех областях современного научного исследования лингвокреативности, перечисленных выше.

1. Гончарова Е. А. Динамические процессы в лексиконе языковой личности: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2009. 24 с.

2. Гридина Т. А. Языковая игра: стереотип и творчество. Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. пед. ун-та, 1996. 214 с.

3. Демьянков В. З. Интерпретация // Краткий словарь когнитивных терминов / под общей ред. Е. С. Кубряковой. М.: Изд-во МГУ, 1996. С. 31–33.

4. Демьянков В. З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода // Вопросы языкознания. 1994. № 4. С. 17–33.

5. Демьянков В. З. Языковое творчество и речевая креативность // Язык как медиатор между знанием и искусством: сб. докладов Междунар. науч. семинара / Ин-т русского языка им. В. В. Виноградова; отв. ред. Н. А. Фатеева. М.: Азбуковник, 2009. С. 11–19.

6. Зубова Л. В. Категория рода и лингвистический эксперимент в современной русской поэзии // Проблемы функциональной грамматики: Категории морфологии и синтаксиса в высказывании. СПб.: Наука, 2000. С. 194–210.

7. Ильинова Е. Ю. Вымысел в языковом сознании и тексте. Волгоград: Волгогр. науч. изд-во, 2008. 513 с.

8. Ирисханова О. К. О лингвокреативной деятельности человека: отглагольные имена. М.: ВТИИ, 2004. 352 с.

9. Купина Н. А. Креатемы в речи детей // Уральский филологический вестник. Серия «Язык. Система. Личность: лингвистика креатива». 2012. № 3. URL: http://www.journals.uspu.ru/attachments/article/147/BECT_3_2.pdf (дата обращения 25.06.2013).

10. Лингвистика креатива: коллективная монография / отв. ред. Т. А. Гридина. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2009. 368 с.

11. Магировская О. В. Репрезентация субъекта познания в языке. М.; Тамбов: Издат. дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2008. 223 с.

12. Устинова Т. В. Концептуализация понятия *language writing* («языковое письмо») в метапоэтическом дискурсе американских «языковых поэтов» // Вестник гуманитарного научного образования. М.: ИНГН, 2012. № 11 (25). С. 12–14.

13. Фещенко В. В. Лаборатория логоса. Языковой эксперимент в авангардном творчестве. М.: Языки славянских культур, 2009. 198 с.

14. Хвесько Т. В. Лингвокреативные аспекты топонимической номинации // Вестник Челябинского государственного университета. Серия «Филология. Искусствоведение». 2011. № 33 (248). С. 271–273.

15. Bernstein Ch. Interview. URL: <http://www.home.jps.net/~nada/bernstein.htm> (дата обращения 1.07.2013).

16. Chomsky N. Aspects of the Theory of Syntax. Cambridge, MA: MIT Press, 1965.

17. D'Agostino F. Chomsky on Creativity // Synthese. 1984. # 58. P. 85–117.

18. McCaffery S. The Death of the Subject: the Implications of Counter-Communication in Recent Language-Centered Writing: L=A=N=G=U=A=G=E magazine, 1980. Supplement 1. URL: <http://www.eclipsearchive.org/projects/LANGUAGESupp1/pictures/002.html> (дата обращения 30.06.2013).

© Устинова Т. В., 2013

ПРОЯВЛЕНИЕ ОСОБЕННОСТЕЙ ЯЗЫКОВОГО СОЗНАНИЯ В ДИАЛЕКТНОМ ТЕКСТЕ

В статье рассматриваются особенности языкового сознания носителей русских старожильческих говоров Среднего Прииртышья. Автор отмечает, что для диалектоносителей важно слово, благодаря которому на разных стадиях общения выстраивается какой-либо фрагмент событий. Также исследователь обращает внимание на модусную категорию – речевой жанр.

Ключевые слова: языковое сознание, диалектный текст, слово, оценка, речевой жанр.

MANIFESTATION OF THE PECULIARITIES OF THE LANGUAGE CONSCIOUSNESS IN DIALECT TEXT

The article considers the peculiarities of the language consciousness of the Old Russian dialects holders of the Middle Irtysh area. The author mentions that the word by which a fragment of the event is built at different stages of communication process is important. The researcher also draws attention to the modus category "speech genre".

Key words: linguistic consciousness, dialect text, word, evaluation, speech genre.

Термин «языковое сознание» объединяет в себе две стороны одного явления, т. е. «сознание – психический феномен нематериальной природы (его нельзя измерить по пространственным признакам, нельзя услышать, посмотреть на него) и материальный феномен произносимой или записываемой речи, а также физиологический процесс формирования вербальных языковых связей [8]. Выявить полностью содержание языкового сознания носителей региональной разновидности языка в том виде, в котором оно существует невозможно. В связи с этим при исследовании мы можем лишь опираться на представление о том, что «явления реальной действительности, воспринимаемые человеком в структуре деятельности и общения, отображаются в его сознании таким образом, что это отображение фиксирует причинные и пространственные связи явлений и эмоций, вызываемых восприятием этих явлений, и образ мира меняется от одной культуры к другой» [7, с. 152].

Логичным представляется вспомнить «психосемиотический тетраэдр» Ф. Е. Василюка, являющийся одним из вариантов описания связи сознания, смысла, значения. «Психосемиотический тетраэдр» состоит из значения, предметного содержания, личностного смысла, знака (слова), чувственной ткани. Значение, предмет, личностный смысл, знак (слово) – это так называемые «направляющие». Они являются своего рода магнитными полюсами, а чувственная ткань рассматривается как внутренняя «составляющая», которая связывает воедино «направляющие» [3, с. 18].

Таким образом, в рамках антропоцентрического подхода необходимо анализировать язык как один из психических процессов. При этом следует признать, что тексты также служат одним из средств проявления этих психических процессов, так как являются речевыми произведениями, реализующими цели, мотивы говорящего. Они передают определенный набор смыслов, через которые становится возможным восстановить концептуализированный опыт индивида.

В данной статье мы рассмотрим отрывки из текстов, которые были созданы носителями русских старожильческих говоров Среднего Прииртышья. Чрезвычайно важна в них роль слова. Поскольку именно оно отражает особенности текста и функционирует «в качестве средства фиксации продуктов для самого себя и для общения с окружающими» [5, с. 37]. Слово для данных текстов имеет принципиальное

значение еще и потому, что анализируемые речевые произведения были порождены в ситуации естественной речевой коммуникации «для других» и записаны лингвистами. Это устные речевые произведения, созданные «по случаю» и не рассчитанные на «длительное хранение».

Слово для человека является неким звеном, благодаря которому на разных уровнях общения выстраивается какой-нибудь фрагмент событий. Для индивида актуально, с кем он говорит, когда говорит, о чем говорит, т. е. речь его выстраивается по принципу «кто мой собеседник – где я говорю – о чем я говорю», что и определяет особенности текста. Например: *Знашь, что богатых в деревне куркулями называют. Как начнут иногда в конторе ругаться. Вон вчера или позавчера ругались на Шмакова. Сена нахапал богат. А нищий тот, кто не может робить, не может на себя заработать. А Глазуновы молоды, а скотину не держат, картошку не сажают. Каки они нищи? А мы робим, зарабатывать.*

В русских старожильческих говорах Среднего Прииртышья слово в большей степени, чем в системе литературного языка, является средством передачи оценочных категорий, так как при помощи слова носитель региональной разновидности языка выражает свое отношение к происходящему, к окружающей действительности. Он оценивает происходящие явления, опираясь на испытываемые эмоции. Оценка и эмоции взаимосвязаны и находят свое отражение в лексике. Например: *Когда злимся, ругамся, дак можем всяко обозвать друг друга. Например, мегера, страмовка; Пьющих много было. Это вот за это время закодировались большинство. Пьянис по-всякому называем: пьянись, алкоголики, пьянчуги да шарамыжники; А она как свинья напьётся, вытаскаться в грязи и успокоится на этом. Пьянчужка она, шарамыга! Не пьёт, дак губы накрашит, коблук нацепит и пошла по деревне. Зато ни лучинки, ни огурчинки не посажено. А чё ей делать-то.*

Но необходимо отметить, что в говорах Среднего Прииртышья оценку репрезентируют не только лексические единицы, но и высказывания целиком. Отличительной чертой таких способов передачи оценки (в сравнении с высказываниями в литературном узусе) является принадлежность их к определенным речевым жанрам. Последние являются коммуникативными единицами, имеют знаковое выражение.

Как известно, лежащие в основе речевых жанров суждения человека о мире делают жанры «высказываниями, цель которых выразить отношение говорящего к окружающей действительности при помощи лексических и грамматических средств по установленным когнитивным и прагматическим канонам» [1, с. 9–11].

Необходимо обратить внимание на тот факт, что один и тот же языковой материал, по А. А. Залевской, служит основой для его изучения в двух направлениях, поскольку следует вести речь о двух различных продуктах.

1) «Процессы переработки и упорядочения речевого опыта индивида, которые протекают по законам психической деятельности и под контролем социума (и шире – культуры), имеют своим результатом систему концептов и стратегий пользования ими как функциональными ориентирами и опорами» [5, с. 40]. Это означает, что мыслительная деятельность индивида овнешняется по законам психической деятельности, при этом используются разнообразные языковые средства, стереотипные мыслительные структуры воплощаются в стереотипных знаках, индивидуально-субъектные – в особом наборе системных языковых средств. Прежде всего индивид (в нашем случае это носитель русских старожильческих говоров Среднего Прииртышья) перерабатывает информацию по законам психической деятельности. Данная информация приобретает субъективность, так как он всегда оценивает любое явление и выражается с помощью языковых знаков, составляющих систему региональной разновидности языка.

В процессе речевой деятельности продуктом является индивидуальным образом организованный языковой материал, например, тексты, которые в смысловом отношении представляют собой открытую динамическую систему, имеют лексические и синтаксические особенности. Тексты могут быть расценены как непрерывный выход на индивидуальные образы мира «через вырабатываемые по законам психической деятельности перцептивно-когнитивно-аффективно обусловленные образы сознания» [5, с. 43]. При этом образы чужого сознания, например создателя текста и его реципиента, осознаются лишь частично и включены во внутренний контекст разнообразного опыта познания индивида. Образ сознания – это психоментальная величина, которую мы можем смоделировать при помощи лексических единиц. Лексическая единица является достоянием индивида, формируется на базе разных смысловых полей.

Таким образом, первый продукт представляет собой систему смысловых полей, сформировавшихся в процессе речемыследеятельности индивида.

2) Процесс исследования языкового материала под воздействием метаязыковой деятельности ученого имеет своим продуктом описательную модель языка, которая представляет собой систему конструктов.

Лингвист, анализируя и систематизируя языковой материал (тексты), стремится к объективности. Он полностью осознает изучаемый материал, при этом тексты являются стабильной системой, т. е. не испытывают влияния извне. Ученый «опирается на языковую картину мира, которая выводится из значения языковых единиц, путем логико-рационального анализа текстов и словарных дефиниций (первичного и вторичного языкового материала)» [5, с. 43].

Следовательно, второй продукт представляет собой систему научных концепций, взглядов, в которой в качестве единицы выступают конструкты. При этом конструкты являются инструментом описания.

Итак, рассматривая взаимодействие первого и второго направлений, мы можем отметить, что через все составляющие второго направления (систему научных взглядов, концепций) лингвист переходит к первому, в котором исследуется языковой материал, на основе которого выявляются особенности языкового сознания носителей русских старожильческих говоров Среднего Прииртышья:

– субъективность, т. е. отражение индивидуальной точки зрения по отношению к окружающей действительности. Субъективность отображается не только в оценочной лексике, которая обширно представлена в изучаемых говорах, но и в наименованиях эмоций и эмоциональных компонентах слов (Например: *Я нынче картошку огребала, дак Зинка с Татьяной помогли мне. Их нанимала и всё. Не хотят работать – подырьё. Ходют по деревне, слоны пинают, скитаются, из дома в дом переходят; Девчонки то хороши у Нади. Всем помогают, и мне помогают. То водички принесут, то ещё чего сделают. Не гуляют*);

– влияние точки зрения собеседника или его присутствия на речь носителей русских старожильческих говоров Среднего Прииртышья.

Носитель русских старожильческих говоров Среднего Прииртышья осознает и дифференцирует собеседников по принципу «свой – чужой». Если собеседник из той же деревни, то носитель полудialecta не проводит грань между своей речью и литературной, если же собеседник незнаком, то носитель говора начинает разграничивать свою речь и литературную, при этом поясняет слова, присущие говору (Например: *Были и ленивы, дак их подырями, корчагами называли. Вы, наверно, не знаете, кто это; Скалить зубы как огрызаться. Это слово поди знаете?; Вы в городе так не говорите. Мы совсем по-другому говорим, а в соседской деревне по-третьему говорят. Всё везде по-разному*);

– динамичность языковой системы. Исследуемые говоры являются динамической языковой системой, так как постоянно испытывают влияние со стороны литературной речи, просторечия, жаргона, поэтому языковое сознание их носителей находится всегда в развитии;

– у каждого человека есть индивидуальный образ мира, проявляющийся через образы сознания. Чувственная ткань – это единица тела в образе сознания, которая состоит из единиц мира культуры (значение), единиц внутреннего мира личности (личностный смысл), единиц мира языка (знак) [3, с. 6].

Особенности языкового сознания носителей русских старожильческих говоров Среднего Прииртышья заключаются в отношении человека к миру и самому себе, которое опосредовано всеобщими формами общественно-исторической деятельности людей и которое овнешняется при помощи языка. На исследуемой территории это полудialect, т. е. особая языковая структура, складывающаяся под воздействием литературного языка и просторечия. Особенности говора проявляются прежде всего на лексическом уровне, потому что именно на данном уровне отражается языковой опыт носителя языка. В слове реализуются чувства,

мысли носителя региональной разновидности языка, а также оценка окружающего мира. Оценка – это явление, связанное с психическим состоянием человека, т. е. человек неосознанно оценивает окружающую действительность, выражая свое отношение к чему-либо в лексике.

Богатство словарного состава региональной разновидности языка проявляется в передаче языковой традиции другим поколениям, в активном употреблении синонимов и антонимов. Например, синонимический ряд, характеризующий глупого человека: *дундук-дундуком, как малый малайка, как пень горелый, коломенский талапай, на печке заблудиться, не хватает в голове, неполный умом, половина дурака*; синонимический ряд, называющий умного человека: *войти в ум, все дома, в толку, взять в толк, ухо с глазом да редька с квасом* и др.

Лексический и фразеологический уровни являются основой высказываний. Высказывания, несмотря на ситуативность в речи, характеризуются относительной устойчивостью, которая проявляется на смысловом и структурном уровнях. Сознание человека, с одной стороны, отражает мир, существующий объективно, а с другой стороны, в сознании отражаются отношения между миром и человеком, т. е. субъективный аспект. Е. С. Кубрякова отмечает, что «если правильно, что язык кодирует мир, то следует уточнить и то, какой именно «мир» он кодирует – мир «как он есть» или мир нашей психики, мир, данный нам и постигаемый нами в прямом его непосредственном восприятии, или же пропущенный через наше сознание и каким-то образом уже препарированный мозгом, рассудком, интеллектом» [6, с. 63].

Поэтому мы должны рассмотреть объективную и субъективную сторону семантики высказывания. Для рассмотрения объективной семантики высказывания необходимо вновь обратиться к термину «пропозиция». Структура пропозиции обуславливается особенностями отражаемого объекта, поэтому любой семантический тип высказывания обладает своей пропозитивной структурой. «Эта структура, получая воплощение на вербальном уровне, обладает свойством варьировать по многим параметрам: по количеству компонентов пропозиции, по условиям их лексического замещения, по степени эксплицированности, по коммуникативной значимости элементов пропозиции» [4, с. 29]. Основным способом оформления пропозиции в русских старожильческих говорах Среднего Прииртышья является предикативная конструкция, а начальная единица анализа – элементарная высказывание, которое может быть включено в другие высказывания.

Таким образом, объективная сторона семантики формализуется на уровне пропозиций, которые, в свою очередь, соответствуют определенным семантическим моделям.

Субъективная сторона семантики проявляется в модусе, который представляет собой субъективные значения, исходящие от говорящего. Речь региональной разновидности языка представляет собой источник для исследования модусных смыслов, потому что отображает разнообразные ситуации общения. Особое внимание необходимо уделить анализу речевых жанров, так как именно они являются основной модусной категорией, которые определяют такие семантические смыслы высказывания, как:

– персуазивность – «это оценка говорящим объективного содержания предложения со стороны его достоверности – недостоверности, выражение уверенного или неуверенного знания;

– целеустановка – это выражение коммуникативного задания говорящего, того, намерен ли он только передать заключенную в предложении информацию собеседнику или имеет целью узнать у него нечто по поводу передаваемого;

– авторизация – указывает на источник излагаемой информации» [2, с. 683–685].

Итак, основная модусная категория, свойственная русским старожильческим говорам Среднего Прииртышья, – речевой жанр. С помощью речевого жанра мы можем составить портрет человека, описать его, проследить его жизненный путь. Персуазивность в говорах пересекается с авторизацией и оценочностью. В целом субъективная семантика высказываний представляет собой целостное отражение окружающего мира.

Таким образом, языковое сознание носителей русских старожильческих говоров Среднего Прииртышья овнешняется при помощи лексических, фразеологических единиц, высказываний.

Языковой материал имеет свои особенности. Эти особенности обуславливаются различными факторами. Если непосредственный деятельностный опыт человек получает в условиях постоянного или практически постоянного проживания в определенной местности, имеющей свои географические, экономические, культурные черты, то вся система образов сознания будет его отражать. Если для данной территории распространенной является конкретная разновидность нелитературного языка, то эта система образов сознания как перцептивно-когнитивно-аффективных образований будет связана именно с единицами этого языка.

1. Баранов А. Г. Функционально-прагматическая концепция текста. Ростов н/Д, 1993. 182 с.
2. Белошапкина В. А. Современный русский язык. М., 1989. 800 с.
3. Василюк Ф. Е. Структура образа. // Вопросы психологии. 1993. № 5. С. 5–19.
4. Демешкина Т. А. Теория диалектного высказывания. Аспекты семантики. Томск, 2000. 188 с.
5. Залевская А. А. Языковое сознание и описательная модель языка // Методология современной психолингвистики: сб. ст. М.; Барнаул. 2003. С. 35–49.
6. Кубрякова Е. С. Части речи с когнитивной точки зрения. М., 1997. 326 с.
7. Уфимцева Н. В. Языковое сознание и образ мира славян // Языковое сознание и образ мира. Сб. ст. / отв. ред. Н. В. Уфимцева. М., 2000. С. 152–170.
8. Ушакова Т. Н. Языковое сознание и принципы его исследования // Языковое сознание и образ мира. Сб. ст. / отв. ред. Н. В. Уфимцева. М., 2000. С. 13–23.

ИСТОРИЯ

Маковский Ю. В.

Символика нацистского движения в германии
в 1920–1940-е гг.

Михеев А. П.

Пенитенциарная преступность в Тобольской каторге
в начале XX века: проблемы тюремного надзора

Чуркин М. К.

Иван Грозный в научном творчестве Сигурда Шмидта:
случай одного прорыва в историографии

**СИМВОЛИКА НАЦИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ
В ГЕРМАНИИ В 1920–1940-е ГГ.**

В статье рассматривается символический язык национал-социалистского движения в Германии в период его борьбы за власть и в годы нацистской диктатуры. Целью работы является выявление происхождения, функций, значения символических форм, атрибутики нацистского движения. Источниками для них были арийская мифология, мистика, легендарные образы Священной Римской империи германской нации и многое другое. Используемая пропагандистской машиной, нацистская символика соответствовала задачам тоталитарного государства.

Ключевые слова: национал-социализм, национализм, государственная символика, свастика.

Германский национал-социализм, как и все тоталитарные государства, имел тщательно разработанную символику, поскольку нацисты придавали символическому языку большое значение. Гитлер полагал, что символы партии должны воздействовать на сознание масс, чтобы таким путем убедить народ в перспективности нацистов, вызвать ностальгию по стародавним героическим временам, желание вернуть героизм нордических первоначал, связать с поддержкой нацистского движения.

Целью настоящей статьи является выяснение истоков, функций и значения символики национал-социалистского движения Германии в процессе борьбы за власть и в годы нацистской диктатуры.

Как отметил О. Ю. Пленков, государственная и партийная символика Третьего рейха была важнейшим средством приведения в соответствие революционного стиля национал-социалистской германской рабочей партии (далее – НСДАП) и внешней динамичной формы нацистского движения [7, с. 397]. Также следует заметить, что символика Третьего рейха, вообще нацистского движения, тесно связана с мистическими представлениями.

В современной историографии, зарубежной и отечественной, не выработано определенного подхода в трактовке мистического фактора нацизма. Во всяком случае, не отрицается важная роль символики и мистики в процессе внедрения в массовое сознание основополагающих постулатов нацистской идеологии. Известный швейцарский психолог, философ К. Г. Юнг писал, что факельные шествия, использование архаической символики свидетельствуют о вторжении сил, которые намного превосходят человеческий разум [11, с. 18].

Сам Гитлер утверждал, что национал-социализм как массовое движение основывается на рациональной теории. Выступая в 1936 г., он сказал, что «у истоков наших программных требований стоят не таинственные и мистические силы, но ясное сознание и открытая рациональность» [10, с. 155]. Все же известно, что Гитлер интересовался мистикой и мифологией, особенно в период его жизни в Вене. Во всяком случае представляется, что опасна не переоценка мистического в нацизме, а ее отрицание.

**SYMBOLISM OF THE NAZI MOVEMENT
IN GERMANY IN THE 1920S–1940S**

In the article the symbolic language of the National Social movement in Germany in the period of its race for power and in the years of Nazi dictatorship is examined. The objective of this work is to elicit the origin, the functions, and the meaning of the symbolic forms and attributes of Nazi movement. Aryan mythology, mysticism, legendary images of the Holy Roman Empire of the German nation and many other things served as a source for those. Used by a propagandist machine, the Nazi symbolism corresponded to the tasks of the totalitarian state.

Key words: National Socialism, nationalism, state symbolism, swastika.

Одним из источников увлечения Гитлера арийской мифологией могло быть общество «Туле», созданное в Мюнхене бароном фон Зеботтендорфом в январе 1918 г. как отделение так называемого «Германского ордена». Целью ордена, созданного еще накануне Первой мировой войны, было распространение и насаждение пангерманского расистского культа. Обществу Туле был свойственен крайний национализм, расовый мистицизм и оккультизм. Символом общества был вертикальный обнаженный меч на фоне свастики, а орденский значок представлял собой бронзовую брошь со свастикой, переkreщенной двумя копиями [6, с. 18]. Правда, нет никаких прямых доказательств того, что Гитлер принимал участие в ритуальных заседаниях общества, хотя известно, что в его составе были в будущем видные члены НДСАП: Д. Эккарт, Р. Гесс, А. Розенберг и др. [5, с. 17]. Как и многие подобные общества в Германии, общество Туле широко использовало мистические символы, в том числе свастику, сложные магические ритуалы. Девиз общества: «Помни, что ты немец. Храни свою кровь в чистоте», – довольно полно отражал суть мировоззрения его членов.

В масонских кругах была очень популярна так называемая «арийская теория» сына британского адмирала Х. С. Чемберлена, автора известной книги «Основы XIX века». По воспоминаниям современников, Гитлер ценил умение масонов влиять на людей с помощью символов магического культа. Есть даже свидетельство того, что он учился языку жестов у астролога [7, с. 396].

Все же у Гитлера как политика, обладавшего почти безошибочным политическим инстинктом [8, с. 40], был определенный скептицизм в отношении оккультных наук, но он значительно уменьшился после 1933 г., и в Германии стал усиленно подогреваться интерес к мистическим представлениям о германской старине, в особенности к легендарным образам Священной Римской империи немецкой нации. Главным героем этих представлений был император династии Гогенштауфенов Фридрих I Барбаросса (1122–1190). По легенде, дух Барбароссы бодрствует в пещере горы Киффгойзер в Тюрингии. Если нация окажется в опасности, император выйдет из своего укрытия и спасет свой народ.

Символы, наименования, исторически важные географические пункты не только обрели былое значение после прихода нацистов к власти в Германии, но и под воздействием целенаправленной политики, точно выверенных методов и средств пропаганды стали объектами поклонения. Например, городок Браунау в Австрии, место рождения Гитлера. Возрождались старинные названия, термины, возвращался готический шрифт, сменяя более удобный – латинский. Далекое прошлое символизировало чистоту и гармонию.

Главным символом нацизма была свастика, которая с конца XIX в. почиталась у различных почвеннических, националистических и расистских групп в Германии (так называемых фелькише. – Ю. М.) как символ арийского обновления. Впервые нацисты публично появились со свастикой в августе 1922 г. в Мюнхене [7, с. 398].

Свастика имеет весьма древнее происхождение, при ее толковании возможны самые широкие обобщения и допущения. Свастика известна со времен палеолита, ее находили у семитских народов, в Индии, в Китае, в античной Греции. В Северной и Центральной Европе она известна с IV в. до н. э. Этот знак долгое время был символом тевтонских рыцарей. Считается, что свастика является символом солнечного шествия, символом плодородия и возрождения жизни. Есть и другие интерпретации свастичной символики [3, с. 44].

И в начале XX в. знак свастики был достаточно широко распространен. Например, Временное правительство в России в 1917 г. использовало матрицы с изображением свастичного символа-Коловрата на фоне двуглавого орла для выпуска денежных купюр достоинством 250 и 1000 рублей. В годы гражданской войны в нашей стране были проекты, которые предлагали использовать свастику вместо красной звезды [7, с. 401].

Для нацистов свастика являлась не только партийным символом, но и символом арийской расы, что было важно для них, особенно до января 1933 г., поскольку в пропагандистских целях они утверждали, что представляют не партию, а народное движение. Для Гитлера свастика была символом расы и по его собственноручному рисунку вставлена в партийный значок и появилась на знаменах НСДАП как символ движения. В своей книге «Майн кампф» он писал, что свастика имеет антисемитский смысл: она отображает «миссию борьбы за победу арийского человека и одновременно победу творческого производительного труда, который всегда был чужд евреям» [2, с. 137].

Был ли выбор Гитлером свастики в качестве символа НСДАП доказательством преемственности между нацизмом и движением фелькише? Несмотря на всю неприязнь Гитлера к фелькише, которую он неоднократно высказывал, можно предполагать, что скорее да, чем нет. Как показывает история национал-социализма, Гитлера не смущало заимствование тех или иных приемов, методов борьбы, символики у идейных противников, например у коммунистов.

Важным символом нацизма был партийный флаг, красный, с белым кругом посередине и вписанной в него свастикой. Флаг для партии разработал лично Гитлер. Красное поле флага, по Гитлеру, символизирует социальную идею движения, белое – национальную идею, черный свет свастики – борьбу за победу арийского движения, в то же вре-

мя он символизировал творчество [2, с. 136]. Соединение свастики с цветами старой имперской Германии «Второго рейха» считается очень удачной находкой Гитлера.

Говоря о символике цвета у НСДАП, нельзя не упомянуть о коричневом. На первом съезде партии в январе 1923 г. штурмовики впервые маршировали на Марсовом поле в Мюнхене в коричневых рубашках перед Гитлером, а официально коричневый цвет был признан партийным цветом в феврале 1925 г.

Прежний республиканский, черно-красно-золотой расцветки флаг был отменен в марте 1933 г., а в 1935 г. законом о флаге государственными цветами были установлены черно-бело-красный со свастикой, т. е. партийный флаг НСДАП стал государственным флагом Германии.

К числу символов Третьего рейха, причем символов государственных, относится крест. В разных культурах он символизировал высшие сакральные ценности: жизнь, плодородие, бессмертие. Крест известен с глубокой древности. Для нацистов было характерно соединение креста и свастики, что должно было символизировать связь Третьего рейха с героическими традициями прошлого.

Важную роль в государственной символике нацистов играл орел, причем этот символ использовался еще до 1933 г. На съезде НСДАП в Мюнхене Гитлер торжественно освятил 4 штандарта для штурмовых отрядов партии. Освящение состояло в символическом прикосновении к «знамени крови», которое на демонстрации в Мюнхене несли национал-социалисты в ноябре 1923 г. во время неудавшегося «пивного путча». На каждом освященном штандарте была изображена свастика в обрамлении дубовых листьев, которую держал в когтях взлетающий орел. Взлетающий орел должен был указывать на постоянно растущее влияние НСДАП. Орел-символ, апеллирующий к имперскому началу, известный со времен императорского Рима, часто являлся атрибутом абсолютной власти и символизировал прозорливость [9].

Высокий статус орла как государственного символа в Третьем рейхе не в последнюю очередь поддерживался антисемитскими мотивами, потому что в антисемитском фольклоре Германии орел считался «арийцем животного мира» [7, с. 399].

Символы, эмблемы, атрибутика национал-социализма, тщательно продуманные, не без художественного вкуса оформленные, в своем символическом, смысловом значении имели огромный пропагандистский эффект. Во время шествий, парадов, которых в нацистской Германии проводилось великое множество и по всякому поводу, фасады домов драпировались цветными декорациями, знаменами, вымпелами, эмблемами и символами нацистского движения. Эта символика являлась, в известном смысле, отражением представлений нацистов об идеальном народном сообществе. Ведь все символы мифологического порядка – униформы, жесты, парады, ритуалы – не просто являлись техниками нацизма, не только знаками отличия, они становились осуществлением грез [4].

Символика и атрибутика отвечали задачам тоталитарного государства. «Тысячелетний рейх» был, вероятно, самым «униформированным» государством в мире за все 12 лет своего существования. В Германии этого времени

униформу носили почти все, начиная с десятилетнего возраста. Униформа требует соответствующих знаков различия и прочих атрибутов, что, вероятно, отражает стремление к порядку, иерархии и унификации. Униформа в нацистской Германии – это инструмент массовой мобилизации.

Конечно, было бы опасным преувеличением утверждать, что символический ряд, атрибутика национал-социализма обеспечили ему массовую поддержку населения почти до самого конца войны. Но то, что они были существенными элементами идеологического, эмоционального воздействия вкупе с активизмом нацистов в самых разных сферах общественной жизни, системой тотального контроля, не подлежит сомнению.

Особенно нацисты преуспели в привлечении на свою сторону молодого поколения Германии. Решающих успехов в этом деле они добились, придя к власти, но и до 1933 г. десятки тысяч молодых людей в униформе структур НСДАП маршировали в колоннах, украшенных нацистской символикой. Эта символика была многообразна, отражала культ юности, здоровья, силы, воинственности. Мечи, щиты, стальные шлемы, руны в сочетании со свастикой, орлом, факелом хорошо соотносились с настроениями молодежи 1920-х и 1930-х гг., с их готовностью к борьбе, к самопожертвованию, стремлению найти идеал, героя-вожжа, способного выразить настроения и желания молодых [1, с. 810, 852, 975]. В этом смысле символом национал-социализма был сам Гитлер.

В целом, можно отметить, что символический ряд, атрибутика играли важную мобилизующую роль еще до прихода нацистов к власти. С 1933 г. значение их только усилилось. Все символы, атрибуты, ритуалы нацистского движения были нацелены на культивирование не рациональных,

а эмоциональных и иррациональных чувств и реакций. Не случайно в дискурсе нацистов важное место занимали такие понятия, как борьба, воля, сила, раса, народная общность и др. Символы, знаки, атрибутика, приметы играли важную мобилизующую роль, придавали нацистскому движению форму, цвет, узнаваемость.

Некоторые нацистские символы и эмблемы: свастика, «мертвая голова», двоянная руна (символ СС) – в сознании миллионов людей воспринимаются теперь как знаки насилия, крови и смерти.

1. Die Bundische Zeit. 1920–1933. Dusseldorf, Köln, 1974.
2. Hitler A. Mein Kampf. Bd. 2. München, 1940. 781 s.
3. Канетти Э. Версальские заклинания // Новое время, 1994, № 35.
4. Лаку-Лабарт Ф., Нанси Ж.-Л. Нацистский миф / пер. с фр. С. Л. Фокина. СПб., 2002. 78 с.
5. Линденберг К. Технология зла: к истории становления национал-социализма. М., 1997. С. 112.
6. Опитц Р. Фашизм и неофашизм. М., 1991.
7. Пленков О. Ю. Третий рейх. Социализм Гитлера. СПб., 2004. 480 с.
8. Пленков О. Ю. Третий рейх. Нацистское государство. СПб., 2004. 478 с.
9. URL: <http://sigils.ru/symbols/orel.html>
10. Talgern V. Heroismus und Weltanschauung. Helsinki, 1981. 288 s.
11. Юнг К. Архетип и символ. М.: Ренессанс, 1991. 304 с.

© Маковский Ю. В., 2013

УДК 94(571.1) «1905/1907»

U.D.C 94(571.1) «1905/1907»

А. П. Мухеев

A. P. Mischeev

ПЕНИТЕНЦИАРНАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ В ТОБОЛЬСКОЙ КАТОРГЕ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА: ПРОБЛЕМЫ ТЮРЕМНОГО НАДЗОРА

В статье впервые в отечественной историографии рассматриваются проблемы надзора за арестантами на Тобольской каторге. Выявляются факторы, которые негативно воздействовали на тюремный режим, способствуя росту пенитенциарной преступности в начале XX века.

Ключевые слова: пенитенциарная преступность, Тобольская каторга, тюремный надзор, тюремный режим.

PENITENTIARY CRIME IN TOBOLSK PENAL COLONY AT THE BEGINNING OF THE XX CENTURY: PROBLEMS OF PRISON SUPERVISION

In this article for the first time in the national historiography the problems of supervision of the prisoner sat Tobolsk penal colony is considered. The factors are revealed, which affected the prison regime negatively, promoting the growth of the penitentiary crime at the beginning of the XX century.

Key words: penal crime, Tobolsk penitentiary, prison supervision, prison regime.

Каторга в Тобольске была основана в 1868–1875 гг. К 1878 г. здесь уже функционировали три каторжные тюрьмы. В первой половине 1880-х гг. их осталось две, а с 1905 г., когда тюрьма № 2 сгорела, – одна – каторжная тюрьма № 1, просуществовавшая до 1917 г. Таким образом, Тобольская каторга – ровесница тюремных преобразований последней четверти XIX в., придавших облику российской пенитенциар-

ной системы более цивилизованный характер. Она формировалась, организационно крепла в условиях и под воздействием происходивших перемен. После череды реорганизаций, связанных с реализацией тюремной реформы, к началу XX в. в ней установились относительное спокойствие и стабильность. Каторга основательно преобразилась. Произошло это благодаря решению масштабных задач. Улучши-

лось санитарное состояние тюрем, качество арестантского питания, стали формироваться библиотечные фонды, созданы были условия для производительного труда. Организация арестантских работ являлась предметом особой гордости тюремных властей. За годы реформ появился не один десяток различных ремесел, получили развитие и художественные промыслы, а в 1890-х гг. дело дошло до крупного внутритюремного производства: в каторжной тюрьме № 1 была открыта суконная фабрика, а в тюрьме № 2 – ковровая. Тюремные власти как в центре, так и на местах не без оснований полагали, что комплексный характер реформ приведет к устранению причин, оказывающих дестабилизирующее влияние на арестантскую среду, улучшит внутритюремные взаимоотношения и, в конечном счете, приведет к снижению преступности в тюрьмах.

Реформы действительно нанесли ощутимый удар по пенитенциарной преступности. Менялся привычный уклад жизни в местах заключения. Тюремный персонал в условиях преобразований старался работать с учетом современных требований к осуществлению надзорных функций. Теряла позиции и безбрежное влияние на арестантов «воровская» субкультура. Имевшая давние традиции, она с большим нежеланием отказывалась от своих привилегий, но тем не менее уступала. Состояние Тобольской каторги в конце XIX в. свидетельствовало о том, что ставка на гуманизацию заключения, смысл которой состоял в трансформации каторжных тюрем из мест «кары» и глумления над заключенными в места их возможного перевоспитания, была абсолютно оправданной.

Обстановка в тюрьмах начала меняться в начале XX в. Происходило это постепенно, но тенденция была очевидна. Стабильность, характерная для предыдущих лет, исчезала, каторга становилась беспокойной, обрастая протестными настроениями. Их апогей пришелся на конец 1905 – начало 1906 г. Дошло до того, что в январе 1906 года для восстановления порядка власть вынуждена ввести в каторжную тюрьму № 1 войска [5]. Однако спокойствие оказалось кратковременным. Вскоре протесты в разнообразных формах вновь возобновились. Тюрьмы в Тобольске пережили всплеск пенитенциарной преступности. В 1905–1907 гг. в их истории запечатлены и особо трагические события, связанные с самыми крайними формами борьбы заключенных – бунтами как в самих тюрьмах, так и на этапах.

Причины ухудшения внутритюремного состояния, когда практически все из ранее достигнутого в ходе реформ прошлых лет пошло прахом, коренились в ряде взаимообусловленных и проявившихся почти одновременно обстоятельствах. Они имели как внутреннее, так и внешнее происхождение. Утрата стабильности на Тобольской каторге, завершившаяся полным хаосом 1905–1907 гг., – результат изменений в составе узников, а также воздействия на тюрьмы общероссийской политической обстановки. Влияние иных факторов (обстоятельств) было опосредованным, производным от этих двух.

Изменения в контингенте заключенных стали наблюдаться в конце XIX в., но уже в начале XX в. они приобрели принципиальный характер, незамедлительно сказавшись негативно на тюремном режиме. Во-первых, произошло увеличение численности долгосрочных заключенных,

осужденных на 8 и более лет. Тобольская каторга изначально была рассчитана на содержание именно таких арестантов, но в XX в. их количество продолжало расти. Уже к 1908 г. их было 77 %, а к 1909 г. – 84 %. Самым печальным для надзора было то, что внутри этой категории узников особенно быстрыми темпами росла численность приговоренных к самым длительным срокам заключения – к 20 и более годам, вплоть до пожизненной каторги. Если в 1898 г. их было 6,2 % от общего числа каторжан, то в 1909 г. стало 12,1 %. В последующие годы количество долгосрочных заключенных увеличилось до 16–18 % [6, с. 95]. Длительные приговоры выносились за особо опасные преступления (убийства, покушения на них, участие в грабежах и разбоях, истязание, нанесение физических увечий и т. д.), а также рецидивистам, т. е. тем, кто имел неоднократные проблемы с правосудием. Последние по признанию самих чиновников Главного тюремного управления, относились к категории заключенных, неспособных к исправлению и воспитанию. Их соседство с другими арестантами считалось фактором, дестабилизирующим и усугубляющим положение в тюрьмах. Тем не менее Тобольская каторга являлась самым подходящим для них местом заключения. Уже первая партия каторжан, прибывших сюда в 1875 г., полностью состояла из рецидивистов. В конце XIX – начале XX вв. каждый пятый или шестой арестант каторжной тюрьмы № 2 был представителем рецидивной преступности [3], а к 1908 г. уже каждый четвертый каторжанин оказался на каторге не в первый раз [6, с. 97; 4]. Надзор за такими заключенными был чрезвычайно сложным делом. Многие из них отличались буйным нравом и поведением, постоянно вступали конфликты друг с другом и тюремным начальством.

Во-вторых, отметим, что изменения произошли внутри самой категории рецидивных преступников. Рецидивист рецидивисту рознь. Рецидивисты пореформенных лет – индивидуумы хотя и сложные, с трудом, но все же поддающиеся пенитенциарному воздействию. Они еще традиционалисты, следовавшие в русле сугубо воровской субкультуры, не вступавшие в антагонистические отношения с государством. Рецидивисты новой эпохи уже вступили на очень опасный для традиционной преступности путь противостояния с государством. Они – особый уголовно-политический тип преступников, сформировавшийся вследствие революционной экзальтированности переживаемой эпохи. К тому же среди рецидивистов также стали преобладать осужденные к длительным срокам заключения, а следовательно, особо опасные преступники. Нести службу, изо дня в день соприкасаясь с теми, кто являл собой законченный тип отъявленных головорезов, – тяжкий крест тюремной администрации и надзирателей.

В-третьих, изменения возрастного, национального и профессионального составов заключенных также повлияли на стабильность каторги. В начале XX в. основная часть арестантов находилась в возрасте до 30 лет [2]. Среди них немало было таких, которые не успели определиться ни в профессиональном, ни в гражданском отношении. Они приобрели криминальный опыт в условиях растущего в обществе политического противостояния. Но в тюрьме кроме него необходим был и обычный житейский опыт, не обладая которым они не могли адекватно оценить обстановку. Поэтому

зачастую действовали по инерции, провоцируя смуту и становясь ее жертвами. Такие заключенные – главный кадровый источник внутритюремных протестов.

В начале XX в. Тобольская каторга стала более интернациональной, чем она была в пореформенное время. Если в 1870–1880-х гг. заключенные пребывали в Тобольске в основном из центральных губерний России, то на рубеже веков и в начале XX в. – из российских окраин: Средней Азии, Кавказа, Закавказья, Польши, Прибалтики. Религиозный состав каторжников также претерпел изменения. К 1905 г. почти 50 % заключенных являлись иноверцами, среди которых преобладали лица магометанского вероисповедания [1, с. 47]. Заключенные этой категории, за редким исключением, были абсолютно неграмотными, не умели читать, писать, не могли вообще объясняться на русском языке. Обладая особой ментальностью, они не склонны были серьезно воспринимать все пенитенциарные изыски тюремной администрации в смысле организации арестантских работ, воспитательных мероприятий, основанных прежде всего на элементах православной культуры. К тому же, и самому тюремному надзору было слишком сложно перестроиться на слаженную работу с таким многоликим интернациональным и конфессиональным хором, у него не было опыта согласовывать интересы людей, имевших абсолютно разные ценностные ориентации. Необходимо признать, что для работы с такими заключенными у властей в Тобольске в начале XX в. объективно не было никаких возможностей: отсутствовала литература на родных языках заключенных, не хватало необходимого объема арестантских работ. Внешние беспокойные условия также не позволяли сконцентрироваться на решении всех этих проблем, прямым образом оказывали отрицательное влияние на каторгу.

И все же решающее влияние на дестабилизацию обстановки на Тобольской каторге оказали факторы, имевшие общее содержание. Опасность для тюрьмы исходила от появившихся в ней политических арестантов и от либерально-демократической общественности Тобольска, которая в угаре революционных помыслов добивалась освобождения заключенных за политически мотивированные преступления. Революция способствовала дезорганизации всего тюремного дела в империи.

В начале XX в. каторжные тюрьмы в Тобольске ускоренно эволюционизировали, превращаясь в уголовно-политические. С приходом сюда политических преступников изменилось течение всей тюремной жизни. До них каторга не знала широкого протестного состояния. Чрезвычайные происшествия были редкими и быстро локализовывались. Совсем по-иному стали развиваться события в условиях массовой политической каторги. Политические заключенные своим присутствием в тюрьме разрушали не только сложившийся баланс интересов уголовных группировок, но и ставили под сомнение всю практику тюремных отношений. Надзору, привыкшему взаимодействовать лишь с уголовниками, пришлось столкнуться с необычной для себя ситуацией. Они не имели опыта работы с таким контингентом заключенных, которые и в тюрьме продолжали действовать в русле событий, происходящих на воле, и вовсе не склонны были перевоспитываться в духе пенитенциар-

ных требований. Политические новой эпохи являли собой доселе невиданный продукт генерации преступности в Российской империи. Они представляли гремучую смесь уголовных инстинктов, составлявших их главную суть, и политического антуража, обусловленного революционным лихолетьем. Проблема для тюремного надзора состояла не в том, что такие заключенные стали нежелательной реальностью, а в том, что их количество стало массовым. Апеллируя к традициям старой политической тюрьмы, они, как и предыдущие поколения политических, игнорировали официально утвержденные принципы пенитенциарной политики. Их массовый протест, неподготовленному к новым условиям надзору было чрезвычайно сложно локализовать и нейтрализовать. Мешали этому и условия содержания заключенных. Для их изоляции не хватало специальных помещений. Такое положение было также обусловлено их массовостью. У тюремной администрации не было вариантов: соблюсти принцип отдельного содержания политических заключенных от сугубо уголовной части каторги зачастую было делом невозможным.

Положение надзора усугублялось еще и тем обстоятельством, что в отличие от прошлых лет политические узники «новой волны» в силу своей криминальной близости не обособлялись от уголовной части каторги, наоборот, они стремились взаимодействовать с ней и воздействовать на нее, выводя ее таким образом из-под тотального контроля тюремной администрации. Политические заключенные разлагающим образом действовали на уголовников, нередко призывали их к совместным действиям против «общего врага». Взрыв протестных настроений среди каторжан 1905–1908 гг. – результат коллективных действий двух частей каторги – уголовной и политической. Уголовники проявляли не меньший интерес к участию в них. Самые яркие из конкретных проявлений такого «сотрудничества» – поджог суконной фабрики, после чего трудовое воспитание заключенных практически прекратилось, и январский бунт 1908 г. в каторжной тюрьме № 1. Одно время тюремный персонал впал в полнейшую прострацию, бездействовал, не находя поддержки со стороны губернских властей и городской общественности.

Еще одним проявлением революционного насилия, способствующим росту преступности в тюрьмах, была дезорганизация работы надзора. Служба тюремщиков стала не только не престижной, но и опасной. Революция вымывала кадры. И без того проблемное в кадровом отношении ведомство было буквально опустошено революцией. Кадровый «голод» утолялся людьми, которые в основном не соответствовали стоявшим перед тюремным ведомством задачам. В таком положении до комплексных тюремных преобразований после 1907 г. дело так и не дошло. Все закончилось лишь проектом преобразований каторги, который, однако, не получил законодательного оформления. Это не могло не сказаться на тюремной политике в целом. Потенциал восстановления тюрем и дальнейшего их реформирования безнадежно иссякал. На это тюремному ведомству не было отпущено исторического времени. Революция 1917 г., приняв разрушительную эстафету от революции прошлой, окончательно развалила всю тюремную организацию самодержавия.

1. Бортникова О. Н. Тобольская каторжная тюрьма // Западная Сибирь: история и современность. Краеведческие записки. Нижневартовск, 1998. Вып. 1. С. 45–58.

2. ГАРФ. Ф. 122. Оп. 6. Д. 4868.

3. ГУТО ГАТ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 36.

4. ГУТО ГАТ. Ф. 15. Оп. 2. Д. 5. Л. 13.

5. Михеев А. П. Происшествия на Тобольской каторге (хроника событий 1905–1917 гг.) // Известия Омского госу-

дарственного историко-краеведческого музея. 2006. № 12. С. 275–284.

6. Михеев А. П. Тобольская каторга. Омск: Изд-во ОмГПУ; ООО «Изд-во дом «Наука», 2007. 344 с.

© Михеев А. П., 2013

УДК 930.2
U.D.C. 930.2

М. К. Чуркин
M. K. Churkin

ИВАН ГРОЗНЫЙ В НАУЧНОМ ТВОРЧЕСТВЕ СИГУРДА ШМИДТА: СЛУЧАЙ ОДНОГО ПРОРЫВА В ИСТОРИОГРАФИИ

В статье рассматривается новаторский подход С. О. Шмидта к оценке проблемы становления самодержавия в России в период правления Ивана Грозного. Обращение историка к биографическому жанру с использованием источников личного происхождения позволило С. О. Шмидту выявить представления, взгляды, настроения, образ мыслей современников российского монарха. Отличительной чертой концепции историка явилось расширение спектра биографических сюжетов эпохи, а использование метода дискурсивного анализа персональных текстов позволило избежать «осовременивания» истории. Обращение к авторским текстам московского царя, во многом компенсировавшим дефицит источников по истории России XVI в., дало возможность С. О. Шмидту говорить о новаторстве литературного языка монарха, формировании новой литературной традиции и, наконец, о рождении нового типа государя.

Ключевые слова: самодержавие, биография, персональный текст, монарх, дискурсивный анализ.

IVAN THE TERRIBLE IN THE SCIENTIFIC WORK OF SIGURD SCHMIDT: THE CASE OF A SINGLE BREAKTHROUGH IN HISTORIOGRAPHY

The article discusses S.O. Schmidt's innovative approach to the assessment of problems of autocracy formation in Russia during the reign of Ivan the Terrible. The investigation of biographical genre using the sources of personal origin allowed S.O. Schmidt to identify perceptions, attitudes, moods, mode of thought of the Russian monarch's contemporaries. The distinctive feature of the historian's conception was to expand the spectrum of biographical stories of the era. The use of the method of discursive analysis of personal texts helped to avoid «updating» of the history. The investigation of the original texts of Moscow Tsar made good a deficit of sources on the history of Russia of the 16th century and gave S.O. Schmidt an opportunity to talk about the innovation of the monarch's literary language, the formation of a new literary tradition, and finally, the birth of a new type of the sovereign.

Key words: autocracy, biography, personal text, monarch, discourse analysis.

Сигурд Оттович Шмидт широко известен в научном обществе как историк, археограф, человек, создавший школу источниковедческих исследований. Будучи учеником М. Н. Тихомирова, С. О. Шмидт вёл активную краеведческую работу, нашедшую выражение в изучении и осмыслении истории Москвы, неразрывными нитями связанную с историей Московского централизованного государства, представлявшего собой стартовую площадку формирования государства российского, существующего и поныне. Центральной темой научных исследований историка на протяжении длительного времени являлась проблема формирования и становления самодержавной власти в эпоху Ивана Грозного, отражённая во многих его трудах и вошедшая в общероссийскую историографическую коллекцию во многом в силу специфического, нестандартного взгляда на личность и государственную деятельность самого обсуждаемого российского монарха [4].

Одна из ключевых идей С. О. Шмидта, касающаяся оценки Ивана Грозного, в том, что личность русского царя определила «физиономию» времени. По мнению историка,

сонм научных монографий и историко-публицистических сочинений, посвящённых московскому государю, в значительной степени отражают социально-политическую и культурную ситуацию эпохи. Работы по истории России второй половины XVI в. – это в основном труды, актуализирующие проблему личности Ивана IV в контексте исторического времени [1, с. 22–53; 256–328; 300].

Личность Ивана IV в исторической матрице – один из растиражированных сюжетов историографии, равно как и традиция историко-биографического жанра. Однако Шмидту удалось прочувствовать методологическую специфику биографии как жанра исторического исследования. В его историописании эпохи Грозного биографический сюжет становится фактом историографии через взаимодействие героя и автора, связанного с эпохой через источники, отражающие взгляды, настроения, представления, образ мыслей современников XVI в. В этой связи С. О. Шмидт в какой-то мере интуитивно, сквозь многолетний опыт источниковедческой работы, вплотную подошёл в исследованиях времени Ивана Грозного к пониманию (вернее

сказать, ощущению) необходимости новых исследовательских задач и процедур. Очевидно, что создание биографического пространства невозможно без вдумчивой оценки персональных текстов, позволяющих обнаружить новый предмет исследования – историю одной жизни во всей её уникальности и полноте.

Во многом поэтому отличительной чертой исторической концепции Шмидта в оценке исследуемой эпохи и личности Ивана является, во-первых, расширение спектра биографий, в который помещена не только фигура грозного царя, но и люди из ближайшего окружения (Адашев, Курбский, Сильвестр, Макарий, Висковатый), выступавшие в предшествующих и многих параллельных трудах в качестве фоновых персон. В результате такого взаимодействия и даже взаимосуществования биографий исчезает навязанная предшественниками одиозность психологических характеристик Ивана Грозного, данная в трудах замечательных историков – Карамзина, Ключевского, Костомарова [2].

Во-вторых, использование Шмидтом метода дискурсивного анализа персональных текстов (переписка Грозного с Курбским, духовная грамота, послание английской королеве Елизавете, Роките, Баторию) позволяет историку вырваться из «порочного» круга «осовременивания» истории, когда оценка личности производилась по лекалам представлений историописателя о реальном времени и текущем социально-политическом и социокультурном контексте.

Соблазну «осовременивания» истории в российской историографии эпохи Грозного с одинаковой силой были подвластны учёные мужи XVIII, XIX и большей части XX в., что не отменяет выдающегося вклада исследователей в осмысление проблемы, но всегда способствовало развороту темы на мелководье: позитивные и негативные оценки личности московского государя. Нельзя однозначно утверждать, что С. О. Шмидт был «белой вороной» исторического цеха. В монографиях и статьях, посвящённых становлению самодержавия в России, он также не избежал традиции приобщения к группе историков, негативно оценивавших опыт организации власти и управления во времена Ивана Грозного. Вместе с тем историк в своих научных построениях избрал путь движения не от источника к личности, а от личности к эпохе, что несомненно открывало инновационные траектории научной рефлексии эпохи.

Обращение к авторским текстам московского царя, во многом компенсировавшим дефицит источников по истории России XVI в., дало возможность С. О. Шмидту говорить о новаторстве литературного языка монарха, формировании новой литературной традиции и, наконец, о рождении нового типа государя, прекрасно ориентировавшегося в современном делопроизводстве, знавшего философские тексты и понимавшего богословскую элоквицию эпохи. Именно здесь Шмидт, как бы «выламываясь» за рамки историографической традиции, пытается рассуждать о ка-

тастрофичности ситуации, сообразно с которой государь богоизбранный, зафиксированный предшествующим опытом реализации царской власти, становится блестящим публицистом, оратором, делопроизводителем. В понимании С. О. Шмидта, в условиях завершения процесса образования русского государства новой модели, ожесточённым неприятием великими князьями и государями идеи родовой старины, ликвидации аристократической и демократической моделей отправления власти произошло дезавуирование представлений монарха о себе как царствующей особе и обществе. В этом отношении, предостережение Шмидта созвучно хорошо известному короткому стихотворению У. Одена: «Если глава государства предпочитает работать по ночам, это означает, что гражданам пора прятаться по углам» [3, с. 185]. С точки зрения С. О. Шмидта, тексты Грозного окрашены в ярко эмоциональные тона, в них неизбежно присутствует авторский надрыв. Причина – беспрецедентность ситуации самого диалога с холопами. Из эпистолярный Ивана Грозного, как «чёрт из табакерки», постоянно выскакивает концепция единоличной и деспотической царской власти, а также вотчинного отношения к обществу в понимании государя, сообразно с которыми власть богоизбрана, богоугодна и не «супротивна», а общество состоит из холопов, «слугующих» близко и далеко.

Подводя итог, можно отметить, что именно в работах С. О. Шмидта об эпохе Ивана Грозного предложены новые пути и апробированы новые методологии биографической и персональной историй, что открывает широкие перспективы дальнейшего изучения вопроса.

1. Бахрушин С. В. Иван Грозный // Научные труды. Т. II. Статьи по экономической, социальной и политической истории Русского централизованного государства XV–XVII вв. / ред. коллегия: А. А. Зимин, Н. В. Устюгов, Л. В. Черепнин и др. М.: АН СССР, 1954. 526 с.; Веселовский С. Б. Исследования по истории опричнины. М.: Мысль, 1963; Зимин А. А. Опричнина. М.: Территория, 2001. 448 с.

2. Карамзин Н. М. История государства Российского: в 12 т. М.: Наука, 1989. Т. 1–3; Костомаров Н. И. Исторические монографии и исследования. М.: Книга, 1989; Ключевский В. О. Соч.: в 9 т. Т. 2. Курс русской истории. М.: Мысль, 1988.

3. Оден У. Х. Лабиринт. М.; СПб.: Летний сад, 2003. 208 с.

4. Шмидт С. О. Россия Ивана Грозного. М.: Мысль, 1973. 556 с.; Он же. Российское государство в середине XVI столетия: Царский архив и лицевые летописи времени Ивана Грозного. М.: Наука, 1984. 277 с.

© Чуркин М. К., 2013

СОЦИОЛОГИЯ

Валевич Е. С.

Аномия как форма противопоставления массы и элиты

Кениспаев Ж. К.

Гражданское общество как мем современной культуры

АНОМИЯ КАК ФОРМА ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЯ МАССЫ И ЭЛИТЫ

В статье рассматриваются особенности взаимодействия массы и элиты как определенных форм аномии. Основная цель исследования – выявить сущностные особенности противопоставления массы и элиты в переходные периоды развития общества. Аномия массы характеризует собой переходную стадию в развитии общества, при которой происходит утрата норм прежнего состояния общества и отсутствие норм нового состояния. Аномия элиты, напротив, является источником новых норм общества, ведущих людей к конструктивному разрешению кризиса.

Ключевые слова: масса, элита, индивидуальность, аномия, отчуждение, норма.

Феномен массы в изменяющемся обществе отражает существование переходной (промежуточной) формы организации общества или стадию между прежним и новым состояниями общества. В этом контексте понятие «масса» может быть охарактеризовано таким понятием как «аномия», т. е. масса – это состояние большого числа людей, утративших норму старого общества, но еще не приобретших норм нового.

В буквальном переводе *аномия* (греч. *а* – отрицательная частица, *nomos* – закон; отсюда фр. *anomie* – отсутствие закона) обозначает беззаконие, отсутствие норм [1, с. 156]. Подобным термином может быть описано как поведение отдельных индивидов, так и состояние всего общества. В контексте данного исследования важен главным образом второй аспект этого понятия. Следует подчеркнуть, что аномия придает массе негативный оттенок, доминирующий у большинства отечественных (А. П. Назаретян, Д. В. Ольшанский, Л. Г. Почебут и др.) и зарубежных (Г. Лебон, В. Райх, Г. Тард и др.) исследователей данного феномена.

Отрицательная частица «а» означает два состояния: 1) отрицание норм со стороны людей; 2) отсутствие законов в обществе. Первая сторона отражает субъективный аспект аномии, вторая – объективный [1, с. 156]. При этом обе стороны аномии характерны не только для западного общества, но и для российского. Причем не только нынешнего, но и прошлого.

Для данного исследования наиболее важным является именно социальный аспект понятия «норма» как «обще-признанного правила, образца поведения или действия» [4, с. 441–442].

Возможно, что аномия – отсутствие твердо установленных норм, своего рода газообразное или расплавленное состояние общественной материи – является закономерным и необходимым моментом социальной динамики [1, с. 114]. Наступление аномии переживается как смутное время – период, когда старые институты и нормы уже разрушены либо бездействуют, или функционируют неудов-

ANOMIE AS A FORM OF OPPOSITION OF THE MASSES AND THE ELITE

The article the peculiarities of the interaction between the masses and the elite as certain forms of anomie are considered. The main objective of the research was to identify the essential features of the opposition of the masses and the elite during the transition periods in the development of the society. Anomie of the masses marks a transitional stage in the development of the society, during which there is loss of norms of the former state of society and the lack of norms of the new state. Anomie of the elite, on the contrary, is the source of new norms of the society, leading people to a constructive resolution of the crisis.

Key words: mass, elite, individuality, anomie, alienation, norm.

летворительно, а новые еще не сформировались. Подъем обязательно сменяется спадом, кризис – стабильностью и процветанием, а затем все меняется. В данном контексте наиболее интересны аномии между двумя разными структурами, которые связаны со структурными изменениями в обществе и являются переходным состоянием общества. Это переходное состояние как раз и характеризуется, в частности отсутствием общепринятых норм и правил, а в целом – отсутствием стабильности и определенности. В это время роль массового человека и массы в целом оценивается как разрушительная и негативная, на самом деле аномия и масса имеют общие предпосылки возникновения и развития.

В древности (в традиционном, доиндустриальном обществе) новые нормы возникали сами собой, существовали очень долго, были просты и понятны даже неграмотному крестьянину. Ныне, для того чтобы разобраться в юридической казуистике, часто не хватает высшего образования. При знакомстве с законами не покидает ощущение, что их создают специалисты для таких же специалистов, хотя предполагается, что руководствоваться ими будет более 140 млн человек. Разговор власти с народом превращается в диалог глухого со слепым [1, с. 116–117].

Понятие аномии ввел в научный оборот в конце XIX в. французский социолог, философ, антрополог Э. Дюркгейм, а превратил в хорошо разработанную научную теорию в XX в. американский социолог Р. Мертон.

Понятие аномии Э. Дюркгейм ввел для того, чтобы показать в каких случаях разрушается порядок в обществе (полностью или частично) и какие формы принимает разрушительный процесс. Французский социолог анализировал две основные формы аномии: аномические формы разделения труда и аномические формы самоубийства [1, с. 230–245].

Р. Мертон рассматривал аномию как состояние, при котором расхождение между целями и средствами порождает нестабильность общества.

Если для Дюркгейма аномия являла состояние безнормности, то для Мертона она служила результатом кон-

фликта норм в культуре или, выражаясь более точно, конфликта официально провозглашенных целей и законных средств их достижения, доступных большинству населения [3, с. 104].

Абсолютная anomia, или полное отчуждение от нравственных норм, фактически невозможна, потому что общество, по определению, есть нормативная система. Если люди не подчиняются одним нормам, это означает, что в этот момент они подчиняются другим нормам. При этом небольшой уровень anomia может оказаться даже полезным, что способствует повышению изменчивости общества. Небольшие отступления от жестких правил вносят в общество или в группу элементы гибкости и демократичности [1, с. 119–120]. Наличие же существенных отклонений свидетельствует о кризисе общественной структуры.

Таким образом, anomia означает невозможность либо неспособность общества регулировать поведение людей вследствие отсутствия новых норм или недееспособности существующих. Люди, оказавшиеся в пространстве anomia, становятся потенциальными «кандидатами» массы.

По степени anomia могут различаться не только общества и группы друг от друга, но и исторические эпохи. Когда общество переживает стабильный период и процветает, anomia уменьшается. Но она устремляется ввысь, когда общество вступает в полосу кризиса, особенно затяжного.

Диалектика неустойчивости связана с недовольством массы – это anomia, отличающаяся от anomia элиты. *Anomia элиты* – источник новых норм общества, ведущий людей к конструктивному разрешению кризиса, а *anomia массы* – источник разрушительного бунта и регресса морали и культуры. Элита вырабатывает новые нормы общества и ратует за просвещение и воспитание народа (массы). Из первой формы anomia возможно развитие индивидуальности, а из второй – вождя массы. Так, эпоха Возрождения характеризуется соперничеством этих двух типов anomia без подавления со стороны мощной власти. Очевидно, что anomia элиты дает возможность развитию общества, переходу его в более организованные формы, в то время как anomia масс чревата смутами и разрушениями. С другой стороны, жизнедеятельность массы определяется социальной anomией. Последняя (anomia массы) развивается быстрее, что ведет в результате к переходу из кризиса общества в революцию. Революция на деле показывает неспособность «разнузданной массы» сменить норму.

Anomia элиты связана с формирующейся в эпоху Возрождения творческой и самодостаточной индивидуальностью. Таким образом, индивидуальность в контексте исследуемого феномена играет роль творческого, конструктивного фактора.

Линию anomia масс в XX в. связывают с так называемым «восстанием масс», вызывающим чувство страха

у культурной элиты. Линию anomia элиты можно связать с «восстанием против масс».

В контексте данных размышлений понятие «anomia» является близким понятию «отчуждение», так как в формировании массового человека большую роль играет именно отчуждение человека от своей индивидуальности, отчасти связанное с отчуждением вещей. К. Маркс пишет: «Отчуждение вещей есть практика самоотчуждения человека» [2, с. 408, 412]. Одной из причин образования массы и становления «среднего» массового человека как раз и является утрата человеком своей уникальности и неповторимости. Утратив чувство самобытности и уникальности своего бытия, осознавая или не осознавая свою второстепенность, человек в результате оказывается вовлеченным в общество себе подобных – в массу.

Отчуждением характеризуется также такое состояние общества, при котором «массы людей потеряли контроль над происходящим, над теми валентными институтами и ценностями, которые составляют суть их жизни. Оно связано с психологическим ощущением потерянности в мире, утратой смысла жизни, значимости своего «Я». Отчуждение – потеря смысла жизни, ощущение господства над собой стихийных, не поддающихся контролю (иррациональных) сил, а anomia – разрушение каких-то важных социальных институтов и структур» [1, с. 147]. При этом anomia рассматривается как причина, а отчуждение – как следствие.

Современное общество, находясь в кризисном, переходном периоде своего развития, наглядно демонстрирует господство anomia масс. Неустойчивый характер социальной жизни порождает ряд вопросов: насколько современное общество готово совершить переход от anomia массы к anomia элиты? Какие социальные преобразования должны подготовить данный переход? Ответы, полученные на эти вопросы, во многом определяют направление будущего развития общества.

1. Добренков В. И., Кравченко А. И. Фундаментальная социология: в 15 т. Т. 6: Социальные деформации. М.: ИНФРА-М, 2005.

2. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 1. М.: Гос. изд-во полит. лит., 1955.

3. Мертон Р. Социальная структура и anomia // Социологические исследования. 1992. № 3. С. 104–114.

4. Философский энциклопедический словарь. М.: Изд-во «Советская энциклопедия», 1983.

© Валевиц Е. С., 2013

**ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО КАК МЕМ
СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЫ**

Статья посвящена анализу идеи гражданского общества в современной российской культуре. Философское рассуждение по-новому определяет место и роль феномена гражданского общества в сознании человека.

Ключевые слова: гражданское общество, наука, философия, сознание.

Как правило, дискуссии о гражданском обществе представляют собой поиск его элементов в прошлом, настоящем и описание возможных способов реализации этой модной идеи в будущем. В таком варианте гражданское общество понимается как нечто положительное, то, к чему стоит стремиться всеми силами. Но иногда полезно сомневаться в общепризнанных ценностях. Свои сомнения выражу в трех тезисах, которые носят дискуссионный характер, но, как мы знаем, именно в споре рождается истина.

Первый тезис об особенностях взаимодействия человека с миром. В эпоху формирования научного мышления человек благодаря своей творческой сущности придумал различные теоретические модели мира, которые впоследствии и стали объектом его внимания. Выяснив, что реальный эмпирический мир изменчив и непостоянен, первые теоретики создали более надежные объекты. Таковыми стали общие понятия, категории, универсалии. Например, идея добра, красоты, мудрого человека, идеального государства, справедливости, равенства. Эти понятия являются лишь абстракциями, так как не имеют адекватного воплощения в реальной человеческой истории. Истина, согласно этой точке зрения, есть свойство самих вещей: они могут быть истинными или неистинными в зависимости от того, соответствуют ли они своему понятию или нет. Так, к примеру, государство может быть более или менее истинным в зависимости от своей приближенности к норме, к истине – идее государства.

Постепенно такой тип мышления стал доминирующим. В рамках философии и науки такой образ мира вполне допустим и даже выгоден с точки зрения экономии мышления. Но оказалось, что подобные абстракции вышли далеко за рамки лабораторий, библиотек и аудиторий. Они смешались с нашим обыденным языком. Теперь уже сложно сказать, когда это произошло и еще труднее отличить искусственные языки от естественных.

Эдмунд Гуссерль в начале прошлого века провозгласил тезис «Назад, к вещам», выражая тем самым необходимость возврата от абстрактных понятий к реальности. Примером подобной абстракции является понятие гражданского общества. Эта идея, возникшая в европейской культуре Нового времени и связанная во многом с творчеством Джона Локка, сегодня стала доминирующей во всем мире. Пользуясь терминологией И. Канта, можно сказать, что гражданское общество – это идея состояния, которой общество желает сделать адекватным свое состояние,

**CIVIL SOCIETY AS A MEME
OF MODERN CULTURE**

The article is devoted to the analysis of the ideas of civil society in contemporary Russian culture. Philosophical discourse determines in a new way the place and the role of civil society in human consciousness.

Key words: civil society, science, philosophy, consciousness.

что при чисто эмпирических условиях невозможно. То есть гражданское общество, правовое государство, демократия – это лишь идеи, которые охватили человечество, но на самом деле, эти понятия придуманы человеком для выражения собственных желаний относительно обустройства социального мира. Никогда в истории не было полноценного и всеохватывающего воплощения теоретических постулатов в реальности.

Таким образом, преследуя цель построения гражданского общества, мы гонимся за иллюзией, которая в наших умах приобрела черты действительности. В такой гонке за демократией не было бы ничего плохого, если бы это происходило только в лабораториях, виртуальных сетях. Но подобные эксперименты проводятся над всем человечеством, которое на эти опыты не давало своего согласия. Произошла трагическая ошибка: мы, люди, живущие в реальном мире, руководствуемся идеями, возникшими в рамках весьма далеких от действительности научных гипотез. Неспособность отличать реальность от иллюзий всегда приводит к трагедиям. Великая трагедия нашей страны тому очевидный пример: всю существующую многоликую социальную реальность стремились втиснуть в узкие рамки марксистской теории классовой борьбы. К великому сожалению, в этом масштабном научном эксперименте по построению нового общества погибли миллионы наших соотечественников. Сегодня идея революционного переустройства общества охватила восточные страны, которые долгое время сохраняли традиционный тип культуры. Но процесс вестернизации не знает границ. Можно говорить об окончательной победе техногенной цивилизации над традиционной культурой.

Принцип научного познания известен: разделить, разрушить объект на составные части, а затем изучать его. К сожалению, такой же способ выбрали и для изучения социального мира: разрушение до основания и построение новой социальной системы. Такими же средствами в современном мире внедряется идея демократии и гражданского общества. Не имея ничего против великих достижений науки, и даже приветствуя их, хочется просто обратиться к тем, кто вместо живых людей видит лишь абстрактные понятия – пожалейте человека, дайте ему пройти свой земной путь без жестоких экспериментов над ним.

Второй тезис представляет собой анализ российского менталитета при оценке своей истории, культуры и возможных перспектив эволюции. Началом национального само-

сознания является особое внимание к собственной духовной культуре, языку, способу мышления. Возникает острая необходимость в исторической памяти, в прошлом ищут события, которые показывают всю значимость нации для мировой истории. Создается общее настроение самолюбования, гордости за своих предков, за свою страну. Это время, когда новое поколение людей внимательно всматривается в свое прошлое и находит там достаточно оснований для того, чтобы забытые имена людей, стоявших у истоков нации, были вновь возрождены. Следует заметить, что это прекрасное время, которое переживает каждый народ, нация и каждый цивилизованный человек.

Но это лишь начало возрождения национального духа. По выражению А. М. Пятигорского, это детство человеческого мышления. Затем должна начаться тяжелая мыслительная работа по идентификации уже не на национальном, а на общечеловеческом уровне. Должно произойти осмысление культур соседних народов, формирование целостного представления о мировой истории. Значимость собственной культуры возрастает вместе с интересом и признанием других культур. Каждый ребенок в процессе социализации от «Я» переходит к «Мы», начинает понимать важность диалога, коммуникации. Учится ради соблюдения интересов других людей ограничивать свои эгоистические желания. Иначе говоря, от смутных эгоцентрических образов переходит к подлинному мышлению, которое способно учитывать все многообразие факторов нашей жизни.

Но что мы наблюдаем в самооценке россиян последних веков? Постоянная ссылка на особенность, неповторимость, уникальность и часто никакой реальной попытки понять и найти общие принципы конструктивного диалога с соседними культурами. Наша история – это постоянные войны с недружелюбными соседями. Но, возможно, стоит в этом видеть и собственную вину. Не исключено, что наше мышление осталось на детском уровне самолюбования, и мы пока не в состоянии адекватно оценивать свою историю. Рассмотрим простую аналогию: представьте себе дом, в котором нет порядка, чистоты и уюта. Но хозяин дома на ваши резонные замечания отвечает: а я не такой как все, я не хочу быть похожим на других, у меня загадочная душа, поэтому у меня дом особый, не похожий на соседние дома. Согласитесь, здесь больше природной лени, чем духовной загадочности. Другой пример – богатая Западная Сибирь, где нашли и энергично добывают огромные залежи газа и нефти. Но при этом местные жители обитают в ужасающей бедности. Все списывается на особые ментальные струны россиян, «многовековую традицию», которая иногда выражается известной формой: «пили, пьют и будут пить». Истинная же причина кроется в беспримерной жадности интернациональной корпорации олигархов. Для многих образованных людей ссылка на таинственный характер души человека более приемлема, чем сермяжная правда, которая рано или поздно может взорвать наше общество и пошатнуть основы государства. Уверен, что пора вещи называть своими именами и перестать быть жертвой политических софизмов.

Третий тезис связан с характеристикой общего умонастроения современника. Наша культура во многом копирует западные образцы и в этом, на наш взгляд, ярко прояв-

ляется известный «синдром провинциала» в масштабе всего общества. Все, что является модным, воспринимается нами в качестве идеала для подражания. Проявляется это во всем: в языке, СМИ, способе жизни, привычках, отношениях, образовании. Создается впечатление, что сами ничего создать не можем. Отвыкли самостоятельно думать. Но вне состояния напряженной мысли и реальной истории нет человека. Его, по мнению некоторых философов, заменяет собой человекоподобное существо, которое по своей сути является зомби, создающее свои собственные миры с особыми законами поведения и мышления. В таком мире все испытывают чувство «де жавью», так как история не развивается, а происходит постоянное повторение одних и тех же событий. Эти зомби настолько чувствуют себя хозяевами и настолько совершенны, что воплощают основные человеческие интересы и потребности. Они учатся, воспитывают детей, создают научные теории, делают карьеру. Более того, они даже ставят проблему опасности зомбирования человека.

Этот мир зазеркалья постепенно побеждает наш реальный мир и заменяет его собой. Человек в таком контексте вне поля сознания теряет свою сущность, он лишь человекоподобное существо. Если человек не использует (часто по доброй воле из-за нежелания быть в состоянии напряженной мысли) свое атрибутивное свойство – мышление, то насколько справедливы его претензии называть себя представителем этого вида? Популярная сегодня в политических кругах идея построения государства по европейскому типу имеет и обратную сторону, о которой тоже следует знать. Дело в том, что рационализация всех сторон жизни общества, чем всегда гордилась Европа, может привести к тотальному контролю над человеком. К сожалению, некоторые так называемые общечеловеческие ценности хотя и понятны с точки зрения разума, не соответствуют велению сердца человека. Например, желание направить «отсталые» народы в русло европейской цивилизации, часто превращается в банальное насилие над их самобытной многовековой культурой. В своем искреннем стремлении быть похожими на европейцев мы теряем свои неповторимые и только нам присущие качества.

Универсализация языка и образа жизни не способствует развитию поликультурного общества. Л. Н. Гумилев утверждал, что стабильность всякого этноса зависит от количества субэтносов: чем больше субэтносов (уникальных и неповторимых культур), тем стабильнее этнос. Но в современном мире существует тенденция ассимиляции множества культур в одну мегакультуру, которая не терпит духовного плюрализма. Возникает важный вопрос: сохранит ли Россия свою культурную самобытность, если произойдет ее унификация с Европой по стандартам демократии, образования, гражданского общества, языка, дипломов, виз и т. д.?

На наш взгляд, такая унификация будет означать исчезновение культуры целого континента, которая станет очередной жертвой глобализации. Через много лет она, возможно, станет предметом исследования антропологов, этнографов, лингвистов из европейских университетов. Эти ученые, скорее всего, станут единственными свидетелями

жизни и гибели великой культуры и воздадут ей должное в своих статьях, монографиях и диссертациях.

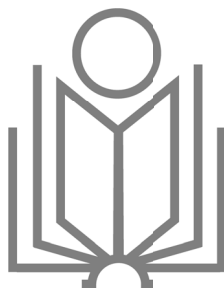
Современная культура представляет совокупность странным образом связанных между собой модных идей, которые постепенно заменяют традиционные ценности. Подобно понятию гена, содержащего в себе наследственную информацию, в области культуры существует термин мем (мим), который обозначает единицу передаваемого от поколения к поколению социального опыта. Это термин был введен современным английским ученым Ричардом Докинзом [1]. Мем, по мнению ученого, ответственен за передачу отдельных элементов культуры. Примерами мемов могут служить модные книги, идеи, научные теории, музыка и прочее. Мемы распространяются за очень короткое время и в дальнейшем определяют мировоззрение человека. Р. Докинз отмечает, что мемы выживают, если существует хотя бы один носитель, который распространяет их. Идеи, как известно, умирают вместе со своими носителями. Между различными мемами возникает конкуренция, которая напоминает борьбу за выживание в природе. Война мемов имеет целью найти как можно больше сторонников в социальном мире. Иногда давно забытые идеи вновь возникают в общественном сознании и приобретают большое количество сторонников уже среди нового поколения людей. По-

добным же образом, на наш взгляд, обстоит дело и с идеей гражданского общества. Она возникла в узком кругу европейских интеллектуалов, но постепенно освоила новые территории. В жестокой конкурентной борьбе мемы-аборигены нашей культуры уступили место модной западной идее гражданского общества. Утратив традиционные идеи социального устройства, воспитания, образования, мы рискуем остаться один на один с чужеродными мемами, которые не способствуют сохранению нашего мира, а лишь захватывают все новые социальные пространства, обеспечивая тем самым свое долголетие. Если некоторые болезнетворные вирусы своей экологической нишей выбирают наше тело, то вирусы-мемы атакуют наше сознание. В обоих вариантах мы находимся в большой опасности, но во втором случае вирусные атаки проходят незаметно для нас, а мы сразу же становимся не только их носителями, но и яростными защитниками.

1. Докинз Р. Эгоистичный ген. М.: АСТ, 2013. 512 с.

© Кениспаев Ж. К., 2013

КОНФЛИКТЛОГИЯ

Гребенникова О. М.

Конфликт индивидуального и социального
в структуре личности

Нефёдова Л. К.

Дискурсивно-нарративная процедура фиксации
культурного конфликта в драме эпохи возрождения

Овчинникова Т. М.

Ситуационные основания рефлексивной модели
конфликта

КОНФЛИКТ ИНДИВИДУАЛЬНОГО И СОЦИАЛЬНОГО В СТРУКТУРЕ ЛИЧНОСТИ

В статье рассматривается конфликт индивидуальных и социальных составляющих структуры личности, анализируются явления социальной роли, идентичности, адаптации, личностной свободы. Обращение к ролевым концепциям личности, сложившимся в философии и социологии, позволяет прийти к выводу, что с социальной системой неизбежно ограничивается свобода человека, но это продуктивное ограничение, так как обеспечивается стабильность. Индивидуальная свобода проявляется в способности к рефлексии по поводу собственной социальной роли и несводимости к ней личности.

Ключевые слова: конфликт, социальная роль, социальная маска, личность, свобода.

THE CONFLICT OF INDIVIDUAL AND SOCIAL IN THE PERSONALITY STRUCTURE

The article deals with the conflict between the individual and the social components of personality structure, analyzes the phenomenon of social roles, identity, adaptation, and personal freedom. The appeal to the concepts of role-identity established in philosophy and sociology, leads to the conclusion that a social system inevitably limits the freedom of the individual, but this is a productive constraint, as it provides stability. Individual freedom is manifested in the ability to reflect about their own social role and the impossibility to reduce personality to it.

Key words: conflict, social role, social mask, personality, freedom.

В социологии акцентируется внимание не на внутренних, психологических компонентах личности, а на заданных извне, социальных, институционально оформленных аспектах развития и функционирования личности. Подчеркивается интенциональный, т. е. объектно-ориентированный и интерсубъективный характер жизни человека. Идентичность с социологической точки зрения – это комплекс ролей и статусов, организованных адекватно социальной системе.

От успешного освоения культуры своей среды через подражание, обучение и другие механизмы социализации зависит включенность человека в социальные структуры и эффективное функционирование в них. Любая культура располагает большим арсеналом социально-психологических механизмов воздействия на человека, цель которых состоит в адаптации его к определенному социуму. Социальная адаптация – это приведение индивидуального и группового поведения в соответствие с господствующей в данном обществе, социальной группе системой норм и ценностей, состояние гармонического отношения с социальной средой [3, с. 38]. Это и система социального контроля, различные меры принуждения, определенные культурные программы, регулирующие активность человека (ритуалы, традиции, мифы, нормы). С их помощью создается базисная культурная основа, объединяющая членов общества.

Одной из форм социальной адаптации является принятие и освоение человеком определенных социальных ролей. Социально-ролевою концепцию личности предлагает школа «символического интеракционизма», основателями которой являются американские психологи и социологи Дж. Дьюи, Дж. Г. Мид и Ч. Г. Кули. В разработанной ими теории Самость не является изначальной внутренней реальностью, она формируется в опыте социального взаимодействия, в ходе социальной «интеракции». Именно социум задает границы самоопределения человека, так как тот рождается уже включенным в определенную социальную реальность. Индивид всегда принадлежит к той или иной социальной группе и формирует себя, усваивая ее правила, традиции и уста-

новки. Личностное бытие человека определяют оценки и отношение со стороны общества. Схема такого личностного становления в терминологии Ч. Г. Кули называется концепцией «зеркального Я». Человек формирует свое Я, всматриваясь в свое изображение в зеркале других людей, и присваивает те качества, которые ему приписывают Другие. Происходит постепенное «узнавание» себя в зеркале Другого. Образ себя выстраивается в соответствии с тем, каким его хотят видеть Другие. То как Другие оценивают и судят, впоследствии становится самосознанием [4].

В каждой социальной группе человек предъявляет разные стороны своей личности, подчиняясь правилам социальной коммуникации. Следовательно, он имеет несколько социальных Я, и общение происходит скорее между изображаемыми персонажами, социальными масками, нежели между целостными личностями. Причем роли для персонажей определяются Другими.

Во многом данная концепция представляется справедливой. Индивиду не дано полностью понять другого человека во всем его многообразии. Неизбежно человек прибегает к типизации, стереотипам, порой определяя Другого одним словом, ярлыком, опираясь на наиболее выразительные этнические, социальные, психологические признаки – «американец», «торговец», «свой парень», «сноб», «красотка» и т. д. Эту проблему раскрывают американские социологи П. Бергер и Т. Лукман. Коммуникация, по мнению исследователей, осуществляется между схемами типизации, анонимность которых возрастает по мере удаления от ситуации «лицом-к-лицу». Типизации – устойчивые информационные коды, которыми обмениваются индивиды в ходе социальной коммуникации. Типизация выполняет объективно необходимую функцию быстрой и простой категоризации, упрощающей социальную коммуникацию. Под таким углом зрения вся социальная структура предстает как «сумма типизаций и созданных с их помощью повторяющихся образцов взаимодействия» [1, с. 58].

Действительно, человек утонул бы в массе информации, если бы не имел возможности стереотипно что-либо

воспринимать. Стереотип упрощает познание и удовлетворяет человеческую потребность в гарантии и стабильности. С помощью типизации происходит классификация и придание значения окружающему миру. Именно типизация позволяет осуществляться социальной коммуникации, обеспечивает существование интерсубъективного пространства.

Из этого следует, что человек неизбежно прибегает к конструированию ролевых типологий. Социальную роль П. Бергер определяет как типичную реакцию на типичное ожидание. Роль задает образец, как необходимо действовать индивиду в конкретной ситуации. По его мнению, роли составляют наиболее фундаментальную часть личности индивида. Количество ролей определяется многообразием отношений, в которые включена личность. И именно общество заранее устанавливает базовую типологию ролей, «с помощью ролей институты воплощаются в индивидуальном опыте» [1, с. 121].

Процессы исполнения ролей и построения идентификаций в соответствии с ними в целом не рефлексированы и не планируются, а идут почти автоматически. Некоторые роли, например «мужчина», «араб», «ребенок», расписаны еще до рождения индивида. Они принимаются как объективная данность, человек зачастую бессознательно живет в соответствии с ожиданиями, связанными с этими ролями. Другие роли принимаются в зависимости от индивидуального выбора человека (например, при выборе профессии, убеждений, предпочтений) и требуют большего сознательного контроля и усилий в плане их освоения.

Отечественный исследователь А. В. Корель предлагает следующую классификацию социальных ролей:

1) *аскриптивные* – предписанные по естеству, т. е. определяемые рождением, возрастом, полом и другими объективными факторами, и *достижимые* – достигаемые личными усилиями;

2) *конвенциональные* – стандартизированные и безличные, строящиеся на основе прав и обязанностей, независимых от того, кто эти роли исполняет, и *межличностные* – в которых права и обязанности целиком зависят от индивидуальных особенностей участников взаимодействия, их чувств и предпочтений [3, с. 93].

Социальная роль отражает динамический аспект социальной маски, ее функциональное проявление. Роль – это ожидаемые от человека действия, модель поведения, реализуемая в конкретных условиях места и времени. Социальная маска – это набор символов, намеренно или бессознательно проецируемых человеком в ролевом поведении и во внешности, которые выставляются напоказ как знаки принадлежности к определенной группе. Можно сказать, что маски мы носим, а роли играем.

Концепцию ролевого поведения развивает И. Гофман в теории драматургической модели социального взаимодействия. Общественная жизнь предстает как житейское лицедейство, в ее основе лежит создание видимости, «производство впечатлений». Способность индивида к самовыражению тянет за собой и способность к управлению впечатлением. Управление впечатлениями – процесс, в котором мы стараемся представить себя в выгодном свете, скрывая какие-то черты, а какие-то выставляя напоказ.

Неважно, какое положение в обществе занимает человек, «люди с очень разными социальными ролями живут в одинаковой атмосфере драматургического опыта» [2, с. 217].

Особенность подхода Гофмана заключается в отражении конфликта между установленными правилами поведения и стихийными эмоциональными проявлениями в общении. Свободное проявление чувств заменяется их изображением в приемлемой для общества форме, «как исполнителей-функционеров людей интересует не моральная проблема реализации упомянутых норм в жизни, а по сути аморальная проблема создания убедительного впечатления, будто эти нормы реализуются» [2, с. 298]. Человек берет на себя обязательство по поддержанию впечатлений, он озабочен сохранением и поддержанием своего «лица-маски». Но не всегда удается полностью контролировать процесс постановки. Зачастую происходит произвольное самовыражение, в случайных репликах, жестах человек выдает себя, проговаривается. И тут важно поддерживать равновесие между скрытыми претензиями и обещаниями и действительными возможностями исполнителя. Манипуляция впечатлениями не должна приводить к подрыву доверия у публики, маска не должна спастись с лица в неподходящий момент.

Противоречие между социальной маской и искренними проявлениями личности приводит к вынужденному использованию обмана, дезинформирующей коммуникации, двусмысленности. То есть к неподлинному существованию человека в социальной реальности. С другой стороны, положительный момент представлений, разыгрываемых в повседневной жизни, в том, что мы постоянно согласуем наше общечеловеческое Я с социализированным Я, тем самым вырабатывается социальная дисциплина.

Потребность человека в социальных масках объясняется не только желанием установить с обществом определенные отношения, но и желанием оградить свою внутреннюю жизнь от чужого взгляда, сохранить неприкосновенность личного пространства, защититься от чрезмерного вторжения других. Маска закрывает, защищая посредством изображения. В этом также проявляется амбивалентность маски, она может скрывать открывая.

Таким образом, можно констатировать, что социальная система неизбежно ограничивает свободу человека, но это продуктивное ограничение, так как она обеспечивает стабильность: «о-граниченный человек – это культурный человек» [5, с. 101]. Социальная маска как раз и выполняет функцию такого «о-граничения», основная ее функция – адаптация к обществу. Внутренняя нестабильность человека требует создания эффективной социальной организации. Индивид неизбежно играет социальные роли, носит социальные маски. Но при этом человек остается уникальным и неповторимым. Человек никогда не детерминирован полностью своим социальным типом, всегда проявится какой-то остаток, выражающий человеческую свободу. И собственно человеческое – в способности избегать рамок определенного типа. Индивид должен сохранять «ролевую дистанцию», т. е. быть способным к рефлексии по поводу собственной социальной роли, способным дистанцироваться и наблюдать себя со стороны. В такой способности и проявляется индивидуальность и личность.

1. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Academia-Центр, Медиум, 1995. 336 с.
2. Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни. М.: КАНОН-пресс-Ц: Кучково поле, 2000. 304 с.
3. Корель А. В. Социология адаптаций: этюды апологии. Новосибирск: ИЗОП СО РАН, 1997. 160 с.

4. Кули Ч. Г. Социальная самость // Американская социологическая мысль: тексты / под ред. В. И. Добренкова. М.: Изд-во МГУ, 1994. С. 172–179.

5. Шаров А. С. О-граниченный человек: значимость, активность, рефлексия. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2000. 358 с.

© Гребенникова О. М., 2013

УДК 130.2
U.D.C. 130.2

Л. К. Нефёдова
L. K. Nefiodova

ДИСКУРСИВНО-НАРРАТИВНАЯ ПРОЦЕДУРА ФИКСАЦИИ КУЛЬТУРНОГО КОНФЛИКТА В ДРАМЕ ЭПОХИ ВОЗРОЖДЕНИЯ

В статье рассматривается дискурсивно-нарративная форма фиксации культурного конфликта в жанре драмы эпохи Возрождения. В схеме конфликтного процесса раскрывается повествовательный нарративный аспект и аспект рассуждения, дискурса. Для раскрытия универсального характера фиксации культурного конфликта автор обращается к произведениям В. Шекспира, что позволяет увидеть историческую динамику в осмыслении конфликта, традиции и новаторство. Основная цель исследования – выявить специфику дискурсивно-нарративной процедуры фиксации и разрешения культурного конфликта.

Ключевые слова: культурный конфликт, драма, дискурсивно-нарративная форма, В. Шекспир.

THE DISCURSIVE-NARRATIVE FORM OF FIXING THE CULTURAL CONFLICT IN THE DRAMA OF THE RENAISSANCE

This article considers the discursive-narrative form of fixing the cultural conflict in the drama of the Renaissance. In the scheme of the conflictive process the narrative aspect of discourse is revealed. To reveal the universal character of fixing the cultural conflict the author addresses the works by W. Shakespeare. The main objective of this research is to reveal the specificity of the discursive-narrative procedure of fixing the cultural conflict.

Key words: culture's conflict, drama, discursive-narrative form, W. Shakespeare.

Процесс созидания и становления культуры предполагает соединение, столкновение, наложение друг на друга множества действий, процессов, тенденций, намерений, интересов, что является общим универсальным качеством конфликта. В то же время культурный конфликт в каждую историческую эпоху имеет своё особенное выражение, что обусловлено прежде всего доминированием традиции или инновации в культуре в их конкретном историческом содержании. Иными словами, если смотреть на культурный конфликт в историческом разрезе, то его онтологическим основанием будет столкновение уже сотворённых, накопленных и утвердившихся содержательно-формальных культурных образований с формирующимся новым культурным содержанием, требующим для своего проявления новой формы. Всё сказанное выше определяет специфику любого культурного конфликта. Чтобы выявить специфику культурного конфликта в драме эпохи Возрождения, понять, как изменяется его содержание и форма проявления, необходимо вернуться к драме как роду литературы, с тем, чтобы увидеть её сущностные характеристики уже не в истоковых формах, а в исторических модификациях. Диалектика сущностных характеристик драмы позволит отследить и диалектику репрезентированного в ней культурного конфликта.

Драма в качестве оптимальной формы фиксации и осмысления культурного конфликта и действующей стратегии его разрешения активно впитывает и отражает иннова-

ционное содержание эпохи. Объективация этого содержания осуществляется в изменениях, связанных с содержательной конфигурацией конфликта, в который вовлекаются более разнообразные и многочисленные субъекты, нежели в культурный конфликт Средневековья. Многоукладность культуры эпохи Ренессанса проявляется в характере столкновений представителей различных социальных слоёв, возрастов, гендера, идейных позиций, что находит выражение в разнообразии персонажей драматических произведений. Как правило, в драме эпохи Возрождения, например у В. Шекспира [2, с. 452, 871], задействован целый ряд влюблённых пар, семейств, братьев, сестёр, друзей. Персонажи группируются в компании, группы, свиты, семьи, кружки по принципу тождества и различия. Такие группировки и парные оппозиции ведут к тому, что идентичность персонажа становится очевидной, а самоидентификация возможной, что способствует резкому очерчиванию характеристических особенностей персонажа и тем самым укреплению жанровой формы драмы, которая необходимо предполагает такое резкое очерчивание. Вот пример идентификационных пар в пьесе «Много шума из ничего»: Беатриче – Геро; Бенедикт – Клавдио; Дон Педро – Дон Хуан; Леонато – Антонио. Ещё одним уровнем является выстраивание в этой пьесе пар влюблённых: Бенедикт – Беатриче, Клавдио – Геро, контрастом для которых является пара любовников Борачио – Маргарита.

Помимо пар влюблённых в пьесе есть две пары братьев, группа стражников и группа пойманных негодяев. Стражники ведут тему развлекательного вставного эпизода, которая при всей гротесковости выполняет чрезвычайно важную роль в восстановлении гармонии отношений влюблённых. Ещё более сложной, в сущности полифоничной является группировка персонажей в пьесе «Сон в летнюю ночь». Помимо трёх пар влюблённых молодых людей и супружеской пары эльфов Оберон – Титания в пьесе дано несколько групп, связанных с социальными стратами и сферами обитания: правящая элита, жители Афин, среди которых особо выделяется группа актёров, эльфы.

Группировка персонажей имеет свою специфику в исторических хрониках, благодаря чему создаётся знаменитый фальстафовский фон. Бездельники и пьяницы группируются в свиту деклассированного рыцаря Фальстафа – обжоры, пройдохи, пьяницы и остроуслова. Эта компания своим неподдельным весельем привлекает принца Гарри, будущего короля Генриха V, победившего превосходящие силы французов в битве при Азенкуре. Принадлежность к этой компании и несоответствие ей по происхождению и предназначению является средством идентификации принца Уэльского в диапазоне его человеческих возможностей. В какой-то мере данная компания для него – это опыт познания народа, которым ему предстоит править, опыт познания себя – наследника правящего дома. Этот опыт пригодился ему в ночь перед битвой при Азенкуре, когда он инкогнито обходит посты и беседует с часовыми.

Группировка персонажей при её кажущейся спонтанности, а иногда – избыточности является показателем бурного развития конфликтных процессов в культуре Возрождения. Между отдельными персонажами и их группами всё время происходят столкновения, стычки, недоразумения, которые, так или иначе, разрешаются. Конструирование взаимоотношений не просто отдельных персонажей, а конфликтных групп сформировалось у Шекспира не на пустом месте. Здесь узнаваема и функция античного хора, и напластования в развитии жанровой формы драмы собственно в Средние века. Как известно, Возрождение актуализирует классические жанры трагедии и комедии, но жанровая форма новой эпохи совсем не похожа на античные образцы. Драма новой эпохи впитала в нарративную событийную структуру, сформированную ещё в Античности, элементы схоластической процедуры и художественных форм, разработанных в Средние века. Средневековая схоластика проявляется, например, в дискурсивности языка, направленного не столько на описание происходящего, сколько на рассуждение, размышление, пояснение, раскрытие смысла происходящих событий [1, с. 471–487]. Если посмотреть на специфику языка античной трагедии, то можно с уверенностью отметить, что основным принципом организации текстuality в ней будет нарратив: последовательное повествование о событиях. Действительно, в «Прометее прикованном» Эсхила восстанавливается цепочка событий, в результате которой Прометей оказался прикованным к скале, показаны его муки и требование Зевса подчиниться. То есть драматическими средствами рассказан миф о Прометее с представлением наглядного образа. У В. Шекспира нарратив как средство организации текстuality остаётся в основе текста, но активно взаимодействует с дескриптивом и дискурсивом.

Дискурсивность шекспировских пьес находит выражение в проявлениях схоластической процедуры: здесь налицо расчленение понятий, размышления над ними, поиск определений, толкований через аналогию, антитезу. Герои произносят защитительные и оправдательные речи, подводят частное под общее. Принципы схоластики проявляют себя в таких элементах жанровой формы раннего средневекового религиозного театра, как антифоны и респонсории, которые узнаваемы в ранних пьесах В. Шекспира. Что как не антифон переклички-перебранки Катарины и Петруччо из «Укрощения строптивой» или словесные схватки Бенедикта и Беатриче из «Много шума из ничего». Схоластическая схема поиска истины ярко представлена в трагедиях В. Шекспира, особенно в «Гамлете», пережившем в истории критики много обвинений в статичности и замедленности действия, излишней рефлексии, которой подвержен главный герой. Действительно, Гамлет на протяжении трёх актов решает – быть или не быть, в то время как зрителю, которому уже ясно, кто убийца, заслуживающий наказания, хочется, чтобы «отравленная сталь» поскорее отправилась по назначению. Однако стоит вспомнить, что «Гамлет» не детективное расследование (хотя, и оно тоже), но поиск истины бытия, вопрошание человеческого разума, постановка проблемы бытия и её философская разработка. Это образец философской трагедии, выше которого мировая драма пока ещё не поднималась. Философская составляющая объективирована именно через интеграцию автором интеллектуальных достижений в области развития форм дискурса с формами художественного осмысления действительности. Достижения же форм философствования определились в схоластической процедуре. В трагедиях В. Шекспира и в самом деле можно обнаружить элементы схоластической процедуры поиска истины. Так, Гамлет обращается к стратегиям схоластики, выстраивая в самом начале пьесы защиту отцовских добродетелей (отец Гамлета был прекрасным отцом, мужем, королём). Обвинение матери и дяди (мать слишком рано забыла мужа, поставив под сомнение свою честь, а дядя не имеет добродетелей своего предшественника ни как человек, ни как король) – также пример схоластического рассуждения. Эти позиции ведут Гамлета к обвинению человеческой природы в целом и женской в частности; к открытию всепобеждающей силы грубых начал жизни, а затем и к вопросу о целесообразности бытия в целом. Частное подведено под общее: Гамлет пребывает в «схватке с целым морем бед», он осмысляет предельные начала бытия и сам находится на пределе сил, веры, понимания. При этом разум Гамлета не сломлен, позиция его и на краю бездны определённа и рационалистична. Гамлет не принимает грубых начал жизни, а главный вопрос – «Быть или не быть?» – решает в традициях историко-философского дискурса, развивая идею Парменида – не сущего нет. Величие и самого Шекспира, и его творения в том, что Гамлет не просто продолжает, но предвосхищает в своём рационализме будущих романтиков: «Какие сны в том смертном сне приснятся, когда покров земного чувства снят?». Педро Кальдерон напишет «Жизнь есть сон» только в 1634 г., а в 1601, когда на подмостках театра «Глобус» зазвучал «Гамлет», Кальдерону был всего один год. Нигде до и после «Гамлета» идея бытия и познания не звучала в литературе столь ярко, столь определённо в сопряжении философского и художественного аспектов.

Схема логического поиска истины есть и в «Короле Лире». Лир продумывает и пытается воплотить новую модель королевско-отцовской власти на основе искренней любви дочерей. Отсюда ему крайне важно увериться в безмерности их любви. Это не просто каприз деспота, а продуманная инновационная концепция власти. Поэтому он так радостен, когда приходит в тронный зал делить королевство. Поэтому он и приходит в неистовство от правдивого ответа Корделии, определившего меру возможной любви к отцу. Ему мало не самой любви, но мало её разумной меры. Ибо только неразумная любовь может быть основанием безмерной деспотической власти. А неразумная любовь для Шекспира и его героев достаточно сомнительна. Но деспотизм Лира претендует ни много, ни мало именно на неразумную любовь-подчинение. Лир намерен не власть разделять со своими детьми, но быть властителем на принципиально иной основе: безраздельной любви к себе как к отцу, к человеку. Здесь проявляется не только деспотизм и своеволие героя, но и явное титаноборчество, соперничество с Абсолютом. Однако Лир всего лишь человек, который требует невозможного – любви, которая есть дар. Основа оказывается призрачной, нежизнеспособной, и концепция Лира терпит крах.

Схоластическая процедура очевидна и в «Макбете». Там также осуществляется логико-экспериментальный поиск истины. В основе – неукротимая жажда власти, воля к власти, сущностные характеристики которой Шекспир раскрыл задолго до А. Шопенгауэра и Ф. Ницше. Это бессознательная жажда, рвущаяся вовне при первой же возможности, достаточно малейшего толчка, знака, намёка, сколь бы зловещим он ни был. Макбет осуществляет чудовищный кровавый эксперимент, убивая любого, кто стоит на его пути к трону. Леди Макбет – первая скрипка в этом эксперименте. Она осознанно стремится преодолеть женскую природу: материнство, мягкость, уступчивость, нежность, сострадание – качества, уже выработанные рыцарской культурой, определяющие культурную ценность феминного начала не только эпохи Возрождения, но и последующих эпох. Макбет и леди Макбет не просто люди действия, но действующие в соответствии со своей жизненной философией, обосновывающей и оправдывающей совершаемые ими убийства. Однако Шекспир сопрягает со схоластикой оправдания власти как вершины человеческого успеха, благополучия, вершины реализации человеческой природы и нарративную процедуру действия-повествования, живописующего смысл пути, выбранного героем.

Путь – это нарративная схема, модель, своеобразный аналог, параллель схоластической процедуры в организации текстуальности. Путь – нарратив, повествование. Поиск истины – дискурс, схоластическая процедура. Каждая модель имеет свою сферу наиболее продуктивного функционирования. Схоластически дискурсивная модель функционирует в философии, богословии, науке, а нарративная – в художественном творчестве. У В. Шекспира они находятся в постоянном взаимодействии, смещении акцентов в сторону то одного, то другого способа оформления текстуальности. Ко времени ренессанса модель человеческого пути к воцарению уже определилась в текстуальности Средних веков. Она есть в героическом эпосе, в фольклорной сказке. Воцарение как цель предполагает преодоление множества препятствий на пути к нему. Но путь, в отличие от схоластической процедуры, – это не просто схема, но ещё символ и образ, где пер-

востепенную роль играет не логическое, а непосредственно конкретно-чувственное начало. Схема усваивается и применяется как возможный шаблон, не задевая глубоко эстетических чувств. Символ – знак, выражающий сущность явления. Путь, совершаемый Лиром из дворца к тюремному заключению, представляет деконструкцию пути к воцарению, оставаясь символом, знаком пути как пространственно временного континуума человеческой жизни. Образ Лира, совершающего свой путь к духовному восхождению, будучи конкретно чувственной формой отражения действительности, вызывает сопереживание, апеллируя к разнообразным чувствам в их взаимодействии и оксюморонном сочетании: он может вызывать испуг, радость; он расстраивает, вдохновляет, огорчает, предостерегает, направляет, подсказывает. Диапазон воздействия образа непредсказуем. Образ многозначен, недоговорён, открыт дальнейшему осмыслению и переосмыслению. Отсюда зрителю видна не схема поиска истины Лиром, Гамлетом, Макбетом, не та схоластическая процедура, в которой фундирована логика их поступков, но их заблуждения и раскаяние, страдания, муки совести, отчаяние и присутствие духа – всё, что проживает человек на своём жизненном пути.

Итак, средневековая схоластика и ранние средневековые драматические формы, такие как антифон и респонсорий, имплицитно утвердились в развитии жанров классической комедии и трагедии. Интересное преломление у Шекспира получает и Античность. Например, античный хор преобразуется в массовые сцены праздников, карнавалов, свадеб, шествий, торжественных встреч, приёмов, театральных спектаклей, коих весьма много в целом ряде произведений: «Укрощении строптивой», «Много шума из ничего», «Напрасные усилия любви», в «Гамлете». Так, в «Гамлете» представлен спектакль в спектакле, а «Сон в летнюю ночь» включает хороводы эльфов, подготовку спектакля и завершается городским празднеством. «Много шума из ничего» включает пиры, приезды, приёмы, судебные разбирательства. Исторические хроники включают сцены королевских приёмов, бивуачной жизни, сражений. Это оказалось возможным, так как жанровая форма драмы эпохи Возрождения впитала в себя сложившиеся в Средние века формы: миракль, мистерию, соти (от франц. *sotie* – дурачество; небольшие, частично импровизированные комические пьески, в которых за невинным шутовством скрывался едкий политический подтекст), элементы дидактической церковной драмы.

Рассмотрим преломление некоторых из этих форм в творчестве В. Шекспира и роль этого преломления в фиксации культурного конфликта Возрождения и выработки стратегий его разрешения.

Так, в произведениях В. Шекспира просвечивают элементы мистерии. Будучи в своих истоковых формах средством приобщения к сакральным текстам, религиозно обрядовым действием, позволявшим пережить таинство Божественного присутствия, мистерия постепенно обмирщалась, включая комические элементы. Она не пользовалась успехом у церковной и политической власти и её элементы практически не представлены у драматургов-современников В. Шекспира. Так, «Тамерлан Великий» у К. Марло – трагедия, разыгрываемая несколькими действующими лицами, хотя Тимур Тамерлан – властитель Востока, завоева-

тель, создатель мощной империи [3, с. 41, 127]. В. Шекспир же легко вписывает в формат мистерии, соединившей к середине XVI в. каноны церковной литургической драмы и свободный дух городской площади, истории влюблённых, семейные драмы, сутолоку городской жизни.

В. Шекспир берёт отшлифованные европейской церковной, театральной, литературной культурой жанры средневековой драмы и экспериментирует с ними, подобно джазовому музыканту, преобразующему известный стандарт до неузнаваемости. Масштабность формата, архетипические сюжеты, всем известные, но от этого не менее значимые и увлекательные, включение в основной текст разнообразных элементов с широким диапазоном художественных функций делает старую мистику неузнаваемой. Мистерияльная основа угадывается не только в комедиях «Много шума из ничего», в «Сне в летнюю ночь», но и в трагедиях, исторических хрониках. Эта основа являет себя в насыщенном антропогенном фоне пьес: наряду с королями, военачальниками, лордами, герцогами, принцами и другими особами, облечёнными властью, в пьесах действуют обычные горожане, ремесленники, актёры, слуги, деклассированные дворяне, мошенники и просто люди без роду и племени. И сцена вмещает этот поток персонажей, равнодушных к тому, что происходит с главными героями. Обмирщение мистерии в Средние века осуществлялось через интеграцию в неё комического компонента. В. Шекспир активно использует этот приём. Так, в «Сне в летнюю ночь» Титания влюбляется в осла, влюблённые забывают, в кого они на самом деле влюблены под влиянием волшебного воздействия. У В. Шекспира много диалогов в стиле сатиры, которые могут проигрываться не только между простаками и недотёпами, но и между титулованными особами и юными влюблёнными. Однако комическое начало не исключает аспекта таинства, свойственного жанру мистерии. Только у В. Шекспира это таинство любви, искусства, возможностей человека и самой жизни.

В. Шекспир не просто сохранил грандиозность мистерияльного действия, но раскрыл его колористический диапазон в движении от таинства повседневной частной жизни и возможностей человека, через таинство формирования национальной государственности к таинству бытия в целом. Но на этом эксперимент в области фиксации, осмысления и разрешения культурного конфликта средствами драматических жанров у В. Шекспира не заканчивается. Жанр мирасла – драматического рассказа о чуде – также находит место в отражении культурного конфликта эпохи. Во-первых, следует отметить реализм, свойственный автору. Чуда в мистическом понимании у В. Шекспира нет. Чудесное начало носит вполне реалистический характер и связано с реальными перипетиями в жизни персонажей. Например, чудо воскресения, казалось бы, погибшей возлюбленной; чудо спасения в бурю или от разбойников. Некоторые персонажи являются чудесными мифологическими существами: ведьмы («Макбет»), эльфы («Сон в летнюю ночь»), стихии («Буря»). Однако в отличие, например, чуда о Святом Николае, статуэтка которого обладала чудесной силой и спасла обладателя от смерти, герои В. Шекспира сами творцы своей судьбы. Их нельзя заставить полюбить с помощью волшебного сока, если в их сердце нет любви. Им

нельзя помочь, даже силами трёх ведьм, если они выбирают кровавый путь, как Макбет. Категория чудесного представлена в реалистическом понимании, она объективирована в природе человека, определяемой добрыми началами, что находит выражение в гуманистическом идеале Возрождения. В. Шекспир являет чудо любви, верности, ума, бесстрашия, дружбы. Чудо преображает не только того человека, который любит, но и мир в целом. Так, Ромео и Джульетта изменили уровень толерантности в Вероне.

Неузнаваемой становится у В. Шекспира средневековая дидактика. Например, в «Ромео и Джульетте» дидактика является не только рассказчик и герцог, но Меркуцио, няня, отчасти сама Джульетта. Дидактика выходит за рамки сухого поучения, проговаривания прописных истин, она исходит из нового понимания ценности человека, его жизни, возможностей, интенций. Так, Меркуцио открывает ценность жизни и абсурд распри между Монтеки и Капулетти в момент своей смерти. «Чума на оба ваших дома!» – это поучение тем, кто остаётся жить. Дидактика Джульетты, оберегающая любовь, стремящаяся заключить её в рамки брака. Дидактотом становится Ромео, пытающийся вразумить дерущихся Тибальта и Меркуцио, объясняя им и, прежде, себе самому, абсурдность поединка между братом возлюбленной и своим другом. Таким образом, средневековая дидактика в драме эпохи Возрождения является выражением здравого смысла, способом осмысления человеческих ценностей, средством преодоления конфликта. Она выступает не в качестве безусловного непрекращаемого запрета, но даёт возможность непосредственной рефлексии ситуации, отношения, позиции. Она есть результат, рождающийся на глазах, а не застывшая догма.

В связи с этим полагаем важным отметить интеграцию в жанровую форму драмы форм лирики [4, с. 79]. Особенно это касается монологической речи персонажей. Так, например, в «Ромео и Джульетте» есть формы провансальской лирики: альба, канцона, сирвента, не говоря уже об элементах сонетной формы, которой Шекспир владел в совершенстве.

Такой мощный синтез элементов различных жанровых форм не мог не привести к появлению нового качества не просто жанра драмы, но способа осмысления культурного конфликта эпохи и, главное, выработки стратегий его разрешения. Это новое качество объективировано в появлении новых жанров: исторической хроники и трагикомедии, явившихся в дальнейшем основанием реалистической драмы, в том числе и на исторический сюжет, где представлен конфликт государственных интересов между различными странами, историческими личностями, народом и властью. Новое выражение получает конфликт человека с судьбой, поскольку в нём начинает активно проявляться креативное начало в характере персонажа и звучать категория времени, понимаемого уже не как архаически циклическое, а как линейное, в христианской парадигме.

В целом можно отметить усложнение культурного конфликта как в отношении схемы, которая в Средние века была максимально рационалистичной, так и в отношении содержания, включающего разные конфликтные оппозиции, подчас противоречащие друг другу. В целом рациональное уступает место иррациональному, спонтанному, естественному, живым импровизационным формам. В то же время

сохраняется и схема, рациональная матрица конфликта. Представляется возможным говорить как об усилении нарративности, так и о развитии дискурсивности. Драма эпохи Возрождения предлагает разнообразные варианты стратегий разрешения культурного конфликта учитывая разнообразные формы его проявления в различных сферах.

1. Абеляр П. Логика для начинающих // Хрестоматия по западной философии: Античность. Средние века. Возрождение. М.: Астрель, 2003. 800 с.

2. Дрэббл М., Стрингер Д. Путеводитель по английской литературе. М.: Радуга, 2003. 928 с.

3. Марло К. Сочинения. М.: Изд-во художественной литературы, 1961. 664 с.

4. Самарин Р. М. Зарубежная литература. М.: Высш. шк., 1978. 464 с.

© Нефёдова Л. К., 2013

УДК 167.7
U.D.C. 167.7

Т. М. Овчинникова
T. M. Ovchinnikova

СИТУАЦИОННЫЕ ОСНОВАНИЯ РЕФЛЕКСИВНОЙ МОДЕЛИ КОНФЛИКТА

В статье рассматривается возможность управления конфликтной ситуацией в терминах алгебры рефлексивных процессов, описываются предполагаемые этапы построения рефлексивной модели конфликта.

Ключевые слова: конфликт, моделирование, ситуация, ситуационный подход, рефлексивные процессы, рефлексивное управление.

SITUATIONAL BASIS OF REFLEXIVE MODEL OF CONFLICT

The article discusses the possibility of conflict situation management in terms of Algebra of Reflective Processes. The expected stages of the construction of the reflexive model of conflict are described.

Key words: conflict, modelling, situation, contingency approach, reflexive processes, reflexive control.

В подавляющем большинстве исследований конфликт понимается как взаимодействие, характеризующееся желанием субъектов, в него вовлеченных, воспрепятствовать в достижении поставленных ими целей, нанести определенный ущерб друг другу. Но противодействие сторон, выбор ими соответствующей стратегии поведения – это лишь внешняя оболочка, под ней всегда скрываются их представления о той ситуации конфликта, в которой они оказались.

В отечественной психологии наиболее распространенным является понимание ситуации как «системы объективных обстоятельств, в условиях которых разворачивается деятельность» [1, с. 166]. Существует и другой подход, представляющий ситуацию как единство объективного и субъективного – внешних обстоятельств в интерпретации отдельным человеком [3, с. 189]. Когда говорят об «обстоятельствах», то имеют в виду не все реальные условия жизнедеятельности человека, а лишь те, которые определяют его активность. Ситуация же является не просто пребыванием человека в таких условиях, когда он совершает некие бессознательные действия, она предполагает индивидуальное восприятие, переживание и интерпретацию (истолкование) человеком этих условий, выявление объективного содержания, придание им определенного смысла. Таким образом, ситуация от внешних обстоятельств, отличается взаимопроникновением мира и субъекта, «с необходимостью вызывающего к жизни смысл» [2, с. 9–10]. Любая ситуация объективна, однако присутствие в ней различных субъектов порождает различные ее интерпретации, различные смыслы. Возникновение, развитие и исход ситуации зависит от смысла, проецируемого субъектом на обстоятельства [2, с. 23–24].

Среди всевозможных ситуаций особое место занимают конфликтные ситуации. Не ставя своей целью дать развернутый анализ различных подходов к определению или описанию данного понятия, укажем лишь некоторые из них. Так, Н. В. Гришина, определяя конфликт как ситуацию, в которой имеет место противоречие (противодействие, противостояние, противоборство), говорит далее о том, что существенные признаки конфликта «дифференцируют» его «от других социальных ситуаций и образуют категорию явлений, имеющих значение «конфликтная ситуация» [3, с. 204], тем самым отождествляя понятия «ситуация конфликта» и «конфликтная ситуация». А. Я. Анцупов и А. И. Шипилов, описывая особенности ситуационного исследования конфликтов, определяют конфликтную ситуацию как наименьшую целостную неделимую «часть конфликта», обладающую «всеми его основными свойствами» [1, с. 168]. В. А. Светлов и В. А. Семенов конфликтной ситуацией называют специфическое *состояние социальной системы*, которое характеризуется «дисбалансом в отношениях между социальными секторами» [7, с. 327]. По мнению Г. И. Козырева, конфликтная ситуация – это «*противоречия*, возникающие между субъектами по поводу объекта» [4, с. 25]. Даже этот далеко не полный перечень дефиниций свидетельствует о том, что среди специалистов нет единства по поводу трактовки такого базового понятия конфликтологии, каковым является понятие конфликтной ситуации.

Ситуационный метод исследования не является новым для современной конфликтологии. В учебнике А. Я. Анцупова и А. И. Шипилова ситуационным анализом конфликта называется изучение его характеристик на основе систематизации «конкретной информации о поведении конкретных людей и социальных групп» [1, с. 169] в данном конфликте,

из чего вытекает, что анализ любого реального конфликта и есть ситуационный анализ. Здесь же предлагается бланк ситуационного анализа, содержащий 60 вопросов, касающихся временных и структурных параметров конфликта, а также личностных особенностей конфликтантов. Безусловно, невозможно понять, как субъект воспринимает ту или иную ситуацию (в данном случае ситуацию конфликта), не проясняя ее событийного компонента. Важно в данном случае, и здесь нельзя не согласиться с Н. В. Гришиной, чтобы это понимание не подменялось изучением того, как субъект «воспринимает окружающих его людей» [3, с. 193]. А далее возникает вопрос, лежащий в плоскости практической: каким должен быть (хотя бы в первом приближении) алгоритм управления анализируемым конфликтом, учитывающий восприятие каждой стороной данной конфликтной ситуации?

Для ответа на этот вопрос обратимся к идее представления конфликта в виде рефлексивной игры, описанной В. А. Лефевром и Г. Л. Смоляном, в которой игрокам (участникам конфликта) необходимо предвидеть не только собственные поступки, но и действия противника. Описание конфликта с использованием символического языка, особой алгебры – алгебры рефлексивных процессов, получило название рефлексивной модели конфликта [5, 6]. В отличие от теоретико-игровых моделей, которые создаются с целью выбора оптимальной стратегии поведения для субъектов в заданных и неизменных условиях, рефлексивная модель учитывает процесс восприятия ими конфликтной ситуации и предполагает возможность управления этим процессом. Рефлексивная модель позволяет находить решение конфликта, оперируя не только с действительностью, но и с теми ее картинками, которые отражаются в головах его участников и заполняют их внутренний мир.

В алгебре рефлексивных процессов объективная обстановка представляется как некоторый плацдарм Π , на котором разворачиваются события. Плацдарм Π отображается субъектом (игроком) X на особый планшет Π_x . Очевидно, что отображение плацдарма Π может быть произведено с различной точностью. Например, некоторые пункты могут быть пропущены, их расположение может быть искажено и т. д. Но X оперирует с Π_x , а не с Π , и решение, которое он примет, будет соотносено с Π_x и лишь затем переведено на реальный плацдарм Π . Игрок X имеет цель – Π_x . Чтобы принять решение, в результате которого цель будет достигнута, X должен произвести определенные операции на своем планшете. Предположим, что X владеет каким-либо методом решения задачи, называемым доктриной и обозначаемым D_x . Используя D_x , игрок X находит решение задачи – P_x . Решением задачи в данном случае является выбор стратегии поведения в конфликте (игре), обеспечивающей X максимально благоприятный исход.

Процедура принятия решения игроком X изображается следующим образом:

- 1) реальная обстановка «переводится» на планшет: Π_x ;
- 2) цель особым образом соотносится с планшетом или «наносится» на планшет: $\frac{\Pi_x}{\Pi_x}$;
- 3) к планшету с нанесенной на него целью применяется доктрина $\frac{\Pi_x}{\Pi_x} D_x$;

- 4) В результате этой операции вырабатывается решение, отнесенное к планшету $\Pi_x: \frac{\Pi_x}{\Pi_x} D_x \rightarrow \frac{P_x}{\Pi_x}$

Описанная процедура принятия решения одним из игроков конфликта предполагает, что его цель не зависит от изображения плацдарма на планшете. Однако цель может определяться или изменяться в результате оперирования с планшетом Π_x . Тогда решение игроком будет вырабатываться следующим образом: $\Pi_x \rightarrow \Pi_x \rightarrow \frac{\Pi_x}{\Pi_x} D_x \rightarrow \frac{P_x}{\Pi_x}$ [5, с. 21–23].

Заметим, что конфликт в алгебре рефлексивных процессов понимается как интеллектуальное взаимодействие игроков, которые стремятся «перехитрить друг друга» [5, с. 18], т. е. каждая из сторон ставит своей целью достижение одностороннего преимущества, для чего проникновение в замысел противника делается жизненно необходимым. Чтобы принять решение, обеспечивающее успех, Y должен проимитировать рассуждение X и проделать процедуру:

$$\frac{\Pi_{xy}}{\Pi_{xy}} D_{xy} \rightarrow \frac{P_{xy}}{\Pi_{xy}} \rightarrow \frac{P_{xy}}{\Pi_y} \rightarrow \frac{P_{xy} \Pi_y}{\Pi_y} D_y \rightarrow \frac{P_y}{\Pi_y}.$$

В этом выражении Π_{xy} – это цель игрока X с точки зрения Y , соответственно Π_{xy} , D_{xy} и P_{xy} – планшет, доктрина и решение X , какими их видит Y . И только после того, как Y получил $\frac{P_{xy}}{\Pi_{xy}}$, он должен перевести это решение на свой собственный планшет Π_y : $\frac{P_{xy}}{\Pi_{xy}} \rightarrow \frac{P_{xy}}{\Pi_y}$.

Теперь Y должен нанести на свой планшет свою цель, применить свою доктрину и выработать свое решение, соотношенное со своим планшетом [5, с. 23].

Приняв за основу специфические положения ситуационного подхода [2, с. 23–24], а также концепцию принятия решения игроками в рефлексивной игре, предложенную В. А. Лефевром и Г. Л. Смоляном, попытаемся создать элементарную схему приложения ситуационных идей к моделированию межличностного конфликта, а именно к созданию его рефлексивной модели. При этом будем считать, что в структуре конфликта присутствует третья сторона (Z), основная задача которой – способствовать его разрешению.

1. На первом этапе необходимо выявить обстоятельства, значимые для достижения целей, которые, возможно и неосознанно, преследуют конфликтующие стороны. Плацдарм (Π) в нашей интерпретации и есть обстоятельства, внешние по отношению к субъектам X и Y . Заметим, что любая схема анализа конфликта этот шаг предполагает.

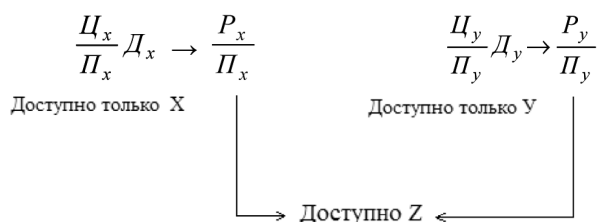
2. Далее следует прояснить смысл, который субъекты X и Y проецируют на данные обстоятельства, тем самым третья сторона Z получает в свое распоряжение Π_{xz} и Π_{yz} – планшеты сторон конфликта такими, как она их видит. Это уже вторичное отражение реальных обстоятельств (реального плацдарма) и при этом, очевидно, могут появиться существенные отличия от Π_x и Π_y . Описывая последовательность разрешения межличностных конфликтов с участием третьей стороны, А. Я. Анцупов и А. И. Шипилов предлагают побеседовать о причинах конфликта с друзьями оппонентов (или их ближайшим окружением), поскольку они дадут «более объективную информацию об интересах и опасениях» сторон [1, с. 497]. Но в этом случае Z придется иметь дело

с планшетами $\Pi_{xaz}, \Pi_{xbz}, \Pi_{xcz}, \dots$ (где А, В, С ... – друзья, родственники, коллеги Х и У). Очевидно, чем больше планшетов окажется в распоряжении Z, тем сложнее будет управлять ими. В отношении же объективности такой информации мы разделяем позицию У. Томаса и В. Знанецкого: «Индивидуальный субъект реагирует только на свой опыт, и его опыт – это не то, что абсолютно объективный наблюдатель может обнаружить в части мира, доступной индивиду, но только то, что сам индивид там находит» [3, с. 195].

3. В подавляющем большинстве случаев конфликт определяется как столкновение противоборствующих сил, активное противоречие, предполагающее наличие некоторого результата, на достижение которого направлены действия сторон. Следующим шагом в создании рефлексивной модели является выявление целей сторон конфликта, – Π_{xz} и Π_{yz} . При этом следует помнить, что из отсутствия целенаправленного поведения конфликтующих сторон не вытекает отсутствия у них целей. Кроме того, субъекту бывает сложно сформулировать, чего он хочет добиться от оппонента в данной ситуации и чего он опасается, и проще в этом случае выявить Π_{xz} и Π_{yz} через частноотрицательные суждения: чего не хотят субъекты Х и У. В любом случае эти цели интерпретирует со своей позиции третья сторона Z.

4. Представим доктрину как все то, чем субъект обладает для принятия решения, как набор личностных и ситуационных факторов. В личностном плане это психологические особенности, направленность личности, ее когнитивная ориентация, воспитание, личностные ценности, принадлежность к определенному социальному, культурному, профессиональному слою, владение специальными психотехническими методиками. К ситуационным факторам можно отнести характер отношений сторон (кооперативный или конкурентный), общий эмоциональный фон этих отношений, наличие заинтересованных лиц, поведение другой стороны и т. п. Отметим также, что в общем случае $D_x \neq D_{xz}$ и $D_y \neq D_{yz}$.

5. Определим решения субъектов, соотношенные к их планшетам ($\frac{P_x}{\Pi_x}$ и $\frac{P_y}{\Pi_y}$), как выбор ими стратегии реагирования на возникшие противоречия. При таком подходе именно этот элемент «цепочки», имитирующей процесс принятия решений в ситуации конфликта, становится доступным внешнему объективному наблюдателю, которым, по нашему допущению, является Z.

6. На следующем этапе происходит корректировка $\frac{P_x}{\Pi_x}$ и $\frac{P_y}{\Pi_y}$, целью которой является достижение $\frac{P_x}{\Pi_x} = \frac{P_y}{\Pi_y}$. Никого количественного смысла это равенство не имеет. Но так же, как равные между собой обыкновенные дроби, являющиеся различными записями одного и того же рационального числа, могут иметь неравные друг другу соответ-

ственно числители и знаменатели, так и отношения различных решений к соответствующим им планшетам могут представлять одно и то же решение исходного конфликта. Такая корректировка возможна как самими субъектами, так и третьей стороной Z. Поскольку изначально мы исходили из наличия такой стороны, то в символическом виде процесс корректировки будет выглядеть следующим образом:

$$\frac{\Pi_{xz}}{\Pi_{xz}} D_{xz} \rightarrow \left(\frac{P_x}{\Pi_x} \right)_z \rightarrow \frac{P_x}{\Pi_x} \text{ и } \frac{\Pi_{yz}}{\Pi_{yz}} D_{yz} \rightarrow \left(\frac{P_y}{\Pi_y} \right)_z \rightarrow \frac{P_y}{\Pi_y},$$

при условии, что $\frac{P_x}{\Pi_x} = \frac{P_y}{\Pi_y}$.

Превращение $\left(\frac{P_x}{\Pi_x} \right)_z \rightarrow \frac{P_x}{\Pi_x}$ (аналогично и для У) становится возможным посредством рефлексивного управления, которое может осуществляться посредством хотя бы одного из следующих превращений: $\Pi_{xz} \rightarrow \Pi_x$; $\Pi_{xz} \rightarrow \Pi_x$; $D_{xz} \rightarrow D_x$; $P_{xz} \rightarrow P_x$; $\Pi_{yz} \rightarrow \Pi_y$; $\Pi_{yz} \rightarrow \Pi_y$; $D_{yz} \rightarrow D_y$; $P_{yz} \rightarrow P_y$. И здесь целый спектр приемов, таких как пересмотр жизненных целей в сторону большей реалистичности, коррекция условий жизни, выработка нового образа Я, формирование навыков конструктивного поведения в конфликте (в полном объеме эти приемы не подлежат рассмотрению в рамках данной статьи). Однако существуют ситуации, в которых достичь желаемого равенства невозможно, поскольку каждая ситуация содержит существенный элемент непредсказуемости, иррациональности, и все усилия Z, направленные на передачу Х или У картины Т (планшета, цели, доктрины или решения), которую Z специально для них запланировал, могут оказаться напрасными.

В заключение отметим, что построение любой модели конфликта, в том числе и рефлексивной, попытка создания которой была предпринята в настоящей работе, опирается на значительное упрощение ситуации. Вместе с тем даже грубая идеализация дает возможность разработки алгоритма управления этой ситуацией. Конфликт, с точки зрения внешнего исследователя, который занимается моделированием конфликта с использованием алгебры рефлексивных процессов, выступает как результат несовместимости картин окружающего людей мира, отраженного их сознанием.

1. Анцупов А. Я., Шипилов А. И. Конфликтология: учеб. для вузов. 4-е изд. испр. и доп. М.: Эксмо, 2009. 512 с.
2. Векленко П. В. Ситуационный подход в познании: монография. Омск: Амфора, 2012. 144 с.
3. Гришина Н. В. Психология конфликта. 2-е изд. СПб.: Питер, 2008. 544 с.
4. Козырев Г. И. Конфликтология: учебник. М.: ИД «Форум»: ИНФРА-М, 2010. 304 с.
5. Лефевр В. А., Смолян Г. Л. Алгебра конфликта. М.: Знание, 1968. 64 с.
6. Лефевр В. А. Конфликтующие структуры. М.: Советское радио, 1973. 158 с.
7. Светлов В. А., Семенов В. А. Конфликтология: учеб. пособие. СПб.: Питер, 2011. 352 с.

© Овчинникова Т. М., 2013

РЕЦЕНЗИИ

Никитина Л. Б.
«Народные мемуары»: продолжение следует...

**«НАРОДНЫЕ МЕМУАРЫ»:
ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ**

В статье представлена рецензия на книгу «Пути российского крестьянства в документальном автобиографическом романе Л. Л. Потокина «Судьба ветерана»: Публикация и исследование текста / Предисловие, подготовка текста и комментарий Б. И. Осипова» (Омск, 2013).

Ключевые слова: народные мемуары, история, орфография, пунктуация, стиль.

Серия «Народные мемуары», издающаяся по инициативе и при непосредственном участии доктора филологических наук профессора Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского Б. И. Осипова, включает тексты, представляющие собой воспоминания людей о своей жизни, о времени, ставшем историей.

«Народные мемуары», являясь уникальными источниками погружения в прошлое страны, дают возможность взглянуть на нашу историю изнутри – глазами тех, в чьей судьбе отразились ее перипетии, повороты, большие и малые события. Пожалуй, главной особенностью книг данной серии является присутствие в авторском описании множества деталей, которые, нанизываясь друг на друга, создают ощущение включенности единичного, простого, житейского, испытанного на себе в общее, в то, что называют *судьбой поколения* и о чем говорят как о *жизни простого народа*.

В этом году Б. И. Осипов подготовил к изданию новую книгу серии «Народные мемуары» – автобиографический роман Л. Л. Потокина «Судьба ветерана».

Воспоминания Л. Л. Потокина – это, безусловно, исторический источник (в том смысле, что в нем отражены исторические реалии определенного времени, представленные через призму конкретного человеческого участия). Несмотря на значительную долю вымысла, отмеченную издателем, в тексте представлены яркие картины крестьянского быта, свидетельства жизненных испытаний, выпавших на долю простых людей в годы коллективизации, Великой Отечественной войны, в послевоенное время.

Будучи «человеческим документом», роман (согласимся с Б. И. Осиповым, что это авторское определение жанра вполне уместно) не претендует на художественную оригинальность и литературную обработанность, он берет другим: тщательностью прописывания деталей, которые автор считает особо значимыми для своего жизнеописания. Причем детали эти в сопоставлении с той историей страны, которую мы знаем по учебникам, очень мелкие, личные, но этой своей незначительностью они и ценны: перед читателем предстает жизнь простого человека, неприукрашенная и какая-то совершенно понятная в этой своей неприукрашенности.

**“NATIONAL MEMOIRS”:
TO BE CONTINUED**

The article presents a review of the book “The Way of the Russian peasantry in L. L. Potokin’s documentary autobiographical novel “The fate of the veteran”: Publication and text analysis / Preface, text processing and commentary by B. I. Osipov” (Omsk, 2013).

Key words: national memoirs, history, spelling, punctuation, style

Подготовленная к публикации книга, наряду с основной ее частью (собственно текстом романа Л. Л. Потокина), имеет содержательно важные для подобного рода изданий атрибуты: предисловие издателя (в нем даются общие сведения о рукописи и ее авторе, отмечается значимость текста как филологического и исторического источника, объясняется характер издательских купюр в тексте) и алфавитный указатель встречающихся в тексте диалектных, редких слов и имен собственных.

Кроме того, издатель предъявляет образцы почерка Л. Л. Потокина и фрагмент текста с сохранением авторской орфографии и пунктуации, что позволяет читателю убедиться в корректности работы издателя с текстом рукописи.

В предисловии к книге Б. И. Осипов описывает особенности авторской орфографии и пунктуации, отмечая относительно небольшое количество орфографических ошибок и почти полное отсутствие знаков препинания. Оценка грамотности автора мемуаров вписывается в контекст научных интересов издателя, связанных с историей русского письма. В целом же внимание к данной стороне романа народного писателя Л. Л. Потокина может, как представляется, вылиться в дальнейшее исследование особенностей его орфографии и пунктуации в сопоставлении с орфографическим и пунктуационным оформлением произведений других авторов из народа.

Мемуары Л. Л. Потокина интересны со стилистической точки зрения. Индивидуальность стиля языка народного писателя достойна специального изучения.

Книга «Пути российского крестьянства в документальном автобиографическом романе Л. Л. Потокина “Судьба ветерана”» будет востребована специалистами по истории и филологии и, безусловно, вызовет интерес у всех, кому небезразлична история нашей страны через призму ее восприятия простым человеком.

© Никитина Л. Б., 2013

СТРАНИЦЫ ПАМЯТИ

Памяти Д. Я. Воробьевой

Памяти С. И. Орехова

ПАМЯТИ Д. Я. ВОРОБЬЕВОЙ

ДИНА ЯКОВЛЕВНА ВОРОБЬЕВА – ПЕДАГОГ И УЧЕНЫЙ
(к 100-летию со дня рождения)

Уходит время день за днем,
Уж голова седою стала,
И никуда мы не свернем
И не начнем свой путь сначала
Что есть, то есть, а что пропало,
Того с собой не унесем...
Ю. В. Воробьев «Баллада»

В 2012 г. исполнилось 35 лет с тех пор, как ушла из жизни Дина Яковлевна Воробьева – основатель кафедры французского языка в Омском государственном педагогическом институте им. А. М. Горького. Приближается столетие со дня ее рождения.

Дина Яковлевна Воробьева родилась 26 августа 1914 г. в городе Двинске (Даугавпилс, Латвия). Отец – Яков Абрамович Суриц, мать – Берта Израилевна Израильтан. В связи с началом Первой мировой войны семья переехала из Двинска в Ярославль. Детство и юность Дины прошли в доме на углу улиц Свободы (б. Васильковская) и Цеммервальда (б. Нетеча), в центре города, недалеко от Волковского театра, старейшего в России. Верхний этаж дома занимала семья Якова Абрамовича, в нижнем располагалась его частная фотомастерская.

В семье поддерживался культ отца – человека незаурядного, с разносторонними интересами, добившегося всего самостоятельно. Яков Абрамович, «классный» фотограф-художник, увлекался музыкой – играл на скрипке, пианино, трубе; во время армейской службы играл в военном оркестре. Фотомастерская принадлежала Я. А. Сурицу до 1930 г., пока ее не экспроприировали, потом родители работали в этой же мастерской, но уже как госслужащие.

В период НЭПа в доме царили достаток и бережливость, а хрусталь и столовое серебро были не бутафорскими. Приобретались дорогостоящие по тем временам книги. Книги читали и родители, и три девочки-сестры Дины Яковлевны. Девочки воспитывались почти по-пуритански. Однажды красивую старшую дочь Дину заметил кинорежиссер, но Берта Израилевна категорически запретила ей «показываться на пробах».

Дина считалась умной и красивой (именно поэтому родители относились к ней строже, чем к другим). Рива – настойчивая, упорная, во всем желавшая походить на старшую сестру. Младшая Эмилия – Милаша – добрая, милая, сердечная. Все сестры получили высшее филологическое образование.

После окончания школы имени Н. А. Некрасова Дина Яковлевна работала на Ярославском заводе

синтетического каучука химиком-лаборантом, где и познакомилась со своим будущим мужем Виктором Михайловичем Воробьевым, выпускником Ленинградского технологического института. В 1934 г. она поступила и в 1939 г. с отличием окончила филологический факультет Ленинградского государственного университета по специальности «французский язык», квалификация «лингвист-романист». Она была ученицей выдающегося ученого-филолога, методиста, одного из основателей Ленинградской лингвистической школы академика Л. В. Щербы. Свободно владела французским, немецким, испанским языками.

На втором курсе, в январе 1936 года, у Дины Яковлевны родился сын, Юрий. Несмотря на появление ребенка, она сумела не отстать от своих однокурсников.

По окончании Ленинградского университета Дина Яковлевна вернулась в Ярославль, где и началась ее педагогическая деятельность на курсах подготовки учителей при Ярославском облоно, помощником директора ЯГПИ на 2-годичных курсах.

С началом Великой Отечественной войны завод СК, на котором В. М. Воробьев работал начальником цеха, эвакуируют из Ярославля в Казань. Несколько месяцев караван барж плывет по Волге, иногда попадая под вражеские бомбежки. Около Чебоксар баржи вмерзли в лед, и семья Воробьевых из 6 человек, в том числе 7-месячный сын Саша, живет в течение двух недель в ложе музыкального театра. Старший сын Воробьевых, Юра, запомнил весь репертуар театра.

В Казани Дина Яковлевна работала в пединституте, заведовала кафедрой французского языка. Сохранилось воспоминание одной из студенток первого набора на отделение французского языка Софьи Шамсеевны Болгарской: «Мне кажется, французский я полюбила именно потому, что его преподавала Дина Яковлевна, которой даже на Новый год всегда дарили живые цветы». Сохранилась фотография последнего для Дины Яковлевны выпуска «казанских французов» (1948–1952 гг.)

Жизнь в Казани в военные годы трудно назвать безмятежной. Чтобы как-то прокормить семью, Виктор Михайлович, тогда директор химического завода, выпускавшего

смазочные масла для танков, раз в неделю нагружал санки домашними вещами и вез в деревню обменивать на продукты. Считалось удачей, если привозил шкуру, голову, ножки барана. Их обжигали в муфельной печи и готовили холодец. Сама Дина Яковлевна регулярно сдавала кровь. Старший сын, младшеклассник, подолгу оказывался в больнице. В 1946–48 гг. мужа командировали в Германию, и все заботы о семье легли на плечи Дины Яковлевны.

В 1951 г. Виктора Михайловича, специалиста по производству синтетического каучука, направляют в Омск на строящийся завод СК.

Так семья Воробьевых оказывается в Сибири. Получила свое направление из Министерства просвещения РСФСР и Дина Яковлевна (как декабристка, с грустью замечали ее младшие сестры). С сентября 1952 г. она – старший преподаватель кафедры иностранных языков Омского пединститута, с 1953 г. заведует этой кафедрой.

Дина Яковлевна всегда заботилась о подготовке кадров. Лучших студентов направляла в аспирантуру. Так стали доцентами бывшие ученики Н. В. Филиппова (Огурцова), С. А. Артамонова (Казимирова), Т. А. Позднякова и др. Дина Яковлевна дала путевку на преподавательскую работу на кафедре иностранных языков многим выпускникам других вузов. Р. А. Драчева вспоминает: «Мы были выпускниками институтов иностранных языков г. Горького (ныне Нижний Новгород) и Пятигорска. По призыву Д. Я. Воробьевой нас «отыскали» для работы на кафедре иностранных языков (межфака). Так в 1964 г. на кафедре оказались Л. Б. Данилова, Р. А. Драчева, Г. А. Филиппова».

В 1956 г. впервые с факультета Дина Яковлевна командирована в годичную аспирантуру в Москву, к научному руководителю Анне Федоровне Самородовой. Она публикует статьи в центральных научных изданиях, выступает на научных конференциях. В 1964 г. в Первом Московском государственном педагогическом институте иностранных языков Дина Яковлевна защищает кандидатскую диссертацию на тему «Из истории создания французско-русских словарей в России и СССР. Эволюция словника и словарной статьи». Это была первая в Омском Прииртышье диссертация по французскому языку.

Научная работа Дины Яковлевны была посвящена проблемам лексикографии. В ее кандидатской диссертации прослеживалась история создания французско-русских словарей, начиная с 60-х гг. XIII в. до середины XX в. В ней также анализируется состав словников ряда французско-русских словарей (всего 47 814 слов) и принципы включения в словари архаизмов, неологизмов, просторечий, терминологической лексики, производных слов и словопроизводственных параллелей, представляющих особую трудность при разрешении вопроса о составе словника. В своей диссертации Дина Яковлевна исследовала также содержание и построение словарной статьи, ее эволюцию в отдельных изданиях французско-русских словарей в сопоставлении с французскими толковыми словарями.

Проблемам лексикографии Дина Яковлевна посвятила и ряд статей, опубликованных ею в конце 1960-х – начале 1970-х гг. Среди них статьи об испанских заимствованиях во французском языке, о лексикографическом решении

проблемы неологизмов и др. Так, в статье «К вопросу о лексикографическом решении проблемы омонимии» ею сделаны важные выводы о критериях выделения омонимии в двуязычных словарях, не утратившие своей актуальности и сегодня. Вот каковы эти выводы.

– Проблема омонимии и полисемии не может решаться одинаково в словарях разного типа. В теоретическом плане представляет интерес изучение особенностей смысловых изменений, приводящих к разрыву полисемии и образованию новых слов, поэтому в словаре с исторической перспективой должна подчеркиваться общность происхождения, последовательность смысловых изменений многозначного слова, значения слов располагаются в генетическом порядке, подчеркиваются семантико-словообразовательные связи значений. В таком словаре семантические омонимы не выделяются.

– В словаре современного языка, в том числе и в двуязычном словаре, отражается современное состояние лексики как результат исторического развития языка. Поэтому семантические омонимы должны выделяться, когда утрачена существовавшая ранее связь значений данного слова (ср., например, *greve*, *academie*, *adresse*, *air* и др. в словарях Атцфельда и Ганшиной).

– Основным критерием выделения семантических омонимов в двуязычном словаре следует считать критерий семасиологический – полное обособление значений с точки зрения современного словоупотребления, с учетом критерия грамматического, так как омонимия может быть связана с морфологическим составом слов.

– Не следует выделять в качестве омонимов значения многозначных слов, принадлежащих к разным грамматическим разрядам, семантически близкие только на основании морфологического критерия, когда различие синтаксических свойств не сопровождается различием лексических значений, например, существительного и прилагательного, ибо функционально существительное может употребляться в речи в качестве прилагательного.

В январе 1964 г. по инициативе Д. Я. Воробьевой организована кафедра французского языка. В течение 12 лет она руководит кафедрой.

Как писала газета «Молодость» 4 марта 1966 г., «кафедру французского языка можно по праву назвать молодежным коллективом. Основной ее состав – молодые преподаватели, а руководит кафедрой человек с молодым сердцем – Дина Яковлевна Воробьева. Работники института помнят, сколько энтузиазма и энергии вкладывала она, руководя несколько лет назад институтской самостоятельностью! Сейчас она тот же неутомимый общественный деятель: член парткома института, ответственная за научную работу».

Дине Яковлевне удалось воспитать целую плеяду молодого поколения филологов не только на кафедре, но и в своей семье.

Старший сын, Юрий Викторович Воробьев, выпускник факультета иностранных языков ОПИ, ученик профессора И. Р. Гальперина, кандидат филологических наук, исследователь строфики английской поэзии, поэт, переводчик, в течение 17 лет возглавлял кафедру иностранных языков (межфак) ОГПУ.

Старшая внучка, Ирина Юрьевна Воробьева (Пертельс), окончив факультет иностранных языков, работала в школе.

Правнучка Ксения Вострова учится на филологическом факультете в Государственном университете им. Ф. М. Достоевского.

Педагог и ученый Дина Яковлевна Воробьева осталась в памяти всех, кто ее знал, личностью незаурядной, замечательным человеком, принципиальным и доброжелательным. Недаром в «Семейном альбоме» записано о ней: «Дина Яковлевна – одна из тех женщин, встретив которых, трудно забыть».

*Благодарим за помощь
в написании этой статьи А. А. Палий,
доцента факультета иностранных языков ОмГПУ.*

Публикация подготовлена по материалам следующих источников:

1. Воробьев Ю. В. Мне в жизни очень повезло. М.; Омск, 1996.
2. Воробьева Д. Я. Из истории создания французско-русских словарей в России и СССР (Эволюция словника и словарной статьи): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1963.
3. Воробьева Д. Я. Об испанских заимствованиях во французском языке // Вопросы романо-германской филологии и методики преподавания иностранных языков. Омск, 1970.
4. Воробьева Д. Я. К вопросу о лексикографическом решении проблемы омонимии // Вопросы романо-германской филологии и методики преподавания иностранных языков. Омск, 1968.

ОСТАВИТЬ СЛЕД В ДУШЕ УЧЕНИКОВ

Перед глазами пожелтевшая страница Учительской газеты, органа ЦК Комитета работников Просвещения, от 26 ноября 1974 г. Выцветшая фотография красивой седовласой учительницы в окружении своих учеников. Под фотографией надпись: «Двадцать два года отдала работе в Омском государственном педагогическом институте заведующая кафедрой французского языка, доцент, кандидат наук Дина Яковлевна Воробьева. Не теряется живая связь наставника со своими выпускниками и после окончания вуза. Дине Яковлевне звонят, пишут, заходят в гости, чтобы поделиться радостями нелегкого педагогического труда. А среди теперешних её питомцев, захвативших её «в плен» в день 60-летнего юбилея, наверняка есть и «внуки» — ученики тех учителей, которые когда-то были её студентами».

Сегодня мы, те самые «питомцы», изображенные на фотографии, уже отметили каждая свой 60-летний юбилей, но память хранит те незабываемые, поистине драгоценные студенческие годы, когда каждый день, как на крыльях, мы неслись на занятия в надежде пополнить свой багаж знаний и обрести педагогический опыт, каким обладали наши Учителя. Да, да, это отнюдь не опечатка, Учителя с заглавной буквы. Мария Людвиговна Лазар, Вера Николаевна Слинкина, Валентина Федоровна Иоффе — нам выпало счастье учиться у этих талантливых, глубоко образованных, культурно развитых преподавателей. И во главе этой славной когорты стояла она — Дина Яковлевна, величественная красавица с грациозной осанкой (хоть на обложку глянцевого журнала помещай!), спортивная и динамичная, постоянно передвигающаяся стремительной походкой, тактичная, всегда готовая выслушать и дать дельный совет.

Счастье почувствовать себя студентками именно французского отделения мы вкусили как раз в первый день своей студенческой жизни, когда нас, двадцать «желторотых птенцов», только ещё готовящихся «стать на крыло», приветствовала и напутствовала в педагогическую деятельность Дина Яковлевна. Отметив без излишнего пафоса тот факт, что профессия учителя французского языка требует большой и серьёзной подготовки, она задала нам риторический вопрос: «Что может быть интересней, чем знакомить детей с языком и культурой страны древнейшей цивилизации, давшей миру блистательную плеяду выдающихся людей науки и искусства, страны, играющей во все времена крупную роль в международных отношениях, чей язык общепринят в дипломатических кругах?». И каждая из нас, я уверена, мысленно поклялась стать причастной процессу воспитания молодого поколения в духе чистоты и нравственности.

Не следует забывать, что 1974 год был годом встречи на высшем уровне в Рамбуйе, годом франко-русских переговоров, в ходе которых и Л. И. Бреж-

нев, и В. Жиска́р д'Эстэн заложили надёжный фундамент взаимовыгодного сотрудничества как в политической сфере, так и в развитии разносторонних экономических, научно-технических и культурных связей. Нас, студентов французского отделения, это событие коснулось «напрямую».

На занятиях по практике речи под руководством Дины Яковлевны мы готовили сообщения и доклады по страноведению, по истории Франции, по политической обстановке в мире. Будучи классически образованной и богато эрудированной во многих областях, наша наставница прививала нам навыки риторики и коммуникации, учила нас уметь слушать друг друга и аргументировано высказывать свою точку зрения относительно того или иного события.

Наше обучение длилось 5 лет, и на каждом курсе несколько дисциплин преподавала нам Дина Яковлевна. На первом курсе мы под её руководством штудировали латинский язык с неизменным экскурсом (наверняка, не предусмотренным программой) в историю древних цивилизаций с их пикантными подробностями.

Второй курс — один из самых плодотворных — был весь пропитан приобретением навыков речевого общения. На уроках аналитического чтения мы с упоением пересказывали тексты французских авторов и давали собственную оценку происходящих событий и поступков персонажей. Особенно любимыми были занятия с ролевыми играми: ставились мизансцены отрывков французских произведений: «Семья Тибо» Р. Мартен дю Гара, «Кармэн» П. Мери-ме, «Мама, папа, служанка и я» Ж.-П. Ле Шануа.

На третьем курсе пришла пора осваивать теоретические дисциплины, первой из которых была история французского языка (и тут мы поражались, насколько свободно Дина Яковлевна прослеживала путь преобразования латинского слова во французское, претерпевшего фонетические и графические метаморфозы времён старофранцузского, среднефранцузского, ранненовофранцузского и нововофранцузского периодов!).

...года отдала работе в Омском государственном педагогическом институте заведующая кафедрой французского языка, доцент, кандидат наук Дина Яковлевна Воробьева. Не теряется живая связь наставника со своими выпускниками и после окончания вуза. Дине Яковлевне звонят, пишут, заходят в гости, чтобы поделиться радостями нелегкого педагогического труда. А среди теперешних её питомцев, захвативших её «в плен» в день 60-летнего юбилея, наверняка есть и «внуки» — ученики тех учителей, которые когда-то были её студентами. Фото 3, 1

На четвертом курсе нам преподавалась теоретическая грамматика – сложнейшая дисциплина, толкующая о морфологических и синтаксических премудростях французского языка, о многочисленных точках зрения относительно той или иной грамматической категории, о новейших исследованиях отечественных и зарубежных лингвистов. В памяти запечатлелись дебаты на одном из семинаров, касающиеся наличия или отсутствия категории вида во французском языке. Загадочный взгляд Дины Яковлевны, безмолвно наблюдавшей, насколько горячо каждая из нас отстаивала свою точку зрения, сменился взглядом приятно удивленным, после чего она поздравила нас, заметив, что наше умение участвовать в дискуссии достойно похвалы.

И, наконец, на пятом курсе Дина Яковлевна читала нам курс «Сравнительной типологии французского и русского языков» и вела семинарские занятия по этому курсу. Запомнилось ощущение собственной значимости и некоторого самоуважения во время ответов на семинарах. Судите сами, насколько ёмко и впечатляюще звучит, например, такая фраза: «В ономаσιологическом плане ядерные коннотации менее осязаемы, чем в семасиологическом, однако они все же могут подвергаться определённой перцепции». На первый взгляд высказывание может показаться абсурдным с точки зрения понимания. Однако научный стиль изложения приветствовался Диной Яковлевной, правда, оратор должен был быть готовым передать содержание фразы более простым языком, дабы доказать аудитории, что сам он понимает, о чем говорит.

Вместе с тем не только на занятиях проходило наше общение с Диной Яковлевной. Она неизменно принимала участие во всех внеаудиторных мероприятиях, будь то трудовой десант по уборке территории, участие в праздничных мероприятиях или выездные гастроли в сельские школы с культурной программой на французском языке. И вот тут-то уж мы «в непринуждённой обстановке» узнавали множество интереснейших, вроде бы и не столь важных на первый взгляд, подробностей французского быта.

Оказалось, что слово *bistro* вошло в историю французского сервиса после поражения наполеоновской армии в 1814 году, когда наши казаки, вошедшие в Париж и желающие поскорее подкрепиться в одной из харчевен, кричали официантам: «Быстро!». Свидетельством этого события является прикрепленная на фасаде одного из ресторанчиков на площади Тертр, что на Монмартре, табличка, с гордостью извещающая, что именно здесь впервые было проинзенено русское слово *быстро*.

Истинное изумление вызывала осведомленность Дины Яковлевны относительно культурного наследия Франции. Например, никто из нас не предполагал, что популярнейший в те времена французский актер Жан Марс учился у пропагандиста системы Станиславского А. Соколова, что все опасные трюки в своих фильмах он выполнял самостоятельно, что в 60 лет он решился сыграть такую труднейшую трагическую роль мирового репертуара, как Лир в трагедии Шекспира, для чего специально отрастил огромную седую бороду.

Неизменным участием в общеинститутском конкурсе «Студенческая весна» мы тоже обязаны Дине Яковлевне. Готовились не просто номера художественной самодетельности на французском языке, но каждый номер (песня или стихотворение) предварялся комментарием об ав-

торе произведения, о его самобытности. Мы знакомились с творчеством великих французских композиторов Ж. Бизе, М. Равеля, К. Дебюсси, Г. Берлиоза, К. Сен-Санса. Широко использовался при подготовке номеров репертуар французских шансонье: Ж. Брассенса, Ж. Бреля, К. Франсуа, Э. Пиаф, М. Амона, М. Шевалье. Трудностей в поисках необходимых материалов мы не испытывали: в домашней библиотеке Дины Яковлевны всегда находились необходимые книги, журналы, пластинки.

Особой строкой хочется прописать деятельность французского драмкружка, основателем которого являлась Дина Яковлевна, а позже его руководителем стал А. Н. Михеев. Студенты всех курсов могли стать его участниками, в распределении ролей, равно как и в выборе пьесы, учитывалось мнение всех и каждого. Костюмы тоже готовились своими руками. В конце года итоговый спектакль выносился на суд зрителей – всех желающих, а в течение следующего года «актеры» выезжали на гастроли в школы Нижнеомского, Горьковского и Колосовского районов области.

А однажды «на картошке» (естественная студенческая повинность того времени) Дина Яковлевна предложила нам симпровизировать знакомство французского актера Пьера Ришара с героем произведения «Дети капитана Гранта» естествоиспытателем Жаком Паганелем. Кто-то из нас должен был воплощать образ героев, другие призваны были играть роли ученых-географов, журналистов, прохожих. Причем последние должны были усмотреть черты сходства выбранных персонажей. Например, отметить, что оба они – великие чудаки, долговязые очкарики, нескладные великаны с детскими доверчивыми глазами, интеллигенты с зонтиками. Причем делать все это надо было по-французски! Чего греха таить, стремление поставить рекорд по сбору картофеля отошло на второй план, все были увлечены поисками метких эпитетов и метафор для характеристики персонажей.

... Почти сорок лет минуло с тех счастливых пор, но память свято хранит частички счастья, пережитого в те незабываемые годы. Время от времени судьба дарит нам, «питомцам» Дины Яковлевны, возможность встречаться и делиться воспоминаниями. И дай бог, чтобы такая возможность представлялась как можно чаще. Чтобы светлое имя нашего Учителя, Мастера своего дела ещё и ещё раз звучало из уст её благодарных учеников.

*Т. А. Позднякова, кандидат филологических наук,
доцент кафедры французского языка ОмГПУ*

ВОСПОМИНАНИЯ О ДИНЕ ЯКОВЛЕВНЕ ВОРОБЬЕВОЙ ВЫПУСКНИКОВ ФРАНЦУЗСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ 1970 ГОДА

Мы, выпускники 1970 года, с глубоким уважением и благодарностью вспоминаем заведующую кафедрой французского языка и нашего преподавателя грамматики – Дину Яковлевну Воробьеву. В нашей памяти она осталась высококлассным профессионалом, очень требовательным педагогом, не позволяющим легкомысленно относиться к изучению предмета, который станет основой нашей будущей профессии. Ее строгий, пристальный взгляд со-

проводил каждого, кто слабо подготовился к занятию. «Depouveau la moitié» (снова выучили наполовину) – эта реплика осталась в нашей памяти навсегда. Но как же она радовалась нашим успехам! Мы начинали учить французский язык «с нуля», почти все поступили с немецким языком, поэтому большой объем получаемых знаний давался нелегко.

Вспоминается случай, когда после очередной контрольной работы Дина Яковлевна встретила свою студентку в другом корпусе института, остановила ее и, лучезарно улыбаясь, произнесла: «Camarade Галя, у Вас замечательная «единица» за контрольную, я очень рада за Вас». И это была не шутка, не ирония, а искренняя радость за успехи студентки, допустившей меньше ошибок, чем в предыдущей работе. Эта «единица» доставила ей столько же радости, сколько и наши «пятерки» на выпускных экзаменах. Отлично сданные ГОСы – это был результат не только наших кропотливых занятий языком, но и ее усилий и требовательности.

Развивая наш кругозор и совершенствуя знания по стране изучаемого языка, Дина Яковлевна проводила факультативные занятия, на которых мы ближе знакомились с культурой Франции, ее писателями, поэтами, художниками.

Ей была безразлична судьба ее выпускников, она отслеживала нашу дальнейшую деятельность, оказывала любую возможную помощь и в решении наших жизненных проблем, и в вопросах нашего трудоустройства.

Красивая женщина, профессионал высокого уровня, требовательный и заботливый педагог, внимательный и отзывчивый человек – вот такой была она, наша Дина Яковлевна!

Г. Д. Боровкова (Посенкова)

Мне очень повезло: я училась у Дины Яковлевны Воробьевой. С гордостью говорила я об этом в кругу учителей французского языка, когда мы собирались на различные методические собрания.

Такие же слова я услышала от пожилого переводчика в библиотеке имени А. С. Пушкина. У него французский был вторым языком. Учиться у Дины Яковлевны – это как получить «Знак качества» за свои знания. Прошло много лет, а грамматику французского языка я знаю лучше, чем русскую.

Красивая, статная, элегантная, она выделялась из толпы, привлекала к себе восхищенные взгляды. Ее знали все, она была такая необыкновенная, такая яркая. А как она любила французский язык, французскую культуру, Францию. Помню ее уроки, незабываемый взгляд поверх очков, ее слезы, когда она нас выпускала. Но и после окончания учебы она нас собирала в аудитории № 5, проводила методические собрания.

Я её всегда помню, очень благодарна ей за знания, за помощь в учебе. Дело в том, что на третьем курсе я родила сына, Дина Яковлевна по своей инициативе добилась для меня свободного посещения занятий. Спасибо, Дина Яковлевна Вам за всё, я Вас очень люблю!

М. И. Курьина (Маркова)

Писать о человеке, много лет назад ушедшем из жизни, твоим любимом преподавателе, сложно, ответственно и, естественно, волнительно. С тех пор сменилось несколько

поколений студентов, изменилась страна, жизнь, система образования и даже название вуза, но остаются непреходящие постоянные величины, одна из которых Дина Яковлевна Воробьева. За несколько десятков лет многое стирается из памяти, остаются лишь самые яркие события, факты, люди.

Таким ярким событием стала для меня встреча 48 лет назад с Диной Яковлевной – незаурядной личностью, прекрасным педагогом, удивительно красивой женщиной. Почти полвека минуло, а кажется, что только вчера мы переступили порог нашей Alma mater, где нам предстояло провести 5 незабываемых лет студенческой жизни. Любовь к грамматике, которую привила нам Дина Яковлевна, осталась со мной на всю жизнь; я и по сей день преподаю этот аспект языка в ОмГУ им. Ф. М. Достоевского.

Учиться у Дины Яковлевны было нелегко: огромное количество домашних заданий, высокая требовательность преподавателя в то время казались многим из нас чрезмерными. И только спустя годы мы смогли по достоинству оценить то, чем вооружила нас Дина Яковлевна – прочными знаниями по предмету, любовью к французскому языку и культуре удивительной страны – Франции. О ней можно говорить бесконечно, она неисчерпаема.

В силу своей профессиональной и личной деятельности Дина Яковлевна была связана тысячами невидимых нитей с огромным количеством людей. Будучи заведующей кафедрой и пользуясь огромным авторитетом, она приложила много усилий по продвижению и становлению французского языка в Омском регионе. Именно благодаря ее усилиям, французский язык начал преподаваться в общеобразовательных школах, а первые группы французского отделения, среди которых были и мы, набирались из абитуриентов, сдававших в качестве профильного экзамена немецкий язык.

Человек очень энергичный и творческий, обладающий энциклопедическими знаниями, она умела зажечь и заинтересовать студентов не только своим предметом, в преподавание которого она вкладывала свою душу и все свои знания, но и общественными делами, развивая наши организаторские способности.

В студенческую пору нас поражала ее блестящая эрудиция и завораживало столь же яркое ораторское мастерство. Дина Яковлевна была непревзойденным рассказчиком, с импровизацией, логикой и лаконичным выражением мысли. Как нам хотелось научиться так же говорить, так же выражать свои мысли! И этому она нас тоже учила. Мы с удовольствием посещали ее семинар по литературе Франции, где выступали с докладами, а также во всех факультетских и институтских мероприятиях, в организации которых наша группа принимала самое активное участие. После доклада или другого выступления мы с нетерпением ждали ее оценки; и какими гордыми мы были, если читали одобрение в ее глазах!

Дина Яковлевна была человеком доброй души, отзывчивым и неравнодушным, именно к ней мы обращались за советом, делились своими проблемами. К счастью и после окончания института судьба не раз сводила меня с любимым преподавателем. Воспоминания об этих встречах и по сей день живы в моем сердце. Она для меня целая эпоха и абсолютный авторитет.

Т. В. Дмитриченко (Гидлевская)

ПАМЯТИ С. И. ОРЕХОВА

Профессор кафедры философии Сергей Иванович Орехов родился в 1949 году в поселке Раздольный Красноярского края. В 1968–1970 годах проходил службу в рядах Вооруженных сил, принимал участие в боевых действиях на острове Даманский. После увольнения из армии в 1971 году поступил на философский факультет Уральского государственного университета. После окончания вуза в 1976 году по распределению приехал в Омск, где 32 года проработал на кафедре философии Омского государственного педагогического института. В трудное для науки время с 1992 по 2002 год возглавлял кафедру философии ОмГПУ, стоял у истоков создания философского факультета ОмГПУ.

Сергей Иванович Орехов был одним из ярких представителей омской философской школы. В 2002 году блестяще защитил докторскую диссертацию по теме «Виртуальная реальность: исследование онтологических и коммуникационных основ». За годы научной деятельности опубликовал более 70 научных работ, в том числе моно-

графии: «Поиск виртуальной реальности», «Грани русской философии: поиски смыслов», «Еще раз о познании и вере», был бессменным редактором журнала «Гуманитарные исследования». Под руководством Сергея Ивановича Орехова были подготовлены и защищены одна докторская и две кандидатские диссертации. До последнего времени он являлся научным руководителем десяти аспирантов.

Сергей Иванович Орехов был одним из ведущих профессоров ОмГПУ, оригинальным мыслителем и блестящим лектором. Он удивительным образом сочетал в себе строгость, требовательность, острую ироничность, прагматизм с отзывчивостью, добротой и стремлением помочь в решении сложных профессиональных и жизненных проблем. Его отношения с людьми были открытыми и понятными, его всегда окружали ученики и коллеги. Профессора омских университетов рекомендовали своим аспирантам и сотрудникам побывать на занятиях Сергея Ивановича, и он всегда щедро делился знаниями и опытом. С неподражаемой легкостью он генерировал идеи, ложившиеся в основу научных работ его студентов, аспирантов, докторантов, коллег. Лаконичность, глубина мысли и точность формулировок обеспечили безупречный узнаваемый авторский стиль Сергея Ивановича Орехова.

Друзья, коллеги и ученики с любовью и нежностью хранят память о Сергее Ивановиче Орехове.

Ю. В. Грицков

СЕРДЦЕ ПОД УДАРОМ

Скажи-ка, Орехов, ведь правда недаром
Честное сердце всегда под ударом?
(из стихов на случай)

Трудно, однажды вступив в реку памяти, не утонуть в ней. Вот откуда он такой взялся, этот Орехов? Вырос-то и окончил школу в Ачинске – городишке глубоко провинциальном, основательно пьющем и крепко криминальном. А он уже в десятом классе прочитал всего (!) Чехова, наизусть цитировал целые главы из «Евгения Онегина», начал почитать классиков философии. И всегда в первых рядах: в армии – старшина, в университете – староста и отличник учёбы, лидер по жизни – всегда предельно честный в отношениях, бескорыстно отзывчивый, непоколебимо порядочный.

Всплывают в волнах памяти картинки. Орехова-преподавателя и Орехова-учёного там немного – после университета нас разбросало по разным городам необъятной Сибири. Много Орехова-студента, Орехова-друга, Орехова-человека.

Вот самое, должно быть, раннее воспоминание: оглушительный командирский голос первокурсника философского факультета УрГУ Серёги Орехова (всего несколь-

ко месяцев до того – героического участника событий на о. Даманский), взрывающий тёмную и зябкую тишину раннего утра в студенческой общаге на Большакова, 79: «РОТА-А, П-А-А-ДЪ-ЁМ!!!». После чего обычно большинство населения комнаты, утомившееся всего 3–4 часа назад, снова сладко засыпает, а старшина Орехов неуклонно движется к 9–00 на занятия.

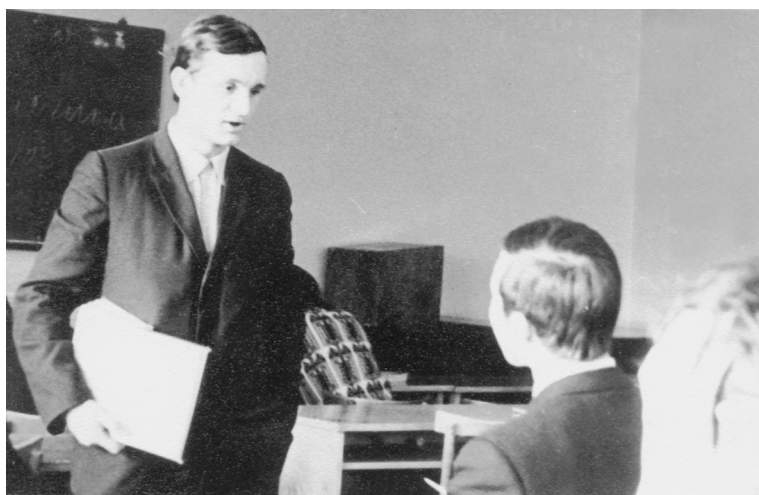
Вот старшекурсник Орехов всё в той же общаге в 3 часа ночи читает вслух «Один день Ивана Денисовича».

Вот он шумно вваливается в комнату в рыжей стройотрядовской бороде и в вылинявшей до неопределённого цвета рубашке и возглашает, что сочинил, наконец, двенадцатый тезис Маркса о Фейербахе!

Вот он, скромный аспирант ЛГУ, принимает гостей из далёкой Сибири в каземате Петропавловской крепости, где снимает комнату (замысловаты и неисповедимы зигзаги наших биографий).

Вот мы ночь напролёт пьём крепкий чай в кочегарке, где подрабатывает аспирант Орехов, обсуждая особенности философского метода крупного русского мыслителя XX века М. С. Паниковского («автореферат диссертации» С. И. Орехова «Проблема Гуса в мировоззрении М. С. Паниковского», написанный для легендарной стенгазеты философского факультета УрГУ «Логос», в редколлегии которой он имел честь и удовольствие состоять).

Вот он объясняет и показывает моей дочери как общаются марсианские рататуи...

Вот Орехов тостующий, сакрально вкушающий дары Бахуса со словами «И его же монахи приемлют...»

Вот он опять – живой, сосредоточенно сопереживающий, говорит: «Ладно, не переживай, всё образуется».

Из-за его отсутствия возникает то чувство, которого он органически не допускал в своём присутствии при любых обстоятельствах, где бы то ни было – чувство *неполноты бытия*. Именно чувство его неукоснительного присутствия среди нас здесь и сейчас я и пытался выловить в мутной реке своей памяти.

С. И. Орехов

«Проблема гуся в мировоззрении М. С. Паниковского»

Автореферат
диссертации на соискание учёной степени
кандидата философских наук
Издательство «ЛОГОС» 1973 год

Это опера, когда я иду на гуся!
«Кармен»!

(Из воспоминаний М. С. Паниковского)

Гусь известен человеку давно. Еще древние римляне использовали гусей в качестве военизированной охраны. В эпоху первоначального накопления и немного позднее гусь выступал эквивалентом для обмена: 1 гусь = 1 кварту пшеницы = 20 аршин холста = 1 библии = 4 галлонам водки.

В современном обществе гусь занимает равноправное место наряду со всеми птицами. В связи с тем, что в философской литературе феномен гуся недостаточно исследован, а монографий, посвященных данной проблеме нет вообще(!), автор предпринял попытку восполнить пробел в науке. То, что эта проблема нуждается в разработке, ясно каждому. Диссертация состоит из двух глав.

1

В первой главе «великий русский мыслитель М. С. Паниковский» излагает собственно учение М. С. Паниковского. Оно возникло под идейным воздействием позднего Канта. Вместе с тем М. С. Паниковский не был ортодоксальным кантианцем. Полемизируя с Кантом, Михаил Самуэлевич остается на материалистических позициях, т. е. «...люди должны иметь возможность жить... но для жизни нужны, прежде всего, пища, питье, жилище, одежда и еще кое-что!»¹ (восклицательный знак мой. – С. О.)

Исходя из этой посылки, М. С. Паниковский отвергает кантовский агностицизм, учение об априорных формах познания и подвергает сокрушительной критике пресловутую Ding an sich (вещь в себе). «Кому нужна такая вещь?» – спрашивает Михаил Самуэлевич. И отвечает: «Никому! Народу это не нужно!»

Вещи существуют сами по себе, в отличие от того, какими они являются для нас. На разработку этой проблемы М. С. Паниковский и сделал упор. В начале своей философской деятельности он еще следует за своим учителем: «Я поеду!»² (т. е. пойду по пути Канта). Но уже в этот период зарождается сомнение в истинности кантианства. Разрыв неизбежен. «Я конвенцию нарушу, я перейду границу [кантианства]»³ – публично отрекается Михаил Самуэлевич от ненаучной философии.

Говоря о непознаваемости «вещи в себе», Кант не ставит никаких границ эмпирическому познанию мира. «Наблюдение и анализ явлений позволяет проникнуть вовнутрь природы и неизвестно, как далеко зайдём мы на

этом пути со временем»⁴. О том, куда можно «зайти», блестяще показывает М. С. Паниковский, будучи в творческой командировке в г. Арбатове. Именно к этому периоду и относится создание основного понятия его философии – Ding – mit – sich (вещь – с – собой)⁵.

В истории философии кантовская «вещь-в-себе» подвергалась сокрушительной критике со стороны 18 тома ПСС. «Решительно никакой принципиальной разницы между явлением и «вещью-в-себе» нет и быть не может». «Есть такая разница!» – заявляет Паниковский, – «Существует не только «вещь-в-себе» (Ding-an-sich), но и «вещь-сама-по-себе» (das Ding-fuer-sich), «вещь-с-собой» (Ding – mit – sich) и «вещь-для-себя» (das Ding-fuer-sich-selbst).

Доказывая эту мысль, Михаил Самуэлевич разработал теорию стадий трансформации Ding-mit-sich⁶, подвергающейся активному воздействию со стороны окружающей среды (Umwelt)⁷. Первоначально (практика вообще по отношению к миру) – «вещь-сама-по-себе» решает себя из самое себя отпустить, т. е. непосредственно перейти в свое чужое, превратиться в «вещь-с-собой», так что в конечном счете она становится «вещь-для-себя», а затем оказывается в форме инобытия. Прохождение всех этих стадий есть движение самой вещи, которая приобретает актом отчуждения. Из высказываний в частных беседах известно, что великий русский гагальянец ставит рядом как синонимы понятия «отделений» и «отчуждение» (Entausserung und Entfremdung).

М. С. Паниковский уходит в сторону от Гегеля и Фейербаха, апеллируя к наиболее ранним стадиям существования человека, когда оно поддерживалось присвоением вещей, уже имевшихся в природе (корешков, моллюсков и др.). Всякое присвоение предполагает, что нечто чужое существует лишь как результат отчуждения от другого человека. *Никто не мог бы существовать, не присваивая чужого.* На этом основании базируется не только все общественное производство, но и обмен духовными ценностями, весь прогресс человечества.

Опираясь на эти выводы, трансматериалист Паниковский построил всю свою теоретическую и практическую деятельность. Данные науки всегда проверяются практикой, опытом. Наука, порвавшая связь с практикой, с опытом – какая же это наука? И Михаил Самуэлевич стремится познать природу вещей. «Пилите, Шура, пилите!» – обращается он к своему идейному сподвижнику (Mitkaempfer) с призывом двигаться от сущности первого порядка к сущности второго порядка.

2

Вторая глава «Гусь и гагальянство» посвящена собственно проблеме гуся. Гусь рассматривается как экстраординарное явление животного мира. Он принадлежит к семейству утиных (Anatidae), отряду гусиных (Anseritormes). В познании этого Паниковский сумел схватить диалекти-

⁴ И. Кант. Критика чистого разума. СПб., 1915. С. 193.

⁵ Впоследствии это учение получило название трансцендентного материализма. Менее известен термин «гагальянство»

⁶ И. Ильф и Е. Петров. Собр. соч. Т. 2. С. 45.

⁷ Там же. С. 45.

¹ К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. Изд. 3-е. Т. 3. С. 26.

² И. Ильф и Е. Петров. Собр. соч. Т. 2. С. 27.

³ Там же. С. 27

ку утино-гусиных не в голой, зряшной форме, а вычленив определенный субстрат. Большинство естествоиспытателей, понимая гуся как субстанцию, считают его раз и навсегда данным, неизменным⁸. Гагальянец М. С. Паниковский дал отпор физическому идеализму и метафизическому материализму, проведя тонкий анализ структурной организации гуся: «Крылышко, шейка, ножка»⁹.

Михаил Самуэлевич вместе с тем понимал, что гусь гусю рознь. Он терпеть не мог гуся-сухоноса (Cugnopsis), который обладает высокой подвижностью и обитает в Восточной Сибири и на Сахалине, холодно относится к индийскому гусю (Culebun). Частный интерес представляли для него голубые гуси (Ptilachte) с Аляски и белые (Chen) из Арктики.

Вся его аксиологическая ориентация была направлена на представителя домашних гусей: «Как я люблю эту птицу. Это дивная жирная птица, честное благородное слово!»¹⁰.

Отстаивая основную гносеологическую позицию материалистов о том, что человек черпает свои материалы из окружающей среды (Umwelt), трансматериалист Паниковский стремится познакомить общество со своими взглядами на практике, изложить их в доступной форме. Но что такое das-Ding-mit-sich для философствующего филистера? Налет трансцендентности испугает и самого смелого метафизика: население толпами преследует нового мессию¹¹.

Но философ настойчиво продолжает свои изыскания. Опережая время, он вплотную подошёл к проблеме датского гуся, но не решил, да и даже не смог бы решить ее в связи с тогдашними материальными и социальными условиями и общим состоянием гагальянства.

Конечно, давая субстанциальную картину мира, ставя в центр всех отношений проблему гуся, М. С. Паниковский несколько абсолютизировал это явление. Но неоспоримой заслугой его является то, что он с научных позиций выступил против идеализма, крайним выражением которого является солипсизм и ортодоксальное кантианство.

Существенным моментом в проблеме гуся является этическая сторона. Будучи человеком кристальной честности («честное благородное слово!»¹², «Я хороший»¹³), простой русский мыслитель М. С. Паниковский не мог обойти эту сторону: апеллируя всегда только к фактам («Поезжайте в Киев и спросите»¹⁴), он и здесь остается не-сгибаемым правдолюбом и гусеборцем. Экспансию агрессии со стороны гуся («Эта птица думает, что она сильнее всех. Она идет на меня и шипит, как граммофон. Он хочет меня укусить»¹⁵) он рассматривает как нарушение элементарных человеческих норм. Гуманист по природе и по убеждениям, М. С. Паниковский отстаивает великое пра-

во – право быть человеком. «Я не робкого десятка – с презрением бросает он в лицо гуся – моральное преимущество на моей стороне»¹⁶.

М. С. Паниковский через всю свою подвижническую жизнь пронес свои нравственные убеждения и сохранил величайшее стремление к познанию das-Ding-an-sich. Не понятый обществом, находясь в состоянии духовной депрессии («Я старый, я больной, мне плохо»¹⁷), Паниковский все-таки предвидел, что потомки по достоинству оценят его учение («Паниковский вас всех переживет»¹⁸). Он умер на чужбине, с полным отсутствием материальных благ (нищета).

В заключение диссертации подчеркивается, что научные воззрения Паниковского в целом сохраняют свою актуальность. Однако его важнейшие выводы и идеи до сих пор неизвестны ряду ученых и широкой общественности.

Все сказанное М. С. Паниковским обязывает каждого образованного человека взять на себя почетную и трудную задачу глубокого всестороннего изучения научной и общественной деятельности этого воинствующего трансматериалиста и выдающегося гагальянца.

1. Гагацкий С. С. Философский лексикон. Т. 1–4. Киев, 1847.

2. Гагацкий С. С. Критика взглядов на философию Канта. Киев, 1961.

3. Гуссерль. Философия как строгая наука. «Логос», 1911. Кн. 1.

4. Гуситские войны. «Воениздат», 1970.

5. Гусенисты и гугеноты // Журнал Московской епархии. 1960. № 4.

6. Гусь – 73. Заметки с международной выставки. «Прогресс», 1973.

7. Коневодство. 1973. № 3.

8. Проблема ценности касательно гуся. Материалы симпозиума руководителей птицеводов. Гусь-Хрустальный, 1953.

9. Shannon F.T. Analyse notion «marasm». Pangunepress, London, 1973.

⁸ См. также нашу статью «Гусь свинье не товарищ» Сб. «О дружбе, товариществе и взаимопомощи». Изд. «Прогресс», 1973. С. 320.

⁹ И. Ильф и Е. Петров. Собр. соч. Т. 2. С. 281.

¹⁰ Там же. С. 281.

¹¹ Там же.

¹² Там же.

¹³ Там же. С. 45.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же. С. 282.

¹⁶ Там же. С. 282.

¹⁷ Там же. С. 285.

¹⁸ Там же. С. 282.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Алексеева Анна Владимировна, Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, кандидат филологических наук, доцент; alexeevaomsu@mail.ru

Баранцева Татьяна Владимировна, Омский государственный педагогический университет, магистрант; kashtanka_90@mail.ru

Бельгибаева Асельжан Манарбековна, Омский государственный педагогический университет, аспирант; asel89-11@mail.ru

Берсенева Татьяна Павловна, Сибирский государственный университет физической культуры и спорта, кандидат философских наук, доцент; taniabers@list.ru

Борейко Татьяна Степановна, Омский государственный педагогический университет, кандидат филологических наук, доцент; tboreyko@mail.ru

Ваганова Ксения Ринатовна, Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, кандидат филологических наук, магистрант; vaganova1988@mail.ru

Валевич Елена Степановна, Омский государственный педагогический университет, кандидат философских наук, доцент; valevich18@yandex.ru

Варова Наталья Леонидовна, Омский государственный педагогический университет, кандидат философских наук, доцент; nvargova@mail.ru

Гидлевский Александр Васильевич, Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, доктор философских наук, профессор; gidlevsky@yandex.ru

Глотова Елена Анатольевна, Омский государственный педагогический университет, кандидат филологических наук, доцент; elena_glotova_62@mail.ru

Гордеева Злата Александровна, Омский государственный педагогический университет, аспирант; inthesky@hotmail.ru

Горнова Галина Владимировна, Омский государственный педагогический университет, доктор философских наук, доцент; gornovagv@yandex.ru

Гребенникова Ольга Михайловна, Омский государственный педагогический университет, кандидат философских наук, доцент; elga78@mail.ru

Грицков Юрий Викторович, Сибирский федеральный университет, доктор философских наук, профессор; grickov50@mail.ru

Денисов Сергей Федорович, Омский государственный педагогический университет, доктор философских наук, заведующий кафедрой философии; denisov.sf@gmail.com

Денисова Любовь Владиленовна, Омская академия МВД России, доктор философских наук, начальник кафедры философии и политологии; denisov.sf@gmail.com

Елисеева Елена Петровна, Омский государственный педагогический университет, кандидат филологических наук, доцент; ep.eliseeva@yandex.ru

Есауленко Лариса Андреевна, Санкт-Петербургский государственный университет культуры и искусств, кандидат филологических наук, доцент; esaulenkolora@mail.ru

Ефанова Лариса Георгиевна, Томский государственный педагогический университет, кандидат филологических наук, доцент; efanova@sibmail.com

Жилина Ульяна Владимировна, Омский государственный педагогический университет, аспирант; ulianazhilina@mail.ru

Здриковская Татьяна Александровна, Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, старший преподаватель; zdrikovskaya@mail.ru

Зенец Нина Геннадьевна, Омская государственная медицинская академия, кандидат философских наук, доцент; kafphil@mail.ru

Зотов Роман Александрович, Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, аспирант кафедры философии; atron91@mail.ru

Кениспаев Жума Кубжасарович, доктор философских наук, профессор; kenispaev@mail.ru

Красноярова Наталья Георгиевна, Омский государственный педагогический университет, кандидат философских наук, доцент; kra-nataliy@yandex.ru

Крылов Юрий Владимирович, Новосибирский государственный педагогический университет, кандидат филологических наук, доцент; fil1972@mail.ru

Маковский Юрий Викторович, Омский государственный педагогический университет, кандидат исторических наук, доцент; muv51@mail.ru

Максименко Людмила Александровна, Омская государственная медицинская академия, доктор философских наук, заведующий кафедрой философии; msw60@yandex.ru

Малышкин Константин Юрьевич, Омский государственный педагогический университет, аспирант; flashbackostya@gmail.com

Мироненко Татьяна Васильевна, Омская государственная медицинская академия, старший преподаватель; kafphil@mail.ru

Михеев Александр Петрович, Омский государственный университет путей сообщения, кандидат исторических наук, доцент; t_ovch@mail.ru

Навойчик Евгения Юрьевна, Омский государственный педагогический университет, кандидат философских наук, доцент; disagree194@yandex.ru

Нефёдова Людмила Константиновна, Омский государственный педагогический университет, доктор философских наук, профессор; konstans50@yandex.ru

Никитина Лариса Борисовна, Омский государственный педагогический университет, доктор филологических наук, профессор; laribn@rambler.ru

Николина Ольга Ивановна, Омский государственный педагогический университет, кандидат философских наук, доцент; nikolinaof@gmail.com

Никонова Марина Николаевна, Омский государственный технический университет, кандидат филологических наук, доцент; mar.nikonowa2011@yandex.ru

Новикова Екатерина Борисовна, Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, кандидат философских наук, старший преподаватель; katika73@yandex.ru

Овчинникова Татьяна Маратовна, Омский государственный педагогический университет, старший преподаватель; t_ovch@mail.ru

Палий Анна Абрамовна, Омский государственный педагогический университет, кандидат филологических наук, доцент; anna_paley@mail.ru

Примаков Евгений Анатольевич, Омский государственный педагогический университет, старший преподаватель; mitina-e@mail.ru

Прихна Лариса Сергеевна, Омский государственный педагогический университет, студент; larisagoryanik@mail.ru

Салимьянова Ирина Викторовна, Омский танковый инженерный институт имени Маршала Советского Союза П. К. Кошерева, кандидат филологических наук, старший преподаватель; irinbogatyreva@yandex.ru

Устинова Татьяна Викторовна, Омский государственный педагогический университет, кандидат филологических наук, доцент; utanja@mail.ru

Федяев Дмитрий Михайлович, Омский государственный педагогический университет, доктор философских наук, проректор по науке ОмГПУ; fedyaev@omgpru.ru

Чуркин Михаил Константинович, Омский государственный педагогический университет, доктор исторических наук, профессор; proffchurkin@yandex.ru

Шпак Екатерина Алексеевна, Омский государственный педагогический университет, студентка; qjkatya@mail.ru

Штегман Елена Александровна, Омский государственный педагогический университет, кандидат филологических наук, доцент; shite-elena@yandex.ru

ВЕСТНИК
ОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ПЕДАГОГИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА.
ГУМАНИТАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Научный журнал

2013. № 1

Редактор *Г. Н. Орлов*
Технический редактор *Д. В. Пискарев*

Подписано в печать 21.11.2013. Формат 60×84/16.
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Печ. л. 17,75. Уч.-изд. л. 23,0.
Тираж 300 экз. Заказ П-1165.

Издательство ОмГПУ.
Отпечатано в типографии ОмГПУ,
Омск, наб. Тухачевского, 14, тел./факс: (3812) 23-57-93